

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 7, №1 2021

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

ТипЛ

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1

Выпуск 7, № 1, 2021

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Держач Светлана Викторовна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань

доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Бурыкин Алексей Алексеевич

д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Викулова Лариса Георгиевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор

д-р филол. наук, профессор им. Джон Матюс Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Лаврилье Александра

д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей

д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна

д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартровский государственный университет)

Селютин Ираида Яковлевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна

канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид

доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг

доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна

д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

email: lingua.amursu.journal@gmail.com

ThAL

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1

Volume 7, Issue 1, 2021

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

UDC 81'23

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_5_12

Asmik A. Avagyan**Russian State University of Tourism and Service,
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation
avagyanasmik@gmail.com****Magomed G. Gazilov, Marina R. Gozalova****Russian State University of Tourism and Service
Moscow, Russian Federation
mag.wizard@yandex.ru, mgozalova@mail.ru**

Language as a form of expressing the national identity: A Russian national character in proverbs

Abstract

The present article contains the results of an analysis of Russian proverbs reflecting some of the most popular traits of character stereotypically attributed to Russian people. The research methodology includes several stages: a selection of 400 Russian proverbs and sayings illustrating different aspects of a Russian national character, a quantitative analysis of data collected, and thematic grouping of 30 proverbs most explicitly pointing to popular stereotypes about Russian people. The theoretical part of the article comprises the definitions of such key concepts as 'nation', 'nationality', 'ethnicity', 'national, civil and ethnic identity', which have been analyzed with reference to other researchers working in this field. The research results have shown that the most popular human qualities of Russian people are religiousness, patience and firmness, diligence and talent, a love for freedom, a will-power and courage, hospitality, generosity and breadth of soul.

Keywords: national identity, nation, the Russian language, national character, proverbs, sayings.

© Avagyan A. A., Gazilov M. G., Gozalova M. R. 2021

For citation: Avagyan, A. A., Gazilov, M. G., Gozalova, M. R. (2021). Language as a form of expressing the national identity: A Russian national character in proverbs. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 5–12. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_5_12.

1. Introduction

Russia is a large country with a diverse ethnic population. Since the notion of national identity is especially relevant to multinational countries, Russia has always been a focus of special attention. For a deeper understanding of the concept and components of a national identity which can be considered to be a part of culture, we have to deal with verbal means of communication and analyze them. This is due to the close connection of language and culture.

Language is often the first thing people face when learning Russian culture or visiting Russia. For this reason, it seems important to show how language reflects the national identity. This will help both language learners in understanding the 'mysterious Russian soul' and native speakers in assessing the amount of linguistic heritage which may serve as a basis for future research in this field.

The present article gives some insight into recent research which aimed to find out the most popular traits of a Russian national character frequently appearing in Russian proverbs. They often have a purely national origin, and to make them internationally understandable, in this research they have been accompanied by author's translation into English. This has been

done in order to demonstrate the stylistics of original sentences which might differ in their English equivalents. After the selection process they have been thematically grouped according to national characteristics they reflect. It is assumed that almost any expectation or stereotype about representatives of a particular nation can be found in their language. The Russian language is not an exception: widely known as one of the richest languages in the world, it has a huge number of proverbs which have made a long way from one generation to another and reached our days.

2. A definition of national identity

The term ‘identity’ is defined by contemporary researchers in many different ways. Obviously, there are even more approaches to defining the term ‘national identity’ which is rather unambiguous. This paper is based on the following definition of national identity: “a realization of identity, a self-defined categorization of a person as a member of a particular ethnic group” [Zheltova, 2003, p. 16]. As we can see, national identity is a reflection of ethnic affiliation which can be viewed both as a pre-defined (in-born) feature and as a matter of one’s self-categorization. In a broader sense, we can also interpret the word *self-defined* as ‘defined by the nation as a whole’. Nevertheless, whatever the interpretation of this word is, the above-mentioned definition explicitly points to the fact that *natsional'nost'* ‘nationality’ and *etnichnost'* ‘ethnicity’ can be interchangeably used in Russian as full synonyms. In contrast, the English terms are clearly distinguished, and the first meaning of ‘nationality’ in Oxford Dictionary is “the status of belonging to a particular nation” [Lexico, 2020], i.e. citizenship, political affiliation while ‘ethnicity’ is defined as “the fact or state of belonging to a social group that has a common national or cultural tradition” [Lexico, 2020].

It is to be noted that national identity is not the same as civil identity. The term ‘national identity’ is used to refer to “a sense of a nation as a cohesive whole, as represented by distinctive traditions, culture, and language” [Lexico, 2020]. Civil identity is usually based on identification with a particular society and a state in general. This term rarely appears in English dictionaries and has the following definition: “the awareness of a person of belonging to a community of citizens of a particular state having a certain personal meaning” [Sotsiologiya, 2020]. Furthermore, national identity (or national self-realization) is not always the same as ethnic identity. The latter is defined as “an individual’s feeling of belonging to a particular ethnic group” [Encyclopedia.com, 2019] while in a multinational country, ‘a national identity’ as a broad term may also include a few ethnicities. For example, the word *Russian* is sometimes applied to Bashkirs, Tatars and other ethnic groups sharing the same geographic area within the country.

3. A definition of nation

For a better understanding of the concept of national identity, the term ‘nation’ needs to be defined. In one of his works, E. Rénan, a famous French philosopher, gives the following definition: “A nation is a soul, a spiritual principle. Two things, which in truth are but one, constitute this soul or spiritual principle. One lies in the past, one in the present. One is the possession in common of a rich legacy of memories; the other is present-day consent, the desire to live together, the will to perpetuate the value of the heritage that one has received in an undivided form” [Rénan, 1887, p. 306]. In this definition, a nation is presented from the philosophical viewpoint and is assumed to serve as a bridge connecting the past and the present. Indeed, nations do not appear in a short period, it does take a long period of history for any group of people to be classified as a nation. Throughout this period, people sharing the same territory, language, and culture contribute to their nation’s history and become a part of it.

Another French researcher G. Noiriél in his paper “À quoi sert l’identité nationale?” (‘What does a national identity serve to?’) points to the fact that the term ‘nation’

is rather unambiguous. He synonymizes such concepts as equity ('la mêmété') and individuality ('l'ipséité'). He notes that equity points to a linguistic unity of all members of a nation (all of them speak French). At the same time, the term 'individuality' emphasizes the common historic background and specific traditions of a French nation and therefore supports a sense of belonging to it [Noiriel, 2007, p. 46]. This is also true in case of the Russian word *natsia* 'nation'. If it is analyzed in relation to other nations, then a comparative analysis takes place showing what distinguishes this nation from others nations or what special features it has. Obviously, in this case language becomes a central feature. However, if nation is analyzed as a whole, then its components (primarily cultural) become the object of analysis. Although there is no explicit link between equity and individuality, we can conclude that they both constitute the term 'nation'.

In 2016, French politicians E. Delbecque and S. Richard in their interview to "Le Figaro" newspaper stated that a national identity was the basis which helped nations to do their best for successful development of their country. These researchers identified the nucleus of a French national and cultural identity. This includes the French language which has one of the most important functions: the function of realization and accepting one's national identity [Delbecque, Richard, 2016].

Russian researchers have also been interested in the concept of a national identity for a long time. We adopt the idea of national identity worked out by [Smirnova, Kiselev, 2006] who contributed to the concept of a multiple identity. It is used when an individual identifies himself or herself not only with one nation. If a society member is attracted by a culture of another nation and (s)he is ready to share it with other representatives, then this society member realizes his/her multiple identity [Smirnova, Kiselev, 2006, p. 12]. Multiple identities are often the case of Russian residents, especially those who live in large cities attracting a lot of international newcomers. In terms of everyday international and intercultural communication and intensive language contacts people might question their former national identities and may be exposed to strong influence of new cultures and partially or fully adopt them. In these cases, language as an integral part of any culture is adopted, too.

The analysis of a multiple identity can also be found in works of Professor V. N. Badmaev. He assumes that there are not only personal and social identities but also territorial, national, cultural, civil and religious identities [Badmaev, 2005, p. 71]. They can be treated as separate types of identities or as different facets of the same identity classified as a multiple one.

Vladimir V. Pozner, a famous journalist and TV reporter, states that "there is nothing more difficult and pointless than attempts to determine external and internal traits typical for a particular nation" [Pozner, 2015, p. 43]. He was born in France, spent his childhood in Russia and now works in Russia still trying to identify himself. In his book "Their Italy", he writes the following: "Can we say that hospitality is one of the traits typical for Russians? Yes, we can. And can we say that hospitality is one of the traits typical for Georgians? Yes, of course. But does it mean that Russians and Georgians are alike?" [Pozner, 2015, p. 43].

There is a terminological difficulty which inevitably occurs when thinking about Russia. It has to do with words *ruskiy* and *rossiyskiy* which have one English equivalent – 'Russian'. Despite this, one of the greatest Russian-speaking people Alexander S. Pushkin who made a significant contribution into the formation of the Russian language often used these two words as full synonyms. However, in this article, we make a distinction between these terms: *russkie* means one ethnicity (nation) while *rossiyane* means several ethnicities (nations) within Russia. As in English, there is no such distinction in the French language: the word *les Français* (French) means both a nation and a nationality (citizenship). Furthermore, despite being representatives of different nationalities all Russian citizens are usually called *russkie* ('Russians') in many other languages. For example, there is a concept *les Russes* (Russians) in French which can be translated into Russian by two different words: *russkie* or

rossiyane. Obviously, this is due to the fact that this word has a meaning which contains a ‘nation-making’ component. Interestingly, in the Russian language, there had been no difference between the two terms under discussion until the 20th century. Thus, these concepts had no verbal distinction. It could have resulted from the difference in spelling of the country’s name: *Rus’* / *Rossiya*.

With its special geographic location and a combination of traits typical for both western and eastern civilizations, Russia has always been a matter of great interest. Nowadays we can notice a growing interest to a national character of the Russian people. In our opinion, this character is reflected in philosophy, art and language which is the best and the brightest expression of national characteristic features. Considering the fact that Russian is, first of all, a language of the Russian people and a means of expressing the Russian national and cultural identity, we aim to present some examples of verbal means of expressing the Russian national identity.

4. The Russian national character

The term ‘national character’ has not yet been unanimously accepted by contemporary scholars. Despite this fact, the majority of them widely agree that there are certain specific codes of behaviour typical for a particular nation. However, this term should not be mixed up with ‘mentality’ which is defined by I. A. Sternin and his school as “a specific way of perception and understanding of reality determined by a set of cognitive stereotypes of conscious characteristics of a certain group of people” [Sternin et al., 2003, p. 24–26]. As we can see, mentality characterizes not only the nation as a whole but also different social groups of people. For this reason, we will apply the term ‘national character’ which seems broader and presents the most popular traits of character often associated by foreigners and locals with Russian people.

‘A mysterious Russian soul’ has been formed under particular historical circumstances being also influenced by a geographic location of the country, its climate and religion. Russians are commonly viewed as exceptionally patient people. They keep patience till last moment, but finally they explode. As Alexander A. Pushkin wrote: “God save us from seeing a Russian revolt, senseless and merciless”.

Russians also tend to be dreamy or even a bit gloomy. It may be connected with severe climate, long cold winter and the lack of sunlight for almost half of the year. Moreover, Russian people consciously bring close the concepts of smile and laugh: ‘A laugh for no reason is a sign of foolishness’, as a popular Russian saying goes.

Additionally, many people think that Russians have such qualities as self-humiliation and underestimation of their merits. They may be connected with an orthodox rule saying that pride is one of the 7 deadly sins that destruct your immortal soul.

5. Russian proverbs

The secrets of a Russian national character could be better understood through Russian proverbs and sayings. Although these terms are often used interchangeably, we will try to make a distinction between them in order to select one type of set expressions subject to further analysis. In this paper, a saying is understood more broadly – as a well-known expression, something that has been said in the past and has become popular being often repeated by common people. In contrast, a proverb is a type of saying containing a wise thought, a piece of advice or a universal value. This distinction is critical for this research which focuses only on proverbs, as they contain deeper ideas expressed more explicitly than sayings. Although Russian phraseology has always been a popular field of study, there are still a lot of understudied aspects in the connection of language and culture subject to

research. This study of proverbs aims to cover one of such aspects and present the results of quantitative analysis showing a relationship between language and national character.

Language is a mirror which reflects not only a real surrounding world of a person but also his/her mentality, representations of peoples about themselves and their picture of the world [Makarova et al., 2018, p. 618]. To see this reflection of a language, we have analyzed about 400 Russian proverbs from one of the largest collections titled “Proverbs and sayings of the Russian people” by V. I. Dal [Dal’, 2000]. From those 400 units, 30 most typical (frequent) ones were selected. In our opinion, the chosen proverbs reflect the most popular traits stereotypically attributed to the Russian character. All of them are accompanied by authors’ translation into English.

They were arranged in 6 groups in accordance with different aspects of Russian national character that they reflect.

Group 1: Religiousness (8 units): *Жить – Богу служить* (‘To live is to serve God’), *Божья рука – владыка* (‘God’s hand is a lord’), *Никто не может, так Бог поможет* (‘Nobody can help, so God will help’), *С Богом пойдёшь, до блага дойдёшь* (‘If you go with God, you will reach good’), *У Бога милости много* (‘God has much favour’), *Бог на милость не убог* (‘God isn’t poor on favour’), *Любящих и Бог любит* (‘God loves those who love God’), *Бог полюбит, так не погубит* (‘If God will love, He won’t ruin’);

Group 2: Patience and firmness (7 units): *Терпение – лучшее спасенья* (‘Patience is better than rescue’), *Терпение даст умение* (‘Patience will bring ability’), *На хотенье есть терпение* (‘If you have a will, have patience’), *Век живи, век надейся* (‘Live and hope’), *Час терпеть, а век жить* (‘Suffer an hour and live for an age’), *Терпя, в люди выходят* (‘Patient people make their way in life’), *Бог даст день, даст и пищу* (‘God will give the day, God will give us food’);

Group 3: Diligence and talent (5 units): *Счастье и труд рядом живут* (‘Happiness and labour live nearby’), *Терпение и труд все перетрут* (‘Patience and labour will do everything’), *Золото познаётся в огне, а человек – в труде* (‘Gold is assessed in fire and a human – in his labour’), *Талант без труда не стоит и гроша* (‘Talent is worth nothing without labour’), *Кто рано встаёт, тому бог даёт* (‘Those who wake up early are blessed by God’);

Group 4: Love for freedom (5 units): *Хоть тяжёлая доля, да всё своя воля* (‘Though a heavy share, but my will for everything’), *Своя воля дороже всего* (‘My own will is the dearest’), *Вольность всего дороже* (‘The liberty is the dearest’), *Воля птичке дороже золотой клетки* (‘The will to a birdie is dearer than a gold cage’), *Своя рука – владыка* (‘My hand is my lord’);

Group 5: Will-power and courage (3 units): *Лучше смерть в бою, чем позор в строю* (‘Better death in a fight than disgrace in order’), *Либо полковник, либо покойник* (‘Either a colonel or a deceased’), *Волков бояться – в лес не ходить* (‘To be afraid of wolves means not to enter a forest’);

Group 6: Hospitality, generosity and breadth of soul (2 units): *Хоть не богат, а гостям рад* (‘Though I am not rich, but glad to the guests’), *Коли есть, что в печи, все на стол мечи!* (‘If there’s something in the furnace, put everything on the table!’).

Judging by the number of proverbs in each group, we can conclude that the most popular traits of the Russian character are religiousness, patience and firmness. Other human qualities commonly attributed to Russians include kindness, compassion, adventurousness and straightforwardness.

As we can see, many popular stereotypes and widely accepted traits of a Russian national character find their reflection in the language. In proverbs, these traits of a national character are often stressed in a very explicit way. If we thoroughly look through all these expressions, we will find at least two language tendencies often typical for Russian phraseology: numerous repetitions of the keywords explicitly pointing to national traits and a frequent use of

either imperatives or nouns which are evident in proverbs on such traits as a will-power and courage. Some other popular phenomena include rhyme and rhythm which allow both native speakers and Russian language learners to recall any set expression simply repeating its rhythmic structure. Furthermore, these six most frequently stressed national character traits are very likely to match popular representations of Russian people by foreigners or, in other words, meet their expectations before they first come across with a new nation.

6. Conclusion

The Russian language is rich with many other set expressions that can be further classified thematically into different groups. Many of them could be borrowed from one language into another, and even a thorough etymological analysis may not lead us to the original source of a particular proverb. Obviously, most of them proclaim human qualities not only reflecting folk wisdom but also focusing on universal values. In this regard, we can conclude that not all of them necessarily show a reflection of everyday behaviour typical for Russian people. Certainly, they should be treated as a means of expressing national identity, but a lot depends on an individual and his / her own (personal) mentality and worldviews. Therefore, it is the language that, above all, contributes to the sense of national identity. It demonstrates characteristic features of people, their lifestyle and a system of values. Indeed, the Russian language is a mirror of Russian identity, and one of the most obvious verbal means of reflecting the national identity is presented by proverbs pointing to the key traits of a nation.

The current study enabled to group Russian proverbs according to the traits they demonstrate and discover the largest groups depending on the number of units included in the group. The quantitative analysis has shown that the most popular traits of Russian national character are religiousness, patience and firmness, diligence and talent, love for freedom, will-power and courage, hospitality, generosity and breadth of soul.

This research contributed to deeper understanding of the fact that language is inseparable from national character and its perception by representatives of other nations (ethnicities). However, proverbs should not encourage to make sweeping generalizations and apply any linguistic unit or set expression to all members of a Russian society. They help to understand them but still imply that there is a space for developing one's own identity which can be extremely complex, multiple and depend on one's own social background or specific worldviews, traits and models of behaviour.

Representatives of other nations can also feel comfortable in Russian culture due to the language. Good knowledge of Russian phraseology which indicates effective acquisition of the Russian language contributes to deep integration of other ethnic groups into the Russian society. Language as a marker of a national identity helps language learners to understand and realize their own identities and the national identity of representatives of other countries. It contributes to forming positive attitudes towards their own nation and other nations, a sense of civil patriotism and a love for their country.

Further research might focus on linguistic analysis of proverbs from lexical or syntactic points of view and could include a comparative analysis of Russian and English (or another language) as a form of expressing national identity. Another possible research direction might employ quantitative analysis based on the frequency of set expressions included into the Russian National corpora and appearing in different genres.

References

- Badmaev, V. N. (2005). *Fenomen natsional'noi identichnosti (sotsio-filosofskii analiz)* [A Phenomenon of a national identity (social and philosophical analysis)]. Volgograd, Elista : Kalmyk Institute of Socioeconomic and Law Research Press. (In Russian).

- Dal', V. I. (2000). *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and Sayings of the Russian people]. Moscow : Eksmo-Press. (In Russian).
- Delbecque, E., Richard, S. (2016). L'identité nationale, tout le monde en parle, mais qu'est-ce que c'est? *Le Figaro*. URL: <<http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2016/10/11/31001-20161011ARTFIG00305-l-identite-nationale-tout-le-monde-en-parle-mais-qu-est-ce-que-c-est.php>>.
- Kiselev, I. Yu., Smirnova, A. G. (2006). *Dinamika obraza gosudarstva v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Dynamics of a country's image in international relations]. St Petersburg: St Petersburg State University Press. (In Russian).
- Makarova, A. I., Gazilov, M. G., Gozalova, M. R. (2018). The issue of unity and diversity of linguistic worldview (on the basis of comparative research of idiomatic phrases of French and Russian languages). *Proc. of the 6th International Multidisciplinary Scientific Conference SGEM 2018, Vol. 5, Issue 3.6* (pp. 617–624). Sofia : STEF92 Technology Ltd.
- Noiriel, G. (2007). *À quoi sert "l'identité nationale"?* Marseille: Éditions Agone.
- Pozner, V. V. (2013). *Ikh Italiya* [Their Italy]. Moscow : AST publ. House. (In Russian).
- Réнан, E. (1887). *Qu'est-ce qu'une nation?* In E. Réнан (Ed.), *Discours et conférences*. (pp. 277–310). Paris : Calmann-Lévy.
- Sternin, I. A., Larina, T. V., Sternina, M. A. (2003). *Ocherk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya* [Essay of the English Communicative Behaviour]. Voronezh : Istoki Press. (In Russian).
- Zheltova, N. Yu. (2003). *Proza E. I. Zamyatina: puti khudozhestvennogo voploshcheniya russkogo natsional'nogo kharaktera* [E. I. Zamyatin's prose: Methods of artistic embodiment of a Russian national character]. Tambov : Tambov State University Press. (In Russian).
- Encyclopedia.com. The World's #1 Online Encyclopedia. (2019). Oxford University Press ; Columbia University Press ; Cengage. Retrieved from <<https://www.encyclopedia.com/medicine/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/ethnic-identity>>.
- Lexico (2020). Oxford English and Spanish Dictionary, Thesaurus, and Spanish to English Translator. Retrieved August 5, 2020 from <<https://www.lexico.com/>>.
- Sotsiologiya: Entsiklopediya [Sociology: Encyclopedia]. (2020). Akademik [Academician]. Retrieved August 5, 2020 from <https://sociology_encyclopedia.academic.ru/>.

УДК 81'23

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_5_12

Авагян Асмик Арменовна
Российский государственный университет туризма и сервиса,
Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация
avagyanasmik@gmail.com

Газилев Магомед Газилевич, Гозалова Марина Робертовна
Российский государственный университет туризма и сервиса
Москва, Российская Федерация
mag.wizard@yandex.ru, mgozalova@mail.ru

Язык как форма выражения национальной идентичности: русский национальный характер в пословицах

Аннотация

Статья содержит результаты анализа русских пословиц, отражающих некоторые распространённые стереотипные черты русского характера. Методология исследования включает в себя несколько этапов: выборка 400 русских пословиц и поговорок, иллюстрирующих различные стороны русского национального характера, количественный анализ собранного материала и тематическая группировка 30 пословиц,

наиболее ярко отражающих стереотипы о русском народе. В теоретической части статьи приводятся определения таких ключевых понятий, как «нация», «национальность», «этничность», «национальная, гражданская, этническая идентичность», которые были проанализированы с привлечением результатов предшествующих исследований в данном направлении. Результаты исследования показали, что наиболее распространённые черты характера русского народа – религиозность, терпение и решительность, трудолюбие и талант, свободолюбие, сила воли и смелость, гостеприимство, щедрость и широта души.

Ключевые слова: национальная идентичность, нация, русский язык, национальный характер, пословицы, поговорки.

© Авагян А. А., Газилов М. Г., Гозалова М. Р. 2021

Для цитирования: Avagyan A. A., Gazilov M. G., Gozalova M. R. Language as a form of expressing the national identity: A Russian national character in proverbs // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 5–12. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_5_12.

Список литературы

- Бадмаев, 2005 – Бадмаев В. Н. Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ). Волгоград-Элиста: Калмыцкий институт социально-экономических и правовых исследований, 2005. 280 с.
- Даль, 2000 – Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 608 с.
- Delbecque, Richard, 2016 – Delbecque, E., Richard, S. L'identité nationale, tout le monde en parle, mais qu'est-ce que c'est? // Le Figaro/ 2016. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2016/10/11/31001-20161011ARTFIG00305-l-identite-nationale-tout-le-monde-en-parle-mais-qu-est-ce-que-c-est.php>.
- Киселев, Смирнова, 2006 – Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 375 с.
- Макарова и др., 2018 – Макарова А. И., Газилов М. Г., Гозалова М. Р. Проблема единства и разнообразия языковой картины мира (на основе сравнительного исследования идиоматических выражений французского и русского языков) [The issue of unity and diversity of linguistic worldview (on the basis of comparative research of idiomatic phrases of French and Russian languages)] // Материалы 6-й междунар. междисциплинарной науч. конф. SGEM 2018. Т. 5 (3.6). София: STEF92 Technology Ltd, 2018. С. 617–624.
- Noiriel, 2007 – Noiriel, G. À quoi sert "l'identité nationale"? Marseille: Éditions Agone, 2007. 154 p.
- Познер, 2013 – Познер В. В. Их Италия. М.: АСТ, 2013. 320 с.
- Réнан, 1887 – Rénan, E. Qu'est-ce qu'une nation? // Discours et conférences / Ed. by E. Rénan. Paris: Calmann-Lévy, 1887. P. 277–310.
- Стернин и др., 2003 – Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. 183 с.
- Желтова, 2003 – Желтова Н. Ю. Проза Е. И. Замятина: пути художественного воплощения русского национального характера. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. 184 с.
- Encyclopedia.com, 2019 – Encyclopedia.com. The World's #1 Online Encyclopedia. Oxford University Press; Columbia University Press; Cengage, 2019. URL: <https://www.encyclopedia.com/medicine/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/ethnic-identity>.
- Lexico, 2020 – Lexico. Oxford English and Spanish Dictionary, Thesaurus, and Spanish to English Translator. URL: <https://www.lexico.com/> (дата обращения: 05.08.2020)
- Социология, 2020 – Социология: Энциклопедия // Академик. URL: https://sociology_encyclopedia.academic.ru/ (дата обращения: 05.08.2020).

УДК 81'27

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_13_21

Викулова Лариса Георгиевна, Агеева Наталия Сергеевна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
vikulovalg@mail.ru, ageevans@mgpu.ru

Формирование сетевой идентичности японского университета Цукуба в мультязычном медийном пространстве

Аннотация

В исследовании выявляются основные факторы формирования сетевой идентичности современного университета и его репрезентации в медийном дискурсе. В качестве объекта исследования анализируется официальный сайт японского Университета Цукуба, представленный на японском и английском языках. Университет Цукуба рассматривается как модель университета-корпорации, активно реализующего миссию 3.0. Университетский сайт определяется как комплекс продвигающих текстов, являющихся важным ресурсом для конструирования университетского бренда и позиционирования университета в международном образовательном пространстве. Сравнительный анализ архитектуры сайта, его миссии на английском и японском языках позволил определить роль фактора адресата в сетевой коммуникации. Результаты исследования показывают, что на сайте университета используются различные средства конструирования целевой аудитории, чей имиджевый портрет определяется лингвокультурной принадлежностью.

Ключевые слова: университетская идентичность, миссия 3.0, бренд университета, веб-сайт вуза, локализация.

© Викулова Л. Г., Агеева Н. С. 2021

Для цитирования: Викулова Л. Г., Агеева Н. С. Формирование сетевой идентичности японского университета Цукуба в мультязычном медийном пространстве // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 13–21. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_13_21.

1. Введение [Introduction]

В современном мире, характеризующемся переломными моментами цивилизационного плана, особое значение приобретает изучение основ формирования общества, роли информационных технологий и новых дискурсивных практик социального взаимодействия, в том числе в образовательной сфере. Современные университеты активно инкорпорируют в свою деятельность информационные технологии в целях разработки инновационных образовательных и научно-исследовательских программ, совершенствования практики преподавания, интернационализации высшего образования, а также формирования собственной идентичности в медиaprостранстве [Zheltukhina e.a., 2016, p. 10413–10415].

Наличие рынка образовательных услуг влечёт за собой потребность в рекламе и адекватной организации взаимодействия с заинтересованным сообществом в рамках учреждения в виде ежегодного набора абитуриентов, профориентационных мероприятий, консультационных услуг, системы тестирования [Щепилова и др., 2017, с. 69]. Веб-сайты и социальные сети способны в полной мере удовлетворить данную потребность, поскольку сетевой маркетинг позволяет эффективно решать такие бизнес-задачи, как привлечение внимания к бренду, продвижение имиджевой информации, формирование общественного мнения пользователей о товарах или услугах [Chernyavskaya, Safronenkova, 2019, p. 1823]. Позиционирование современного университета не только

отражает определённую социальную практику и интересы социальной группы, формирующей эту практику, но и активно участвует в её конструировании [Чернявская, Жаркынбекова, 2019, с. 306].

Ц е л ь настоящего исследования – рассмотреть университетский сайт как важный ресурс конструирования сетевой идентичности и продвижения университетского бренда. Объектом исследования является Интернет-дискурс институционального уровня коммуникации, представленный сайтом Университета Цукуба. М а т е р и а л о м для анализа послужил структурированный контент двух версий сайта на японском и английском языках, а именно: тексты миссии и другие тексты, отражающие стратегичность и целеполагание университета, направленные на его маркетинговую, самопрезентацию и ценностные ориентиры.

В общем смысле университетский сайт представляет собой аналитический способ отражения действительности, заключающийся в структурированном представлении релевантной для адресата информации об университете и его деятельности [Сулейманова и др., 2017, с. 141]. В проблематике настоящего исследования сайт выступает как коммуникативная единица, которая обладает системой релевантных вербальных и невербальных средств оптимизации информации и служит целям эффективного воздействия на целевую аудиторию: привлечь внимание потребителя, сформировать определённое эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации, побудить к определённому действию [Ухова, 2012, с. 72]. Таким образом, в рамках коммуникативного пространства сайта между адресантом и целевой аудиторией выстраивается медийный диалог, направленный на формирование аттрактивного имиджевого портрета университета. И м и д ж е в ы й п о р т р е т представляет собой информационный образ, полностью зависящий от источника информации, в частности, от отбора фактов для освещения, способов подачи информации, степени подробности описания [Белоусов, Зелянская, 2008, с. 2].

Основная роль в конструировании сетевой идентичности университета отводится семиотическим средствам; акцент ставится на том, что система высказываний отражает сложную систему отношений в социальной проекции [Chernyavskaya, Safronenkova, 2019, p. 1820]. В связи с этим для анализа был выбран смысловой блок сайта Университета Цукуба *Общая информация об университете* 大学案内.

Для сопоставления структур двух версий сайта на японском и английском языках был использован сравнительный метод. Для комплексного функционально-семантического анализа текста использованы метод контент-анализа в сочетании с контекстуально-интерпретативным анализом. Важно отметить, что работа с контекстом предполагает ограничение в анализе потенциально бесконечного числа экстралингвистических факторов и сосредоточение на релевантных для интерпретации целеполагания университета смыслах.

2. Сравнительный анализ двух версий сайта Университета Цукуба [Comparative analysis of two versions of the Tsukuba University website]

Японский Университет Цукуба, официальное название которого – «Национальная университетская корпорация» (国立大学法人), является моделью современного вуза-предпринимателя, активно реализующего миссию 3.0. Эта миссия направлена на создание экономики знаний, в рамках которой университет может взаимодействовать с обществом не иначе, как на условиях товарно-денежного обмена производимых им продуктов [Щелкунов, 2017, с. 189].

Университет представляет собой кластер междисциплинарных научно-исследовательских центров, занимая ведущие позиции в национальных и международных

рейтингах высшего образования. Так, по версии Quacquarelli Symonds (QS), в 2019 году университет занял 270-е место среди лучших вузов мира [Top Universities, 2019].

Университет был учреждён в 1973 году после того, как Токийскому педагогическому университету был предоставлен кампус в районе города Цукуба, префектура Ибараки. В том же году была разработана инновационная концепция развития, совершенно нехарактерная для учреждений высшего образования Японии того времени. Целью данной концепции была трансформация вуза в многопрофильный университет путём реформирования административного аппарата, разработки междисциплинарных образовательных программ, повышения степени узнаваемости университетского бренда за рубежом.

Активная международная деятельность стала особенностью Университета Цукуба, выделяющей его среди других японских вузов. Университет является участником национального проекта Global 30, учрежденного японским Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий, который обеспечивает финансовую поддержку международных инициатив высшего образования. В рамках данного проекта Университет Цукуба увеличивает количество программ, реализуемых на английском языке, разрабатывает ресурсы поддержки иностранных студентов, привлекает к преподаванию иностранных профессоров, создаёт международные научно-исследовательские сообщества и открывает собственные представительства в зарубежных вузах-партнерах. По данным на 2019 год, Университет Цукуба имеет зарубежные представительства в Китае, Малайзии, Индонезии, Вьетнаме, Бразилии, Тунисе, США, Германии, Франции, Узбекистане, Казахстане.

В связи с необходимостью информирования зарубежной целевой аудитории о деятельности и возможностях, предоставляемых университетом, была разработана версия университетского сайта на английском языке. Важную роль в создании иноязычной модели сайта играет локализация. Под л о к а л и з а ц и е й понимается процесс лингвокультурологической адаптации контента и структуры сайта, в котором ключевым фактором является адресат как носитель уникального языка и культуры [Alhott et al., 2010, p. 8]. Целью этого процесса является обеспечение коммуникативной равноценности и адекватности воздействия на иноязычную целевую аудиторию. Соответствие культурным и социальным категориям той среды, которой адресован сайт, является важным параметром обеспечения целостности текстового пространства сайта [Рянская, Савелова, 2018, с. 590]. Таким образом, эффективные стратегии локализации предполагают, с одной стороны, сохранение узнаваемости университетского бренда, архитектоники сайта и системности представления информации, с другой – переосмысление контента с учётом уникальных характеристик целевой аудитории [Fletcher, 2006, p. 260]. Сравнительный анализ двух версий сайта университета позволяет понять, как учитываются лингвокультурологические факторы при продвижении университетского бренда за рубежом.

В результате анализа было выявлено, что сетевая идентичность Университета Цукуба формируется как отражение восточной и западной картин мира. Картина мира определяется как ментальная репрезентация культуры, совокупность организованных в некоторую систему всех знаний о мире членами того или иного этноса [Жукова и др., 2013 с. 151]. В целях обеспечения эффективной коммуникации адресант должен обязательно учитывать особенности языка и картины мира различных групп целевой аудитории [Suleimanova e.a., 2019, p. 1927].

Восточная и западная картины мира характеризуются такими широко известными дихотомиями, как коллективизм и индивидуализм, иерархичность и эгалитаризм, скрытность и прямолинейность. Восточную и западную культуры часто сопоставляют в виде иерархической пирамиды потребностей. Для представителей западной культуры верхушку пирамиды занимают личные потребности, например, стремление к реализа-

ции собственного потенциала, ниже следуют социальные потребности – престиж и востребованность в обществе. Для представителей восточной культуры на первом месте находятся социальные потребности – наличие статуса и чувства принадлежности к группе, а личные запросы отходят на второй план [Fletcher, 2006, p. 264]. Данные различия проиллюстрированы в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. **Общая информация об университете**
[Table 1. **General information about university**]

	Японоязычная версия 大学案内 (Общая информация об университете)	Англоязычная версия About University
1	学長室 (Ректорат)	Concept
	学長からのメッセージ (Обращение ректора) 学長所信表明 (Речи ректора по различным случаям) 学長対談 (Интервью с ректором) 歴代学長 (Список предыдущих ректоров университета)	Mission statement International strategy School emblem
2	大学概要と基本情報 (Коротко об университете: основная информация)	Unique Tsukuba
	筑波大学のブランディング (Брендинг Университета Цукуба) 筑波大学ブランディングについて (О бренде) ブランドアイデンティティ (Фирменный стиль) ブランドコンセプト (Концепция) ブランドスローガン (Слоган) ブランドメッセージ (Гимн) 筑波大生デジタルフォトコンテスト (Студенческий конкурс цифровых фотографий)	Imagine the future Campus on Tsukuba Science City Class System and Support System organized by Faculty Members

На первой позиции в японской версии сайта находится рубрика Ректорат 学長室, включающая обращение ректора 学長からのメッセージ, речи ректора по различным случаям 学長所信表明, интервью с ректором 学長対談, список предыдущих ректоров университета 歴代学長. Подробное представление информации о руководстве связано с тем, что в японской национальной культуре ключевое место занимает принцип иерархии, на протяжении веков поддерживающий чёткую организацию японского общества [Бенедикт, 2014, с. 34]. Ректор является «лицом» университета, его статус – важная составляющая имиджевого портрета университета.

В версии сайта на английском языке на первой позиции расположена рубрика *Concept*, где представлены логотип вуза, информация о миссии университета и стратегии международного развития. Такая структура позволяет утверждать, что для западной аудитории миссия является значимым фактором, в той же мере конструирующим идентичность университета, что и образ руководителя для японцев.

В текстах миссии англоязычной версии сайта университет определяет следующие цели и задачи [Tsukuba, 2020]:

(1) *Actively expand interdisciplinary and integrative approaches to education research, further specialized expertise and produce distinguished research* – 'Активное развитие междисциплинарного и интегративного подходов к исследованиям в области образования, расширение и специализация экспертных областей, производство выдающихся научных результатов'¹.

(2) *Provide an environment that allows future leaders to realize their potential in full and gives them the opportunity to develop their individuality and skills through education that is backed by cutting-edge research* – 'Обеспечение будущим лидерам такого образователь-

¹ Здесь и далее перевод на русский язык выполнен авторами статьи.

ного пространства, которое позволит им наиболее полно реализовать свой потенциал, а также предоставит возможность развития индивидуальных способностей и навыков благодаря образованию, основанному на новейших научных разработках'.

(3) *Promote collaboration among industry, academia and government, and actively contribute to society while continuing to strengthen our education and research capacity – 'Содействие сотрудничеству в области промышленности, высшего образования и государственного управления, поддержка социальных инициатив наряду с развитием образовательного и научно-исследовательского потенциала'.*

(4) *Promote basic and applied researches with scientific and social values, and researches contributing to the inheritance of science and culture to the next generation – 'Поддержка фундаментальных и прикладных научных исследований, имеющих научную и социальную значимость, а также исследований, направленных на обеспечение преемственности достижений науки и культуры для будущих поколений'.*

(5) *Become a university with high international reputation and influence by actively promoting world-class education and research activities and collaborative interaction – 'Приобретение безупречной международной репутации и влияния путем реализации высококласной научно-педагогической деятельности и взаимодействия в совместных проектах'.*

Насыщенность аттрактивными языковыми средствами не оставляет сомнений в том, что тексты миссии являются ключевым фактором самопрезентации вуза и формирования привлекательного имиджевого портрета. В данном случае степень аттрактивности повышается за счёт, во-первых, обращения к аксиологически значимым концептам и установкам: *actively contribute to society; scientific and social values; inheritance of science and culture; future leaders*; во-вторых, к лексике, характеризующей так называемые мегатренды, отражающие мировые тенденции в презентации вуза: *interdisciplinary; integrative; collaboration; collaborative interaction*; в-третьих, использования качественных прилагательных с мелиоративной оценочной семантикой: *cutting-edge; high (international reputation and influence); world-class*.

Анализ данных текстов показал, что университет позиционирует себя как активный субъект общественного влияния, который вносит вклад в экономическое, политическое, социальное и культурное развитие страны (ср.: *allows future leaders to realize their potential in full; develop their individuality and skills; promote collaboration among industry, academia and government; actively contribute to society; contributing to the inheritance of science and culture to the next generation*).

Примечательно, что тексты, напрямую отражающие миссию университета, отсутствуют в японской версии сайта. Отметим, что раздел, посвящённый идентичности университета, появился на сайте только в конце 2019 года. Это свидетельствует о возрастающей актуальности продвижения университетского бренда на национальном рынке образовательных услуг. Данный раздел включает информацию об истории и концепции бренда университета, описание фирменного стиля, изображение логотипа, запись гимна, слоган, фотографии, победившие в студенческих конкурсах.

Корпоративный бренд определяет визуальный и психоэмоциональный образ университета в сети и способствует повышению узнаваемости университета в медийном пространстве [Stack, 2016, p. 19]. Стратегия брендинга направлена на репутационное информирование целевой аудитории, поддержание её лояльности [Маркетинговая лингвистика, 2019, с. 15]. В Японии корпоративный бренд зачастую является и личным брендом. Так, при знакомстве с японцем одним из первых вопросов будет *大学は何でしょうか* (Где вы учились?). Знание этой информации позволяет японцу определить социальное положение человека, круг его знакомств и примерный уровень дохода. Отметим, что американские психологи указывают на социогенный мотив,

создающий положительный прагматичный фон, в частности, любопытство, надёжность и достоинство, образованность и информативность, одобрение со стороны общества, превосходство над другими [Luntz, 2007, p. 301]. Эти мотивы реализуются с помощью средств, способных перехватить внимание прохожего, 'присоединить' его к известному бренду, эпатировать, «соблазнить».

Важной составляющей корпоративного бренда является герб университета как знак институциональности. Для Университета Цукуба это стилизованный цветок павлонии – растения, которое традиционно использовалось в качестве герба в семьях японских аристократов. Так, двенадцатилепестковая павлония была гербом императора Мэйдзи (1868–1912) – ключевой фигуры японских реформ второй половины XIX века. В 1888 году администрация Токийского педагогического университета обратилась к императору за высочайшим позволением использовать павлонию в качестве своей эмблемы, уважительно сократив при этом количество лепестков до восьми [Tsukuba, 2020]. Эмблема стала официальным символом нового кампуса университета, учреждённого в г. Цукуба в 1973 году. Имплицитный посыл эмблемы как социокультурного компонента исторической преемственности заключается в утверждении преемственности университетского образования: от императорской геральдики к идентификационному знаку приерженности университета государственным приоритетам.

В версии сайта на английском языке информацию об университетском бренде содержит раздел *Unique Tsukuba* на второй позиции меню. Здесь представлены преимущества вуза, в частности, уникальная концепция *Imagine the Future*, направленная на трансформацию вуза в научно-исследовательскую корпорацию.

Заметим, что в версии на японском языке рубрика *Преимущества* отсутствует, что можно объяснить присущим японской культуре концептом скромности. Так, в японском языке есть грамматическая категория вежливости, которая выражается в том числе скромно-почтительным или «уничижительным» стилем речи *кэндзё:го* 謙讓語 [Лаврентьев, 2002, с. 325]. Например, в беседе о своём сыне японец употребит слово 愚息, буквально переводимое как «мой глупый сын»; в разговоре о компании, в которой работает, скажет 弊社, где первый иероглиф означает «плохой». Таким образом, японская лингвокультурологическая парадигма не позволяет в явной форме представлять на сайте информацию о преимуществах университета.

3. Заключение [Conclusion]

Общий вывод проведённого исследования заключается в том, что университетский сайт является важным продвигающим ресурсом, активно используемым для позиционирования университета в медийном пространстве и формирования собственной сетевой идентичности.

Контент-стратегия сайта Университета Цукуба, в первую очередь, ориентирована на адресата, поскольку формат и способы представления информации различаются и учитывают лингвокультурологические характеристики целевой аудитории. Наиболее ярко данные различия проявляются в способах представления университетской идентичности. Социолнгвистические изменения эпохи глобализации проявляются в создании инновационных способов символизации реальности. Для японской аудитории корпоративный бренд формируется как комплекс креативных образов: изображение логотипа, описание визуального стиля, аудиозапись гимна, фотографии, осмысляющие символику университета. Для англоязычного адресата акцент ставится на текстовом компоненте: представлены тексты миссии и стратегии развития, тексты, описывающие достижения и преимущества университета.

Определены основные методы локализации сайта – реструктурирование и опущение. Метод реструктурирования предполагает размещение информации на сайте в соответствии с приоритетами, характерными для картины мира адресата. Метод опущения заключается в отказе от нерелевантных рубрик с целью поместить на первый план информацию, имеющую для адресата наибольшую аттрактивную силу.

С целью формирования привлекательного имиджевого портрета университета адресант использует как лингвистические, так и экстралингвистические средства. Думается, что интенция медиаторов сайта университета на профилирование объекта через иноязычное «облачение» сообщения предполагает использование стратегии повышения аксиологического статуса, т. е. связывается с таким ценностным ориентиром, как престижность. При этом реализованный в рамках контента аттрактивный компонент апеллирует к самобытным лингвокультурологическим реалиям, свойственным только носителям данного языка.

Список литературы

- Белоусов, Зелянская, 2008 – Белоусов К. И., Зелянская Н. Л. Маркетинговое исследование в области индустрии знаний – составление имиджевого портрета высшего учебного заведения (на примере Оренбургского государственного университета) // Артмаркетинг. 2008. № 5. С. 2–21.
- Бенедикт, 2014 – Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2014. 256 с.
- Жукова и др., 2013 – Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н. Г. Юзефович. М. : Флинта : Наука, 2013. 629 с.
- Лаврентьев, 2002 – Лаврентьев Б. П. Практическая грамматика японского языка. М. : Живой язык, 2002. 352 с.
- Маркетинговая лингвистика, 2019 – Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / отв. ред. Л. Г. Викулова, Е. Г. Борисова. М. : Флинта, 2019. 164 с.
- Рянская, Савелова, 2018 – Рянская Э. М., Савелова Ю. К. Формирование целостности текстового пространства сайта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). Ч. 3. С. 589–593.
- Сулейманова и др., 2017 – Прагматическая адаптация контента сайта университета как средство мотивации адресата / О. А. Сулейманова, А. В. Щепилова, Н. Н. Беклемешева, М. А. Фомина // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкознание. 2017. Т. 16. № 4. С. 137–149.
- Ухова, 2012 – Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста. Ярославль : ЯГПУ, 2012. 375 с.
- Чернявская, Жаркынбекова, 2019 – Чернявская В. Е., Жаркынбекова Ш. К. Языковое и социальное конструирование идентичности национального университета: на материале миссий российских и казахстанских университетов // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. : Язык и литература. 2019. № 16 (2). С. 304–319.
- Щелкунов, 2017 – Щелкунов М. Д. Университеты нового поколения // Вестник ТИСБИ. 2017. № 2. С. 15–26.
- Щепилова и др., 2017 – Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе / А. В. Щепилова, О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, А. А. Водяницкая // Вестник МГПУ. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 68–82.
- Alhorr et al., 2010 – Alhorr H., Kim S., Singh N. E-commerce on the global platform: strategic insights on the localization-standardization perspective // Journal of Electronic Commerce Research. 2010. No 11 (1). URL : https://www.researchgate.net/publication/266356457_E-commerce_on_the_global_platform_strategic_insights_on_the_localization-standardization_perspective (дата обращения : 25.04.2020).
- Chernyavskaya, Safronenkova, 2019 – Chernyavskaya V. E., Safronenkova E. L. Towards constructing identity of a national university: “our past” at the websites of russian universities // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. : Гуманитарные науки. 2019. Т. 12. № 10. С. 1819–1839.
- Fletcher, 2006 – Fletcher R. The impact of culture on web site content, design, and structure: An international and a multicultural perspective // Journal of Communication management. 2006. No 10/3. P. 259–273.

- Luntz, 2007 – Luntz F. Words that work. It's not what you say, it's what people hear // New York : Kindle Edition, 2007. 717 p.
- Stack, 2016 – Stack M. Global university rankings and the mediatization of higher education. Hampshire : Palgrave Macmillan, 2016. 149 p.
- Suleimanova et al., 2019 – Promoting communication strategies in the educational environment for professional purposes / O. A. Suleimanova, V. Yaremenko, M. A. Fomina, A. A. Vodyanitskaya // INTED2019 Proc. 13th International Technology, Education and Development Conference. Valencia, Spain. 11–13 March. IATED, 2019. P. 1927–1931.
- Top universities, 2019 – Quacquarelli Symonds world university rankings. URL : <https://www.topuniversities.com/universities/university-tsukuba#888193> (дата обращения : 25.04.2020).
- Tsukuba, 2020 – University of Tsukuba website. URL : <https://www.tsukuba.ac.jp> (дата обращения : 25.04.2020).
- Zheltukhina et al., 2016 – Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect / M. R. Zheltukhina, L. G. Vikulova, E. F. Serebrennikova, S. A. Gerasimova, L. A. Borbotko // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No 17, P. 10413–10422.

UDC 81'27

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_13_21

Larisa G. Vikulova, Natalia S. Ageeva
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
 vikulovalg@mail.ru, ageevans@mgpu.ru

Constructing the digital identity of University of Tsukuba, Japan, in the multi-language media space

Abstract

The research defines the key factors of shaping a digital identity of a modern university and its representation in media discourse. The object of analysis is the official website of University of Tsukuba designed in Japanese and English. University of Tsukuba functions as a model of a university-corporation and actively implements mission 3.0. in its practices. A university website is viewed as an ensemble of promotion texts that are applied as a tool for promoting the university brand and positioning a university in the international educational space. The comparative analysis of the website architecture and mission of the university in English and Japanese reveals the key role of the addressee in digital communication. It was discovered that the university website uses various means of defining the target audience constructing its image portrait based on certain linguistic and cultural characteristics.

Keywords: university identity, mission 3.0, university brand, university website, localization.

© Vikulova L. G., Ageeva N. S. 2021

For citation: Vikulova, L. G., Ageeva, N. S. (2021). Formirovanie setevoy identichnosti yaponskogo universiteta Tsukuba v mul'tiyazychnom mediynom prostranstve [Constructing the digital identity of University of Tsukuba, Japan, in the multi-language media space]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 13–21 . doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_13_21.

References

- Belousov, K. I., Zelyanskaya, N. L. (2008). Marketingovoe issledovanie v oblasti industrii znanij – sostavlenie imidzhevogo portreta vysshego uchebnogo zavedeniya (na primere Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta) [The marketing research in the field of knowledge industry – constructing an image portrait of a higher educational institution (Case study of Orenburg State University)]. *Artmarketing*, 5, 2–21.

- Benedikt, R. (2014). *Khrizantema i mech. Modeli yaponskoy kul'tury* [The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture]. Moscow : Tsentr gumanitarnykh initsiativ Press.
- Zhukova, I. N., Lebed'ko, M. G., Proshina, Z. G., Yuzefovich, N. G. (2013). *Slovar' terminov mezhkul'turnoy kommunikatsii* [The dictionary of crosscultural communication terms]. Moscow : Flinta Press : Nauka Press.
- Lavrent'ev, B.P. (2002). *Prakticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [The practical grammar of the Japanese language]. Moscow : Zhivoy yazyk Press.
- Vikulova L. G., Borisova, E. G. (Eds). (2019). *Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushchego teksta* [Marketing Linguistics. The patterns of promotion text]. Moscow : FLINTA Press.
- Ryanskaya, E. M., Savelova, Y. K. (2018). Formirovanie tselostnosti tekstovogo prostranstva sayta [Formation of integrity of the site text space]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 12 (90), 3, 589–593.
- Suleymanova, O. A., Shchepilova, A. V., Beklemesheva, N. N., Fomina, M. A. (2017). Pragmaticheskaya adaptatsiya kontenta sayta universiteta kak sredstvo motivatsii adresata [University web-site's pragmatical adaptation as an addressee's motivator]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 16 (4), 137–149.
- Ukhova, L. V. (2012). *Effektivnost' reklamnogo teksta: monografiya* [The efficiency of commercial text]. Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University Press.
- Chernyavskaya, V. E., Zharkynbekova, S. K. (2019). Yazykovoie i sotsial'noe konstruirovaniie identichnosti natsional'nogo universiteta: na materiale missiy rossiyskikh i kazakhstanskikh universitetov [Linguistic and social construction of National University identity: Kazakh and Russian universities' mission statements]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]. 16 (2), 304–319.
- Shchelkunov, M. D. (2017). Universitety novogo pokoleniya [New Generation Universities]. *Vestnik TISBI*, 2, 15–26.
- Shchepilova, A. V., Suleymanova, O. A., Fomina, M. A., Vodyanitskaya, A. A. (2017). Uchet faktora adresata v sovremennom obrazovatel'nom diskurse [Target Audience in Contemporary Educational Discourse]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoie obrazovanie* [Vestnik of Moscow City University. Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»], 3 (27), 68–82.
- Alhorr, H., Kim, S., Singh, N. (2010). E-commerce on the global platform: strategic insights on the localization-standardization perspective. *Journal of Electronic Commerce Research*, 11 (1). Retrieved April 25, 2020 from <https://www.researchgate.net/publication/266356457_E-commerce_on_the_global_platform_strategic_insights_on_the_localization-standardization_perspective>.
- Chernyavskaya, V. E., Safronenkova, E. L. (2019). Towards constructing identity of a national university: “our past” at the websites of Russian universities. *Zhurnal Sibir'skogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [The Journal of Siberian Federal University. Series: The Humanities], 12 (10), 1819–1839.
- Fletcher, R. (2006). The impact of culture on web site content, design, and structure: An international and a multicultural perspective. *Journal of Communication management*, 10/3, 259–273.
- Luntz, F. (2007). *Words that work. It's not what you say, it's what people hear*. New York : Kindle Edition.
- Stack, M. (2016). *Global university rankings and the mediatization of higher education*. Hampshire : Palgrave Macmillan.
- Suleimanova, O. A., Yaremenko, V., Fomina, M. A., Vodyanitskaya, A. A. (2019). Promoting communication strategies in the educational environment for professional purposes. *NTED2019 Proc. 13th International Technology, Education and Development Conference* (pp. 1927–1931). Valencia, Spain.
- Zheltukhina, M. R., Vikulova, L. G. Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., Borbotko, L. A. (2016). Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(17), 10413–10422.
- Quacquarelli Symonds world university rankings, 2019. Retrieved April 25, 2020 from <<https://www.topuniversities.com/universities/university-tsukuba#888193>>.
- University of Tsukuba website, 2020. Retrieved April 25, 2020 from <<https://www.tsukuba.ac.jp>>.

Дунашова Анна Вадимовна
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
anna.dunashova@inbox.ru

Стилистическая вариативность просодических характеристик языковой личности

Аннотация

Предметом исследования является стилистическая вариативность супraseгментных характеристик языковой личности. Новым аспектом рассмотрения темы стал акустический анализ не только частотного, силового и темпорального, но и качественного аспекта просодических характеристик языковой личности лингвиста. Исследование выполнено на материале двух фоностилистически разных жанров – лекции и интервью – в произнесении всемирно известного британского лингвиста Дэвида Кристала. Согласно полученным данным, вариативность наблюдается почти во всех супraseгментных характеристиках. Наиболее константными характеристиками оказались минимальное значение частоты основного тона (ЧОТ), диапазон ЧОТ, медианное значение интенсивности, а также показатели мерцания. Остальные характеристики подвержены сильным изменениям при переходе от модалного голоса в беседе к голосу лектора с совершенно другой прагматической задачей. Диапазон вариативности просодических характеристик рассматриваемой языковой личности, согласно полученным данным, оказался шире среднестатистического.

Ключевые слова: языковая личность, просодия, мелодика, темп, качество голоса.

© Дунашова А. В. 2021

Для цитирования: Дунашова А. В. Стилистическая вариативность просодических характеристик языковой личности // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 22–30. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_22_30.

1. Введение [Introduction]

Опыт изучения просодических характеристик языковой личности не очень велик и, как правило, основывается на рассмотрении однотипных в стилистическом отношении текстов. Это, например, долговременное исследование произношения английской королевы на материале рождественских обращений к нации [Harrington et al., 2000], изучение особенностей произношения судьи Верховного суда США Руты Гинсбург на основе её речей во время судебных заседаний [Shapp, 2014], изучение речи Ноама Хомского на основе записей его публичных выступлений [Kwon, 2014], а также несколько исследований речевого поведения тележурналиста Ларри Кинга на основе записей его телешоу [Ермакович, 2017], [Давыдова, 2018]. Все исследования, кроме изучения речевого поведения Ларри Кинга, долговременны и сосредоточены на изучении изменений в речевом поведении языковых личностей за период 40 лет.

Указанные труды преследовали разные цели. Так, изучая речь королевы Елизаветы II, Джонатан Хэррингтон и его соавторы в Австралии стремились определить, как и в какой степени изменения в произношении данной языковой личности отражают изменения в произносительном варианте в целом. Исследователи пришли к выводу, что произношение королевы, действительно, претерпевает изменения, при этом оно отражает не только возрастные особенности личности, но и изменения стандартного английского произношения (Received Pronunciation). Особое внимание в исследовании было обращено на изменение первой и второй формант гласных (F1 и F2). Данные изменения, по мнению лингвистов, имели место из-за влияния стандартного южноанглийского произношения, ассоциируемого с более молодыми людьми более низкого

социального класса. Таким образом, основным комплементарным выводом было то, что королева Елизавета II как представитель старшего поколения прислушивается к современным веяниям произносительных вариантов и адаптирует свою речь соответствующим образом [Harrington et al., 2000].

При изучении речевого поведения Ноама Хомского и верховного судьи Рут Гинсбург акцент был также сделан на спектральных характеристиках звуков. На примере произношения Ноама Хомского удалось проследить постепенную смену произносительного варианта языковой личности с родного акцента Филадельфии на акцент Бостона (accent shift) [Kwon, 2014]. А изучая речь Верховного судьи США с позиций социофонетики, исследователи выявили долговременное влияние высокого социального статуса на речь высокопоставленной женщины родом из Бруклина, в частности на поведение г-вокализации и подъём среднего гласного заднего ряда (thought-raising) [Shapp, 2014].

Исследование речевого поведения Ларри Кинга затрагивает, в основном, лексический и синтаксический уровни его речевого поведения. Однако, упоминая интонацию, исследователи отметили применение Ларри Кингом интонационных средств (синтагматического членения, интенсивности, паузации) для «акцентирования внимания публики и интервьюируемого» [Ермакович, 2017]. Примечательно также то, что авторы исследования упоминают эффект воздействия качества голоса изучаемого субъекта: голос Ларри Кинга был перцептивно описан как «низкий» и «успокаивающий», а также как голос, который действует «расслабляюще на собеседников» [Давыдова, 2018, с. 90].

Характеристики одной языковой личности рассматривались в научной литературе на стилистически однородном материале и, как правило, не затрагивали уровень просодии. Фоностилистическая просодическая вариативность английского языка была изучена на материале ораторской речи [Крюкова, 1982], академической речи [Фрейдина, 2005], профессионального общения в условиях заседания Верховного суда США [Якутина, 2002], интервью с представителями разных профессий [Савинова, 2010], политической речи американских президентов [Постникова, 2003]. Однако эти работы не касаются качественного аспекта просодии и, более того, полученные данные до сих пор не применяются для исследования одной языковой личности.

В настоящем исследовании делается акцент на стилистическом варьировании просодических характеристик языковой личности выдающегося британского лингвиста Дэвида Кристала в современном срезе её звучания, но при этом рассматривается и качественный аспект просодии. Современный срез даёт возможность узнать диапазон диктора при изменении стоящей перед ним прагматической задачи. Языковая личность Дэвида Кристала представляет особый интерес в силу её широкого социального и речевого диапазона. Дэвид Кристал – человек немолодой и опытный, с богатым лекторским, а также артистическим опытом. Полагаясь на уже существующие лингвистические исследования о вариативности просодических характеристик, было произведено сравнение среднестатистического диапазона вариативности супрасегментных характеристик с диапазоном Д. Кристала. Задачи настоящего исследования состояли в следующем: 1) на основе измерений частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности, количества и длительности пауз, средней длительности слога (СДС) и качества голоса одного человека в двух ситуациях установить границы стилистического варьирования просодии одного индивидуума; 2) выявить константные и вариативные характеристики просодии речи одного человека, составляющие его идентичность.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Методология и материал исследования [Methodology and material]

Для выявления стилистической вариативности просодических характеристик Д. Кристала были проанализированы образцы его речевой деятельности в качестве со-

беседника интервью и в качестве лектора. Таким образом было изучено два разных жанра речевой деятельности с разными прагматическими целями: интервью с собственным сыном, интенцией которого является обмен мнениями (“Ben Crystal & David Crystal. Sunday Brunch”, 2014 г.), и лекция с основной интенцией формирования определённых представлений в сознании слушателей (“Is Control of English Shifting Away from British and American Native Speakers”, 2014 г.). Общее время звучания изученного материала составило 20 мин (длительность каждой выборки –10 мин).

Для исследования просодии языковой личности были изучены не только акустические показатели ЧОТ (ЧОТ мин, ЧОТ макс, ЧОТ мед, диапазон ЧОТ, ЧОТ σ), интенсивности звукового сигнала (ИЗС макс. и ИЗС мед.) и длительности (СДС, количество пауз, длительность пауз), но также и показатели качества голоса (мерцание (Shimmer), дрожание (Jitter) (подробнее об этом [Farrús et al., 2007]), соотношение гармоника / шум (Harmony / Noise)). Основным методом изучения просодической вариативности языковой личности послужил акустический анализ супraseгментных характеристик с помощью компьютерной программы Praat [Boersma, Weenink, 2017].

2.2. Результаты [Results]

Проведённый акустический анализ с последующей статистической обработкой данных (табл. 1–3) позволил выявить фоностилистическую вариативность просодических характеристик в указанных жанрах.

Т а б л и ц а 1. Характеристики ЧОТ в двух жанрах
[Table 1. Fundamental frequency properties in the two genres]

жанр	ЧОТ мин, Гц	ЧОТ макс, Гц	ЧОТ мед, Гц	Диапазон, пт	ЧОТ σ , Гц
интервью	74	496	115	33	29
лекция	73	499	104	33	72

Т а б л и ц а 2. Интенсивность и темп в двух жанрах
[Table 2. Intensity and speech rate in the two genres]

жанр	ИЗС		длительность		
	ИЗС макс, дБ	ИЗС мед, дБ	СДС, мс	Кол-во пауз	Длительность пауз, с
интервью	76	67	166	29	0,2
лекция	89	69	197	108	0,4

Т а б л и ц а 3. Качество голоса (shimmer, jitter, H/N index) в двух жанрах
[Table 3. Voice quality (shimmer, jitter, H/N index) in the two genres]

жанр	Качество голоса		
	Shimmer, дБ	Jitter, %	H/N, дБ
интервью	1,19	2,52	5,65
лекция	1,22	3,58	7,6

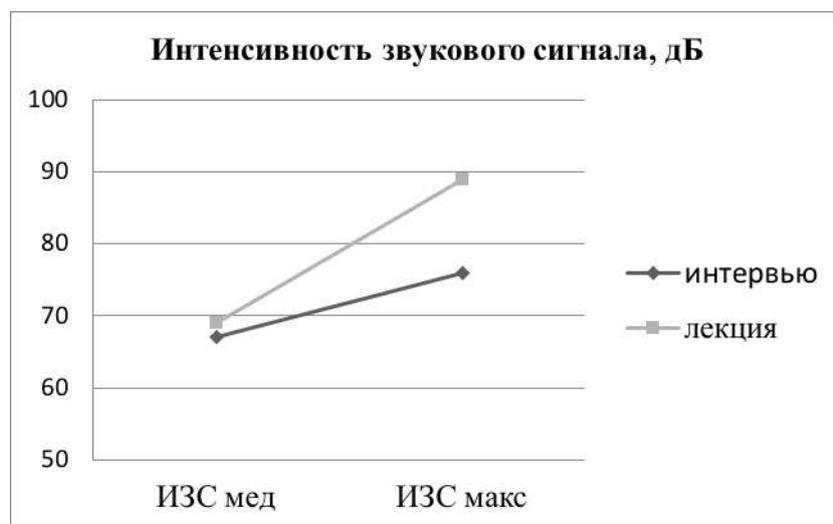
2.2.1. Характеристики ЧОТ [Fundamental frequency]

Самым информативным просодическим компонентом является частота основного тона. Дэвид Кристал, несмотря на возраст, демонстрирует необычайно широкий диапазон для мужского голоса (33 пт) в обеих выборках. Отметим, что диапазон ЧОТ типичного взрослого мужчины варьирует от 75 до 200 Гц (22 пт) [Шевченко, 2016]. Примечательно, что нижний порог ЧОТ рассматриваемой языковой личности (73 Гц) соответствует среднестатистическим данным, а вот максимальный показатель ЧОТ (496 Гц, 499 Гц) приближается скорее к женской норме (табл. 1). Медианные значения стандартны, при этом медиана ЧОТ ниже в лекторской речи, что объясняется глубокими падениями и низкими регистрами, к которым прибегают лекторы в академической речи [Фрейдина, 2005].

Особый интерес представляет стандартное отклонение и сильное различие данных в зависимости от стиля речи. Стандартное отклонение используется для того, чтобы описать разброс значений и «является показателем отклонения отдельных значений от их средней величины» [Шевченко и др., 2017, с. 88]. Академическая публичная речь – это «представленный в устной форме текст, написанный таким образом, чтобы быть произнесённым» [Gregory, Carroll, 1981, p. 42]. При этом, хоть он и является формально монологом, но в то же время имеет ярко выраженные черты диалога, поскольку обращённость к аудитории – важнейшая характеристика риторической коммуникации. Как написал сам Дэвид Кристал в своём труде по красноречию: «Познать самого себя? Естественно! Но не забудьте также познать свою аудиторию» [Crystal, 2016, p. 37]. В связи с этим просодические контрасты различного рода, в том числе контрасты между высокими и низкими тонами, являются одной из отличительных особенностей риторического дискурса [Фрейдина, 2005]. Именно это объясняет высокий показатель стандартного отклонения в лекции (72 Гц) по сравнению с тем же показателем в интервью (29 Гц) (табл. 1).

2.2.2. Интенсивность [Intensity]

Переходя к полученным данным по интенсивности звукового сигнала (ИЗС), необходимо отметить, что, несмотря на примерно одинаковые медианные показатели интенсивности, максимальные показатели значительно отличаются. Иногда Кристал-лектор (89 дБ) говорит гораздо громче Кристала-интервьюируемого (76 дБ), предположительно прибегая к контрасту по уровню громкости для акцентирования внимания публики на особенно важном моменте своей речи (рис. 1).

Р и с у н о к 1. Интенсивность в интервью и лекции, дБ
[F i g u r e 1. Intensity in interview and lecture, dB]

Отметим также, что полученные нами данные по ИЗС могли быть искажены в силу обработки доступных аудиофайлов перед публикацией онлайн. Однако, мы осознанно опираемся на голос, звучащий на аудиозаписи, так как именно такое звучание контента целенаправленно допускается к публикации.

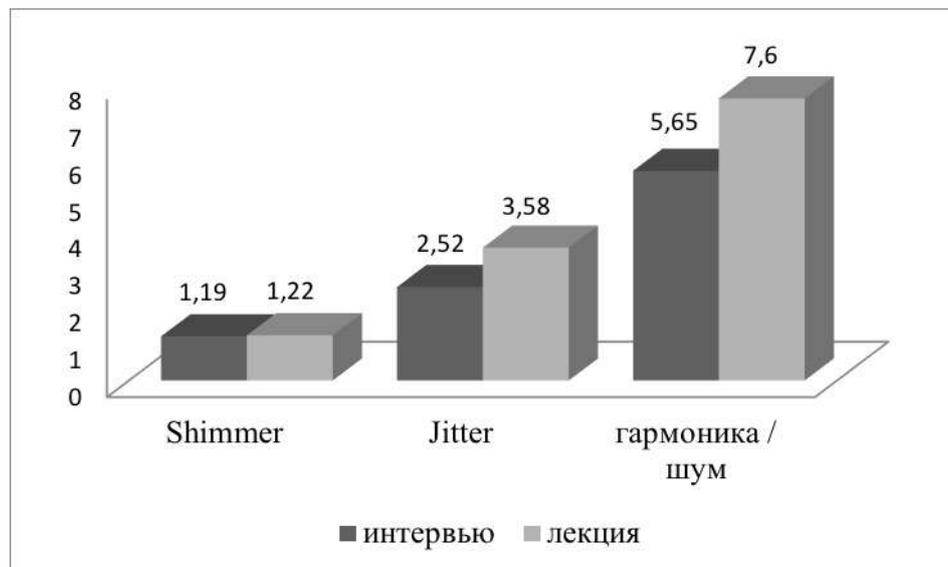
2.2.3. Темпоральные характеристики [Speech rate]

Анализ темпоральных характеристик речи выявил их значительную вариативность в зависимости от ситуации общения. На темп речи влияют эмоциональное состояние и интенция говорящего, задачи и форма общения [Бабушкина, 2010]. Так, для успешной обработки информации публикой Кристал-лектор прибегает к среднему темпу речи, не замедленному и не ускоренному. СДС (197) в данном случае полностью соответствует среднестатистическим данным по произнесению слога. Более того, в лекции наблюдается очень высокая паузальная насыщенность речи (табл. 2), что также оптимизирует воздействие на слушателей, ведь «отношения контраста связаны с темпоральной организацией дискурса прежде всего с характером паузации и темпом произнесения» [Потапов, 2012, с. 116]. Совершенно другая ситуация наблюдается в интервью с сыном. Темп речи сильно ускоренный, паузация почти сведена на нет. Увлечённый разговор отца и сына характеризуется частыми наложением реплик говорящих, что приводит к малому количеству пауз и их меньшей длительности (табл. 2). Полученные данные идут вразрез с ожидаемыми замедленным темпом и пролонгированной паузацией в силу возрастных изменений языковой личности, отмеченных в научной литературе [Schötz, 2007]. Предположительно, Дэвид Кристал смог максимально сохранить владение темпоральными характеристиками речи в силу большого опыта лекторской работы.

2.2.4. Качество голоса [Voice quality]

Наконец, переходя к характеристикам качества голоса, в первую очередь необходимо отметить неоднозначность данного аспекта и его главного понятия. Дэвид Кристал под понятием «качество голоса» (voice quality, voice set) понимает постоянный, идентифицирующий человека набор просодических характеристик, таких как высота тона, громкость, темп речи и тембр голоса. Более того, учёный отмечает возможное отношение качества голоса к паралингвистическим характеристикам [Crystal, 2008]. В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой отсутствует понятие «качество голоса» и рассмотрен только тембр, который определяется как «специфическая сверхсегментная окраска речи, придающая ей те или другие экспрессивно-эмоциональные свойства» [Ахманова, 2010, с. 471]. В настоящем исследовании качество голоса рассматривается как длительный, наиболее постоянный параметр, характеризующий голос отдельного говорящего [Шевченко и др., 2017]. При изучении качественного аспекта просодии были рассмотрены следующие акустические показатели: мерцание (Shimmer), дрожание (Jitter) и соотношение гармоника / шум (H/N).

Полученные показатели мерцания (shimmer), отражающие изменения амплитуды сигнала, варьировали слабо и оказались стилистически не зависимыми, следовательно, они наиболее вероятно являются константной характеристикой, присущей данной языковой личности. Показатели дрожания (jitter) отражают изменения частоты основного тона и воспринимаются как вибрация. В данном случае показатели высоки – вибрация выдаёт немолодой возраст говорящего [Schötz, 2007], а при лекторском напряжении по сравнению с речью в интервью показатель увеличивается на 42% (рис. 2). Высокий показатель H/N (приоритет гармоник над шумами) в лекторской речи (7,6 дБ) объясняется резонантным качеством речевого звучания – необходимой характеристикой данного стиля речи.

Р и с у н о к 2. Показатели качества голоса в двух жанрах
[F i g u r e 2. Voice quality parameters in interview and lecture, dB]

3. Дискуссия и выводы [Discussion and conclusion]

Анализ полученных измерений ЧОТ, количества и длительности пауз, СДС, интенсивности, и качества голоса показал, что фоностилистическая вариативность языковой личности проявляется в комбинаторике просодических характеристик. Выразительность Кристала-лектора достигается с помощью следующих просодических контрастов: 1) контраст между низкими и высокими тонами, достигаемый за счёт широкого диапазона; 2) темпоральный контраст, осуществляемый с помощью высокой паузальной насыщенности на фоне среднего темпа речи; 3) контраст громкости звучания за счёт большой разницы между значением медианы и максимальным показателем интенсивности сигнала; 4) высокий показатель отношения гармоника / шум, дающий голосу резонантное звучание.

Речь Кристала в интервью характеризуется: 1) широким диапазоном, но меньшим контрастом между низкими и высокими тонами; 2) ускоренным темпом речи с почти отсутствующей паузацией; 3) средним уровнем интенсивности сигнала; 4) менее резонантным качеством голоса. Сравнение просодического портрета одного человека в двух ситуациях показало следующее. Во-первых, темпоральный и силовой аспекты просодии оказались наиболее подвержены стилистической вариативности. Во-вторых, вариативность частотных характеристик языковой личности Д. Кристала проявляется контрастностью между низкими и высокими тонами, при этом диапазон голоса в двух ситуациях остаётся неизменно широким. В-третьих, показатели качества голоса оказались наиболее константными характеристиками, составляющими идентичность Д. Кристала.

Итак, целью данного исследования было получить и систематизировать данные о приёмах и средствах стилистической просодической вариативности речи одной языковой личности – лингвиста и лектора Дэвида Кристала – для того чтобы получить комплексное описание его просодического портрета. Сопоставление двух фоностилистически разных просодических портретов языковой личности Дэвида Кристала позволило установить значительную вариативность почти всех супrasegmentных характеристик индивидуума. Наиболее константными признаками, составляющими его звуковую идентичность, оказались минимальное значение ЧОТ, диапазон ЧОТ, значе-

ние медианы интенсивности, а также показатели мерцания. Все остальные характеристики были подвержены значительным изменениям при переходе от модального голоса в интервью с сыном к напряжённой работе лектора с совершенно другой прагматической задачей убеждающей речи.

Список литературы

- Ахманов, 2010 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Книжный дом «Либроком», 2010. 576 с.
- Бабушкина, 2010 – Бабушкина Е. А. Темп речи как социальный маркер // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2010. № 11. С. 13–17.
- Давыдова, 2018 – Давыдова И. О. Сравнительный психолингвистический анализ речевой манеры американских телеведущих (на примере телешоу Опры Уинфри и Ларри Кинга) // Научный вестник ЮИМ. 2018. № 2. С. 87–91.
- Ермакович, 2017 – Ермакович О. Л. Речевое поведение комментатора Ларри Кинга // Молодой ученый. 2017. № 1 (135). С. 521–523.
- Крюкова, 1982 – Крюкова О. П. Фоностилистические особенности ораторской речи : дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / Крюкова Ольга Павловна ; МГЛУ. М., 1982. 168 с.
- Постникова, 2003 – Постникова Л. В. Просодия и политический имидж оратора: На материале речей американских президентов : дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / Постникова Лариса Вячеславовна ; МГЛУ. М., 2003. 198 с.
- Потапов, 2012 – Потапов В. В. 2012. 01. 022. Антропоцентрический подход к изучению звуковой материи. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6 : Языкознание: Реферативный журнал. 2012. № 1. С. 109–116.
- Савинова, 2010 – Савинова М. С. Просодия как маркер профессиональной принадлежности говорящего (на материале британских интервью) : автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Савинова Марина Сергеевна ; МПГУ. М., 2010. 19 с.
- Фрейдина, 2005 – Фрейдина Е. Л. Публичная речь и ее просодия. М. : Прометей, 2005. 191 с.
- Шевченко, 2016 – Шевченко Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд., доп. М. : ЛЕНАНД, 2016. 240 с.
- Шевченко и др., 2017 – Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты / Т. И. Шевченко Е. А. Буряя, И. Е. Галочкина и др. ; под ред. Е. А. Бурой, Т. И. Шевченко. Дубна : Феникс+, 2017. 248 с.
- Якутина, 2002 – Якутина М. В. Просодические формы речевого поведения участников судебного процесса (экспериментально-фонетическое исследование на материале аудиозаписей Верховного суда США): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Якутина Марина Викторовна ; МГЛУ. М., 2002. 22 с.
- Boersma, Weenink, 2017 – Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.0.36. 2017. URL : www.praat.org/.
- Crystal, 2008 – Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Blackwell Publishing, 2008. 529 p.
- Crystal, 2016 – Crystal D. The Gift of the Gab: How Eloquence Works. Yale University Press, 2016. 243 p.
- Farrús et al., 2007 – Farrús M., Hernando J., Ejarque P. Jitter and shimmer measurements for speaker recognition // [INTERSPEECH-2007] INTERSPEECH 2007, 8th Annual Conference of the International Speech Communication Association, Antwerp, Belgium, August 27–31, 2007. P. 778–781.
- Gregory M., Carroll S. Language and Situation. Language Varieties and their Social Contexts (Language and Society Series). London : Henley and Boston, 1981. 128 p.
- Harrington J., Palethorpe S., Watson C. Monophthongal vowel changes in received pronunciation: An acoustic analysis of the Queen's Christmas broadcasts. Journal of the International Phonetic Association. 2000. № 30. P. 63–78.

Kwon S. Vowel change across Noam Chomsky's lifespan // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2014. Vol. 20, Iss. 2: Selected papers from NWAV. URL: <http://repository.upenn.edu/pwpl/vol20/iss2/11>.

Schötz S. Acoustic analysis of adult speaker age // Speaker Classification I, Lecture Notes in Computer Science. Vol. 1 / Ed. by C. Müller. P. 88–107. Springer, 2007. doi: 10.1007/978-3-540-74200-5_5.

Shapp A., LaFave N, Singler J. V. (2014) Ginsburg v. Ginsburg: A Longitudinal Study of Regional Features in a Supreme Court Justice's Speech // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2014. Vol. 20, Iss. 2: Selected papers from NWAV. URL: <http://repository.upenn.edu/pwpl/vol20/iss2/17>.

UDC 81'34

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_22_30

Anna V. Dunashova
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
 anna.dunashova@inbox.ru

Stylistic variation of prosodic patterns of a linguistic persona

Abstract

This paper aims to study phonostylistic variation of prosodic characteristics of a linguistic persona. The new aspect brought to the field is the focus not only on pitch and speech rate but also on voice quality prosodic aspects of a linguistic persona. The subject was a world-famous British linguist David Crystal whose recordings of lecture and interview were used as the material for this study. The data suggest wide variability of practically every prosodic feature. Among them, pitch minimum, pitch range, loudness median and shimmer values proved to be most constant features of the linguistic persona. The other prosodic values underwent changes due to the shift from the modal voice in the interview to a more arduous voice in the lecture thus reflecting different pragmatics goals of communication. Prosodic variation range of the linguistic persona in question turned out wider than the average one.

Keywords: linguistic persona, prosody, articulation rate, pitch, voice quality.

© Dunashova A. V. 2021

For citation: Dunashova, A. V. (2021). Stilisticheskaya variativnost' prosodicheskikh kharakteristik yazykovoy lichnosti [Stylistic variation of prosodic patterns of a linguistic persona]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 22–30. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_22_30.

References

- Akhmanova, O. S. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Linguistics Terminology Dictionary]. Moscow: Librokom Press.
- Babushkina, E. A. (2010). Temp rech'i kak sotsial'nyy marker [Speech tempo as a social marker]. *Vestnik BGU. Yazyk, literatura, kul'tura* [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture], 3, 13–17.
- Davydova, I. O. (2018). Sravnitel'nyy psikholingvisticheskiy analiz rechevoy manery ame-rikanskikh televedushchikh (na primere teleshou opry uinfri i larri kinga) [Comparative psycholinguistic analysis of the communicative styles of the American TV presenters (On the example of TV shows by Oprah Winfrey and Larry King)]. *Nauchnyy vestnik YUIM* [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management], 2, 87–91.
- Ermakovich, O. L. (2017). Rechevoe povedenie kommentatora Larri Kinga [Larry King's Speech behavior]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 1 (135), 521–523.

- Kryukova, O. P. (1982). *Fonostilisticheskie osobennosti oratorskoy rechi* [Phonostylistic patterns of public speech]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University.
- Postnikova, L. V. (2003). *Prosodiya i politicheskiy imidzh oratora: Na materiale rechey amerikanskikh prezidentov* [Prosody and political image of orator: Based on American Presidents' discourse]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University.
- Potapov, V. V. (2012). Antropotsentricheskii podkhod k izucheniyu zvukovoy materii. (svodnyy referat) [Anthropocentric approach to studying sound material]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazykoznanie: Referativnyy zhurnal* [Social and Humanities Studies. Linguistics], 1, 109–116.
- Savinova, M. S. (2010). *Prosodiya kak marker professional'noy prinadlezhnosti govoryashchego (na materiale britanskikh interv'yuu)* [Prosody as a profession marker of a speaker (Based on interviews)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : MPGU.
- Freydina, E. L. (2005). *Publichnaya rech' i ee prosodiya* [Public Speech and Its Prosody]. Moscow : Prometei Press.
- Shevchenko, T. I. (2016). *Sotsiofonetika: Natsional'naya i sotsial'naya identichnost' v angliyskom proiznoshenii* [Sociophonetics: National and Social Identity of English Pronunciation]. 2-nd ed. Moscow : LENAND Press.
- Shevchenko, T. I., Buraya, E. A., Galochkina, I. E. et al. (2017). *Metody analiza zvuchashchey rechi: novye izmereniya i rezul'taty* [Methods of speech acoustic analysis]. Dubna : Feniks+ Press.
- Yakutina, M. V. (2002). *Prosodicheskie formy rechevogo povedeniya uchastnikov sudebnogo protsesssa (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale audiozapisey Verkhovnogo suda SSHA)* [Prosodic features of court hearings discourse (Based on the USA Supreme Court hearings)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University.
- Boersma, P., Weenink, D. (2017). *Praat: Doing phonetics by computer* [Computer program]. Version 6.0.36. Retrieved from <www.praat.org/>.
- Crystal, D. (2008). *A dictionary of linguistics and phonetics*. 6th ed. Blackwell Publishing.
- Crystal, D. (2016). *The Gift of the Gab: How Eloquence Works*. Yale University Press.
- Farrús, M., Hernando, J., Ejarque, P. (2007). Jitter and shimmer measurements for speaker recognition. [INTERSPEECH-2007] *INTERSPEECH 2007, 8th Annual Conference of the International Speech Communication Association*, Antwerp, Belgium, August 27–31, 2007 (pp. 778–781).
- Gregory, M., Carroll, S. (1981). *Language and Situation. Language Varieties and their Social Contexts* (Language and Society Series). London : Henley and Boston.
- Harrington, J., Palethorpe, S., Watson, C. (2000). Monophthongal vowel changes in received pronunciation: An acoustic analysis of the Queen's Christmas broadcasts. *Journal of the International Phonetic Association*, 30, 63–78.
- Kwon, S. (2014). Vowel change across Noam Chomsky's lifespan. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics* (Vol. 20, Iss. 2 : Selected papers from NWAV). Retrieved from <<http://repository.upenn.edu/pwpl/vol20/iss2/11>>.
- Schötz, S. (2007). Acoustic Analysis of Adult Speaker Age. In C. Müller (Ed.), *Speaker Classification I, Lecture Notes in Computer Science* (Vol. 1, pp. 88–107). Springer. doi : 10.1007/978-3-540-74200-5_5.
- Shapp, A., LaFave, N., Singler, J. V. (2014). Ginsburg v. Ginsburg: A Longitudinal Study of Regional Features in a Supreme Court Justice's Speech. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics* (Vol. 20, Iss. 2 : Selected papers from NWAV). Retrieved from <<http://repository.upenn.edu/pwpl/vol20/iss2/17>>.

УДК 811.111

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_31_45

Захарова Мария Алексеевна,
Исакович Екатерина Александровна
Волгоградский государственный институт искусств и культуры
г. Волгоград, Российская Федерация
forestwell@yandex.ru, k.isakovich@mail.ru

Семантическое развитие существительных-этимологических дублетов *suit* и *suite* в английском языке

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу семантической структуры лексем *suit* и *suite* как внутриязыковых этимологических дублетов. Рассматривается развитие основных блоков значений многозначного слова *suit*. С опорой на словарный материал рассматриваются архисемы ‘feudal law’, ‘pursuit; prosecution, legal process’, ‘following, train, suite’ и ‘set, series’, определяющие семантическую структуру указанного слова на современном этапе. Исследуется развитие лексико-семантических вариантов, составляющих семантему *suite*. На основе анализа словарных дефиниций и контекстов употребления выявлены архисемы ‘set’ и ‘succession’, отвечающие за особенности дальнейшей семантической деривации значений внутри семантемы *suite*. С опорой на анализ словарного материала сделан вывод о том, что произошло перераспределение отдельных лексико-семантических вариантов между семантемами более раннего (*suit*) и более позднего (*suite*) заимствований, что, в свою очередь, предопределило специфику последующего развития значений указанных слов. Рассмотрено также вхождение лексемы *suite* в отдельные терминосистемы. Намечены возможные векторы дальнейшей семантической динамики данной лексической единицы.

Ключевые слова: этимологические дублеты, семантическая деривация, заимствования из французского языка, лексическая система английского языка.

© Захарова М. А., Исакович Е. А. 2021

Для цитирования: Захарова М. А., Исакович Е. А. Семантическое развитие существительных-этимологических дублетов *suit* и *suite* в английском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 22–30. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_31_45.

1. Введение [Introduction]

Этимологические дублеты неоднократно становились объектом научного исследования. М. О. Никитиной были сформулированы отличительные признаки этого класса языковых единиц: «Признавая установление этимологического тождества лексем как достаточное и необходимое условие для отнесения их к классу этимологических дублетов, мы определяем этимологические дублеты как слова, восходящие к одному и тому же слову как цельнооформленной лексеме и имеющие различную степень звуковой и семантической дивергентности» [Никитина, 1985, с. 54].

Изучение этимологических дублетов может осуществляться на различных уровнях: межъязыковом и внутриязыковом. Так, в качестве объекта диссертационного исследования И. В. Царевской выбраны «этимологические единицы в русском и английском языках, объединённые общностью происхождения, и их лексико-семантические особенности» [Царевская, 2006, с. 4]. И. В. Царевская формулирует следующие основания, на которых может быть выделено понятие «этимологические дублеты»: «с одной стороны, экстралингвистический фактор – одновременность заимствований, с другой – языковой фактор – общность происхождения» [Царевская, 2006, с. 11]. Иными

словами, отмечается ключевая роль вторичных заимствований в процессе возникновения этимологических дублетов.

В статье Е. Е. Кругляк «Межъязыковые этимологические дублеты (на примере существительного *char* в английском и французском языках)» в сравнительно-сопоставительном аспекте рассматривается развитие семантики французского существительного *char* и английского существительного *car*, восходящих к общему этимону [Кругляк, 2018, с. 115–118].

С другой стороны, не менее перспективным является изучение семантической динамики этимологических дублетов, принадлежащих к словарному составу одного языка. В литературе отмечается, что в лексической системе английского языка этимологические дублеты появились как следствие заимствования «слов скандинавского, французского, а позднее и латинского происхождения» [Аракин, 2011, с. 215]. В монографии Н. Н. Амосовой «Этимологические основы словарного состава современного английского языка» приведены примеры этимологических дублетов, появившихся в результате того, что «одно и то же французское слово входит в английский язык дважды, в различные моменты его истории, и в связи с этим функционирует в нём в двух различных фонетических формах и с двумя различными значениями»: *gentle – genteel, dragon – dragoon* и некоторые другие [Амосова, 2010, с. 131].

Этимологические дублеты такого типа представляют собой богатый материал для изучения лексической системы английского языка в исторической перспективе. Например, в статье Ю. И. Гуровой рассматриваются следующие пары этимологически родственных лексем: *chase – catch, channel – canal, maintain – manual, face – factitious* [Гурова, 2010, с. 78–80]. Ю. Н. Кочуровой исследованы латино-французские этимологические дублеты: *to double – to duplicate, gender – genre – genus, journal – diurnal, megrim – migraine, hotel – hostel, channel – canal* [Кочурова, 2009, с. 65–67].

Ц е л ь ю настоящей статьи является рассмотрение семантических взаимосвязей английских субстантивных лексем *suit* и *suite* как внутриязыковых этимологических дублетов. Указанная пара слов удовлетворяет критериям выделения этимологических дублетов, сформулированным М. О. Никитиной: 1) восходят к одной цельнооформленной лексеме, 2) обладают определённым звуковым сходством, 3) их отличает неравенство семантического объёма, то есть определённая степень семантической дивергентности.

Лексема *suit* развивается в среднеанглийский период из формы *siwte*, которая присутствовала в англо-нормандском диалекте (Anglo-Norman French) [Stevenson, Waite, 2011, p. 1442]. В свою очередь, современная французская лексема *suite* также этимологически связана с нормандской лексемой *siwte* [Le Trésor..., 2020]. Соответственно, английскую лексему *suit* и французскую *suite* можно считать межъязыковыми этимологическими дублетами. После повторного заимствования указанного галлицизма в английской лексической системе образуется пара внутриязыковых этимологических дублетов *suit – suite*. Принимая во внимание то, что появление лексемы *suit* приходится на период бытования англо-нормандского диалекта, а лексема *suite* заимствуется в 17 веке (заимствования из парижского диалекта французского языка начинают проникать в английский язык с 14 века [Аракин, 2011, с. 205]), данные лексемы возможно рассматривать как нормандско-парижские этимологические дублеты.

Анализ пары лексем *suit* и *suite* представляет научный интерес в силу специфики их семантического расхождения. С одной стороны, несмотря на «неравенство» объёмов семантем на современном этапе развития английского языка, эти дублеты обнаруживают определённое смысловое сходство. С другой стороны, особенности употребления лексемы *suite* наводят на мысль о продолжающейся внутри неё семантической деривации. Рассмотрение семантического потенциала этимологических дублетов, на основе

которого возникают новые значения, представляется не менее важной задачей, чем выявление генетических взаимосвязей лексических единиц.

Гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом: лексемы *suit* и *suite* представляют собой относительно «молодые» этимологические дублеты, вследствие чего процесс их смысловой дивергенции продолжается, что находит отражение в семантической динамике вторичного заимствования *suite*.

2. Анализ семантической структуры лексем *suit* и *suite* [Analysis of the lexems *suit* and *suite* semantic structure]

Объектом рассмотрения в данной статье являются семантемы существительных *suit* и *suite*, предметом – развитие входящих в них значений в диахронии. Семантическая динамика глагольного конверсива *suit*, а также словообразовательное гнездо с данной вершиной в нашей работе подробно не рассматриваются. Отметим также, что материалы французского языка привлекаются только в качестве вспомогательного материала, так как последовательное сопоставление семантем английских существительных *suit* и *suite* с семантемой французского существительного *suite*, то есть сопоставительный анализ межъязыковых этимологических дублетов, не является целью настоящей работы.

Источниками материала для исследования послужили моноязычные толковые словари общей лексики, а также терминологические и идиоматические словари. Помимо печатных и электронных лексикографических источников, в качестве иллюстративного материала привлекались контексты, взятые из электронных статей. Исследование проведено на основе семантико-сопоставительного метода. «При внутриязыковом сопоставлении этим методом обычно описывается семантика сравниваемых единиц, определяется степень их семантического сходства или различия» [Стернин, Стернина, 2017, с. 66].

Перейдём к рассмотрению семантической структуры лексемы *suit*, представляющей собой пример радиально-цепочечного полисеманта. Лексикографические источники, опирающиеся на исторический принцип представления семантической структуры слов, выделяют несколько крупных блоков значений многозначного слова *suit*. Основные блоки значений полисеманта *suit* были ранее кратко представлены [Захарова, Исакович, 2018, с. 220–221]. Здесь рассмотрим их более подробно.

2.1. Блоки значений с архисемами ‘*feudal law*’ и ‘*pursuit; prosecution, legal process*’ в семантеме *suit* [Blocks of meanings with archisemes ‘*feudal law*’ and ‘*pursuit; prosecution, legal process*’ in the semantem *suit*]

Заимствования из французского языка, вошедшие в английский язык в 12–14 веках, выражали широкий круг понятий, в том числе «юридические термины» [Амосова, 2010, с. 126]. Основной массив значений полисеманта *suit*, связанный с феодальным правом (Feudal Law), складывался на протяжении среднеанглийского периода. Обратим внимание на то, что многие значения, формирующие данный блок, являются фразеологически связанными и реализуются в составе исторических терминов, связанных со средневековой судебной-административной системой: ‘1) а) *suit of court*: Attendance by a tenant at the court of his lord, b) *suit real (royal, regal)*: Attendance of a person at the sheriff’s court or tourn, attendance at the court-leet, c) an instance of this (late Middle English); 2) *suit and service*: Attendance at court and personal service due from a tenant to his lord; hence used as a formula in describing certain forms of tenure (also *homage and suit*, late Middle English); 3) the resort of tenants to a certain mill to have their corn ground; the obligation of such resort (*in historical use*, 1450); 4) (obsolete) a due paid in lieu of attendance at the court of a lord (1660)’ [Onions, 1955, p. 2073]. Отметим, что постпозиция прилагательного в

выражении *suit real* (*royal, regal*) является примером синтаксического галлицизма. В первом значении существительное *suit* сочеталось с такими глаголами, как *to do, to give, to owe* [Onions, 1955, p. 2073].

В результате действия экстралингвистических факторов некоторые значения рассматриваемого блока либо перешли в разряд исторических терминов, либо совсем исчезли из языка. На основе значений приведённого выше блока сформировались сложные слова, имеющие статус историзмов в современном английском языке: *suit-duty* ‘obligation to give suit at a mill’ [Onions, 1955, p. 2073], *suit-service* ‘(Feudal Law) service rendered by attendance at a lord’s court’ [Onions, 1955, p. 2073].

Второй блок значений объединён семантическим компонентом ‘pursuit; prosecution, legal process’ [Onions, 1955, p. 2073]. Подавляющее большинство значений данного блока было связано с судопроизводством, при этом более общие значения (следование, преследование) постепенно вышли из употребления: ‘1) (*obsolete*) pursuit, chase; also, a pursuit (значение исчезло после 1772 г.); 2) (*obsolete*) the pursuit of an object or quest (значение исчезло после 1596 г.); 3) the action of suing in a court of law; legal prosecution; hence, (*obsolete*) litigation (1477); 4) (*obsolete*) the prosecution of a cause; also, the suing for a writ (значение исчезло после 1607 г.); 5) a process instituted in a court of justice for the recovery or protection of a right, the enforcement of a claim, or the redress of a wrong; a prosecution before a legal tribunal (*late Middle English*); b) more fully, *suit in law* = lawsuit. Similarly *suit in chancery, equity* (1530); 6) the action or an act of suing, supplicating, or petitioning; (a) petition, supplication, or entreaty; especially a petition made to a prince or other high personage; now *poetical* (1449), b) (*obsolete*) **to make one’s suit**: to supplicate, petition, sue (значение исчезло после 1738 г.)’ [Onions, 1955, p. 2073]. В современном английском языке, как следует из процитированной выше дефиниции, сохранились только лексико-семантические варианты, позволяющие включить *suit* в систему судебных терминов. Сохранилось также стилистически маркированное значение, связанное с подачей прошения лицу, облечённому властью: ‘(*literary*) a petition or entreaty made to a person in authority’ [Stevenson, Waite, 2011, p. 1442].

Лексема *suit* также может выступать в качестве синонима к *lawsuit* ‘a claim or dispute brought to a law court for adjudication’ [Stevenson, Waite, 2011, p. 808, 1442]. При этом словари терминологической лексики отмечают, что значение *suit*, связанное с юриспруденцией, расширилось: ‘The term is commonly used for any court proceedings although originally it denoted a suit in equity as opposed to an action at law’ [Law, Martin, 2009, p. 534]. В этом значении лексема *suit* стала опорным компонентом для терминологической лексики, называющей различные типы судебных исков и процессов, например: *a divorce suit* [Hornby, 2005, p. 1535], *paternity suit* (*also paternity case*) ‘a court case that is intended to prove who a child’s father is, especially so that he can be ordered to give the child financial support’ [Hornby, 2005, p. 1110], *friendly suit* ‘a lawsuit filed in order to obtain a court order when the parties to the suit agree on the expected outcome’ [Legal Dictionary, 2020], *nullity suit* ‘(*in British English*) a law suit declaring a marriage to be legally void’ [Collins English Dictionary, 2020].

Отметим достаточно широкий диапазон сочетаемости слова *suit* в качестве прилагательного компонента: *to file, bring, issue a suit against...* [Hornby, 2005, p. 1535, Oxford Collocations Dictionary..., 2003, p. 452], *to contest, dismiss, press a suit* [Hill, Lewis, 1999, p. 191], *to be involved in, pursue, drop, be faced with, face, defend, win, lose, settle a lawsuit* [Oxford Collocations Dictionary..., 2003, p. 452]. В таких контекстах слова *suit* и *lawsuit* употребляются как абсолютные синонимы: *Three former employees filed a lawsuit against the company* [Lea, 2014, p. 461]. *His father filed a suit challenging his detention* [Lea, 2014, p. 800]. *She plans to defend the suit / lawsuit vigorously. The company*

now faces several suits / lawsuits over its failure to protect its employees. The two companies have settled the suit / lawsuit. They have agreed to drop their suit / lawsuit against the Dutch company [Oxford Advanced..., 2020 ; Oxford Collocations Dictionary..., 2003, p. 452].

В состав семантического блока с компонентом ‘pursuit; prosecution, legal process’ лексикографические источники включают также значение, связанное с ухаживанием за женщиной: ‘(7) wooing or courting of a woman; solicitation for a woman’s hand; also, an instance of this, a courtship (1590)’ [Onions, 1955, p. 2073], сохранившееся в современном языке: ‘the process of trying to win a woman’s affection with a view to marriage’ [Stevenson, Waite, 2011, p. 1442].

Таким образом, из двух блоков значений, связанных с реализацией правовых отношений, в современном английском языке сохраняются преимущественно те лексико-семантические варианты, которые развиваются на основе архисемы ‘pursuit; prosecution, legal process’.

2.2. Блок значений с архисемой ‘following, train, suite’ в семанте *suit*

[Blocks of meanings with archiseme ‘following, train, suite’ in the semantem *suit*]

В среднеанглийский период возникло значение ‘a company of followers; a train, retinue, suite; also, a company of disciples’, в современном английском языке перешедшее в категорию архаизмов и сохранившееся в диалектах [Onions, 1955, p. 2073]. Другой лексико-семантический вариант рассматриваемого блока: ‘the witnesses or followers of a plaintiff in an action at law’ – перешёл в разряд исторических терминов [Onions, 1955, p. 2073]. Таким образом, материал словарей показывает постепенное «угасание» тех лексико-семантических вариантов *suit*, которые были связаны с архисемой ‘following, train, suite’.

Вместе с тем, после заимствования собственно лексемы *suite* именно за ней закрепляется значение ‘a train of followers, attendants, or servants; a retinue’ (оно датировано 1673 г. – временем заимствования *suite* в английский язык) [Onions, 1955, p. 2073, 2074], сохраняющееся и в современном языке: ‘a group of people in attendance on a monarch or other person of high rank’ [Stevenson, Waite, 2011, p. 1442], ‘retinue: *especially*: the personal staff accompanying a ruler, diplomat, or dignitary on official business’ [Merriam-Webster, 2020]. Иными словами, прекращение семантической деривации на базе архисемы ‘following, train, suite’ у слова *suit* и постепенный переход имевшихся значений в разряд исторических терминов обусловлены не только исчезновением соответствующей реалии, но и появлением в английском языке вторичного заимствования – лексемы *suite*, семантема которой включила в себя указанные смысловые компоненты.

2.3. Блоки значений с архисемами ‘set, series’ и ‘sequence, agreement’ в семанте *suit* [Blocks of meanings with archiseme ‘set, series’ and ‘sequence, agreement’ in the semantem *suit*]

Внутри блока с архисемой ‘set, series’ можно выделить следующие лексико-семантические варианты: 1) обозначение совокупности объектов, объединённых по назначению и / или функции, 2) обозначение костюма, 3) обозначение карточной масти [Onions, 1955, p. 2073].

Лексико-семантический вариант ‘a set of garments or habiliments intended to be worn together at the same time’ [Onions, 1955, p. 2073] послужил источником современного значения ‘деловой костюм’ у лексемы *suit*. Семантическая динамика значения слова *suit*, связанного с обозначением костюма, уже подробно анализировалась [Захарова, Исакович, 2018, с. 221–223], поэтому в рамках данной статьи мы не рассматриваем указанный блок значений.

Лексико-семантический вариант ‘a number of objects of the same kind or pattern intended to be used together or forming a definite set of series, e.g. the whole of the sails required for a ship or for a set of spars; a suite of rooms’ [The Shorter Oxford English Dictionary..., 1955, p. 2073] развивается у лексемы *suit* в поздний среднеанглийский период. Указанное выше значение постепенно сузилось и сохранилось в современном английском языке для обозначения преимущественно комплекта корабельных снастей (парусов и рей, рангоутов): ‘a complete set of sails for a ship or for a set of spars’ [Stevenson, Waite, 2011, p. 1442], ‘a group of things forming a unit: SUITE – used chiefly of armor, sails, and counters in games’ [Merriam-Webster, 2020]. Сужению данного лексико-семантического варианта способствовала, по-видимому, тенденция к семантической дивергентности *suit* и *suite*, перераспределение дифференциальных сем между этими двумя семантемами. В результате способность обозначать совокупность других объектов, например, мебельный гарнитур или череду комнат, закрепилось именно за словом *suite*, о чём будет сказано в разделе 2.4. Отметим, что в «The Dictionary by Merriam-Webster» в состав дефиниции *suit* включён компонент ‘suite’. Такое построение словарной дефиниции свидетельствует о том, что обозначение совокупности объектов – это своеобразная «точка» пересечения семантических множеств – семантем *suit* и *suite*.

Обратимся к значению слова *suit*, связанному с номинацией карточной масти: ‘any of the four sets (spades, clubs, hearts, diamonds) of which a pack of playing-cards consists; also, the whole number of cards belonging to such a set held in a player’s hand at one time (1529)’ [Onions, 1955, p. 2073 ; Stevenson, Waite, 2011, p. 1442]. В онлайн-словаре «The Dictionary by Merriam-Webster» представлена более разветвлённая группа лексико-семантических вариантов: ‘a) all the playing cards in a pack bearing the same symbol, b) all the dominoes bearing the same number, c) all the cards or counters in a particular suit held by one player (a 5-card suit), d) the suit led’ [Merriam-Webster, 2020]. Значение (b) демонстрирует семантический потенциал лексемы *suit*: обозначение масти в целом (карты, домино).

С семантическим оттенком (d) связан фразеологизм *to follow suit ((obsolete) in suit)* ‘to play a card of the same suit as the leading card; hence often in figurative use, to do the same thing as somebody (or something) else’ [Onions, 1955, p. 2073], ‘1) conform to another’s actions; 2) (in bridge, whist, and other card games) play a card of the suit led’ [Stevenson, Waite, 2011, p. 553]. Семантический объём указанного фразеологизма, как следует из процитированных выше вокабул, практически не изменился, однако значение ‘conform to another’s actions’, сформировавшееся на основе метафорического переноса, постепенно стало более актуальным: *The first Earl of Huntly was a Gordon by adoption. Many other lesser men followed suit, assuming the surname of so successful a family* (History of Scotland, 2002) [Ayto, 2010, p. 135], *BP also make nursery provisions for the children of staff members. If only other employers would follow suit* [Collins, 2006, p. 357].

С терминологией карточной игры также связано возникновение фразеологического сочетания *one’s long suit* как обозначения чьей-либо сильной стороны: *Our long suit is our proven ability to operate power plants* [Collins, 2006, p. 357]. Если большое количество карт игрока принадлежит к определённой масти, то эту масть обычно называют *one’s long suit* [Collins, 2006, p. 357]. На основе лексического варьирования атрибутивного компонента образованы идиоматические сочетания *one’s strong suit* ‘one’s forte’ [Onions, 1955, p. 2073], *be somebody’s strong suit* ‘to be a subject that somebody knows a lot about’ [Hornby, 2005, p. 1523].

В блок значений, объединённых семантическим компонентом ‘sequence, agreement’, входил утраченный современным языком лексико-семантический вариант ‘a succession, sequence (представлено в вокабуле с пометой *rare*; значение исчезло после 1625 г.)’ [Onions, 1955, p. 2073]. Отметим, что соответствующие семы перешли в состав

полисеманта *suite*. В современном английском языке дифференциальные семы ‘sequence, agreement’ сохраняются у лексемы *suit* в составе устойчивых сочетаний *in suit with* ‘in agreement or harmony with’ [Onions, 1955, p. 2073] и *of a suit with* ‘of a piece with’ [Onions, 1955, p. 2073]. Иными словами, у существительного *suit* в современном английском языке сохранились только фразеологически связанные значения с опорным семантическим компонентом ‘sequence, agreement’.

2.4. Развитие значений на базе архисемы ‘*a succession or series*’ у лексемы *suite* [Development of lexeme *suite* meanings on the basis of archiseme ‘*a succession or series*’]

2.4.1. *Формирование и семантическая динамика значения ‘a succession or series; now chiefly said of series of specimens’ [Formation and semantic dynamics development of ‘a succession or series; now chiefly said of series of specimens’]*

В начале 18 века (1722) у лексемы *suite* выделяется значение ‘a succession or series; now chiefly said of series of specimens’ [Onions, 1955, p. 2074], послужившее основой для развития блоков частных значений. Следует отметить, что этот же компонент выделен в дефиниции лексемы *suite*, представленной в «The Dictionary by Merriam-Webster»: ‘a group of things forming a unit or constituting a collection : SET’ [Merriam-Webster, 2020]. Компонент ‘set’ в последней дефиниции позволяет увидеть чёткую смысловую параллель между *suite* и *suit*, которая наглядно проявляется в группе соответствующих лексико-семантических вариантов *suite*.

Лексико-семантический вариант *suite* ‘a set of furniture of uniform pattern (1851)’ [Onions, 1955, p. 2074] сохраняется практически неизменным в современном английском языке: ‘a set of furniture of the same design’ [Stevenson, Waite, 2011, p. 1442]. Данное значение служит основой семантики составных обозначений определённых типов гарнитура: *suite* ‘a set of matching armchairs and a sofa (*a three-piece suite*)’ [Collins, 2009, p. 1566]. По аналогии с процитированным выше употреблением лексема *suite* получает возможность обозначать предметы интерьера, которые объединены определённой функцией: *bathroom suite* ‘a matching bath, washbasin, and toilet’ [Collins, 2009, p. 1566].

Следует отметить, что в текстах, посвящённых теме изобразительного искусства, слово *suite* также употребляется в значении ‘a succession or series of specimens’ применительно к произведениям живописи. Приведём примеры из современных источников: *One of the first galleries in the Giardini section of Christine Macel’s curated exhibition at the Biennale, “Viva Arte Viva,” is a skylit display of paintings by the African-American artist McArthur Binion. Completed between 2014 and 2016, this suite of works* [Выделено нами. – М.З., Е.И.] *consists of abstract patterns ...* [Douglas, 2017]. [In March 1964, Pablo Picasso] *Re-explores the theme of the artist and his studio in a suite of nearly thirty paintings* [Выделено нами. – М.З., Е.И.], *mostly in gouache and ink* [McDonald Parker, 2020].

Прочитанные выше примеры речевого употребления демонстрируют семантический потенциал лексемы *suite*, который может послужить основой выделения нового оттенка значения у рассматриваемой языковой единицы. Приведём для сравнения части дефиниций и краткий этимологический комментарий для французской лексемы *suite*: ‘(1690) collection d’objets de même nature rangés dans un certain ordre: [des] *suites de médailles Grecques*; en particulier 1843 une suite de gravures’ [Le Trésor..., 2020], ‘(*beaux-arts et arts décoratifs*) ensemble, série d’objets de même nature rangés dans un certain ordre (médailles, estampes, etc.)’ [Larousse, 2020], ‘(*spécialement*) ensemble des gravures d’un ouvrage’ [Robert, 1979, p. 1882]. Хронологические пометы свидетельствуют о том, что у французской лексемы значение ‘collection d’objets de même nature rangés dans un certain ordre’ формируется раньше (1690), чем коррелирующее значение ‘a succession or series;

now chiefly said of series of specimens' у лексемы *suite* (1722) в английском языке. Можно предположить, что сочетания типа *a suite of paintings* в английском языке обязаны своим появлением семантической аналогии с похожими французскими коллокациями.

Необходимо отметить, что на основе архисемы 'set' идёт семантическая деривация, приводящая к появлению у английского слова *suite* терминологических значений. Об этом, в частности, свидетельствует выделение лексико-семантического варианта, связанного с развитием информационно-коммуникационных технологий и разработкой пакетов программ. Приведём определения из нескольких словарей, иллюстрирующие диапазон дифференциальных сем этого значения: 'a set of application programs ***sold as a package***, usually at a lower price than that of the individual applications sold separately. A suite for office work, for example, might contain a word processing program, a spreadsheet, a database management program, and a communications program' [Microsoft Computer Dictionary, 2002, p. 502], 'a set of computer programs ***with the ability to share data***' [Lea, 2014, p. 800]. В соответствии с развитием нового значения расширяется синтагматика лексемы *suite*. Во-первых, она получает возможность сочетаться с глаголами, обозначающими разработку и внедрение продукта интеллектуальной деятельности (*design a suite, implement a suite* [Pyne, Tuck, 1996, p. 333]). Во-вторых, *suite* как опорный компонент может распространяться препозитивными и постпозитивными компонентами, обозначающими разновидности программного обеспечения: a video editing suite [Oxford Advanced..., 2020], *a suite of software development tools* [Pyne, Tuck, 1996, p. 333], *protocol suite* 'a set of protocols designed, usually by one vendor, as complementary parts of a protocol stack' [Microsoft Computer Dictionary, 2002, p. 428].

На основе семантического компонента 'a succession or series of specimens' оформился также лексико-семантический вариант, позволяющий включить слово *suite* в систему геологических терминов: '(*earth science*) a group of minerals, rocks or fossils that occur together and are characteristic of a location or period': *The principal minerals of both suites of rocks are also similar* [Lea, 2014, p. 800], 'a collection of minerals or rocks having some characteristic in common (such as type or origin)' [Merriam-Webster, 2020] (на русский язык данный термин переводится как (*геологическая*) *серия*, (*геологическая*) *свита* [Амосова и др., 1979, Т. 2, с. 570]).

Отметим, что во всех рассмотренных выше случаях лексемой *suite* не просто обозначается совокупность объектов, но и подчёркивается динамика развития этих объектов: определённая смысловая и хронологическая закономерность, связывающая воедино произведения живописи; геохронологическая последовательность, которая определяет порядок следования пластов горных пород, объединённых некоторыми общими свойствами, признаками.

Заметим также, что реальные контексты употребления лексемы *suite* позволяют наметить векторы дальнейшей семантической деривации внутри её семантемы. В частности, в словаре академической лексики для значения *suite* 'a number of things that form a set or collection' даётся следующий контекст: *The growing **suite of health promotion journals** reflects the expanding business of addressing health inequities and promoting health* [Lea, 2014, p. 800]. Приведём и другие контексты, взятые из «Британского национального корпуса»: *Among seven species of fruit pigeons in tropical Queensland, the diets of the birds change with the seasonal fruits, each species with a different **suite of plant species*** (D. J. Mabberley, Tropical rainforest ecology. London, 1992). *A **Collection Suite** comprises a necklet, ring, bracelet, brooch and earrings to add a touch of glamour...* (Wedding and Home. London: Maxwell Consumer Magazines, 1992). *The **suite of National Certificate Modules** listed below provides a means of studying European issues within a sociological, political, historical and geographical context: Within the Personal and*

Social Development section of the National Certificate Catalogue, there are three modules on Investigating Europe (Scottish Vocational Education Council, 1989-1993). *Ten 1:10 000 geological maps have been completed and the preparation of a full suite of thematic maps and a final report for the project is well advanced* (Report of The British Geological Survey 1990–1991. Swindon, Wilts: Natural Environment Research Council, 1991) [The British National Corpus].

Каждое из приведённых выше словоупотреблений показывает семантический потенциал лексемы *suite*. Более общее понятие ‘a succession or series of specimens’ может уточняться, детализироваться не только как последовательность пластов горных пород или набор программных продуктов, но и как некоторая совокупность биологических видов или пакет документов. Вопрос о том, будет ли выделен впоследствии новый лексико-семантический вариант (по мере увеличения контекстов соответствующего словоупотребления), денотатом которого является, например, совокупность тематически связанных произведений живописи, на современном этапе остаётся открытым.

2.4.2. Развитие значения ‘a number of rooms’ у лексемы *suite* [Development of ‘a number of rooms’ lexeme meaning]

В англоязычных лексикографических источниках отмечается, что значение ‘a number of rooms together forming a set used by a person, a family or company of persons (1716)’ [Onions, 1955, p. 2074], как и обозначение мебельного гарнитура, формируется у вторичного заимствования *suite* внутри лексической системы английского языка [Hoad, 2003, p. 471]. Указанный лексико-семантический вариант обогатился рядом дифференциальных сем: ‘a set of rooms **for one person’s or family’s use or for a particular purpose** (здесь и далее полужирный курсив в определениях и примерах наш. – М.З., Е.И.)’ [Stevenson, Waite, 2011, p. 1442], ‘a set of rooms, **especially in a hotel, hospital or medical centre**’ [Lea, 2014, p. 800]. Выделенные дифференциальные семы определяют сочетаемость лексемы *suite* в указанном значении: *a hotel / private / honeymoon suite, a family suite of two interconnecting rooms, a suite of rooms / offices* [Oxford Advanced..., 2020]. *The full suite of rooms includes two examining rooms, a meeting room, three private offices and a waiting room* [Lea, 2014, p. 800]. *The suite of seven theatres, which could handle 10,000 operations a year, is due to open for surgery on January 25* (Today. London: News Group Newspapers Ltd, 1992) [The British National Corpus].

С другой стороны, архисема ‘a set of (rooms)’ позволяет использовать лексему *suite* в широком диапазоне контекстов, обогащающих семантику данного слова: *The ship has two 335-square foot suites, but most cabins are between 146 and 190 square feet* [Herrera, 2020]. *The works are shown in a nimble, nonchronological suite of galleries, and some of its century-spanning juxtapositions are bracing; others feel reductive, even diletantish* [23 Art Exhibitions..., 2018]. Заметим, что приведённые выше примеры употребления лексемы *suite* также позволяют выделить сему ‘succession’, так как галерея или анфилада комнат предполагает пространственную последовательность, а не просто совокупность объектов.

Наиболее наглядно компонент ‘succession’ выступает в семантике предложно-субстантивного сочетания *en suite*. Являющееся галлицизмом по происхождению, в языке-источнике это сочетание буквально означало ‘in sequence’ [Stevenson, Waite, 2011, p. 475]. Сочетание *en suite* (*with*) пришло в английский язык в конце 18 века (1797) и первоначально употреблялось в значении ‘in agreement or harmony (*with*)’ [Onions, 1955, p. 2074]. В это же время в английском языке оформилось устойчивое сочетание (калька с французского заимствования) *in suit with* ‘in agreement or harmony with’ [Onions, 1955, p. 2073], за которым позднее и закрепилось указанное значение. Этот факт может свиде-

тельствовать о том, что определённое время лексемы *suit* и *suite* существовали как варианты в лексической системе английского языка.

Позднее у сочетания *en suite* развился семантический оттенок '(of rooms) in a series leading from one to the other (1818)' [Onions, 1955, p. 2074], также *en suite* (of a bathroom) 'immediately adjoining and accessible directly from a bedroom' [Stevenson, Waite, 2011, p. 475]. Сочетание *en suite* стало атрибутивом, который может стоять как в препозиции (что более привычно для английского синтаксиса), так и в постпозиции (что более характерно для французского синтаксиса) к определяемому существительному, функционируя как адъективная или адverbиальная единица соответственно: *an en suite bedroom, en suite facilities. Each bedroom in the hotel has a bathroom en suite / an en suite bathroom* [Hornby, 2005, p. 508]. Он характерен для британского варианта английского языка и в американском варианте заменяется на семантически эквивалентное сочетание *private bathroom* [Collins, 2009, p. 517].

2.4.3. Развитие значения слова **suite**, связанного с обозначением сюиты [Development of the word **suite** meaning denoting "a piece of music"]

Обратимся к анализу лексико-семантических вариантов слова *suite*, связанных с музыкальным искусством. Музыкальный термин «сюита» появился впервые во Франции в 16 веке: именно там «возникла традиция соединения в танцевальной сюите <...> размеренных, торжественных танцев-шествий и более быстрых» [Музыкальная энциклопедия, Т. 5, 1981, стлб. 360]. На вторую половину 17 – начало 18 вв. приходится «наибольшее количество заимствований из французского языка в новоанглийский период» [Аракин, 2011, с. 290], и именно в это время заимствуется музыкальный термин *suite*. Длительное время, однако, он использовался в различных значениях. В частности, в Англии группа танцев параллельно называлась *lessons* [Музыкальная энциклопедия, Т. 5, 1981, стлб. 360-361]. Значение лексемы *suite* 'a set or series of lessons, etc.' [Onions, 1955, p. 2074] не сохранилось в современном английском языке.

Развитие программного симфонизма в 19 веке повлияло на разнообразие типов построения сюиты: в середине столетия «появляются сюиты, составленные из музыки к театральным постановкам, к балетам, операм» [Музыкальная энциклопедия, Т. 5, 1981, стлб. 362]. Соответственно, на протяжении 19 века происходит семантическая деривация, отражающая развитие музыкальной формы-денотата. Первоначально это обозначение музыкального цикла, построенного на чередовании танцевальных мелодий: 'a series of dance tunes arranged for one or more instruments and composed in the same key or related keys (1801)' [Onions, 1955, p. 2074]. Позднее это последовательность песен или музыкальных фрагментов, объединённых тематикой и принадлежащих одному композитору: 'a collection of pieces or songs by one composer on one main theme to be performed in sequence at one time (1902)' [Onions, 1955, p. 2074].

На современном этапе значение слова *suite* основывается на представлении о том, что это музыкальная форма, составленная из последовательно исполняемых частей: 'a **set of** instrumental **compositions** to be **played in succession**. // **A set of pieces** from an opera or musical **arranged as one instrumental work**' [Stevenson, Waite, 2011, p. 1442], '1) a 17th and 18th century instrumental musical form consisting of a series of dances in the same or related keys, 2) a modern instrumental **composition** in several movements of different character, 3) a long orchestral **concert arrangement in suite form** of material drawn from a longer work (such as a ballet)' [Merriam-Webster, 2020]. Наиболее полные дефиниции дают представление о культурно-исторических коннотациях, входящих в объём понятия *suite* в синхронии.

3. Заключение [Conclusion]

На основе проведённого анализа можно сделать следующие выводы. Исторически в состав семантемы *suit* вошли как значения, связанные с обозначением комплекта, набора объектов, так и специализированные, позволяющие отнести данную лексему к сфере юридической терминологии, а также к системе исторических терминов, характеризующих феодальные правоотношения. В семантеме слова *suite* представлены значения, которые сформировались на основе семантического компонента ‘a succession of series of specimens’ и позволяют включить данную лексическую единицу в терминологические системы естественных наук, искусствоведения, информационных технологий. В этом проявляется тенденция к семантической дивергенции этимологических дублетов *suit* и *suite*.

Семантические множества, представленные семантемами *suit* и *suite*, пересекаются в точке ‘set, series’. Компонент ‘set, series’ сохраняется в составе тех значений лексемы *suit*, которые сложились до повторного заимствования галлицизма *suite*: обозначение костюма, карточной масти, набора корабельных снастей или доспехов, проявляя в последнем случае определённую степень фразеологической связанности. Лексема *suite*, употреблённая в значении совокупности объектов, характеризуется более широким сочетаемостным диапазоном.

Вторичное заимствование *suite* активно осваивается лексической системой языка-реципиента, принимая в свою семантему часть значений лексемы *suit* и в процессе последующей семантической деривации развивая новые значения на базе архисемы ‘a succession of series of specimens’. Контексты употребления лексемы *suite*, взятые из современных источников, позволяют предположить, что у данной языковой единицы в перспективе может быть выделен дополнительный лексико-семантический вариант: совокупность произведений изобразительного искусства, которые объединены тематикой и авторством. Таким образом, процесс семантической дивергенции этимологических дублетов *suit* и *suite* на современном этапе представляется незавершённым.

На наш взгляд, является перспективным сопоставление других пар этимологических дублетов и выявление механизмов их семантического взаимодействия, степени освоенности данных лексем языком-реципиентом, а также потенциальных векторов их семантической деривации.

Список литературы

- Амосова, 2010 – Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. 2-е изд., доп. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 224 с.
- Аракин, 2011 – Аракин, В. Д. История английского языка : учеб. пособие. 3-е изд., испр. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2011. 304 с.
- Гурова, 2010 – Гурова Ю. И. Историческо-семантический анализ этимологических дублетов современного английского языка // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной международной научной конференции, Екатеринбург, 5–6 февраля 2010 г. ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. Ч. I. С. 76–81.
- Захарова, Исакович, 2018 – Захарова М. А., Исакович Е. А. Семантическая структура лексем SUIT и COSTUME, обозначающих разновидности одежды: сопоставительный анализ // Вестник Костромского гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 2. С. 220–224.
- Кочурова, 2009 – Кочурова Ю. Н. Латино-французские этимологические дублеты в английском языке // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (1). С. 65–67.
- Кругляк, 2018 – Кругляк Е. Е. Межъязыковые этимологические дублеты (на примере существительного *char* в английском и французском языках) // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: Международный сб. науч. статей. Вып. 8. – Нижний Новгород : ООО «Альба», 2018. С. 115–118.

- Музыкальная энциклопедия..., 1981 – Музыкальная энциклопедия: в 6-ти тт. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: «Советская энциклопедия», 1981. Т. 5: Симон–Хейлер. 1056 с.
- Никитина, 1985 – Никитина, М. О. Этимологические дублеты в истории английского языка (к проблеме тождества слова): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Никитина Марина Олеговна; МГУ. М., 1985. 203 с.
- Стернин, Стернина, 2017 – Стернин, И. А., Стернина, М. А. Виды и методы сопоставительных исследований лексики // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2017. № 1. С. 66–68.
- Царевская, 2006 – Царевская, И. В. Этимологические единицы общего происхождения: лексико-семантический аспект исследования (на материале русского и английского языков): автореф. ... дисс. канд. филол. наук: 10.02.19 / Царевская Ирина Валентиновна; Ростовский гос. строительный ун-т. Краснодар, 2006. 19 с.

Источники дефиниций и иллюстративного материала

- Амосова и др., 1979 – Большой англо-русский словарь: в 2-х т. Ок. 150 000 слов / сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин и др. 3-е изд., стереотип. Т. 2. М–Z. М.: Рус. яз., 1979. 864 с.
- 23 Art Exhibitions..., 2018 – 23 Art Exhibitions to View in N.Y.C. This Weekend. Scenes from the collection // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/12/arts/design/art-and-museums-in-nyc-this-week.html> (дата обращения: 16.02.20).
- Аyto, 2010 – The Oxford Dictionary of English Idioms / Ed. by J. Ayto. 3rd ed. Oxford [etc.]: Oxford Univ. Press, 2010. 416 p.
- Collins, 2006 – The Collins COBUILD Idioms Dictionary. 2nd ed. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2006. 512 p.
- Collins, 2009 – Collins COBUILD Advanced Dictionary. Glasgow: HarperCollins Publishers: Boston: Heinle Cengage Learning, 2009. 1982 p.
- Collins English Dictionary, 2020 – Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/nullity-suit> (дата обращения: 16.02.20).
- Douglas, 2017 – Douglas, S. McArthur Binion Addresses the Past in a Stunning Suite of Paintings. URL: <http://www.artnews.com/2017/05/09/mcarthur-binion-addresses-the-past-in-a-stunning-suite-of-paintings/> (дата обращения: 16.02.20).
- Herrera, 2020 – Herrera, C. Retirees, this new cruise line is for you. There are no kids, and booze is included. URL: <http://www.miamiherald.com/news/business/tourism-cruises/article211691259.html> (дата обращения: 16.02.20).
- Hill, Lewis, 1999 – Dictionary of Selected Collocations / Ed. by J. Hill, M. Lewis. Reprinted edition. Hove: Language Teaching Publications, 1999. 288 p.
- Hoad, 2003 – The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by T. F. Hoad. Oxford: Oxford University Press. 2003. 568 p.
- Hornby, 2005 – Hornby, A. S. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 7th ed. Oxford [etc.]: Oxford Univ. Press, 2005. 1912 p.
- Larousse, 2020 – Larousse. Le Dictionnaire de français. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/suite/75305> (дата обращения: 16.02.20).
- Law, Martin, 2009 – A Dictionary of Law / Ed. by J. Law, E. A. Martin. 7th ed. Oxford [etc.]: Oxford Univ. Press, 2009. 614 p.
- Lea, 2014 – The Oxford Learner's Dictionary of Academic English / Chief Ed. D. Lea. Oxford [etc.]: Oxford Univ. Press, 2014. 1034 p.
- Legal Dictionary, 2020 – Legal Dictionary. URL: <https://dictionary.law.com/Default.aspx?typed=suit&type=1> (дата обращения: 16.02.20).
- Le Trésor..., 2020 – Le Trésor de la Langue Française informatisé. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/suite> (дата обращения: 16.02.20).
- McDonald Parker, 2020 – McDonald Parker, Robert. Pablo Picasso 1881–1973. Chronology. URL: <http://www.museopicassomalaga.org/en/pablo-picasso> (дата обращения: 16.02.20).

- Merriam-Webster, 2020 – The Dictionary by Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения : 16.02.2020).
- Microsoft Computer Dictionary, 2002 – Microsoft Computer Dictionary. 5th ed. Redmond : Microsoft Press, 2002. 646 p.
- Onions, 1955 – The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / Ed. by C. T. Onions. 3rd edition, revised with addenda. Oxford : At the Clarendon Press, 1955. 2538 p.
- Oxford Collocations Dictionary..., 2003 – Oxford Collocations Dictionary for students of English. Oxford [etc.] : Oxford Univ. Press, 2003. 927 p.
- Oxford Advanced..., 2020 – The Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (дата обращения : 16.02.20).
- Pyne, Tuck, 1996 – The Oxford Dictionary of Computing for learners of English / Ed. by S. Pyne, A. Tuck. Oxford : Oxford Univ. Press, 1996. 400 p.
- Robert, 1979 – Le Petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Vol. 1 / Par Paul Robert. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. Paris : Société du nouveau littré. 1979. 2203 p.
- Stevenson, Waite, 2011 – The Concise Oxford English Dictionary / Ed. by A. Stevenson, M. Waite. 12th ed. Oxford [etc.] : Oxford Univ. Press, 2011. 1726 p.
- The British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения : 16.02.2020).

UDC 811.111

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_31_45

Mariya A. Zakharova, Ekaterina A. Isakovich
Volgograd State Institute of Arts and Culture
Volgograd, Russian Federation

forestwell@yandex.ru, k.isakovich@mail.ru

Semantic development of the cognate nouns *suit* and *suite* in the English language

Abstract

The paper presents the results of comparative analysis of the semantic structure of the lexemes *suit* and *suite* as intralingual cognates. The development of the main semantic clusters constituting the semanteme of *suit* are considered. The archisemes 'feudal law', 'pursuit; prosecution, legal process', 'following, train, suite' and 'set, series' that define the contemporary structure of the semanteme are considered on the basis of lexicographic material. The meanings that constitute the semanteme of *suite* are studied. The archisemes 'set' and 'succession' that determine further semantic derivation in the semanteme of *suite* have been identified in the course of analysis of the dictionary definitions and contextual uses of the lexeme. Lexicographic analysis of the material enabled to conclude that there was redistribution of particular word meanings between the semantemes of the earlier borrowing (*suit*) and the later one (*suite*), which in turn determined the course of further semantic development of the lexemes. The paper also considers some cases of inclusion of *suite* in particular systems of technical lexis. A possible course of further semantic derivation of the lexeme has been outlined.

Keywords: cognates (etymological twins), semantic derivation, French borrowings, the lexical system of the English language.

© Zakharova M. A., Isakovich E. A. 2021

For citation: Zakharova, M. A., Isakovich, E. A. (2021). Semanticheskoe razvitiye sushchestvitel'nykh-etimologicheskikh dubletov suit i suite v angliyskom yazyke [Semantic development of the cognate nouns suit and suite in the English language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 22–30. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_31_45.

References

- Amosova, N. N. (2010). *Etimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo angliyskogo yazyka* [The etymological basis of the lexis of the English language]. Moscow.
- Arakin, V. D. (2011). *Istoriya angliyskogo yazyka* [A history of the English language]. Moscow.
- Gurova, Yu. I. (2010). Istoricheskio-semanticheskiy analiz etimologicheskikh dubletov sovremennogo angliyskogo yazyka [Historical and semantic analysis of cognates in the contemporary English language]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki. Materialy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, 5–6 fevralya 2010 g. CH. I.* [Actual problems of German, Roman and Russian studies. Proc. of the Annual International Scientific Conference, 2010, Part I] (Vol. 1, pp. 76–81). Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University.
- Zakharova, M. A., Isakovich, E. A. (2018). Semanticheskaya struktura leksem SUIT i COSTUME, oboznachayushchikh raznovidnosti odezhdy: sopostavitel'nyy analiz [The semantic structure of the lexemes "suit" and "costume" denoting different types of clothes: A comparative analysis]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 24 (2), 220–224.
- Kochurova, Yu. N. (2009). Latino-frantsuzskie etimologicheskie dublety v angliyskom yazyke [Latin-French cognates in the English language]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [The Almanac of contemporary science and education], 2 (1), 65–67.
- Kruglyak, E. E. (2018). Mezh'yazykovye etimologicheskie dublety (na primere sushchestvitel'nogo char v angliyskom i frantsuzskom yazykakh) [Interligual cognates (on the example of the noun char in the English and French languages)]. *Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda: Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh statey* [Actual problems of translatology and practice of translation: International collection of scientific papers] (Vol. 8, pp. 115–118). Nizhny Novgorod.
- Keldysh, Yu. V. (Ed.). (1981). *Muzykal'naya entsiklopediya* [Encyclopaedia of Music]: In 6 volumes (Vol. 5). Moscow.
- Nikitina, M. O. (1985). *Etimologicheskie dublety v istorii angliyskogo yazyka (k probleme tozhdestva slova)* [Cognates in the history of the English language: on the problem of lexical identity]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State University.
- Sternin, I. A., Sternina, M. A. (2017). Vidy i metody sopostavitel'nykh issledovaniy leksiki [Types and method of comparative studies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Philology. Journalism], 1, 66–68.
- Tsarevskaya, I. V. (2006). *Etimologicheskie edinitsy obshchego proiskhozhdeniya: leksiko-semanticheskiy aspekt issledovaniya (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Etymological units of the common origin: A lexico-semantic approach (on the basis of the English and Russian languages)]. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar.

Illustration material sources

- Amosova, N. N., Apresyan, Yu. D., Galperin, I. R. (Eds.). (1979). *Bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [Big English-Russian Dictionary]. 3rd stereotype ed. (Vol. 2. M–Z). Moscow.
- 23 Art Exhibitions to View in N.Y.C. This Weekend. Retrieved February 16, 2020 from <<https://www.nytimes.com/2018/07/12/arts/design/art-and-museums-in-nyc-this-week.html>>.
- Ayto, J. (Ed.). (2010). *The Oxford Dictionary of English Idioms*. 3rd ed. Oxford [etc.] : Oxford Univ. Press.
- The Collins COBUILD Idioms Dictionary (2006). 2nd ed. Glasgow: HarperCollins Publishers.
- Collins COBUILD Advanced Dictionary (2009). Glasgow : HarperCollins Publishers : Boston : Heinle Cengage Learning.
- Collins English Dictionary. Retrieved February 16, 2020 from <<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/nullity-suit>>.

- Douglas, S. (2017). *McArthur Binion Addresses the Past in a Stunning Suite of Paintings*. Retrieved February 16, 2020 from <<http://www.artnews.com/2017/05/09/mcarthur-binion-addresses-the-past-in-a-stunning-suite-of-paintings/>>.
- Herrera, C. (2020). *Retirees, this new cruise line is for you. There are no kids, and booze is included*. Retrieved February 16, 2020 from <<http://www.miamiherald.com/news/business/tourism-cruises/article211691259.html>>.
- Hill, J., Lewis, M. (Eds). (1999). *Dictionary of Selected Collocations*. Reprinted edition. Hove : Language Teaching Publications.
- Hoad, T. F. (Ed.). (2003). *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford : Oxford University Press.
- Hornby, A. S. (2005). *The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Chief Ed. S. Wehmeier. 7th ed. Oxford [etc.] : Oxford Univ. Press.
- Larousse. Le Dictionnaire de français. Retrieved February 16, 2020 from <<https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/suite/75305>>.
- Law, J., Martin, E. A. (Eds). (2009). *A Dictionary of Law*. 7th ed. Oxford [etc.] : Oxford Univ. press.
- Lea, D. (Ed.). (2014). *The Oxford Learner's Dictionary of Academic English*. Oxford [etc.] : Oxford Univ. Press.
- Legal Dictionary. Retrieved February 16, 2020 from <<https://dictionary.law.com/Default.aspx?typed=suit&type=1>>.
- Le Trésor de la Langue Française informatisé. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Retrieved February 16, 2020 from <<http://www.cnrtl.fr/etymologie>>.
- McDonald Parker, Robert. Pablo Picasso 1881–1973. Chronology. Retrieved February 16, 2020 from <<http://www.museopicassomalaga.org/en/pablo-picasso>>.
- The Dictionary by Merriam-Webster. Retrieved February 16, 2020 from <<https://www.merriam-webster.com/dictionary>>.
- Microsoft Computer Dictionary (2002). 5th ed. Redmond: Microsoft Press.
- Onions, C. T. (Ed.). (1955). *The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. 3rd ed., revised with addenda. Oxford : At the Clarendon Press.
- Oxford Collocations Dictionary for students of English (2003). Oxford [etc.] : Oxford Univ. press.
- The Oxford Advanced Learner's Dictionary. Retrieved February 16, 2020 from <<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english>>.
- Pyne, S., Tuck, A. (Eds). (1996). *The Oxford Dictionary of Computing for learners of English*. Oxford : Oxford Univ. Press.
- Robert, P. (1979). *Le Petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. (Vol. 1). Paris : Société du nouveau littré.
- Stevenson, A., Waite, M. (Eds). (2011). *The Concise Oxford English Dictionary*. 12th ed. Oxford [etc.] : Oxford Univ. Press.
- The British National Corpus. Retrieved February 16, 2020 from <<https://www.english-corpora.org/bnc>>.

**Зырянов Михаил Сергеевич, Кашпур Валерия Викторовна,
Андреева Татьяна Леонидовна**

Томский государственный университет

Томск, Российская Федерация

airbourne@sibmail.com, valkashpur@inbox.ru, andreeva.tl2012@mail.ru

«Свой»: анализ языковой репрезентации и моделирование категории (на материале существительных, функционирующих в текстах российских и американских СМИ о вооруженном конфликте в Сирии)

Аннотация

В статье предпринята попытка описания лексической репрезентации семантической категории «свой» посредством имени существительного в текстах СМИ, освещающих вооружённый конфликт в Сирии, за 2015–2016 гг. В ходе анализа российских и американских текстов было выявлено 1163 и 864 существительных соответственно, которые были распределены по 10 лексико-семантическим группам (ЛСГ). На основе полученных результатов построена авторская модель категории «свой» и произведено сопоставление её актуализаций в российском и американском корпусах текстов. «Свой» – это субъект («номинации»), обладающий определёнными характеристиками («форма и структура», «качества и атрибуты», «противопоставление»), по определённым причинам («мотивация») действующий определённым образом («деятельность», «взаимодействие с союзником / собой», «взаимодействие с “чужим”») с определённым результатом («внешние последствия деятельности», «внутренние последствия деятельности»). Национальная специфика заключается в разной степени актуализации смыслов, выраженных существительными, репрезентирующими данные ЛСГ. Российский «свой» при экспликации содержания демонстрирует направленность вовнутрь, «вглубь», акцентируя содержательный элемент категории, а американский – вовне, «вширь», акцентируя её описательный элемент. Первый при контакте ориентирован больше на эмпатию, а второй – на организованное взаимодействие. Для российского «своего» более значимы действия по предотвращению деятельности «чужого», т. е. по защите себя, союзников и ценностей от посягательств.

Ключевые слова: «свой», имя существительное, модель, сопоставление, информационное противоборство, вооружённый конфликт, Сирия.

© Зырянов М. С., Кашпур В. В., Андреева Т. Л. 2021

Для цитирования: Зырянов М. С., Кашпур В. В., Андреева Т. Л. «Свой»: анализ языковой репрезентации и моделирование категории (на материале существительных, функционирующих в текстах российских и американских СМИ о вооруженном конфликте в Сирии) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 46–62. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62.

1. Введение [Introduction]

В основе любой культуры лежит разделение мира на пространство «наше» / «своё» / «безопасное» / «гармонически организованное» и «их» / «чужое» / «враждебное» / «опасное» / «хаотичное» [Лотман, 1996, с. 175], причём подобное противопоставление пронизывает «всякое коллективное, массовое, народное, национальное мироощущение» [Степанов, 1997, с. 472 ; Балашова, 2014]. Каждому феномену соответствует его «отражение», искажённое тем или иным образом. Б. Ф. Поршнев считает, что первичен в этом дуализме «чужой», а «свой» (Поршнев использует концепты «Мы» и «Они») возникает лишь на базе выявления отличий от «чужого» [Поршнев,

1979, с. 44–72]. Эту точку зрения разделяют Е. А. Гапанович и Н. С. Смольникова [Гапанович, 2012, с. 12], а также В. Г. Лысенко, указывающий, что собственно познание «чужого» как таковое служит самопознанию [Лысенко, 2010, с. 90–102]. Ю. М. Лотман придерживается противоположной позиции – реальный «чужой» непознаваем, все отличия между «своим» и гипотетическим «чужим» культура лишь предполагает, но не фиксирует: «...никакое “мы” не может существовать, если отсутствуют “они”, культура создаёт не только свой тип внутренней организации, но и свой тип внешней “дезорганизации”. <...> Безразлично, видит ли данная культура в «варваре» спасителя или врага, <...> она имеет дело с конструктом, построенным как её собственное перевёрнутое отражение» [Лотман, 1996, с. 192]. Э. Гуссерль полагает, что «чужой» («Другой») является активным членом оппозиции, поскольку своими действиями «творит» себя для воспринимающего, наравне с ним определяет смыслы мира и, по существу, выступает точкой отсчёта для Я [Гуссерль, 1997, с. 28–44].

А. А. Матвеева категорию «свой – чужой» рассматривает сквозь призму оценочной параметризации, выделяя оппозиции положительной и отрицательной, эксплицитной и имплицитной, абсолютной и сравнительной, субъективной и объективной, рациональной и эмоциональной, общей и частной оценки [Матвеева, 2011]. М. Л. Лаптева определяет оппозицию «свой – чужой» как концептосферу, относящуюся к культурно-значимому фрагменту картины мира, отражённому сознанием [Лаптева, 2013]. Концепт «свой – чужой» подробно анализируется Л. А. Кранышевой на материале рассказов о войне через противопоставление двух лингвокультур – советской и культуры инакомыслия, имеющей антисоветский характер [Кранышева, 2008]. Согласно Ю. А. Храмовой, «свой – чужой» как концептуальная диада отражает противоречивые образы, проявляемые в контрадикторности социального положения, статусных, качеств личности и т. п. и базирующиеся на столкновении общественных и индивидуальных интересов, противопоставлении эмоционального и рационального начал и т. д. [Храмова, 2010].

В целом, семантическая оппозиция «свой – чужой» является одной из основных предлогических бинарных парадигм мышления, она используется во всех видах человеческой деятельности и обладает иерархической структурой, базирующейся на различных уровнях противопоставления: во-первых, противопоставление себя окружающему миру (оппозиция «Я – Другое» / «Я – Оно»), во-вторых, своей личности – другой индивидуальности («Я – Ты»), в-третьих, собственной личности – первичной социальной группе («Я – Мы» / «Я – Вы») и, в-четвёртых, группы, членом которой является индивид, другой социальной группе («Мы – Они» / «Мы – Вы»).

Граница между «своим» и «чужим» может проходить по линии раздела таких категорий, как пространство («центр – периферия», «верх – низ»), время («прошлое – настоящее»), язык («родной – неродной»), человек («человеческое – нечеловеческое»), принадлежность к чему- или кому-либо («внутреннее – внешнее»), кровное родство («член семьи – чужак»), возраст («старое – новое»), пол и гендер («мужчина – женщина», «гомосексуальность – гетеросексуальность»), степень близости («близко – далеко»), религия («вера – суеверия», «бог – дьявол»), этнос («родной – неродной») и др. Также на основе оппозиции «свой – чужой» строятся дихотомии моральных категорий («добро – зло») и различные концептуальные диады, предполагающие сочетание и контраст взаимоисключающих понятий из области ценностной системы человека как такового («жизнь – смерть», «здоровье – болезнь»).

Сама по себе оппозиция «свой – чужой» не содержит никакой объективной информации априорно однозначного характера и выступает в роли инструмента структурирования мира в целом и любой области восприятия и воздействия человека или группы в частности. Она представляет собой определённую рамку мышления, фокуси-

рующую внимание и акцентирующую определённые признаки тех или иных объектов и явлений, по отношению к которым она применяется. Оппозиция базируется на системе ценностей носителя и выполняет функции: 1) на уровне отдельной личности – структурирование (познание) мира и мышления (самопознание); 2) на уровне группы – идентификация, консолидация, предписание норм и различение.

Деление на «свое» и «чужое» способствует как упрощению понимания бесконечно сложной, многомерной и многофакторной реальности, так и формированию (выявлению) своего к ней отношения, что, с одной стороны, облегчает интерпретацию и взаимодействие, а с другой – провоцирует стереотипизацию мышления.

Мышление неразрывно связано с языком, язык же воплощается в речи, таким образом, оппозиция «свой – чужой» как неотъемлемая часть мышления находит своё место в области лингвистических исследований. Оппозиция активно используется как в устной, так и в письменной формах речи; прослеживается во всех видах дискурсов, в частности, в точке схождения публицистического, массмедийного и политического дискурсов, где и является основополагающей структурой: «семантика “свойственности – чуждости” является в политическом дискурсе базовым языковым механизмом в реализации стратегий и тактик, направленных на моделирование общественного сознания и корреляцию социальных действий» [Кишина, 2011, с. 177]. По мнению Е. И. Шейгал, «оппозиция “свой – чужие” представляет специфику политического дискурса, так же как оппозиция “добро – зло” является базовой для области морального, “прекрасное – безобразное” – в области эстетического ... любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичными по отношению к данной оппозиции»; при этом политический дискурс характеризуется как «непрекращающийся диалог – поединок ... в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление» [Шейгал, 2004, с. 31]. Идею о ведущей роли оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе поддерживает Л. Н. Синельникова, которая утверждает, что бинарная оппозиция «свой – чужой» всегда базируется на жёсткой аксиологической оппозиции: «свой» занимает место на шкале «хорошо», «правильно», «чужой» – на шкале «плохо», «неправильно», что коррелирует с основной функцией политического дискурса, а именно борьбой за власть [Синельникова, 2010]. Соответственно, здесь модель «свой – чужой» будет использоваться в качестве информационного оружия, за счёт своей универсальности позволяющего расслаивать реальность и перекраивать логические и культурные матрицы массового и индивидуального адресата радикальным образом, формируя общественное мнение и посредством этого – политически ангажированную общность, действующую в интересах субъекта.

В данном исследовании 1) выявляется и анализируется языковая репрезентация члена оппозиции «свой – чужой», категории «свой», реализованная посредством имени существительного, в российских и американских СМИ (в текстах, освещающих вооружённый конфликт в Сирии в 2015–2016 гг.), 2) выстраивается модель категории «свой» и сопоставляются её актуализации в российском и американском корпусах текстов.

2. Анализ языковой репрезентации и моделирование категории «свой» [Analyzing linguistic representation and modeling the category “Friend”]

Сирийский вооружённый конфликт стал ключевым для интересов России и США на Ближнем и Среднем Востоке во второй декаде XXI в., а государства-участники оказались вовлечены в широкомасштабное информационное противоборство, осуществляемое, в частности, посредством СМИ (также называемое информационной, или информационно-психологической войной).

Интерес к данной теме обусловлен несколькими факторами: а) этическим – глобализация и информатизация общества как расширяют поле применения информации, так и усиливают потенциал её вредоносного воздействия на все системы общества; б) инновационным – возникают новые площадки для реализации и функционирования «вечной» категории «свой – чужой»; например, современная информационно-психологическая война – одна из таких площадок; в) социальным – конструирование в сознании адресата дискурсивной реальности второго порядка приводит к изменению социальных практик и институтов в реальном мире; г) когнитивным – исследование функционирования категории в новой среде служит выявлению специфики познания мира и структурирования поступающей информации; д) психологическим – знание ключевых точек приложения информационного давления позволяет моделировать желаемое поведение и изучать результирующие психологические процессы.

В данном исследовании информационное противоборство (далее – ИП) понимается как комплекс целенаправленных коммуникативных действий, реализуемых субъектом в информационном пространстве посредством любых доступных каналов связи с целью обеспечения себе информационного превосходства и коррекции сознания адресата, черпающего из этого пространства, таким образом, чтобы вне зависимости от личных интересов адресата его деятельность (или бездеятельность) приносила пользу субъекту и служила делу осуществления его задач в реальном мире [Зырянов, 2017]. Осуществляемая деятельность носит коммуникативный характер, поскольку базируется на успешном информационном взаимодействии: вначале между субъектом (актором) и объектом (информационным пространством) – внедрение информации, затем между объектом и реципиентом (массовый и индивидуальный адресат, целевая аудитория) – воздействие на аудиторию и отклик, и снова между объектом и субъектом (обратная связь). Внедряемая информация носит манипулятивный или модифицирующий характер, она призвана повлиять на действия адресата путём коррекции его мотивации, т. е. изменения в когнитивной структуре адресата, производимые информационной атакой, должны повлечь за собой изменения в его поведенческой структуре, реальные последствия которых будут на пользу субъекту воздействия. Таким образом, вышеописанное воздействие носит информационно-психологический характер: при этом информационный аспект понимается прежде всего как целенаправленные действия по сообщению адресату сведений, уменьшающих неопределённость в той области, к которой они относятся (информирование), и сбор сведений о его реакции (в рамках данного исследования не ставится задача осветить структуру осуществления таковой обратной связи); под психологическим аспектом понимается изменение когнитивных, ценностных и поведенческих установок адресата по отношению к области информирования (реакция) вследствие полученных им сведений.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые производятся описание и сопоставительный анализ языковой репрезентации семантической оппозиции «свой – чужой» 1) в контексте изучения категории как лингвистического средства воздействия в информационной войне (ИП) XXI века; 2) на актуальном материале двух языковых систем; 3) в освещении вооружённого конфликта в точке геополитического и геостратегического значения, в который оба субъекта ИП непосредственно вовлечены. В статье предлагается авторская модель семантической категории «свой», в состав которой входят 10 компонентов – лексико-семантических групп (далее – ЛСГ), выделенных по результатам проведённого исследования.

Авторы опираются на онтологический и гносеологический подходы. В ходе исследования использованы следующие методы и приёмы: 1) метод научного описания (в его рамках применялся приём контекстного анализа с целью выявления языковых еди-

ниц и структур, реализующих семантику «свой – чужой»); 2) метод контент-анализа (статистический подсчёт специально выбранных текстовых единиц); 3) индуктивный метод (выявление общих ЛСГ на основании частных примеров их вербализации); 4) метод статистического анализа (для определения степени вариативности каждой ЛСГ); 5) методы синтеза и моделирования (построение цельной модели категории с учётом выделенных ЛСГ и их особенностей); 6) сопоставительный анализ, позволяющий выявить сходства и различия, общее и частное в составе и структуре модели на материале двух языковых систем (русский язык и американский английский).

Оппозиция «свой – чужой» может воплощаться на всех уровнях языка и речи, способных выражать оценочность и эмотивность, однако по общему признанию приоритетное положение занимают единицы лексического уровня [Кишина, 2009, с. 13; Богомазова, 2015, с. 42]. В рамках данного исследования внимание сосредоточено на существительных, реализующих семантику «свойственности» в анализируемых текстах.

«Свой» является неизменной составляющей информационного пространства субъекта, аккумулируя в себе воплощение базовых аспектов системы ценностей субъекта (индивида или группы). Применительно к группе «свой» функционирует как средство сплочения, объединяя её членов вокруг главных категориальных признаков принадлежности к данной группе. В то же время, будучи объектом реального мира или информационного пространства, «свой» неизменно наделяется положительными характеристиками, его деятельность интерпретируется как правильная, полезная и приятная, его способ существования в мире, являясь неотъемлемой частью самой его сути, выступает в качестве образца для подражания.

В ходе исследования методом сплошной выборки было проанализировано 500 текстов российских и американских СМИ, освещающих данный конфликт. В результате анализа исследовательское внимание было сосредоточено на 60 статьях объёмом до 3 тысяч знаков (достаточным для распространённого описания ситуаций), опубликованных в следующих источниках: 1) российский корпус: «Аргументы и Факты», «Независимая газета», «Российская газета» (по 10 статей из каждой газеты); 2) американский корпус: «CNN», «Los Angeles Times», «New York Times» (так же по 10 статей); более 52000 слов в целом. Популярность обеспечивает этим СМИ обширность охвата аудитории и, следовательно, высокую актуальность используемых речевых средств, а их проправительственная ориентация обеспечивает однородность освещения событий.

В ходе исследования методом сплошной выборки было выявлено 2027 имён существительных, вербализующих семантическую категорию «свой»: 1163 существительных в российском корпусе и 864 – в американском. Отметим, что по количеству репрезентантов российский корпус превосходит американский в 1,346 раза. Формальными маркерами значения свойственности являлись: положительная коннотация употребляемых единиц (*эксперт, победитель, leader, activist* и др.), личные и притяжательные местоимения первого лица множественного числа, указывающие на категоризирующий субъект (*наши, мы, our, we*), прилагательные, указывающие на геополитическую принадлежность данного субъекта (*российские, U.S.*). Отметим, что при анализе не учитывались названия геополитических субъектов (или акторов) в силу нейтральности их лексического значения, однако они могут выполнять функцию маркеров «свойственности» (или «чуждости»). В содержательном плане нас интересовало то, как отвлечённый семантический потенциал встречающихся в корпусе имён существительных актуализируется при использовании того или иного существительного в качестве элемента конструирования модели «своего» с учётом непосредственного контекста (в рамках предложения), и то, какие существенные черты данной модели репрезентируются посредством означенной актуализации.

По результатам анализа контекстов для выявленных имён существительных выделены 10 ЛСГ, репрезентирующих категорию «свой». Для каждой группы приводятся пять наиболее частотных единиц и даются типичные контексты употребления:

1) номинации (идентификация и детерминация – существительные, определяющие и называющие «своего»):

в российском (рос.) корпусе (122 всего / 46 уникальных¹): *авиация* (15), *эксперт* (13), *военные* (10), *лётчики* (10), *руководство* (5): *Однако российские эксперты в эту версию американцев не верят, Наши лётчики потренировались...*;

в американском (амер.) корпусе (175 / 32): *rebels* (48), *leaders* (16), *activist* (16), *fighters* (13), *insurgents* (11): *Kerry is also meeting with world leaders interested in ousting Assad..., It's not hard to get into Raqqa. The problem, one prominent activist tells CNN, is getting out;*

2) форма и структура (организация надындивидуальных существования и деятельности):

рос. (70 / 19): *войска* (18), *армия* (12), *группировка* (4), *население* (3), *авиагруппа* (2): *...тяжёлое артиллерийское вооружение сирийских войск стреляет исключительно по вскрытым огневым точкам, Отсутствию сколько-нибудь заметных результатов антитеррористической операции американцев и их союзников были противопоставлены интенсивность и эффективность боевой работы авиагруппировки российских Воздушно-космических сил в Сирии;*

амер. (152 / 20): *groups* (39), *opposition* (29), *coalition* (21), *forces* (21), *people* (9): *Similarly, the failure of the West to stand up moderate opposition to al-Assad, its reluctance to engage capable Islamist groups such as Ahrar al Sham and help them take the battle to the regime, provided Russia with an opportunity to reshape the battlefield, Today, the deployment of Russian anti-air missiles and Su-30 interdiction fighters in Latakia demolishes any chance the coalition has of enforcing a no-fly zone in northern Syria free from al-Assad's barrel bombs;*

3) качества и атрибуты (всё, присущее образу; свойства и признаки материального и нематериального характера, выступающие как значимые черты «своего»):

рос. (183 / 101): *задачи* (10), *действия* (9), *интенсивность* (8), *возможность* (7), *цели* (6): *Свой оптимизм он [эксперт Евгений Сатановский] связывает с тем, что Москва ставит и выполняет конкретные задачи, а не занимается пиаром и рекламой, В этот день ВКС РФ продолжили наращивать интенсивность авиаударов по объектам «Исламского государства»;*

амер. (114 / 70): *options* (7), *strategy* (6), *approach* (5), *policy* (5), *reason* (4): *That approach involves new complications, Russia limits U.S. options in Syria;*

4) противопоставление (отсутствие / недостаточность / борьба; качество, признак или объект, оцениваемые отрицательно; либо отсутствие их у «своего» выступает положительным признаком, либо «свой» с ними борется – как в себе, так и вовне):

рос. (56 / 31): *огонь* (5), *террористы* (5), *угроза* (3), *боевики* (3), *проблемы* (2): *Стоит их [сирийские госструктуры] укрепить, и проблема начнет решаться, Дебаты могут стать одним из этапов целой череды шагов, предпринимаемых Россией с целью объединения усилий мировых держав для противодействия нарастающей с каждым днём угрозе со стороны «Исламского государства»;*

амер. (25 / 18): *militant* (3), *war* (3), *change* (2), *fear* (2), *terrorist* (2): *Still, officials acknowledged the risk that arms given to those groups could find their way to militants the U.S. opposes, We do not succumb to fear;*

5) мотивация (образ предмета потребности; объекты и явления, выступающие целями, ценностями и ориентирами):

¹ Под «уникальными» мы понимаем единицы языка без учёта количества их повторных включений в корпусе. Чем меньше доля уникальных единиц, тем больше в группе повторов отдельных лексем, и наоборот.

рос. (257 / 129): *перемирие* (14), *страна* (10), *задачи* (7), *дети* (6), *переговоры* (6): *Это [действия ВКС РФ в Сирии] позволило установить перемирие, начать доставку гуманитарных грузов и переговоры между сирийцами, Как и в любой войне, больше всего от нее страдают дети...*;

амер. (210 / 101): *people* (20), *solution* (9), *civilians* (9), *children* (7), *world* (6); *We also said that we needed a political solution for Syria..., The EU condemns the excessive, disproportionate and indiscriminate attacks that the Syrian regime continues to commit against its own people*;

б) деятельность (собственно действия, осуществляемые «своим» «по умолчанию», и их характер):

рос. (88 / 39): *работа* (12), *операция* (10), *усилия* (8), *действия* (6), *предложение* (4): *Очень важна будущая операция в районе городов Хомса и Хама, восстановление устойчивой связи между Дамаском и Средиземноморским побережьем, очистка северных провинций..., Но то, что американский министр обороны назвал «фундаментальной ошибкой» со стороны России, в регионе, напротив, приветствовали, увидев в действиях Москвы реальную военную поддержку своим усилиям в борьбе с террористами*;

амер. (67 / 34): *effort* (13), *deal* (4), *proposal* (4), *attempt* (4), *negotiations* (3): *U.S. defense officials have warned that Russia's move will inflame the civil war and set back efforts to drive out ISIS, The negotiations left open the thorny question of when Assad might leave power, and it was unclear whether he or disparate rebel groups fighting to topple him would sign on to any peace proposal*;

7) взаимодействие с союзником / собой (может включать действия по отношению к союзнику или другому «своему» либо их характер, а также формы взаимодействия с союзником):

рос. (108 / 50): *помощь* (13), *поддержка* (11), *взаимодействие* (6), *сотрудничество* (5), *партнёры* (4): *Под обстрел попала территория, куда ранее была направлена гуманитарная помощь..., При этом Россия и Франция пришли к согласию в том, что ведущее место в борьбе с ИГ на суше будет занимать Сирийская правительственная армия Башара Асада, а также войска «умеренной оппозиции» и курдов*;

амер. (40 / 16): *support* (8), *coalition* (6), *allies* (4), *aid* (4), *assistance* (3): *...and that opposition has always had our support, He insisted Russia was targeting the same militant groups as the U.S.-led coalition: IS, the al-Qaida-linked Nusra Front and other groups*;

8) взаимодействие с «чужим» (действия, предпринимаемые «своим» в отношении врагов):

рос. (208 / 45): *удары* (72), *борьба* (33), *авиаудары* (16), *бомбардировки* (10), *уничтожение* (6): *Как сказываются бомбардировки наших ВКС на боевиках и почему некоторые страны критикуют Россию за её действия в Сирии..., Иными словами, Пентагон отказывается сообщить Минобороны РФ сведения о позициях боевиков «Исламского государства», потому что их уничтожение не отвечает интересам американской стороны...*;

амер. (70 / 33): *airstrikes* (12), *strike* (6), *concern* (6), *sanctions* (4), *operation* (4): *Sanctions were the preferred option – cautious but eventually damaging, ...ISIS is trying to make buildings less of a target for coalition airstrikes*;

9) внешние последствия деятельности (результат существования «своего» для окружающей среды и других):

рос. (24 / 8): *урегулирование* (6), *соглашение* (5), *разрешение* (3), *эффект* (3), *освобождение* (2): *Россия и США обсудили ход выполнения плана по мирному урегулированию сирийского конфликта, Но до победы сирийских войск и полного освобождения от боевиков Сирии далеко*;

амер. (7 / 6): *resolution* (2), *overcome* (1), *establishment* (1), *stabilization* (1), *wonder* (1): *Schultz, who specializes in international conflict and conflict **resolution**, pointed to the solution reached in Bosnia some 20 years ago... , It is some **wonder**, then, that Erhaim took the incredible step of moving to Aleppo from London, where she got her Master's degree;*

10) внутренние последствия деятельности (результат «для себя», логическое развитие жизненного цикла и собственно действий):

рос. (47 / 13): *результат* (28), *успех* (5), *подтверждение* (3), *победа* (2), *достижение* (1): **Победа** над такими организациями, как ИГ – дело времени, В Сирии мы имеем блестящий **результат**;

амер. (4 / 3): *success* (2), *headway* (1), *results* (1): *...a group that is capable, motivated on the ground and you can enable their **success**, ...the United States was making **headway** in the struggle against terrorism....*

Таким образом, в исследуемых российских и американских текстах категория «свой» представлена набором ЛСГ, позволяющим выстроить модель данной категории. «Свой» – это некто («номинации»), обладающий определёнными характеристиками («форма и структура», «качества и атрибуты», «противопоставление»), действующий определённым образом («деятельность», «взаимодействие с союзником / собой», «взаимодействие с “чужим”», «внешние последствия деятельности», «внутренние последствия деятельности») по определённым причинам («мотивация»).

Набор ЛСГ, единицы которых участвуют в вербализации категории «свой», является универсальным, однако частотность употребляемых единиц и, следовательно, иерархия смыслов, различна в российском и американском корпусах.

Основными (по количественным показателям) ЛСГ, репрезентирующими категорию «свой» в проанализированных текстах, являются:

а) для российского корпуса:

«мотивация» (257 единиц, 129 уникальных единиц, 22,10% от всех репрезентантов в корпусе); представлена единицами, обозначающими объекты-мотиваторы, задающие вектор для организации деятельности «своего», сюда входит всё, подлежащее защите (люди и явления), непосредственные цели (материального и нематериального характера), ценности (также) и ориентиры, а также формы интенции. Рассмотрим примеры:

1. *Это будет ничья, которая похоронит нашу планету, поэтому главный фронт – информационный, борьба за мировое общественное мнение.* В данном контексте вербализуются два смысла: во-первых, планету необходимо защищать, поэтому любая деятельность, наносящая ей вред, должна пресекаться; во-вторых, общественное мнение важно для «своего», как и взаимодействие с носителями различных мнений.

2. *Мы требуем от Вашингтона полных и детальных объяснений – это целенаправленная поддержка ИГИЛ, или очередная ошибка.* Заявленная тактическая цель «своего» состоит в том, чтобы получить объяснения по поводу осознанной или неосознанной поддержки одним «чужим» деструктивной деятельности другого «чужого».

3. *Множество памятников за время войны уничтожено и в других частях страны.* Памятники культуры, как и культура в целом, относятся к ценностям, которые также необходимо оберегать от посягательств «чужого», их уничтожение «своим» расценивается как акт непосредственной агрессии в сторону всего человечества и себя лично;

«взаимодействие с “чужим”» (208 / 45, 17,88%); ЛСГ включает единицы, репрезентирующие отношение к «чужому» и характер непосредственного контакта с ним, направленного на уничтожение или подавление его. Рассмотрим примеры:

1. *В первый же день российские самолеты нанесли несколько ударов по объектам «ИГ» в Сирии.* По «чужому» наносятся авиаудары, при этом сам «чужой» низводится до уровня «объекта». Вкрапления военной лексики (*объект, отработать* и

аналогичные языковые единицы) встречаются регулярно и свидетельствуют об общей «милитаризованности» описания контакта с «чужим», что обусловлено и гипертемой всех исследованных текстов, а именно – освещением вооруженной борьбы с участием регулярных войск и паравоенных подразделений.

2. *Рассматривался ход реализации российско-американской договоренности от 9 сентября, предусматривающей укрепление режима прекращения боевых действий (РПБД) в Сирии, доставку гуманитарной помощи мирному населению и совместную борьбу с террористами.* С «чужим» следует бороться, в том числе – сообща, поскольку его деятельность вредоносна и опасна для всех остальных.

3. *Как заявила официальный представитель МИД России Мария Захарова, если раньше у РФ были подозрения, что выгораживается «Джебхат ан-Нусра», то теперь можно сделать страшный вывод – «Белый дом США защищает ИГИЛ».* «Свой» настороже, по отношению к «чужим» проявляет бдительность и подозрительность;

«качества и атрибуты» (183 / 101, 15,74%); группа включает единицы, обозначающие как собственно качества и атрибуты, так и любые свойства и признаки, значимые для описания фигуры «своего». Рассмотрим примеры:

1. *Российская авиация в настоящий момент нанесла несколько десятков ударов, при этом их эффективность больше, чем эффективность американских.* Абстрактное понятие эффективность охватывает любую деятельность «своего», в частности, по противодействию «чужим» (в данном случае речь идет о группировке ИГ, на которую производится атака, и коалиции, возглавляемой США, каковой предписывается атаковать ИГ и приписывается неэффективность в этом).

2. *При этом наши военнослужащие – и солдаты, и офицеры – проявили профессионализм, слаженность, умение организовать эту боевую работу вдали от своей территории...* Указанные качества по преимуществу характеризуют компетенции (в том числе профессиональные) в области выполнения любых действий, осуществляемых как в индивидуальном, так и в групповом порядке, что подчеркивает вышеупомянутую общую эффективность «своего» и его высокую функциональность в организованном групповом взаимодействии, свидетельствующую о развитой эмпатии.

3. *Президент отдельно поблагодарил личный состав, участвующий в операции на Ближнем Востоке, за профессионализм и мужество, отметив, что армия и флот «остаются надёжным гарантом суверенитета страны, играют ключевую роль в обеспечении глобальной и региональной безопасности».* Сочетая профессиональные качества с личными (мужество), «свой» выступает гарантом суверенитета либо обладает таковым гарантом, при этом *армия и флот* как атрибуты / форма существования «своего» вступают в системные отношения с другими элементами структуры его организованного существования (*ключевая роль*);

б) для американского корпуса:

«мотивация» (210 / 101, 24,31%):

1. *I belong to the people who raged against the regime in 2011, demanding their basic rights.* «Свой» требует соблюдения неотчуждаемых прав, каковые можно также отнести к «качествам и атрибутам» как присущие или должные быть присущими ему; при этом он, во-первых, готов к борьбе с превосходящими силами – в частности, защита попираемых прав легитимирует открытое противоборство с собственным государством, а во-вторых, ментально неотделим от других людей.

2. *She [гражданка Сирии, журналистка] is trying, she said, to «speak more about life».* Для «своего» важна жизнь: как на уровне организации быта, так и на уровне идеи. Он стремится сделать сохранение жизни центральной или одной из основополагающих частей своего дискурса; отсюда, интенции «своего» носят жизнеутверждающий и созидательный характер.

3. *Since then, the Islamic extremists have beheaded the antiquities expert who looked after the ruins and set about demolishing their architectural riches.* Аналогично российскому примеру 3, здесь «свой» подвергается атаке через посягательство «чужого» (ИГ) на культурные ценности, являющиеся общечеловеческим достоянием, которое «свой» неизменно защищает;

«номинации» (175 / 32, 20,25%); как правило, нарицательные существительные, используемые для вербализации «своего», обладают той или иной положительной коннотацией: так, в приведённых ниже примерах «свой» реализуется как личность активная (*активист*), обладающая выдающимися знаниями (*учёный*) и полномочиями (*командир*):

1. *The problem, one prominent activist tells CNN, is getting out.*

2. *As a scholar, I mourn the ongoing obliteration of one of the most fascinating cities of the Ancient World, a symbol of cultural diversity and religious tolerance.*

3. *If the new plan works, those commanders will receive the equipment, distribute it among their units and push into territory controlled by Islamic State;*

«форма и структура» (152 / 20, 17,59%); единицы, обозначающие организованное объединение, при этом подчёркивается либо организованность («группа»), либо объединённость вплоть до уровня обезличивания («коалиция» / «силы»):

1. *Allies in a U.S.-led coalition that is conducting its own air campaign in Syria called on Russia to cease attacks on the Syrian opposition and to focus on fighting the Islamic State group.*

2. *We will monitor the progress these groups make and provide them with air support as they take the fight to ISIL.*

3. *In Washington, President Barack Obama said Russia's military campaign fails to distinguish between terrorist groups and moderate rebel forces with a legitimate interest in a negotiated end to the civil war.*

Отметим совпадение наиболее частотной ЛСГ – «мотивация» – для текстов российского и американского корпусов: для «своего» значимо вербализовать причины, которые побуждают его к действию. В американских текстах репрезентация категории «свой» преимущественно базируется на внешнем описании («номинации», «форма и структура»), в то время как в российских текстах важным представляется описать «своего» как обладателя определённых положительных черт («качества и атрибуты») и действующего субъекта («взаимодействие с “чужим”»).

Остальные ЛСГ (по количественному показателю) располагаются следующим образом:

а) российский корпус: «номинации», «взаимодействие с союзником / собой», «деятельность», «форма и структура», «противопоставление», «внутренние последствия деятельности», «внешние последствия деятельности»;

б) американский корпус: «качества и атрибуты», «взаимодействие с “чужим”», «деятельность», «взаимодействие с союзником / собой», «противопоставление», «внешние последствия деятельности», «внутренние последствия деятельности».

Логика экспликации семантики «свойственности», выявленная при анализе трёх самых частотных ЛСГ, прослеживается и в иерархии оставшихся групп. В оставшемся сегменте российского корпуса семантика выстраивается от называния «своего», описания его деятельности, к формальным его сторонам, по принципу от внутреннего (содержательного) к внешнему (описательному): «внутренние последствия деятельности», затем «внешние последствия деятельности». В американском корпусе на четвёртом месте количественно находится группа, содержательно характеризующая «своего», далее, как и в российском, следует описание его деятельности, а также её последствия, но, в отличие от российского, уже от внешних к внутренним.

В приведённых ниже таблицах отражены результаты контент-анализа и статистического анализа корпусов российских (см. табл. 1) и американских (см. табл. 2) текстов СМИ.

Т а б л и ц а 1. Результаты анализа существительных, репрезентирующих семантическую категорию «свой» в российских текстах
[Table 1. Nouns representing semantic category of "friend" in Russian texts: Analysis results]

Лексико-семантическая группа	Лексем в группе (А; с учетом повторов)	Лексем в группе (Б; без учета повторов)	Вариативность группы (отношение Б к А в группе)	Удельный вес группы в общем кол-ве лексем (с учетом повторов)
Номинации	122	46	37,70%	10,49%
Форма и структура	70	19	27,14%	6,02%
Качества и атрибуты	183	101	55,19%	15,74%
Мотивация	257	129	50,19%	22,10%
Противопоставление	56	31	55,36%	4,82%
Деятельность	88	39	44,32%	7,57%
Взаимодействие с союзником	108	50	46,30%	9,29%
Внешние последствия деятельности (для других)	24	8	33,33%	2,06%
Внутренние последствия деятельности (для себя)	47	13	27,66%	4,04%
Взаимодействие с «чужим»	208	45	21,63%	17,88%
Суммарное количество лексем «своего» (существительное)	1163	481	41,36%	100,00%

Считаем необходимым прокомментировать данные по вариативности в рамках отдельных ЛСГ. Отношение количества уникальных лексем к общему количеству употреблений существительных, вербализующих ЛСГ семантической категории «свой», позволяет делать выводы о характере репрезентации каждой отдельно взятой группы: преобладают ли в ней единичные многогранные ситуативно обусловленные образы или тиражируемые штампы и клише. Так, ЛСГ «номинации» исследуемой семантической категории в американском корпусе вербализована вдвое меньшим количеством лексических единиц, чем в российском, при этом некоторые лексемы употребляются значительно чаще остальных (например, *rebel* – 48). Для сравнения: наиболее частотная лексема данной ЛСГ в российском корпусе (авиация) встречается 15 раз.

Отметим, что одним из факторов, объясняющих разницу в отношении уникальных лексем к общему количеству, может являться сложившаяся в языке населения США практика отказа от «неоправданного» употребления синонимов, обусловленная целями поддержания когезии и когеренции высказывания за счёт единообразия называния референта. Также высокий процент вариативности может объясняться малым абсолютным количеством лексем в группе. Так, ЛСГ «внешние последствия деятельности» американского «своего», формально характеризующаяся вариативностью 85,71%, содержит всего 1,80% от общего количества уникальных лексем в корпусе (в американском корпусе 333 уникальных существительных, из них к «внешним последствиям

деятельности» относится всего 6 единиц; однако одна единица из этих 6 встречается в корпусе дважды, поэтому абсолютное количество лексем в группе равняется 7, что и даёт высокий процент вариативности: $6/7 = 85,71\%$. Считаем, что данный аспект исследования требует дополнительной разработки.

Т а б л и ц а 2. Результаты анализа существительных, репрезентирующих семантическую категорию «свой» в американских текстах
[Table 2. Nouns representing semantic category of "friend" in American texts: Analysis results]

Лексико-семантическая группа	Лексем в группе (А; с учетом повторов)	Лексем в группе (Б; без учета повторов)	Вариативность группы (отношение Б к А в группе)	Удельный вес группы в общем кол-ве лексем (с учетом повторов)
Номинации	175	32	18,29%	20,25%
Форма и структура	152	20	13,16%	17,59%
Качества и атрибуты	114	70	61,40%	13,19%
Мотивация	210	101	48,10%	24,31%
Противопоставление	25	18	72,00%	2,89%
Деятельность	67	34	50,75%	7,75%
Взаимодействие с союзником	40	16	40,00%	4,63%
Внешние последствия деятельности (для других)	7	6	85,71%	0,81%
Внутренние последствия деятельности (для себя)	4	3	75,00%	0,46%
Взаимодействие с «чужим»	70	33	47,14%	8,10%
Суммарное количество лексем «своего» (существительное)	864	333	38,54%	100,00%

Статистический анализ имён существительных, репрезентирующих семантическую категорию «свой» в российских и американских текстах, показал, что наиболее употребительными лексемами являются:

а) в российском корпусе:

1) *удары* (72 употребления; ЛСГ – «взаимодействие с “чужим”»); пример: *В Сирии продолжают точечные удары российских самолетов по позициям исламских боевиков*);

2) *борьба* (33; «взаимодействие с “чужим”»); пример: *В настоящее время речь уже идёт о необходимости международного объединения сил перед этой угрозой, а также разрешения спорных ситуаций в ближневосточном регионе через призму борьбы с террористической опасностью*);

3) *результат* (28; «внутренние последствия деятельности»: *Методы поддержки Россией правительственных войск Сирии уже приносят результаты*);

4) *войска* (18; «форма и структура»: *Арабские СМИ сообщают об успешном наступлении правительственных войск в ряде провинций*);

5) *авиаудар* (16; «взаимодействие с “чужим”»): *Военные отчитались о первых успехах «сирийской» операции – в ходе авиаударов было уничтожено несколько значимых объектов так называемого Исламского государства*);

б) в американском корпусе:

1) *rebel*, (48 включений; «номинации»; пример: *The United States, on the other hand, has been accused of doing too little in the first years of the civil war and is now scrambling to help rebels as they face another enemy: ISIS*);

2) *group*, (39; «форма и структура»: *Assad's regime has been dropping leaflets from helicopters in Idlib province, telling residents to go to government checkpoints unarmed because their neighborhoods will be pummeled, an opposition group said*);

3) *opposition* (29; «форма и структура»: **Opposition**: *Syrian regime warns residents of «crushing blows»*);

4) *people* (29; «мотивация», «форма и структура»: *The EU condemns the excessive, disproportionate and indiscriminate attacks that the Syrian regime continues to commit against its own people, In nearby Rastan, Tamam, a resident who defected from Air Force intelligence early in the uprising against Mr. Assad, said people had defiantly reopened their shops after the attacks*);

5) *coalition* (21; «форма и структура»: *In a joint statement, a coalition made up of the United States, Britain, Turkey, France, Germany, Qatar and Saudi Arabia accused Russia of attacking the Syrian opposition and civilians, instead of fighting ISIS*).

Проведённый анализ демонстрирует количественное превосходство описательного элемента «своего» в американском корпусе текстов («номинации» и «форма и структура») и более высокую значимость содержательного элемента категории («взаимодействие с “чужим”» и «внутренние последствия деятельности») – в российском, что подтверждает выводы, полученные в отношении количественной иерархии ЛСГ.

3. Заключение [Conclusion]

В данной работе была предпринята попытка описания лексической репрезентации семантической категории «свой» посредством имени существительного в российском и американском корпусах текстов, освещающих вооружённый конфликт в Сирии, за 2015–2016 гг.

При помощи методов контент-анализа и контекстного анализа целевые существительные были выявлены и распределены по ЛСГ. Статистический анализ лексем позволил выстроить их количественную иерархию, приёмы синтеза и моделирования – создать модель семантической категории «свой», функционирующую в исследуемых русско- и англоязычных текстах, а сопоставительный анализ – определить национальную специфику реализации модели.

«Свой» – это субъект (ЛСГ «номинации» – называющая и детерминирующая лексика с положительными коннотациями: *эксперт, сила, офицер, expert, leader, rebel*). Свою деятельность он осуществляет в определённой форме (ЛСГ «форма и структура» – организованное объединение: *армия, семья, group, opposition*), ему присущи определённые свойства (ЛСГ «качества и атрибуты» – присущие положительные качества, а также признаки, свойства и атрибуты: *эффективность, инициатива, смысл, plan, exceptionalism, strategy*).

Для него неприемлем ряд негативно оцениваемых явлений (ЛСГ «противопоставление» – *кражи, убийства, гадания, fraud, fear, impoverishment*), с которым он также борется. Он является носителем определённой системы ценностей, которая обуславливает его действия (ЛСГ «мотивация» – образ предмета потребности; цели, ценности и ориентиры: *дети, безопасность, перемещение, home, nation, people*).

Он предстаёт активным деятелем (ЛСГ «деятельность» – взаимодействие с миром, как правило, поддерживающего и/или созидательного характера: *труд, работа, work, efforts*), объединяя усилия с союзником или другой актуализацией себя (ЛСГ

«взаимодействие с союзником» – помощь и взаимодействие: *поддержка, соглашение, aid, assistance*). Он реагирует определённым образом при контакте с «чужим» (ЛСГ «взаимодействие с “чужим”» – единственная ЛСГ, в которой «свой» может проявлять «агрессию»: *удары, бомбардировки, blow, strikes*).

Его деятельность приводит к положительным результатам во внешнем мире и для других (ЛСГ «внешние последствия деятельности» – достигнутая польза для других: *разрешение [конфликта], эффект, freedom, resolution*), а также для него самого (ЛСГ «внутренние последствия деятельности» – успешное достижение цели: *результат, победа, success, result*).

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Национальная специфика заключается в разной степени актуализации смыслов, выраженных в российском и американском корпусах текстов существительными, репрезентирующими ЛСГ, выделенные в рамках модели. Конкретная актуализация компонентов модели подвержена влиянию со стороны как лингвистических (сложившаяся практика референции), так и экстралингвистических факторов (прежде всего, политическая конъюнктура и позиция СМИ).

Для российского «своего» более «важна» разделяемая система ценностей и качеств (внутреннее), которая и служит по преимуществу маркером свойственности (что подтверждается доминированием содержательного элемента в лингвистической реализации категории: ЛСГ «мотивация», «взаимодействие с “чужим”» и «качества»), в то время как для американского «своего» значима внешняя граница проявления в мире (сразу после «мотивации» следует описательный элемент: ЛСГ «номинации», «форма и структура» – они же доминируют по частотности употребления отдельных лексем).

Отсюда следует, что российский «свой» при контакте ориентирован больше на эмпатию (определить, чего хочет коммуникант и каков он содержательно – ЛСГ «мотивация» и «качества и атрибуты»), а американский – на организованное взаимодействие (выявить, чего хочет коммуникант, а также – как его номинативно определить, в какой форме и с какой структурой он существует в мире – ЛСГ «номинации» и «форма и структура»).

Из этого вытекает то, что мир для российского «своего» выступает в большей степени как поле поиска себе подобных и диалога с ними, для американского «своего» мир – это скорее глобальная платформа для улучшающего воздействия, осуществляемого совместно с союзниками, которых он опознаёт по внешним признакам. Для российского «своего» более значимы действия по предотвращению деятельности «чужого», т. е. по защите себя, союзников и ценностей от посягательств.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что российский «свой» при экспликации содержания демонстрирует направленность вовнутрь, «вглубь», акцентируя содержательный элемент категории, а американский – вовне, «вширь», акцентируя её описательный элемент.

При этом и для российского, и для американского «своего» взаимодействие с «чужим» важнее взаимодействия с союзником, но у российского обе эти ЛСГ находятся выше в иерархии; роль активных действий, не связанных собственно с подавлением «чужого», ниже для российского «своего», американский «свой» более деятелен сам по себе; для российского «своего» собственная деятельность описывается в первую очередь с учётом её последствий для собственного бытия (не оцениваемое другими извне), для американского – последствий для мира (оцениваемое другими извне).

Список литературы

Аргументы и Факты // Аргументы и Факты : новости России и мира, картина дня на aif.ru.
URL: <http://www.aif.ru/> (дата обращения : 16.04.2019).

- Балашова, 2014 – Балашова Л. В. Реализация концептов "свой – чужой" в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40–50.
- Богомазова, 2015 – Богомазова В. В. Коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе: дис...канд. филол. наук : 10.02.19 / Богомазова Виктория Владимировна ; Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград, 2015. 221 с.
- Гапанович, Смольникова, 2012 – Гапанович Е. А., Смольникова Н. С. Оппозиция «свой» – «чужой» (теоретический аспект) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2012. С. 11–17.
- Гуссерль, 1997 – Гуссерль Э. Пятая картезианская медитация // От Я к Другому : Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. С. 28–44.
- Зырянов, 2017 – Зырянов М. С. Лингвистические средства реализации информационно-психологической войны // Язык и культура : сб. ст. XXVII Международной научной конференции (26–28 октября 2016 г.). Томск, 2017. С. 97–102.
- Кишина, 2009 – Кишина Е. В. Комплексное исследование категории «Свойственность – чуждость» в русском языке // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 320. С. 11–15.
- Кишина, 2011 – Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2011. № 4. С. 174–179.
- Кранышева, 2008 – Кранышева Л. А. Лингвокультурная ситуация 1950-х годов XX века (на материале рассказов советских русских писателей): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лилия Алексеевна Кранышева. Елец, 2008. 200 с.
- Лаптева, 2013 – Лаптева М. Л. «Свое» и «чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Мария Леонидовна Лаптева ; Астраханский гос. ун-т. Астрахань, 2013. 37 с.
- Лотман, 1996 – Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Лысенко, 2010 – Лысенко В. Г. Познание чужого как способ к самопознанию (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. М. : Наука, 2010. С. 90–102.
- Матвеева, 2011 – Матвеева А. А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой – чужой» (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Анна Анатольевна Матвеева. Уфа, 2011. 228 с.
- Независимая газета // Независимая газета. URL: <http://www.ng.ru/> (дата обращения : 16.04.2019).
- Поршнева, 1979 – Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. М. : Наука, 1979. 335 с.
- Российская газета // Российская газета – издание Правительства Российской Федерации. URL: <https://rg.ru/> (дата обращения : 16.04.2019).
- Синельникова, 2010 – Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 34–38.
- Степанов, 1997 – Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Храмова, 2010 – Храмова Ю. А. Концептуальная диада «лицемерие – искренность» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Юлия Александровна Храмова. Волгоград, 2010. 25 с.
- Шейгал, 2004 – Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
- CNN – Breaking News, Latest News and Videos. URL: <https://www.cnn.com/> (дата обращения : 16.04.2019).
- Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com/> (дата обращения: 16.04.2019).
- The New York Times – Breaking News, World News & Multimedia. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения : 16.04.2019).

Mikhail S. Zyryanov, Valeriya V. Kashpur, Tatiana L. Andreeva
Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

airbourne@sibmail.com, valkashpur@inbox.ru, andreeva.tl2012@mail.ru

“Friend”: Analyzing linguistic representation and modeling the category (Based on Russian and American media texts on the armed conflict in Syria)

Abstract

The article attempts to describe the lexical representation of the semantic category “friend” by means of the noun in media texts covering the armed conflict in Syria, 2015–2016. An analysis of Russian and American texts revealed 1163 and 864 nouns, respectively, which were distributed across 10 lexical and semantic groups. Based on the results obtained, an author's model of the “friend” category has been constructed and its actualizations in the Russian and American corpus of texts have been compared. The “friend” is a subject (the “nomination” LSG) that has certain characteristics (the LSGs of “form and structure”, “quality and attributes” and “opposition”) and for certain reasons (the “motivation” LSG) acts in a certain way (the LSGs of “activity”, “interaction with an ally / self” and “interaction with a ‘foe’”) with a certain result (the “external consequences of the activity” and “internal consequences of the activity” LSGs). The national specificity of the “friend” category lies in different actualization of the meanings expressed by the nouns representing the LSGs. The content explication of the Russian category is directed inwards, emphasizing its substantive aspects, while the content of the American one is explicated outwards with the descriptive aspects being emphasized. When at contact, the Russian “friend” is focused on empathy, while the American one pays more attention to the ways of organized interaction. Also the Russian one attaches more importance to preventing the activities of the “foe”, i.e. proactively defending themselves, allies and values from harm.

Keywords: “friend”, noun, model, comparison, information warfare, armed conflict, Syria.

© Zyryanov M. S., Kashpur V. V., Andreeva T. L. 2021

For citation: Zyryanov, M. S., Kashpur, V. V., Andreeva, T. L. (2021). «Svoy»: analiz yazykovoy reprezentatsii i modelirovanie kategorii (na materiale sushchestvitel'nykh, funktsioniruyushchikh v tekstakh rossiyskikh i amerikanskikh SMI o vooruzhennom konflikte v Sirii) “Friend”: Analyzing linguistic representation and modeling the category (Based on Russian and American media texts on the armed conflict in Syria)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 46–62. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62.

References

- Argumenty i Fakty [Arguments and Facts]. Retrieved April 16, 2019 from <<http://www.aif.ru/>>.
- Balashova, L. V. (2014) Realizatsiya kontseptov “svoy – chuzhoy” v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI v. [Verbalization of the “friend or foe” concepts in Russian political discourse at the beginning of the 21st century]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1 (47), 40–50.
- Bogomazova, V. V. (2015). *Kommunikativnaya kategoriya “chuzhdost’ ” v sudebnom diskurse* [The communicative category “otherness” in judicial discourse]. PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Socio-Pedagogical University.
- Gapanovich, E. A., Smol'nikova, N. S. (2012). Oppozitsiya “svoy” – “chuzhoy” (teoreticheskiy aspekt) [Opposition “friend” – “foe” (a theoretical aspect)]. In *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: Issues of philology, art history and cultural studies] (pp. 11–17). Novosibirsk : SibAK Press.

- Husserl, E. (1997). Pyataya kartezianskaya meditatsiya [Fifth Cartesian meditation]. Translated from German. In T. V. Shchittsova (Ed.), *Ot Ya k Drugomu : Sbornik perevodov po problemam intersub'ektivnosti, kommunikatsii, dialoga* [From I to the Other : Collection of translations on the problems of intersubjectivity, communication, dialogue] (pp. 28–44). Minsk.
- Zyryanov, M. S. (2017). Lingvisticheskie sredstva realizatsii informatsionno-psikhologicheskoy voyny [Linguistic representation of the information psychological war]. In S. K. Gural' (Ed.), *Yazyk i kul'tura : sbornik statey XXVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (26–28 oktyabrya 2016 g.)* [Language and Culture: Collection of articles of the XXVII International Conference (October 26–28, 2016)] (pp. 97–102). Tomsk : Tomsk State University.
- Kishina, E. V. (2009). Kompleksnoe issledovanie kategorii “Svoystvennost' – chuzh-dost' ” v russkom yazyke [Complex research of a category “own–strange” in Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 320, 11–15.
- Kishina, E. V. (2011). Semanticheskaya oppozitsiya “svoj – chuzhoy” kak realizatsiya ideologo-manipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov [The semantic opposition “own – alien” as the realization of ideological manipulative potential of political discourses]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 4, 174–179.
- Kranysheva, L. A. (2008). *Lingvokul'turnaya situatsiya 1950-kh godov XX veka (na materiale rasskazov sovetskikh russkikh pisateley)* [Linguistic and cultural situation of the 1950s (Based on the stories of Soviet Russian writers)]. PhD in Philological sci. diss. Elets : Ivanovo State University.
- Lapteva, M. L. (2013). “Svoe” i “chuzhoe” v kognitivno-diskursivnom prostranstve russkoy frazemiki [“Friend” and “foe” in the cognitive-discursive space of Russian phrasing]. PhD in Philological sci. diss. Astrakhan: Astrakhan State University.
- Lotman, Yu. M. (1996). Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Lysenko, V. G. (2010). Poznanie chuzhogo kak sposob k samopoznaniyu (popytka ksenologii) [Cognition of the other as a way to self-knowledge (an attempt at xenology)]. In A. A. Guseynov, A. V. Smirnov, B. O. Nikolaichev (Eds), *Rossiya v dialoge kul'tur* [Russia in the dialogue of cultures] (pp. 90–102). Moscow : Nauka Press.
- Matveeva, A. A. (2011). *Otsenchnaya parametrizatsiya lingvokul'turologicheskoy kategorii «svoj – chuzhoy» (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Evaluation parametrization of the linguoculturological category “friend-or-foe” (Based on modern English)]. PhD in Philological sci. diss. Ufa : Bashkir State University.
- Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]. Retrieved April 16, 2019 from <<http://www.ng.ru/>>.
- Porshnev, B. F. (1979). *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social psychology and history]. 2nd ed. Moscow : Nauka Press.
- Rossiyskaya gazeta [Russian Newspaper]. Retrieved April 16, 2019 from <<https://rg.ru/>>.
- Sinel'nikova, L. N. (2010). Kommunikativnye modeli oppozitsionnogo politicheskogo diskursa [Communicative models of oppositional political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1 (31), 34–38.
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Khramova, Yu. A. (2010). *Kontseptual'naya diada “litsermerie – iskrennost' ” (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Conceptual dyad “hypocrisy – sincerity” (Based on Russian and English)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Pedagogical University.
- Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow : Gnozis Press.
- CNN – Breaking News, Latest News and Videos. Retrieved April 16, 2019 from <<https://www.cnn.com/>>.
- Los Angeles Times. Retrieved April 16, 2019 from <<https://www.latimes.com/>>.
- The New York Times – Breaking News, World News & Multimedia. Retrieved April 16, 2019 from <<https://www.nytimes.com/>>.

УДК 81'33

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_63_73

Иванищева Ольга Николаевна
Мурманский арктический государственный университет
г. Мурманск, Российская Федерация
oivanishcheva@gmail.com

Антропологическая лингвистика и методология исследования лексики исчезающего языка коренного малочисленного народа севера

Аннотация

Цель статьи – определить специфику методологии исследования такого феномена, как исчезающий язык коренного малочисленного народа. В качестве объекта исследования рассматривается кильдинский саамский язык, а в качестве предмета – лексика данного языка. Новизна работы состоит в когнитивном подходе к формам и методам познания исчезающего языка Кольского Севера в рамках антропологической лингвистики. Показано, что опора на опыт носителей языка малочисленного коренного народа Севера является определяющим в методологии его исследования. Опрос, анкетирование, полевые исследования должны сочетаться в изучении лексики такого языка с приемами обобщения и сравнения. Подчеркивается, что метод сравнения при исследовании лексики коренного малочисленного народа может быть использован при решении проблемы разграничения научного и наивного знания о реалиях, а значит, разграничения «наивно-языковой» и «научной» картин мира. Отмечена специфика употребления приема сравнения, которая состоит в особенности сравниваемых объектов. Для исчезающих языков в статье предлагается сравнивать письменные источники, в том числе словари прошлого и / или начала прошлого XX в., и устные материалы современных полевых исследований. Утверждается, что такой путь анализа помогает выяснить степень сохранности языка, находящегося под угрозой вымирания. Установлено, что когнитивный подход к анализу лексики кильдинского саамского языка выявляет не только наличие / отсутствие лагун в языковом сознании современного носителя, но и коннотативные смыслы, связанные с наложением традиционного народного мировосприятия с реалиями современной жизни коренного народа.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, методология, когнитивный подход, кильдинский саамский язык.

© Иванищева О. Н. 2021

Для цитирования: Иванищева О. Н. Антропологическая лингвистика и методология исследования лексики исчезающего языка коренного малочисленного народа севера // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, No 1. С. 63–73. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_63_73.

1. Введение [Introduction]

В самом общем смысле вся лингвистическая наука XX–XXI вв. рассматривается как антропологическая, так как базовым принципом научных исследований последнего времени является антропоцентризм, то есть вектор, при котором точкой отсчёта считается языковая личность, человек говорящий. Антропоцентричность считается универсальным принципом организации языковой картины мира, неотъемлемым, универсальным свойством языка, который проявляется на разных уровнях языковой системы – фонетическом, лексическом и грамматическом.

Классическое определение антропоцентризма как характерной черты лингвистической науки дано в работе Е. С. Кубряковой, которая утверждает, что обращение к существенным характеристикам носителя языка – человека, интерес к человеку как центру вселенной и человеческим потребностям как определяющим разные типы человеческой

деятельности обусловлено стремлением найти объяснение языковым феноменам, устройству языка. Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего через призму их роли для человека, назначения в его жизнедеятельности, функций для развития человеческой личности и её усовершенствования. Антропоцентризм обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений, будучи вовлечённым в этот анализ, и это определяет перспективу исследования и его конечные цели. Антропоцентризм знаменует, иными словами, тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предположениях научного исследования и обуславливает его специфический ракурс [Кубрякова, 1995, с. 212].

Термин «антропологическая лингвистика / антропологическая лингвистика» представлен в научной и учебной литературе неоднозначно. Различают в терминологическом отношении несколько дисциплин / наук: 1) антропологическая лингвистика (современная лингвистика в целом), 2) антропологическая лингвистика (отрасль лингвистики, которая занимается проблемами эволюции мышления, отраженной в языке) и 3) лингвистическая антропология (отрасль антропологии, изучающая лингвистические аспекты этнических групп).

Целью антропологической лингвистики является воссоздание картины эволюции человеческого разума на основе её отражения в соответствующей эволюции человека. В «Белостокском манифесте» (2004) было обозначено новое направление лингвистики, суть которого состояла в определении закономерностей развития лексики в связи с развитием сознания, в частности в следующих положениях: 1) исторические изменения характера познания отражаются в количественном росте и в качественных изменениях используемой лексики; 2) качественные изменения языка от общеупотребительной к специальной лексике и далее к терминам отражают ступенчатость психических процессов сознания человека от общих представлений к специальным, а затем к понятиям и т. д. (см., напр., [Гринева-Гринева, Сорокина, 2014]). Такое понимание предмета антропологической лингвистики считается традиционным и самым распространённым.

В части работ встречаем более аморфное, или широкое, понимание антропологической лингвистики. Предлагается расширить предмет этой науки до построения единой теории языка и человека, которая предполагает анализ природы языка через человека и изучение человека через язык. При таком понимании антропологическая лингвистика использует данные таких направлений, как лингвогносеология (направлена на познавательную функцию языка как формы представления мира), социолингвистика (систематизирует взаимоотношения языка и общества), психолингвистика (детализирует отношения языка и индивида), лингвокультурология (регулирует взаимоотношения языка и культуры), этнолингвистика (ориентирована на рассмотрение взаимосвязи языка, духовной культуры народа, народного менталитета и народного творчества), лингвопалеонтология (актуализирует роль языка в практическом поведении человека), лингвопалеонтология (манифестирует связи языковой истории с историей народа, его материальной и духовной культурой, географической локализацией, архаическим сознанием) [Фадеева, 2017]. В данной работе антропологическая лингвистика понимается как наука, основанная на принципе антропоцентризма и рассматривающая явления в синхронном, а не в диахронном аспекте.

Позиции антропологической лингвистики предполагают методологию исследования, то есть инструмент познания, который наиболее адекватен объекту исследования – в данной статье исчезающему языку коренного малочисленного народа Севера (кильдинский саамский язык). Все выше сказанное определяет **а к т у а л ь н о с т ь** работы.

Ц е л ь статьи – определить специфику методологии исследования такого феномена, как исчезающий язык коренного малочисленного народа. В качестве объекта исследования рассматривается кильдинский саамский язык, а в качестве **п р е д м е т а** –

лексика данного языка. Но в и з н а работы состоит в когнитивном подходе к формам и методам познания исчезающего языка Кольского Севера.

2. Методология исследования лексики языка коренного малочисленного народа [Methodology for investigating the vocabulary of the indigenous people language]

2.1. Основные положения [Basic points]

Показателем антропоцентричности языка является номинация значимых для человека реалий, их частей, особенностей их функционирования. Отсутствие названий незначимых для человека реалий или их частей — довольно распространённое явление в разных языках. Например, русское слово *край* обозначает не всякую границу объекта, а только открытую: *край стакана* — это именно верхняя, но не нижняя (соприкасающаяся с дном) граница стенки стакана [Рахилина, 2008, с. 15]. Названия для нижнего края стакана в русском языке отсутствует. Эта граница незначима для носителя русского языка и русской культуры.

Важно разграничивать антропоцентричность самого объекта исследования (языка) и антропоцентрический подход к этому объекту. Принцип антропоцентричности языка основан на установлении того факта, что выделение смысла и оформление его в отдельное слово в языке непосредственно связано с важностью объекта, признака или действия для практической деятельности человека. Например, об особой антропоцентричности терминологии можно говорить, сравнивая научную и народную терминологию [Королькова, 2020]. Отмечая специфику антропоцентричности научной и народной биологической терминологии, А. Расницын отмечает, что антропоцентричность проявляется в том, что в характеристику объекта на равных основаниях включаются его собственные признаки (строение, внешний вид, поведение и т. д.) и всё, что связано с ним для человека (вред и польза, особенно включая лекарственные и магические свойства, приметы, легенды и сказки, в которых растение или животное фигурируют) [Расницын, 2013, с. 86]. Таким образом, исследование антропоцентричности самого объекта чрезвычайно важно. Но чрезвычайно важен также и антропоцентрический подход к самому объекту.

Антропоцентрический подход к изучению языка (языковых единиц в частности) предполагает его изучение с позиции его носителя. Задача исследователя в таком случае в упрощенном варианте, как указывает В. М. Алпатов, заключается в осмыслении и описании учёным своих представлений о языке (языковой единице) как носителя, то есть опираясь на свою лингвистическую интуицию. Тексты используются просто в качестве подтверждающих примеров. В таком случае не стоит задача открытия языковой системы, так как исследователь уже ею владеет. Например, лингвист уже до начала исследования знает, что в предложении *Учитель несёт большой портфель* четыре слова, а не пять или шесть.

Как отмечает В. М. Алпатов [Алпатов, 1993], антропоцентризм и системощенризм отличаются разным отношением к двум точкам зрения на язык: точке зрения носителя языка и точке зрения исследователя. Что предпочесть: опору на интуицию носителя языка или строгие методы, поддающиеся проверке? При антропоцентрическом подходе интроспективные данные проверяются текстовыми, которые часто лишь подтверждают их, но могут и корректировать, особенно если лингвист описывает неродной язык. Например, недостатки традиционных словарей видятся В. М. Алпатовым в том, что понятия толкуются через другие понятия, составляются из компонентов, поэтому подчас в толкованиях слов появляется замкнутый круг. А такой подход вряд ли

соответствует интуиции: в памяти носителей языка скорее всего не существует ничего, кроме слов и ассоциативных связей между ними. Поэтому в словаре, рассчитанном на практическое использование носителями данного языка, достаточно указать на входные слова в то или иное семантическое поле и различие в значении слов, имеющих семантическое сходство. К описанию языковой системы можно идти от интуиции носителя языка, проверяя её в случае необходимости текстами, и от текстов, проверяя их данными носителя языка. В. М. Алпатов подчёркивает недостаток антропоцентрического подхода, отмечая, что при таком подходе нет процедур проверки результатов, а значит, его применение к языкам, далёким от родного языка лингвиста, может привести к неадекватным результатам.

В связи с этим важно определить специфику антропоцентрического подхода к языку коренного малочисленного народа Севера, носителей которого становится всё меньше. В данной статье предлагается такой взгляд на антропоцентричный способ исследования исчезающего языка, при котором его описание основывается на когнитивном подходе к формам и методам познания, который опирается на опыт носителя языка.

2.2. Кильдинский саамский язык: социолингвистическая ситуация [Sociolinguistic situation of the Kildin Saami language]

Процесс исчезновения языка тесно связан с его социолингвистической ситуацией. По данным Информационных материалов об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Всероссийская перепись населения..., 2010], в России саамов насчитывается 1771 человек (787 – городское население, 984 – сельское), из них на территории Мурманской области – 1599 человек.

Наибольшее количество саамов представлено в следующих возрастных группах: 20–24 года – 154 человека, 0–4 года и 10–14 лет – по 139 человек, 35–39 лет – 128 человек, 30–34 года – 126 человек, 50–54 года – 112 человек, 25–29 лет – 109 человек, 55–59 лет – 108 человек, 40–44 года – 104 человека. Таким образом, большинство саамов – это население трудоспособного возраста (959 человек) или моложе трудоспособного (411 человек), а средний возраст саамов Российской Федерации составляет 33 года [Национальный состав... Кн. 1, 2013, с. 19].

По уровню образования больше всего саамов имеют среднее или среднее неполное образование (252 и 285 человек соответственно). Два человека определили себя как неграмотные [Национальный состав... Кн. 1, 2013, с. 66–67].

315 человек, проживающих на территории Мурманской области, владеют саамским языком: из них 18 русских, 7 коми, 1 немец и 279 саамов [Национальный состав... Кн. 2, 2013, с. 450–451]. Таким образом, среди саамов владеют родным языком, по их словам, всего лишь 15,7%.

Русскоязычное окружение саамов с давних времен присутствовало на Кольском полуострове. Саамы населяли Кольский полуостров и север Скандинавии с конца I тысячелетия нашей эры, хотя предки современных саамов обитали здесь с I тысячелетия до нашей эры. В первой половине XI в. на Белое море проникли новгородцы, а к концу XI в. новгородцы и ладожане освоили пути на Севере вплоть до Югры (Северный Урал) и начали вести меновую торговлю с местным населением. Жители Крайнего Севера, не зная русского языка, показывали рукою на товары новгородцев, «просящее железа», и когда получали нож или топор, с радостью платили за них «скорою», то есть мехами, шкурами. К концу XII в. русские поморы уже плавали вдоль северного побережья Кольского полуострова и доходили на Финнмаркена и вели борьбу за земли и дань с норвежцами. Поскольку земли саамов официально не были разграничены, каждая сторона

(русские и норвежские сборщики даней. – О. И.) считала саамскую тундру с её морскими побережьями своей территорией. Находясь в тесном общении с русским населением, многие саамы, особенно мужчины, хорошо владели русским языком. Большинство остальных саамов понимало обиходную русскую речь. Когда встречались саамы разных племенных групп, они нередко объяснялись между собою на русском языке, так как, говоря на родном наречии, не всегда могли понять друг друга [Ушаков, 1997, с. 29–45, 58, 63, 103, 105, 107]. Как отмечал И. Ф. Ушаков, уже по опросу 1785 года все лопари-мужчины и 70% женщин владели русским языком (разговорной речью). Лопари (старое название народа саами. – О. И.) знали многие русские песни, сказки, поговорки. Многое перенимая у русских, лопари сохраняли родной язык и самобытную культуру [Ушаков, 1998, с. 272–273].

В 1895 г. священником Пазрецкого прихода Архангельской губернии Константином Щеколдиным была создана «Азбука для лопарей» [Азбука, 1895]. На территории этого прихода, находящегося вблизи русско-норвежской границы, жили коллта-саами, одна из групп кольских саами. Щеколдин занимался просветительской деятельностью, знал лопарский язык, записывал саамские сказки. В 1884 г. Щеколдин издал перевод Евангелия от Матфея на саамский язык, тиражом, превышавшим число грамотных саамов (см. в: [Ушаков, 1997, с. 457]).

На современном этапе развития социолингвистики подчёркивается, что важным результатом языковых контактов является переключение кодов, или кодовое переключение (см., например: [Зурабова, 2020]). В речи кольских саамов в наших полевых исследованиях мы встречали случаи переключения кодов: говорящие на русском языке саамы вставляли в свою речь саамские слова и наоборот.

Тексты с переключением кода говорящего на кильдинском саамском языке представлены в исследованиях Д. Пинеда [Пинеда, 2007; Пинеда, 2009; Pineda, 2008]. Исследователь отмечает преобладание русского языка в речи саамов, даже когда они «вынуждены» для лингвистического эксперимента говорить на саамском языке. Д. Пинеда пишет, что, если бы не присутствие лингвиста, саамский информант перешёл бы на русский язык, так как информант постоянно спрашивал у другого участника диалога: «Как это по-нашему? Как это по-саамски?» [Пинеда, 2007, с. 46]. Переключение кода на русский язык Д. Пинеда отмечает в речи саамов при употреблении числительных, дискурсивных слов, союзов и модификаторов высказывания [Пинеда, 2009, с. 30].

Причины переключения кода с миноритарного на мажоритарный в речи саамов традиционны для миноритарных языков: носитель миноритарной культуры не привык говорить на родном языке; носитель не привык говорить на родном языке с не-носителями своей культуры; разговор касается определённых тем, где употребление слов родного языка неуместно или невозможно по причине их отсутствия (лакуны).

Явление употребления русских слов и фраз в саамской речи следует определить как переключение кодов, потому что у вставленных в саамскую речь русских слов и фраз присутствует дискурсивная функция и эти слова и фразы находятся в ментальном лексиконе у носителя саамского языка [Пинеда, 2009, с. 29–30].

Таким образом, в ситуации отсутствия живой разговорной среды и условий для использования языка в личной и общественной жизни, преклонный возраст активных носителей языка, отрыв носителей языка от среды обитания языка – материальной и духовной культуры – естественно обращение к когнитивной, а не коммуникативной сущности фоновых знаний у носителей кильдинского саамского языка. Поэтому типичные способы выявления фоновых знаний носителя языка (опрос носителей, анализ словарных статей разных типов словарей и текстов художественной и публицистической литературы) не могут быть использованы в полной мере. В такой ситуации исследователю

следует фиксировать все знания носителя языка, не различая личное и социальное. Носитель языка, который может быть информантом, рассказывая о своём личном опыте, представляет типичное и обычное, потому что социальная среда, в которой информант вырос, фиксировал только такое знание.

2.3. Методология анализа лексики кильдинского саамского языка [Methodology for investigation the Kildin Saami language vocabulary]

В наших материалах по лексике кильдинского саамского языка представлена антропоцентричность самого объекта исследования – кильдинского саамского языка, и специфика антропоцентрического подхода к исследованию его лексики (см., например: [Ivanishcheva, 2017]).

Антропоцентрический подход к анализу языкового материала включает использование широкого спектра методов: компонентный, культурологический, концептуальный, дискурсивный анализ и др. Особое значение в современной антропологической лингвистике приобретает, по нашему мнению, традиционный общенаучный метод сравнения. Специфика его употребления состоит в особенности сравниваемых объектов. В исследованиях, посвящённых исчезающим языкам, мы предлагаем сравнивать следующие языковые факты: письменные источники, в том числе словари прошлого и /или начала прошлого XX в., и устные материалы современных полевых исследований. Такой путь анализа помогает выявить степень сохранности языка, находящегося под угрозой вымирания. Этот метод позволяет определить, что в современном языке актуально для носителя языка, какие признаки реалии значимы и востребованы в современной жизни северного этноса, какова роль данных реалий в жизни современного саама. На основе метода сравнения выявляются оппозитивные отношения (эквиполентные, привативные, градуальные) в лексике языка. Оппозитивность в разных её проявлениях имеет интегральный признак – противопоставленность. Обнаружить противопоставленность можно, например, с помощью компонентного анализа. Метод сравнения может быть успешно использован и для описания тематических групп с целью выявления лексических лакун.

Метод сравнения может быть использован при решении проблемы разграничения научного и наивного знания о реалиях, а значит, разграничения «наивноязыковой» и «научной» картин мира. Примером использования сравнения в этом аспекте может быть сопоставление научной и народной терминологии.

Современная антропологическая лингвистика может и должна активно использовать социологические методы (кейс-стади, опрос, интервьюирование), например, для сбора такого материала, как наивные толкования значений слов носителем языка. Материал такого типа может быть более объективным, чем индивидуальная компетенция профессионального составителя словаря.

2.4. Реализация когнитивного подхода к формам и методам познания исчезающего языка Кольского Севера [Implementation of a cognitive approach to the forms and methods of the endangered language of the Kola North cognition]

Антропоцентрический подход к анализу материала кильдинского саамского языка в настоящем исследовании реализуется при использовании метода сопоставительного анализа лексического значения слова в материалах лексикографических источников конца XIX – середины XX вв. [Itkonen, 1958 ; Genetz, 1891] и в материалах полевых исследований начала XXI в., которые проводились автором статьи в месте компактного проживания саамов – селе Ловозеро Мурманской области в 2008–2016 гг. Такой путь

анализа помогает выяснить степень сохранности языка, находящегося под угрозой вымирания. В наших работах материал ландшафтной лексики кильдинского саамского языка анализируется в связи с когнитивным подходом по принципу сохранности лексического фонда: информанты – носители языка из села Ловозеро Мурманской области опрашивались на предмет «узнаваемости» лексем. Однако при анализе имеющейся в распоряжении современного ученого-лингвиста лексики кильдинского саамского языка не следует отрицать тот факт, что возможна потеря части лексической системы в связи с процессом вымирания языка и его малой изученностью во все периоды полевых исследований.

Сравнение материалов лексикографических источников конца XIX – середины XX вв. и наших полевых исследований начала XXI в. (2008–2016 гг.), например, показало количественную и качественную разницу в группе ландшафтной лексики кильдинского саамского языка.

Во-первых, часть терминов, представленных в лексикографических источниках конца XIX – середины XX вв., уже не функционирует в современном кильдинском саамском языке, так как они, очевидно, утратили свою актуальность и перешли в пассивный запас языка (*vīndar* ‘холм, пригорок, горка, бугор’ [Itkonen, 1958, p. 754], *íšorr-Đśōl* ‘вершина’ [Itkonen, 1958, p. 679], *jeřŋ(a)* ‘широкая водная поверхность, площадь между двумя берегами (в море, в фиорде, в широкой бухте)’ [Itkonen, 1958, p. 56], *sǧva* ‘плёс, участок реки со спокойным течением, стоячая вода между двумя порогами’ [Itkonen, 1958, p. 479], *tǧvv(e)* ‘открытая водная поверхность (особ. глубокое море)’ [Itkonen, 1958, p. 578], *суррь* ‘пространство между рекой и её рукавом в месте соединения их; проток речки’ [Географический словарь, 1939, с. 121], *mieř-rǧǧE* ‘низкий каменистый берег моря’ [Itkonen, 1958, p. 416], *nīras* ‘берег на высоте порога’ [Itkonen, 1958, p. 300], *nǧřram* ‘плоская прибрежная терраса’ [Itkonen, 1958, p. 283], *моррь* ‘зыбкое болото’ [Географический словарь, 1939, с. 119], *nǧēbraǧ* ‘трясина (на болоте)’ [Itkonen, 1958, p. 300], *моатьк* ‘участок суши между водными пространствами’ [Географический словарь, 1939, с. 119], *муотьк* ‘пространство суши между двумя водными пространствами, волк, «тайбола», перешеек’ [Географический словарь, 1939, с. 124]).

Потеря части лексического состава кильдинского саамского языка связана, по нашему мнению, с частичной утратой возможностей морского и речного промысла по причине, в том числе, наличия / отсутствия квот на отлов рыбы, а также с потерей части оленьих пастбищ и уменьшением численности оленей, потерей или изменением навыков оленеводства, в том числе по причине глобального потепления.

Во-вторых, степень детализации форм и частей рельефа в толкованиях лексем, представленных в лексикографических источниках конца XIX – середины XX вв. и материалах наших полевых исследований, отличается. Например, носители современного кильдинского саамского языка не указывали такие признаки, имеющие в словарях [Географический словарь, 1939] или [Itkonen, 1958], как «выходящая за вертикальную границу древесной растительности» в лексемах *пахь пакенч* [Географический словарь, 1939, с. 124]; «немного выше верхней границы леса» в лексемах *íšéarra*, *čar*, *čirre* [Itkonen, 1958, p. 653]. Очевидно, эти признаки уже не актуальны с потерей носителями языка некоторой части народных знаний.

Для анализа ландшафтной лексики было привлечено 460 единиц. Оказалось, что примерно 15% из них представлено в пассивном запасе словаря. Однако эти данные нуждаются в дальнейшем уточнении.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, при расширенном понимании методологии к ней относятся не только приёмы и средства, но также поставленные цели и исходные презумпции о природе изучаемо-

го объекта. В круг методологических проблем языкознания, то есть проблем, связанных с процессом изучения языка, входят следующие: представляет ли собой язык объективное явление или он как предмет языкознания формируется исследователем; каковы критерии истинности научного знания в сфере лингвистики; какова диалектика процесса познания в науке о языке; каковы особенности лингвистических гипотез и другие.

Методология анализа исчезающего языка коренного малочисленного народа Севера во всех перечисленных аспектах специфична. Существование объекта исследования, даже учитывая исчезающий статус, не вызывает сомнения, но именно поэтому возможность полноценного комплексного исследования не является несомненным фактом. Причин такого положения дел очень много, в частности ситуация отсутствия живой разговорной среды и условий для использования языка в личной и общественной жизни, преклонный возраст активных носителей языка, отрыв носителей языка от среды обитания языка – материальной и духовной. Поэтому опора на опыт носителей языка малочисленного коренного народа Севера является, по нашему мнению, определяющим в методологии его исследования. Опрос, анкетирование, полевые исследования должны сочетаться в изучении лексики с приёмами обобщения и сравнения.

Когнитивный подход к анализу лексики кильдинского саамского языка выявляет не только наличие / отсутствие лакун в языковом сознании современного носителя, но и коннотативные смыслы, связанные с наложением традиционного народного мировосприятия с реалиями современной жизни коренного народа. Оппозиция «архаизация / модернизация» является, с нашей точки зрения, ведущей не только в языковом сознании, но в сознании представителей этноса вообще.

Известно, что знания основ традиционной культуры в исчезающих языках часто связаны с двумя прикладными аспектами: промыслы и туризм. Первое предполагает использование промысловой лексики в промысловых и хозяйственных занятиях, а второе представляет собой символизацию культуры и языка. Исследователь саамского языка Т. Тростеруд отмечает, что «язык меньшинства рассматривается как язык, который отличается от всех других языков. Язык считается не средством коммуникации, а символом чего-то другого. Язык рассматривается как что-то, что не может быть изучено, а только забыто. И это одна из причин того, почему преподавание языка меньшинства даёт плохие результаты. Потому что уже изначально цель состоит не в изучении языка, а в выполнении символического акта» [Тростеруд, 2012, с. 5]. Эти две причины приводят к тому, что знания о культуре если не теряются полностью по причине старения носителей языка и культуры, то сокращаются, дифференцируются и даже видоизменяются. Когнитивный подход как основа методологии исследования лексики исчезающего языка коренного малочисленного народа позволяет в свете вышеизложенного совместить многие аспекты жизнедеятельности этноса, превращаясь в своего рода интегративный подход.

Список литературы

- Азбука, 1895 – Азбука для лопарей, живущихъ въ Кольскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Архангельск : Типо-литография С. М. Павлова, 1895. 22 с.
- Алпатов, 1993 – Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
- Всероссийская перепись населения..., 2010 – Всероссийская перепись населения Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения : 02.04.2020).

- Географический словарь, 1939 – Географический словарь Кольского полуострова: в 3 т. Мурман. фил. геогр.-экон. науч.-исслед. ин-та Ленингр. ун-та. Л., 1939. Т. 1. 1939. 145 с.
- Гринева-Гринева, Сорокина, 2014 – Гринева-Гринева С. В., Сорокина Э. А. Язык как средство изучения познания и эволюции человека (к 10-летней годовщине появления антрополингвистики) // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер.: Лингвистика. 2014. № 5. С. 12–25.
- Зурабова, 2020 – Зурабова Л. Р. Переключение кодов в условиях двуязычия: становление области лингвистических исследования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (1). С. 48–61.
- Королькова, 2020 – Королькова М. Д. Особенности функционирования ремесленной лексики в русских говорах Прирусского Поволжья // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6. № 2. С. 55–72.
- Кубрякова, 1995 – Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.
- Национальный состав... Кн. 1, 2013 – Национальный состав и владение языками, гражданство населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Кн. 1. Мурманск, 2013.
- Национальный состав... Кн. 2, 2013 – Национальный состав и владение языками, гражданство населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Кн. 2. Мурманск, 2013.
- Пинеда, 2007 – Пинеда Д. К проблеме «парадокса наблюдателя» и переключение кодов // Poljarnyj vestnik. 2007. Vol. 10. P. 40–52. URL : <https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1309> (дата обращения : 12.12.2019)
- Пинеда, 2009 – Пинеда Д. Переключение кодов или «смешанный лект»? // Poljarnyj vestnik. 2009. Vol. 12. P. 26–42. URL : <https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1289> (дата обращения : 12.12.2019).
- Расницын, 2013 – Расницын А. П. Систематика – народная и научная // Природа. 2013. № 4. С. 86–90.
- Рахилина, 2008 – Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
- Тростеруд, 2012 – Тростеруд Т. Роль языковой технологии в сохранении и ревитализации языка // Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: материалы междунар. науч. конф. (г. Мурманск, 10–11 марта 2011 г.) / сост., отв. ред. О. Н. Иванищева. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 4–12.
- Ушаков, 1997 – Ушаков И. Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1: Кольская земля. Мурманск: Книжное издательство, 1997. 648 с.
- Ушаков, 1998 – Ушаков И. Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2: Кольская земля. Мурманск: Книжное издательство, 1998. 376 с.
- Фадеева, 2017 – Фадеева Л. Ю. Комплексный подход антрополингвистики как науки // Волжский вестник науки. 2017. № 4–6 (8–10). С. 70–72.
- Ivanishcheva, 2017 – Ivanishcheva O. Anthropocentricity of the Language of the Native Low-Numbered Population of the North (based on the example of landscape-related vocabulary in the Kildin Saami language) // XLinguae. 2017. № 3. P. 218–228.
- Itkonen, 1958 – Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja I. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. 803 p.
- Genetz, 1891 – Genetz A. Wörterbuch der Kola-Lappischen Dialekte nebst Sprachproben. Helsingfors: Finska Litteratur-Sällskapet tryckeri, 1891. 296 p.
- Pineda, 2008 – Pineda D. “Куэсь не получается сáмас, рушас полегче” – codeswitching on the Kola Peninsula // Poljarnyj vestnik. 2008. Vol. 11. P. 47–62. URL : <https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1301> (дата обращения : 12.12.2019)

Olga N. Ivanishcheva
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russian Federation
oivanishcheva@gmail.com

Anthropological linguistics and methodology of studying lexics of the disappearing language of the indigenous small people of the North

Abstract

The purpose of the article is to determine the specifics of the research methodology of such a phenomenon as the endangered language of the indigenous people. The Kildin Saami language is considered as an subject of study, and the vocabulary of this language is considered as an object. The new idea of the work consists in a cognitive approach to the forms and methods of cognition of the endangered language of the Kola North in the framework of anthropological linguistics. It is shown that the reliance on the experience of native speakers of the small indigenous people of the North is crucial in the methodology of its research. Interviews, questionnaires, field studies should be combined in the study of the vocabulary of such a language with the methods of generalization and comparison. It is emphasized that the comparison method in studying the vocabulary of an indigenous minority can be used to solve the problem of distinguishing between scientific and naive knowledge of realities, and therefore, distinguishing between “naive-language” and “scientific” pictures of the world. The specificity of using the comparison technique, which consists in the features of the compared objects, is noted. For endangered languages, the article proposes to compare written sources, including dictionaries of the past and / or beginning of the last twentieth century, and oral materials of modern field research. It is argued that this way of analysis helps to determine the degree of preservation of the language, which is under threat of extinction. It has been established that a cognitive approach to the analysis of the vocabulary of the Kildin Saami language reveals not only the presence / absence of gaps in the linguistic consciousness of the modern native speaker, but also the connotative meanings associated with imposing a traditional folk worldview with the realities of the modern life of the indigenous people.

Keywords: anthropolinguistics, methodology, cognitive approach, Kildin Saami language.

© Ivanishcheva O. N. 2021

For citation: Ivanishcheva, O. N. (2021). Antropologicheskaya lingvistika i metodologiya issledovaniya leksiki ischezayushchego yazyka korennoho malochislennogo naroda severa [Anthropological linguistics and methodology of studying lexics of the disappearing language of the indigenous small people of the North]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 63–73. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_63_73.

References

- Azbuka dlya loparej, zhivushchih" v" Kol'skom" urzdr̃ Arhangel'skoj gubernii* (1895) [The alphabet for the Lapps living in the Kola district of the Arkhangelsk province.]. Arkhangelsk.
- Alpatov, V. M. (1993) Ob antropocentrichnom i sistemocentrichnom podhodah k yazyku [About anthropocentric and system-centric approaches to language]. *Voprosy yazykoznaniya*. [Topics in the Study of Language], 3, 15–26.
- Vserossijskaya perepis' naseleniya Informacionnye materialy ob okonchatel'nyh itogah Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010* [All-Russian population census Information materials on the final results of the 2010 All-Russian population census]. Murmansk. Retrieved April 02, 2020 from <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm>.
- Geograficheskij slovar' Kol'skogo poluostrova* (1939) [Geographical Dictionary of the Kola Peninsula]: Vol. 1. Leningrad.

- Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. (2014). Yazyk kak sredstvo izucheniya poznaniya i evolyucii cheloveka (k 10-letnej godovshchine poyavleniya antropolingvistiki) [Language as a means of studying human cognition and evolution (on the 10th anniversary of the emergence of anthropolinguistics)]. *Vestnik Mosk. gos. oblast. un-ta. Ser.: Lingvistika* [Bulletin Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 5, 12–25.
- Zurabova, L. R. (2020). Pereklyuchenie kodov v usloviyah dvuyazychiya: stanovlenie oblasti lingvisticheskikh issledovaniya [Switching codes in bilingualism: the formation of the field of linguistic research]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (1), 48–61.
- Korol'kova, M. D. (2020). Osobennosti funktsionirovaniya remeslennoy leksiki v russkikh govorakh Prirusskogo Povolzh'ya [Functional patterns of the craft vocabulary of Volga Region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (2), 55–72.
- Kubryakova, E. S. (1995). Evolyuciya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (paradigm analysis experience)]. In Yu. S. Stepanov (Ed.), *Yazyk i nauka konca 20 veka* [Language and science of the late 20th century] (pp. 144–238); Moscow: Russian State University for the Humanities.
- Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Murmanskoy oblasti. Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya* [National composition and language skills, citizenship of the population of the Murmansk region. Results of the All-Russian Population Census] (2013). Vol. 4 (1). Murmansk.
- Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Murmanskoy oblasti. Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya* [National composition and language skills, citizenship of the population of the Murmansk region. Results of the All-Russian Population Census] (2013). Vol. 4 (2). Murmansk.
- Pineda, D. (2007). K probleme «paradoksa nablyudatelya» i pereklyuchenie kodov [On the problem of the “observer paradox” and code switching]. *Poljarnyj vestnik*, 10. 40–52. Retrieved December 12, 2019 from <<https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1309>>.
- Pineda, D. (2009). Pereklyuchenie kodov ili «smeshannyj lekt»? [Switching codes or “mixed lecture”?]. *Poljarnyj vestnik*, 12, 26–42. Retrieved December 12, 2019 from <<https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1289>>.
- Rasnicyn, A. P. (2013). Sistematika – narodnaya i nauchnaya [Systematics – People and Science]. *Priroda* [Nature], 4, 86–90.
- Rahilina, E. V. (2008). *Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow.
- Trosterud, T. (2012). Rol' yazykovoj tekhnologii v sohraneni i revitalizacii yazyka [The role of language technology in the preservation and revitalization of the language]. In O. N. Ivanishcheva (Ed.), *Saamskaya identichnost': problemy sohraneniya yazyka i kul'tury na Severe* [Saami identity: problems of preserving the language and culture in the North] (pp. 4–12); Murmansk: Murmansk Humanitarian State University.
- Ushakov, I. F. (1997). *Izbrannye proizvedeniya: In 3 Vol.* Vol. 1: Kol'skaya zemlya [Selected Works. Kola Land]. Murmansk.
- Ushakov, I. F. (1998). *Izbrannye proizvedeniya: In 3 Vol.* Vol. 2: Kol'skaya zemlya [Selected Works. Kola Land]. Murmansk.
- Fadeeva, L. Yu. (2017). Kompleksnyj podhod antropolingvistiki kak nauki [The integrated approach of anthropolinguistics as a science]. *Volzhskij vestnik nauki* [Volzhsky Bulletin of Science], 4–6 (8–10), 70–72.
- Ivanishcheva, O. (2017). Anthropocentricity of the Language of the Native Low-Numbered Population of the North (based on the example of landscape-related vocabulary in the Kildin Saami language). *XLinguae*, 3, 218–228.
- Itkonen, T. I. (1958). *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja I. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV*. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura.
- Genetz, A. (1891). *Wörterbuch der Kola-Lappischen Dialekte nebst Sprachproben*. Helsingfors : Finska Litteratur-Sällskapet tryckeri.
- Pineda, D. (2008). “Куэсс не получается с̄амас, рушас полегче” – codeswitching on the Kola Peninsula. *Poljarnyj vestnik*, 11, 47–62. Retrieved December 12, 2019 from <<https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1301>>.

Ифатуроти Адебойе Олувасеун
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск, Россия
deboye@hotmail.co.uk

Краткий очерк типологических особенностей языка йоруба

Аннотация

В статье представлен материал по фонетическому и грамматическому строю йоруба – одного из самых распространённых языков западной Африки, который, наряду с формой официального литературного языка, представлен большим количеством диалектных вариантов. С использованием примеров, подобранных автором – носителем языка йоруба – из современного нормативного речевого употребления, в статье показаны способы выражения смыслового содержания и различных грамматических значений и категорий в языке йоруба, строй которого имеет существенные отличия от известных современных языков Европы, принадлежащих как к аналитическому (английский, французский), так и синтетическому (русский) типам. Результаты исследования показали, что, во-первых, лексические значения в языке йоруба могут дифференцироваться посредством изменения высоты используемого тона; во-вторых, при словообразовании используется редупликация и агглютинация; в-третьих, категории времени глагола, определённости / неопределённости имени, сравнительная и превосходная степени прилагательных выражаются лексическими средствами; наконец, синтаксические конструкции в силу нефлективности слова в йоруба, как и в европейских аналитических языках, строятся по фиксированной модели.

Ключевые слова: йоруба, языковые тоны, языковое значение, орфография, словообразование, грамматика.

© Ифатуроти А. О. 2021

Для цитирования: Ифатуроти А. О. Краткий очерк типологических особенностей языка йоруба // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 74–85. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_74_85.

1. Введение [Introduction]

Язык йоруба принадлежит семейству ква из нигеро-конголезских языков Африки. Он является одним из основных языков Нигерии, и на нём говорят в основном на территории западной части страны. Кроме Нигерии, на йоруба говорят в центральном и восточном регионах Бенина. В состав языка йоруба входят западный, юго-восточный, центральный и северо-восточный диалекты [Oyelaran, 1975, с. 36]. М. Х. Уоткинс, исследуя языки Нигерии, отмечает, что более 80% населения на западе страны говорят на йоруба. За ним следует язык эдо, носители которого составляют всего лишь 7% общего населения этого региона [Watkins, 1972, p. 387]. Таким образом, йоруба является самым распространённым языком в Нигерии.

Классификация диалектов йоруба имеет характер «диалектного континуума» на основании того, что эти диалекты обладают высокой степенью «взаимопонятности», хотя между ними наблюдаются фонологические, лексические и даже некоторые грамматические различия. В число диалектов языка йоруба входят игбомина, ондо, иджеша, иболо, ифе, йева, эгба, иджебу, авори, ойо и ибадан. Поскольку язык йоруба существует в различных диалектных разновидностях, возникает вопрос, какой из его диалектных вариантов может послужить материалом для данного исследования. При описании языка йоруба исследователи обычно работают с так называемым стандартным его вариантом, который «используется в целях обучения, общения и контакта между носителями разных диалектов» [Adebisi, Bamgbose, 1980, p. 46]. Он развился на основе диалекта

ойо, но в процессе стандартизации претерпел существенные изменения, в силу чего современный стандартный йоруба настолько сильно отличается от диалекта ойо, что теперь он рассматривается как совершенно самостоятельный вариант языка [Fabunmi, 1970, p. 3–4]. Он является объектом и нашего исследования.

В действительности стандартный йоруба существует главным образом в письменной форме и как своего рода лингва-франка в пределах говорящих на языке йоруба районов. Эта форма считается официальной и престижной, поэтому в общественных местах большинство носителей языка йоруба стремятся использовать именно её и избавиться от диалектных особенностей в своей речи. Таким образом, стандартная форма языка йоруба может рассматриваться как разновидность языка, который используется в преподавании, публичных выступлениях и служит письменным и литературным стандартом для всего языкового сообщества. Международный Африканский институт определяет стандартный вариант языка йоруба следующим образом:

- 1) на языке йоруба говорят как на родном 20% нигерийцев;
- 2) в общей сложности носителями языка в стране являются около 25% от общей численности населения страны;
- 3) именно стандартный вариант языка йоруба используется средствами массовой информации, в том числе радио, телевидением и в интернете;
- 4) стандартный вариант языка йоруба также используется в качестве языка формального обучения в учебных заведениях;
- 5) для стандартного варианта языка йоруба принята нормативная орфография.

Итак, язык йоруба является одним из наиболее документированных языков в Нигерии. Бельгийский лингвист А. Герард пишет: «пока нигде в Африке не осуществляют литературную деятельность на местном языке с таким интересом и значимой результативностью, как это свойственно представителям интеллигенции йоруба, проявляющих явную исключительную степень способностей к творчеству как на родном, так и на европейских языках» [Gerard, 1982, p. 12].

2. Фонетика и орфография [Phonetics and orthography]

Алфавит языка йоруба состоит из двадцати пяти букв и пяти диграфов. В йоруба произношение звуков, обозначенных этими буквами, может в некоторой степени отличаться в зависимости от диалекта. Такая вариантность в произношении объясняется тем, что, как уже было отмечено выше, язык йоруба включает около 30 диалектов.

Здесь приведём общие сведения о гласных и согласных стандартной разновидности йоруба. Инвентарь гласных включает 7 носовых гласных /i e ε a o ɔ u/ и 5 носовых /ĩ ẽ ã õ ù/, дифтонгов в системе не представлено [Eme, Uba, 2016, p. 74–75]. Инвентарь согласных включает 18 единиц: /b t d k g kp gb f s ʃ h dʒ m n l r j w/ [Eme, Uba, 2016, p. 74–77].

В лингвистической литературе имеется ряд экспериментальных работ, посвящённых системе гласных фонем йоруба и особенностям их реализации. Так, выявлено, что пары гласных [eo] и [εɔ] различаются прежде всего по ряду, их разница по подъёму несущественна [Allen et al., 2013]. Также обнаружено, что при выпадении гласного оставшийся гласный подвергается небольшому компенсаторному удлинению [Danis, 2020]. Проведены сравнительно-сопоставительные исследования систем согласных и гласных, например языка йоруба с малайским [Oshodi, 2013], игбо [Eme, Uba, 2016], полезные для изучения данных языков как иностранных.

Йоруба является тональным языком, в котором тон выполняет смыслообразительную функцию: для различения лексических и грамматических значений используются фонологически значимые тоны. В йоруба три тона, сочетаемость которых в

пределах слова неограничена [Eme, Uba, 2016, p. 77–78], что нашло отражение в орфографии (см. табл. 1), где имеется большое количество диакритических знаков для гласных а, е, ё, и, о, о, у. В зависимости от высоты тона слово может иметь различные значения.

Т а б л и ц а 1. Тоны в языке йоруба
[T a b l e 1. Lexical tones in Yoruba]

Тип тона	Обозначение	о̀кò 'муж'	Igba 'двести'
Высокий тон	á,é,é̄,í,ó,ó̄,ú	ókó 'тяпка'	Igbá 'калебас'
Средний тон	не отмечается	òkò 'копьё'	Igbà 'время'
Низкий тон	à,è,è̄,ì,ò,ò̄,ù	okò 'машина'	Igbà' 'верёвка'

Комментируя значимость тона в языке йоруба, П. Ладефогед подчёркивает важную роль интонации в передаче значения слова и указывает на то, что носители атональных языков испытывают затруднения в понимании изменения значения слова в зависимости от изменения тона [Ladefoged, 1964, p. 26]. Тоновые знаки по правилам ставятся только на гласных. Заметим, что гласные в начальной позиции слова могут иметь только средний и низкий тон и никогда высокий.

Исследованию тонов йоруба посвящены некоторые более поздние работы, например [Ajíbóyè et al., 2011], где изучались особенности реализации тонов при взаимодействии просодии слова и просодии фразы с привязкой к выпадению гласного и гласной вставке.

3. Словообразование [Word building]

Одной из главных особенностей имён существительных в языке йоруба является почти полное отсутствие односложных существительных, что отличает их от глаголов, которые главным образом существуют в односложных вариантах. Наиболее распространены двусложные и трёхсложные имена существительные, которые всегда начинаются с гласных звуков, за исключением существительных, заимствованных из других языков: *kádàrà* 'судьба' (заимствовано из арабского языка); *bòḍlù* 'мяч' (заимствовано из английского языка), и относительно небольшой группы существительных, образованных способом редупликации, например: *kikó* 'учение', *lilo* 'ходьба'. Словообразование имён существительных осуществляется главным образом путём префиксации, агглютинации и редупликации. Что касается префиксации, то наиболее распространёнными продуктивными префиксами имён существительных являются односложные префиксы *a-*, *e-*, *é-*, *i-*, *o-*, *o-*, которые образуют от глаголов имена существительные со значением имени действия, деятеля, орудия действия и существительные с абстрактным значением. При помощи префикса *a-* обычно образуются имена существительные со значением имени действия: *àbò* 'приезд' (от *bò* 'приезжать'), *àlò* 'отъезд' (от *lò* 'уходить'); префиксы *e-* и *é-* образуют имена существительные со значением имени действия или результата действия: *èbè* 'просьба' (от *bè* 'просить'), *èṣè* 'грех' (от *ṣè* 'грешить'), *erù* 'тяжесть' (от *rù* 'нести', *èrò* 'мысль') и т. п. Префикс *i-* очень продуктивный – с его помощью от глаголов образуются имена существительные со значением имени действия и результата действия: *ìrìn* 'ходьба' (от *rìn* 'ходить'), *iṣẹ* 'работа' (от *ṣe* 'выполнять'), *ibẹ̀wò* 'посещение' (от *bẹ̀wò* 'посещать') и т. п.

Существительные с абстрактным значением обычно образуются от глаголов качества или состояния: *òtútù* 'холод' (от *tútù* 'быть холодным'), *òye* 'ум' (от *ye* 'быть умным, талантливым'). Существительные со значением деятеля могут быть образованы

как от глаголов, так и посредством агглютинации глагола и существительного. Например, *ota* 'стрелок' (от *ta* 'пронзать'), *ode* 'охотник' (от *de* 'ловить'), *ore* 'друг' (от *re* 'дружить'), *omòlé* 'строитель' (*ò+ mò* 'строить' + *lé* 'дом') и т. п.

Упомянутая выше редупликация не ограничена существительными. В этой связи не может не вызывать интерес просодическая редупликация как способ образования наречий (при обязательном наличии двух мор) [Ehineni, 2017].

Следует особо отметить, что словообразование языка йоруба уже стало предметом разработки автоматического морфологического анализатора, успешно апробированного на материале отглагольных существительных, образованных с помощью аффиксации [Agbeyangi et al., 2016]. Имеются сравнительно-сопоставительные исследования разнообразных словообразовательных моделей, например, с немецким языком [Fabusuyi, Ogunwale, 2015].

4. Грамматика [Grammar]

4.1. Морфология [Morphology]

Имена существительные в языке йоруба имеют предметное значение. В языке йоруба ни существительные, ни местоимения не склоняются. Однако для личных местоимений характерно противопоставление формы прямого падежа формам косвенных падежей, что позволяет нам говорить о супплетивных формах склонения местоимений. В таблице 2 приведены формы личных местоимений в прямом и косвенном падежах:

Т а б л и ц а 2. Личные местоимения
[Table 2. Personal pronouns]

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Пр. п.	Кос. п.	Пр. п.	Кос. п.
1 л.	èmi (mo)	mi	áwa (a) wa	wa
2 л.	ìwọ (o)	ọ	ẹyin (ẹ) yin	yin
3 л.	òun (ó)	un	àwọn (wọn) wọn	wọn

Что касается категории определённости / неопределённости нужно заметить, что в языке йоруба не существует артиклей как грамматических формантов, а значение определённости / неопределённости выражается с помощью числительного *kan* от слова *ookan* (рус. 'один') и указательного местоимения *náà* (рус. 'тот', 'та', 'то'). Эти слова на самом деле не являются артиклями, но их иногда так называют в силу схожей с артиклями функции выражения значения определённости / неопределённости: числительное *kan* используется в качестве актуализатора имени существительного со значением неопределённости, а указательное местоимение *náà* актуализирует значение определённости [Турбина, Ифатуроти, 2020, с. 55].

Категория рода в языке йоруба непосредственно связана с категорией одушевлённости / неодушевлённости. Значение рода актуально только для одушевлённых существительных и выражается различными способами: во-первых, лексически: существуют слова, обозначающие существа определённого пола: *bàbá* 'отец', *iyá* 'мать', *okùnrin* 'мужчина', *obìnrin* 'женщина', *àkùkọ* 'петух', *adiẹ* 'курица', *àgbò* 'баран', *àgùntàn* 'овца' и т. д. Во-вторых, значение рода может быть выражено посредством добавления к смыслообразующему слову (препозитивно, или постпозитивно) слова со значением пола. У имён существительных, обозначающих людей, значение пола / рода передаётся путём постпозитивного присоединения слов *okùnrin* 'мужчина' или *obìnrin* 'женщина'.

Так, если в качестве примера возьмём слово *om̩o*, которое означает 'ребёнок' в общем смысле, то 'мальчик' будет обозначен как *om̩o-ok̩unrin*, а 'девочка' – *om̩o-ob̩inrin*. По тому же правилу слово *ir̩ans̩é* 'слуга' приобретает формы *ir̩ans̩é-ok̩unrin* 'слуга', или *ir̩ans̩é-ob̩inrin* 'служанка' в случае, когда нужно уточнить пол / род. Для имён существительных, обозначающих животных, в качестве «слов-детерминативов» пола / рода используются *ak̩o* 'самец' или *abo* 'самка', которые подставляются препозитивно к основному слову, например: *ak̩o-ε̩sin* 'конь', *abo-ε̩sin* 'кобыла' ('самка коня'); *ak̩o-m̩al̩ú* 'бык', *abo-m̩al̩ú* 'корова' ('самка быка') и т. д.

Кроме того, пол / род (гендерная принадлежность) в языке йоруба может указываться путём агглютинации двух или больше слов: *ba̩alé* 'муж', (букв. 'мужчина дома'): «*b̩ab̩á* 'отец', 'мужчина' + *ilé* 'дом'»; *iy̩alé* 'жена': «*iy̩á* 'мать' + *ilé* 'дом'»; *b̩ab̩á-ńlá* 'предок': «*b̩ab̩á* 'мужчина' + *ńlá* 'большой'»; *iy̩á-ńlá* 'прародительница': «*iy̩á* 'мать' + *ńlá* 'большой'»; *b̩ab̩al̩èrò* 'хозяин', 'домовладелец': «*b̩ab̩á* 'мужчина' + *ilé* 'дом' + *èrò* 'путешественник'»; *iy̩al̩èrò* 'хозяйка': «*iy̩á* 'мать' + *ilé* 'дом' + *èrò* 'путешественник'» и т. д.

Что касается категории числа в языке йоруба, то множественное число существительных образуется также агглютинативным способом. Прежде всего с помощью местоимения *àw̩on* 'они', или наречия *òp̩òl̩op̩ò* 'много', каждое из которых, как правило, препозитивно к существительному, от которого нужно образовать множественное число. Хотя они взаимозаменяемые, наблюдается тенденция, согласно которой *àw̩on* 'они' используется по преимуществу с одушевлёнными, а *òp̩òl̩op̩ò* 'много' – с неодушевлёнными существительными. Например:

Dókítà ti dé – 'Врач прибыл'; *Àw̩on dókítà ti dé* – 'Врачи прибыли'.

Ilé y̩i̩ d̩àra ní kíkó – 'Это здание красивое'; *Òp̩òl̩op̩ò ilé y̩i̩ d̩àra ní kíkó* – 'Эти здания красивые'.

Множественное число также может образоваться путём редупликации существительного с соединительным союзом *àti*. Например:

Onísòwò àti onísòwò k̩i̩ bá ti bá ara w̩on w̩ijó. Букв.: * 'Торговец и торговец не должны были обмениваться словами между собой'. = 'Торговцы не должны были ссориться между собой'.

В языке йоруба нет словоизменения именных частей речи (существительных, прилагательных, местоимений и числительных) для выражения грамматических категорий числа, рода и падежа. Таким образом, функции падежей выражаются с помощью синтаксиса. Существует несколько способов выражения синтаксических функций существительных. Во-первых, при помощи порядка слов, несвободного в йоруба, где подлежащее всегда препозитивно глаголу-сказуемому. Например:

Akin k̩o ìwé sí b̩ab̩á r̩è. Букв.: * 'Акин писать книга на отец его'. = 'Акин написал отцу письмо'.

Имена существительные в функции прямого дополнения всегда ставятся после глагола. Например:

Mo ní ifé àb̩úrò mí. Букв.: * 'Я имею любовь младший брат мой'. = 'Я люблю младшего моего брата'.

Притяжательное отношение в языке йоруба выражается посредством контактной позиции (позиции примыкания) двух существительных или существительного и местоимения в порядке следования «определяемое-опредетель»: вначале наименование того, что принадлежит кому-либо, а после него именование владельца, например:

Owó b̩ab̩á. Букв.: * 'деньги отец' = 'деньги (свои) отца'; *Owó b̩ab̩á mí*. Букв.: * 'деньги отец мой' = 'деньги моего отца'.

Притяжательное отношение может также выражаться при помощи предлога *ti* 'для', который часто используется с целью передать обладание тем или иным предметом, например:

Ìwé yìí jé ti Akin. Букв.: *'Книга эта есть для Акин'. = 'Эта книга Акин';

Filá yìí kii şe ti àbúrò mí. Букв.: *'Шапка эта не есть для брат мой'. = 'Эта шапка не моего брата'.

Именные словосочетания с зависимым прилагательным строятся по модели «определяемое-опредетель»:

Ọmọ rere. Букв.: *'ребёнок хороший' = 'хороший ребёнок'.

Обращаем внимание на то, что хотя в конструкциях с описательным и притяжательным значением порядок слов одинаковый, их актуализация в речи различается: в конструкциях со значением принадлежности последний слог главного слова удваивается. Например:

Ọmọ-ọ Rere. Букв.: *'ребёнок для Рере' = 'ребёнок Рере', где 'Рере' – имя собственное.

Прилагательные в большинстве случаев являются постпозиционными по отношению к определяемым существительным. Например:

ọkùnrin kùkùrú kan – букв.: *'мужчина невысокий один' = 'один невысокий мужчина';

ilé ñlá kan – букв.: *'дом большой один' = 'один большой дом';

ọkọ rupa méta – букв.: *'машины красные три' = 'три красные машины' и т. д.

Однако встречаются исключения, при которых прилагательные ставятся перед существительными: прилагательные *gbogbo* 'все', *òròlorò* 'большое количество', *àìtoyé* 'несчётное', как правило, употребляются препозиционно по отношению к именам существительным, чтобы подчеркнуть свойство человека или вещи, которое говорящий считает особым, например:

ọlọgbón ọmọ '(очень) умный ребёнок'; ср.: *ọmọ ọlọgbón* 'умный ребёнок';

onijògbòn ọmọ '(очень) нашкодивший ребёнок'; ср.: *ọmọ onijògbòn* 'нашкодивший ребёнок';

akọ òkúta '(очень) твёрдый камень'; ср.: *òkúta akọ* 'твёрдый камень'.

В языке йоруба нет специальной флективной формы прилагательного для обозначения сравнительной степени, как в русском (большой – больше) или в английском (*big – bigger*) языках. Сравнительная степень образуется путём добавления к прилагательному глагола *ju*, который в общем смысле имеет значение 'превзойти'. Однако в случаях его употребления в качестве квази-детерминатива со значением 'больше' или 'очень', он приобретает функцию наречия. Например:

aşọ yì dára ju t'òhún – букв.: *'ткань этот хорош превзойти тот' = 'эта ткань лучше, чем та';

ibi işé mi jìnà ju ibi işé yín – букв.: *'место работа мой далеко превзойти место работа ваш' = 'место моей работы дальше вашего';

Ọjà wa wón ju ọjà yín – букв.: *'товар наш дорого превзойти товар ваш' = 'наш товар дороже вашего' и т. д.

Вместе с тем исследования показали, что *ju* продолжает сохранять значение и функциональные характеристики глагола, ибо он обязательно присутствует в устойчивых глагольных конструкциях, строящихся по типу инкорпорации, или рамочной конструкции. В частности, глагол *ju* образует устойчивое сочетание с глаголом *lọ* 'идти' для выражения превосходной степени, а именно, превосходная степень в йоруба выражается с помощью добавления к конструкции сравнительной степени глагола *lọ*:

Dàda ga, Segun ga ju Dàda, Akin ga ju Dàda ati Segun lọ. – Букв.: *'Дада высокий, Шегун высокий превзойти Дада, Акин высокий превзойти Дада и Шегун идти' = 'Дада высокий, Шегун выше, Акин самый высокий';

Ọjà wa wón, Ọjà yín wón ju, Ọjà won wón ju ọjà awa ati eyín lọ. – Букв.: *'Товары наши дорого, товары ваши дорого превзойти, товары их дорого наши и ваши идти' = 'Наши товары дорогие, ваши товары дороже, их товары самые дорогие'.

Odò Ògùn tóbi, Odò Ògùn tóbi ju odò Oşun, Odò Oyo tóbi ju odò Ògùn ati Odò Oşun lọ. – Букв: * 'Река Огун большой, Река Огун большой превзойти Река Ошун, Река Ойо большой превзойти река Огун больше река Ошун идти'. = 'Река Огун большая, река Огун больше реку Ошун, река Ойо самая большая';

Adé mọ iwé ju gbogbo wa lọ. – Букв: * 'Аде знать книга превзойти все нас идти' = 'Аде учиться лучше всех нас'.

В своей работе лингвист Леон Стасен назвал языки, в которых глаголы используются таким образом, «вербальными языками» [Stassen, 1985, p. 178], а нефлексивный способ выражения сравнительной и превосходной степеней в йоруба исследователи относят к «лингвистическим Африканизмам» – термин, обозначающий явления, «которые являются общими или частыми в африканских языках, но полностью отсутствуют или редко присутствуют в других языках» [Meeussen, 1975, p. 268].

Настоящее и прошедшее времена образуются одинаково, поскольку в языке йоруба нет специальных форм, указывающих на время:

Mo lọ. 'Я иду'; 'Я ходил';

Àwa dé. 'Мы возвращаемся'; 'Мы вернулись';

Ó sùn. 'Он спит'; 'Он спал';

O jókò. 'Ты сидишь'; 'Ты сидел';

Из вышеприведённых примеров понятно, что чтобы определить, какое именно время выражено, необходимо обращать внимание на контекст. Будущее время выражается посредством особого временного форманта *yíd*, который в речи обычно сокращается до *ò* и *á*. Сокращение препозиционного по отношению к глаголу временного форманта *yíd* > *o* встречается очень часто. Например:

Èmi yíd wá lọla; или: *Èmi ò wá lọla;* или: *Èmi á wá lọla* – 'Я приду завтра'.

Поскольку настоящее время и прошедшее время могут не различаться формально, в случаях, когда значение настоящего времени необходимо особо подчеркнуть, в речи добавляется формант. Например:

Àwa n kọ iwé. 'Мы пишем письмо';

O n ta aşọ. 'Ты продаёшь одежду';

Èyin n şe işé. 'Вы работаете'.

Сравним примеры:

Àwa kọ iwé. 'Мы пишем письмо'; 'Мы писали письмо';

O ta aşọ. 'Ты продаёшь одежду'; 'Ты продал одежду';

Èyin şe işé. 'Вы работаете'; 'Вы работали'.

Соотнесение действия с настоящим или прошедшем временем может выражаться лексически с помощью наречий со значением времени *lóniì* 'сегодня', *lánàá* 'вчера', *télètélè* 'раньше', *lọla* 'завтра', *nísisiyìi* 'теперь' обычно в поствербальной позиции. Например:

Adé lọ lánàá 'Аде ходил вчера'

Adé n lọ nísisiyìi 'Аде идёт сейчас'

Adé á lọ lọla 'Аде пойдёт завтра'

В языке йоруба нет страдательного залога, соответственно, активный и пассивный залог не различаются. Это значит, что субъект действия (лицо или предмет) в предложении не может выступать в функции подлежащего, не производя никакого действия, а вместо этого испытывать на себе чьё-либо действие.

Числительные в языке йоруба представляют собой самостоятельную часть речи, которая обозначает число, количество и порядок предметов. Они считаются наиболее сложной частью речи в языке йоруба с учетом принципов образования и структуры. Исследованию числительных посвящена работа О. Бабаринде [Babarinde, 2013, p. 85]. Автор представил следующее описание. Числительные образуются на основе десятичной и двадцатеричной систем, включающих в себя такие математические действия, как сло-

жение, вычитание и умножение. В пределах первого десятка количественные числительные представляют собой слова с разными корнями.

Числительные второго десятка образуются по принципу сложения или вычитания кроме числительного *ogun* 'двадцать'. Для того чтобы образовать числительные от одиннадцати до четырнадцати, к числительному *èwá* 'десять' добавляется соответствующая цифра; от пятнадцати до девятнадцати вычитается соответствующее число из числительного *ogun* 'двадцать' со значительными фонетическими изменениями в словах.

1 ení (или oókan)	11=10 + 1 òkànlá
2 èjì	12=10 + 2 èjílá
3 ètà	13=10 + 3 ètàlá
4 èrin	14=10 + 4 èrínlá
5 àrún	15=20 – 5 àrùndínlógún
6 èfà	16=20 – 4 èrìndínlógún
7 èje	17=20 – 3 ètàdínlógún
8 èjò	18=20 – 2 èjìdínlógún
9 èsán	19=20 – 1 okàndínlógún
10 èwá	20=10 + 10 ogún

Если возьмём, например, числительное *òkànlá* 'одиннадцать', то оно представляет собой результат слияния в одно слово числительного *oókan*, глагола *lé* 'прибавлять' и числительного *èwá* 'десять' в то время, как числительные от пятнадцати до девятнадцати образуются путём вычитания из двадцати. Например, *èrìndínlógún* 'шестнадцать' образуется из числительного *èrin* 'четыре', глагола *dín* 'уменьшить' и числительного *ogún* 'двадцать'. От числа 50 *àádóta* и дальше встречается ряд аффиксов: *àádo-*, *ogó-/ogo-*, *eède-*, *egbe-*, *egbe-*, *egbàá-* и т. д., которые должны быть использованы и истолкованы правильно, что делает систему числительных в языке йоруба достаточно сложной. Однако, лингвистический анализ показывает, что образование числительных в языке йоруба осуществляется главным образом с помощью таких фонологических приёмов как слияние звуков, выпадение согласных, элизия, ассимиляция и деназализация; в числе морфологических приёмов выделяются префиксация и сокращение. Что касается порядковых числительных, то они образуются от количественных следующим образом: 'первый' *èkínní*, 'второй' *èkejì*, 'третий' *èketa*, 'четвёртый' *èkerin* и так далее.

Из служебных частей речи несомненный интерес и споры вызывает слово *(t)àbí* [Jelili Adewale, 2017], анализ которого не подтвердил наличия двух функций у данного слова – союза и вопросительного слова. Оказалось, что функция лишь одна – союз, о чём свидетельствует его встречаемость во всех синтаксических позициях.

В завершении обзора морфологии языка йоруба подчеркнём, что несмотря на десятилетия исследовательской работы немалого количества исследователей, окончательный перечень частей речи так и не установлен, что существенно затрудняет обучение данному языку [Jelili Adewale, 2017, p. 13] с использованием аппарата и методов европейской грамматической традиции.

4.2. Синтаксис [Syntax]

Порядок слов в предложении в языке йоруба, как было отмечено выше, строго фиксирован, и в простых повествовательных предложениях с именными актантами – подлежащим и дополнением – всегда соответствует модели SVO (подлежащее+глагол+дополнение). Например:

Ade ka ìwé. Букв.: * 'Аде считать книга'. 'Аде читал книгу'.

Подлежащее *Ade* в этом предложении является именем собственным, *ka* – глагол-сказуемое 'читать' или 'считать', а *iwé* 'книга' – прямое дополнение при глаголе читать. Косвенные дополнения оформляются предложно:

Ó kọ iwé sí bàbá rẹ. Букв.: * 'Он писать письмо к отец свой' = 'Он написал письмо своему отцу';

Ó ra òdòdó fun iyá rẹ Букв.: * 'Она купить цветы для матери свой' = 'Она купила своей матери цветы'.

Что касается конструкций с местоимёнными актантами, то порядок слов также всегда соответствует модели SVO, но при этом наблюдается тенденция удвоения последнего гласного глагола с целью обозначения дополнения.

Ó ka iwé. Букв.: * 'Он читать книга'. = 'Он читал книгу'. → *Ó ka á.* Букв.: * 'Он читать оно'. = 'Он читал её'.

Ó kọ ilé Букв.: * 'Он строить дом' = 'Он построил дом'. → *Ó kọ ọ* Букв.: * 'Он строить его' = 'Он построил его'.

Ó kọ iwé sí bàbá rẹ. Букв.: * 'Он писать письмо к отец свой' = 'Он написал письмо своему отцу'. → *Ó kọ ọ sí i.* Букв.: * 'Он писать его к он' = 'Он ему это написал'.

Ó ra òdòdó fun iyá rẹ Букв.: * 'Она купить цветы для матери свой' = 'Она купила своей матери цветы'. → *Ó ra á fun un* Букв.: * 'Она купить это для она' = 'Она их ей купила'.

Сложноподчинённые предложения с придаточными относительными строятся по модели «главное-придаточное»:

Ọmọbìnrin tó ń kọrin. 'Девушка, которая поёт'.

6. Заключение [Conclusion]

Таким образом, язык йоруба принадлежит семейству ква из нигеро-конголезских языков Африки; в его типологических характеристиках выявляются черты, свойственные языкам африканского континента, но редкие, или полностью отсутствующие в языках других семей. На основании отсутствия словоизменения исследователи обычно относят йоруба к языкам изолирующего типа. Однако дать ему такую однозначную типологическую характеристику можно лишь условно в силу того, что лексико-грамматические значения могут выражаться морфонологически (посредством вариации тонов со смыслоразличительной функцией), лексически (для выражения временных значений), агглютинативным способом (при обозначении рода / пола и числа имён существительных, при образовании числительных), с помощью квази-детерминативов (при уточнении глагольных времён). Эти системно-структурные особенности языка йоруба, общие для языков африканского континента, существенно отличают его от современных языков Европы, что затрудняет его изучение и описание исследователями-европейцами.

Тем не менее, в грамматике йоруба есть и то, что характерно для европейских языков – это способы актуализации синтаксических значений и синтаксис в целом (фиксированный порядок слов и использование служебной лексики для выражения синтаксических отношений). Такое сходство может быть объяснено, во-первых, нефлективностью имени (как, например, в английском), в связи с чем синтаксические функции именных актантов могут быть обозначены только их позицией в предложении; во-вторых, предположительно, возможным влиянием английского языка на языки коренного населения Нигерии, в силу чего нормативная конструкция предложения в йоруба аналогична инвариантной модели SVO – типовой для предложений с именными актантами в подавляющем большинстве европейских языков и признанной со времён Декарта и грамматики Пор-Рояля универсальной и отражающей «порядок следования мысли». Принципы устройства системы местоимений также обнаруживают морфо-синтаксические сходства с местоименными парадигмами европейских языков, где, как и в йоруба, сохраняются супплетивные формы склонения.

Перечисленные типологические особенности языка йоруба наводят на мысль о том, что он, пережив бесписьменные времена, придя к стадии кодификации и литературного нормирования, претерпев при этом активное влияние английского языка, пребывает в состоянии поиска новых способов выражения грамматических значений (агглютинация, редупликация, инкорпорация, «проба артикля» для имени) взамен утраченных, ибо, к примеру, факт наличия падежей у местоимений позволяет предположить наличие в прошлом падежных флексий у имён (и у других частей речи). Однако эта и подобные гипотезы могут быть подтверждены только результатами обширных и целенаправленных исследований языка йоруба, в том числе – диахронических.

Список литературы

- Турбина, Ифатуроти, 2020 – Турбина, О.А., Ифатуроти, А.О. Категория определенности неопределенности в языке йоруба // Вестник Южно-урал. гос. ун-та. 2020. № 2. С. 55–59.
- Adebisi, Bamgbose, 1980 – Adebisi A., Bamgbose A. (1980). The changing pattern of bilingualism in Nigeria. // *Patterns of bilingualism: selected papers from the RELC (Regional Language Centre) seminar on acquisition of bilingual ability and patterns of bilingualism, with special reference to Southeast Asian contexts*, Singapore, April 1979 / ed. by E. A. Afendras. Singapore: Singapore University Press for the SEAMEO Regional Language Centre (RELIC). P. 217–237
- Agbeyangi et al., 2016 – Morphological Analysis of Standard Yorùbá Nouns / A. O. Agbeyangi, J. O. Odiete, T. A. Lawal, A. B. Olorunlomeye // *American Journal of Engineering Research*. 2016. Vol. 5. Iss. 6. P. 8–12.
- Ajibóyè et al., 2011 – Disambiguating Yorùbá tones: At the interface between syntax, morphology, phonology and phonetics / O. Ajibóyè, R.-M. Déchaine, B. Gick, D. Pulleyblank // *Lingua*. 2011. Vol. 121(10). P. 1631–1648. doi : <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2011.05.008>.
- Allen et al., 2013 – Allen B., Pulleyblank D., Ajibóyè O. Articulatory mapping of Yoruba vowels: an ultrasound study // *Phonology*. 2013. Vol. 30, Iss. 2. P. 183–210. doi: <https://doi.org/10.1017/S0952675713000110>
- Babarinde, 2013 – Babarinde O. The Linguistic Analysis of the Structure of the Yoruba Numerals // *Journal of Literature, Languages and Linguistics*. 2013. Vol. 1. P. 78–88.
- Danis N. Yorùbá vowel deletion involves compensatory lengthening: Evidence from phonetics // *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*. 2020. Vol. 60. P. 1–12. doi: 10.5842/60-0-753.
- Ehineni T. O. Prosodic Reduplication in Yorùbá // *J. Univers. Lang*. 2017. Vol. 18 (2). P. 39–59. doi : <https://doi.org/10.22425/jul.2017.18.2.39>.
- Eme, Uba, 2016 – Eme C. A., Uba E. D. A contrastive study of the phonology of Igbo and Yoruba // *Unizik Journal of Arts and Humanities*. 2016. Vol. 17, N 1. P. 65–84.
- Fabunmi, 1970 – Fabunmi M. A. Yoruba Idioms. Lagos: Pilgrim Books, 1970. 52 p.
- Fabusuyi, Ogunwale, 2015 – Fabusuyi A. A., Ogunwale J. A. A Linguistic Analysis of Verbo-nominal Formation Processes in German and Yoruba Languages // *Journal of Linguistics and Language in Education*. 2015. Vol. 9, N 1. P. 79–97.
- Gerard, 1982 – Gerard A. The Linguists' Unacknowledged Progeny: African Literature // *South African Journal of African Languages*. 1982. N 2. P. 12–14.
- Jelili Adewale, A. More on the Categorical Status of (T)àbí in Yorùbá Grammar // *Journal of Language and Education*. 2017. Vol. 3 (2). P. 6–13. doi : 10.17323/2411-7390-2017-3-2-6-13.
- Ladefoged, 1964 – Ladefoged P. A Phonetic Study of West African Languages: An Auditory-Instrumental Survey. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 74 p.
- Meeussen, 1975 – Meeussen A. E. Tone Typologies for West African Languages // *African Language Studies*. 1975. Vol. 11. P. 266–271.
- Oshodi, 2013 – Oshodi B. A cross-language study of the speech sounds in Yorùbá and Malay: Implications for second language acquisition // *Issues in Language Studies*. 2013. Vol. 2. N 1. P. 1–12.

- Stassen, 1985 – Stassen L. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford : Blackwell, 1985. 373 p.
 Watkins, 1972 – Watkins M. H. *Yoruba Phonemes*. *Studies in Linguistics in Honor of George L. Trager* / ed. by M. Estellie Smith. The Hague : Mouton, 1972. P. 387–389.

UDC 81'42

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_74_85

Adeboye Oluwaseun Ifaturoti
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
 deboye@hotmail.co.uk

A brief outline of the typological features of the Yoruba language

Abstract

The article presents materials on the phonetic and grammatical structure of Yoruba – one of the most widely spoken languages of West Africa, which, along with its literary form, exists in many dialectical variants. Using examples selected from modern normative speech usage, the author – a native speaker of the Standard Yoruba – demonstrates the ways of expressing semantic content, various grammatical meanings and categories in the Yoruba language, whose structure has significant differences from known modern analytical (English, French) and synthetic (Russian) languages of Europe. The results of the study show that, first, lexical meanings in Yoruba language can be differentiated by changing tone pitch; second, reduplication and agglutination are vital to the process of word formation; third, the categories of verb tense, definiteness / indeterminacy, comparative and superlative adjectives are expressed by lexical means; finally, syntactic constructions due to the non-inflectional nature of words in Yoruba, as in European analytical languages, are constructed according to a fixed model.

Keywords: Yoruba, language tones, language meaning, spelling, word formation, grammar.

© Ifaturoti A. O. 2021

For citation: Ifaturoti, A. O. (2021). Kratkiy ocherk tipologicheskikh osobennostey yazyka yoruba [A brief outline of the typological features of the Yoruba language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 74–85. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_74_85.

References

- Turbina, O. A., Ifaturoti, A. O. (2020). Kategoriya opredelennosti neopredelennosti v yazyke yoruba [Category of certainty / uncertainty in the Yoruba language]. *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gos. un-ta. Ser. Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Linguistics”], 17 (2), 55–59.
- Adebisi, A., Bamgbose A. (1980). The changing pattern of bilingualism in Nigeria. In E. A. Afendras (Ed.), *Patterns of bilingualism: selected papers from the RELC (Regional Language Centre) seminar on acquisition of bilingual ability and patterns of bilingualism, with special reference to Southeast Asian contexts*, Singapore, April 1979 (pp. 217–237). Singapore : Singapore University Press for the SEAMEO Regional Language Centre (RELC).
- Agbeyangi, A. O., Odiete, J. O., Lawal, T. A., Olorunlomeye, A. B. (2016). Morphological Analysis of Standard Yorùbá Nouns. *American Journal of Engineering Research*, 5 (6), 8–12.
- Ajibóyè, O., Déchaine, R.-M., Gick, B., Pulleyblank, D. (2011). Disambiguating Yorùbá tones: At the interface between syntax, morphology, phonology and phonetics. *Lingua*, 121 (10), 1631–1648. doi : <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2011.05.008>.
- Allen B., Pulleyblank D., Ajibóyè O. (2013). Articulatory mapping of Yoruba vowels: an ultrasound study. *Phonology*, 30 (2), 183–210. doi: <https://doi.org/10.1017/S0952675713000110>.
- Babarinde, O. (2013). The Linguistic Analysis of the Structure of the Yoruba Numerals. *Journal of Literature, Languages and Linguistics*, 1, 78–88.

- Danis, N. (2020). Yorùbá vowel deletion involves compensatory lengthening: Evidence from phonetics. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*, 60, 1–12. doi : 10.5842/60-0-753.
- Ehineni, T. O. (2017). Prosodic Reduplication in Yorùbá. *J. Univers. Lang.*, 18 (2), 39–59. doi : <https://doi.org/10.22425/jul.2017.18.2.39>.
- Eme, C. A., Uba, E. D. (2016). A contrastive study of the phonology of Igbo and Yoruba. *Unizik Journal of Arts and Humanities*, 17 (1), 65–84.
- Fabunmi, M. A. (1970). *Yoruba Idioms*. Lagos : Pilgrim Books.
- Fabusuyi, A. A., Ogunwale, J. A. (2015). A Linguistic Analysis of Verbo-nominal Formation Processes in German and Yoruba Languages. *Journal of Linguistics and Language in Education*, 9 (1), 79–97.
- Gerard, A. (1982). The Linguists' Unacknowledged Progeny: African Literature. *South African Journal of African Languages*, 2, 12–14.
- Jelili Adewale, A. (2017). More on the Categorical Status of (T)àbí in Yorùbá Grammar. *Journal of Language and Education*, 3 (2), 6–13. doi :10.17323/2411-7390-2017-3-2-6-13.
- Ladefoged, P. (1964). *A Phonetic Study of West African Languages: An Auditory-Instrumental Survey*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Meeussen, A. E. (1975). Tone Typologies for West African Languages. *African Language Studies*, 11, 266–271.
- Oshodi B. (2013). A cross-language study of the speech sounds in Yorùbá and Malay: Implications for second language acquisition. *Issues in Language Studies*, 2 (1), 1–12.
- Stassen, L. (1985). Comparison and Universal Grammar. *Journal of Linguistics Oxford*, 23, 178–179.
- Watkins, M. H. (1972). Yoruba Phonemes. In M. Estellie Smith (Ed.), *Studies in Linguistics in Honor of George L. Trager* (pp. 387–389). The Hague : Mouton.

Maria N. Kovaleva
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Archangelsk, Russian Federation
m.kovaleva@narfu.ru

The conative function of constructions expressing surprise in Swedish, English and Russian

Abstract

The article presents the results of a comprehensive comparative analysis of the concept “surprise” in Swedish, English and Russian fiction books manifested by syntactic constructions performing the conative function. Three Swedish fiction novels by Selma Lagerlöf and their translations into English and Russian were chosen as the material for the study. 135 complexes of examples (1 complex = 1 Swedish token + 1 corresponding English token + 1 corresponding Russian token) were selected using continuous sampling method. First, it was found that the function could be manifested in 2 directions (modes): extroversion and introversion. Second, 2 syntactic patterns expressing the function were identified: imperatives and vocatives. The analysis of their interaction in the three languages showed the following results. In Swedish and Russian, the introverted imperative pattern was used while in English modal verb+infinitive extraverted pattern was mostly used. As far as vocatives, similarly to imperatives, both extroversive and introversive modes were present. However, in contrast to imperative patterns, introversive mode prevailed in vocatives in all the three languages. Further studies might involve comparative analysis of the modes and patterns manifesting surprise in other languages of origin.

Keywords: emotion, surprise, conative function, comparative analysis, fiction.

© Kovaleva M. N. 2021

For citation: Kovaleva, M. N. The conative function of constructions expressing surprise in Swedish, English and Russian. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 86–95. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_86_95.

1. Introduction

Being one of the fundamental emotions, surprise is an important characteristic of a person, since it predetermines a person’s knowledge and contributes to his development. Despite the fact that the emotion of surprise is one of the cultural components, it manifests a certain specificity of verbalization in various languages. This specificity, which is of undoubted interest for linguistics, is largely determined by the subjectivity of the reality perception.

The emotion of surprise has been the object of attention of many foreign and Russian scientists. Researchers studied this emotion through the metalanguage [Apresyan, 1993 ; Iordanskaya, 1970 ; Vezhbitskaya, 1996], analyzed the specifics of textual realization of surprise in English [Adamchuk, 1996], described various means of expression of surprise [Korlykhanova, 2000], compared the partial expression of surprise in English and German [Kolayan, 1999 ; Short, 1987 ; Smagin, 1998]. However, according to our data, at the present stage of studying the emotion of surprise, a comprehensive analysis of the conative function of constructions expressing surprise in Swedish, English and Russian has not yet been carried out. This fact motivated the current study. Thus, the three-fold goal of this article is to describe the conative function of the emotion of surprise, to conduct a comparative analysis of these structures in Swedish, English and Russian, as well as to identify the similarities and differences in performing the function in the three languages.

In the traditional language model, described in detail by K. Bühler, three functions were distinguished: emotive, conative and referential. The scientist identified three central subjects in speech according to each function: the one who speaks (first subject), the one who listens (second subject), someone or something who or what is talked about (third subject) [Bühler, 1933, p. 19–90].

R. Jakobson supplemented this classification and outlined six language functions, linking each of them with a certain part of the communication process [Jakobson, 1975]. R. Jakobson defined the following factors as necessary elements of speech communication: addresser, addressee, context, message, contact (between the addresser and the addressee), message transmission, and code. According to the scientist, each of them corresponded to a special function of the language, the conative being one of them [Jakobson, 1975, p. 198].

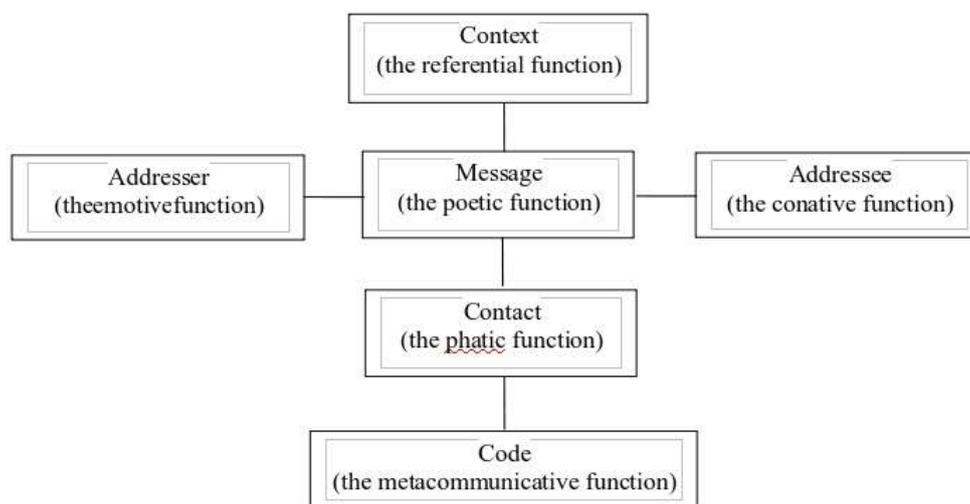

Figure 1. Language functions according to R. Jakobson

Figure 1 illustrates that the conative function of the language is associated with the addressee. This function is expressed grammatically by vocative and imperative constructions, which deviate phonologically, morphologically, and syntactically from other nominal and verbal categories. Imperative constructions are not equal to statements because they cannot be considered in terms of true or false [Jakobson, 1975, p. 201]. In this article, the conative function of the language will be examined through the constructions expressing surprise.

Before proceeding to experimental part of the paper, it is necessary to distinguish the definitions of the imperative and the vocative constructions.

The imperative means an attempt of the speaker to force someone to commit or not to commit some action by his statement [Dobrushina, 2016, p. 161]. In most cases, the addressee of such statement is the listener, the second-person singular, and the situation indicated by the imperative does not belong to reality. The imperative is used to make order, to ask, advise, allow or inform that the speaker does not interfere with the performance of a certain action [Dobrushina, 2016, p. 194].

The vocative form is referred to as the vocative case or just vocative. Scientists define a vocative as a special type of one-component sentences [Abakumov, 1942; Shakhmatov, 1941]. The definition of a vocative as a special form of name, which is used to identify the object that is being accessed, seems more complex [Reformatskiy, 1998]. Linguists agree that vocative sentences are the appeals, and, at the same time, they are meaningful and complete sentences due to the rich content that is concentrated in the appeal. Such compellation not only calls the addressee, but at the same time partially or completely conveys the content of speech [Moiseeva-Pron, 2016, p. 210].

2. Materials and Methods

The research material was taken from the fiction books in Swedish, as well as their translations into English and Russian. During the experimental part of the study, the trilogy of the Swedish author Selma Lagerlöf (Löwensköldska ringen, Charlotte Löwensköld and Anna Svärd [Lagerlöf, 1978 a, b c]) was analyzed. The translation into English was done by L. Schenck [Lagerlöf, 2011, 2014, 2016]. The translation into Russian was made by a group of authors: L. Braude, N. Belyakova, F. Zolotarevskaya [Lagerlöf, 2007].

Continuous sampling method was used in the course of the experiment to collect the data that formed the corpus for the study. As a result, the corpus included 135 complexes of examples representing syntactic constructions that express surprise. One complex comprised 1 original token in Swedish, 1 token of its translation into English and 1 token of its translation into Russian). The selected tokens were identified as imperative and vocative syntactic constructions that were subjected to further analysis that included comparing the frequency of the patterns between the languages.

3. Results and discussion

The analysis of the selected language material enabled to identify two ways of expressing the conative function in constructions conveying surprise. This function can be displayed through imperatives and vocatives.

3.1. Imperatives

During the analysis, 35 text fragments with the emotion of surprise, expressed through the imperative, were found. The imperative in these complexes of examples has a different orientation: some of them are aimed at the listener, others – at the speaker himself. Thus, all imperative constructions in Swedish, English, and Russian that express surprise were examined not only from the position of the imperative's functionality, but also from the point of their orientation.

One of the examples expressing the extroversive orientation of the imperative is presented in the complex (1):

(1) Swedish: *Jag såg, att de hade satt ner en liten stege i graven i förmiddags, sade hustrun, men den åtminstone måtte väl vara borttagen.*

– *Jag skall minsann se efter, sade mannen och famlade sig fram till gravhålet. Nej, tänk du! brast han ut. Det här går då över alla gränser. Stegen står kvar här* [Lagerlöf, 1978 a, p. 12–13].

English: *'I noticed this morning that there was a little ladder down into it,' said his wife, 'But they must at least have taken that away'.*

'I'll just see about that,' said Bård, fumbling his way to the hole. 'Would you believe it?' he exclaimed. 'This is the limit. The ladder's still here!' [Lagerlöf, 2011, p. 23].

Russian: *Нынче утром я видала, как они опустили в склеп лесенку, – сказала жена. – Но её уж, поди, убрали.*

– *А погляжу-ка я и в самом деле, – сказал муж и стал шарить руками в могильном проломе. – Нет, гляди-ка ты! – воскликнул он. – Слыхано ли дело! Лесенка-то ещё тут!* [Lagerlöf, 2007, p. 32].

In this set of examples, the conative function of the construction expressing surprise is represented by the imperative in Swedish and Russian which is used to make the interlocutor pay attention to what is happening: *Nej, tänk du!* in the language of origin and *Нет, гляди-ка ты!* in the language of translation. In English, the rhetorical question *Would you believe it?* is used instead of the imperative, that indicates a lesser degree of expressed directivity. In all

compared languages, the appeal is directed to the second-person singular enabling to conclude that the analyzed constructions have extroversive orientation.

Cases of using the imperative are also outlined in the complex of examples (2):

(2) Swedish: *Då Charlotte kom inrusande för att sätta sig till matbordet, där de andra redan hade tagit plats, möttes hon av ett strängt tillrop från prostinnan.*

– *Tänker du sätta dig till bords med de där fingrarna?*

(Charlotte såg ner på sina händer, som verkligen var förfärligt nerbläckade efter den ivriga skrivningen) [Lagerlöf, 1978 b, p. 89].

English: *When Charlotte hurried into the room to take her place at the table where the others were already seated, she was met with a firm reprimand from the pastor's wife:*

'Were you thinking of sitting down with fingers like that?' [Lagerlöf, 2014, p. 93].

Russian: *Когда Шарлотта вбежала в столовую, все остальные уже сидели за столом. Она хотела было занять своё место, но её остановило строгое восклицание пасторши:*

– *И ты собираешься сесть за стол с такими руками?*

(Шарлотта взглянула на свои пальцы, которые и впрямь были донельзя измараны чернилами после усердного писания) [Lagerlöf, 2007, p. 197].

In the given complex of examples, surprise is presented in the form of a hidden imperative, displayed by a rhetorical question. In the language of origin and in the languages of translation, an appeal is made to Charlotte with a call to action (to wash her hands) and a forbidding of doing what she wanted to do (to sit down at the table). The reflection of the conative function in these examples is expressed by using the imperative. In this case the extravertivity of the imperative is outlined in all the three languages.

The extroversive orientation of the imperative in constructions expressing surprise can also be considered on a set of examples (3):

(3) Swedish: *Charlotte, som efter sitt giftermål hade lagt sig till med ovanan att stiga sent upp, kom nästa dag inte till synes förrän vid frukosten. Prostinnan hade då redan varit på benen ett par timmar. Hon hade gjort en tur kring gården, stått vid grinden och beskådat den kära utsikten neråt sjön och kyrkan samt även språkat med de förbigående och insamlat nyheter.*

– *Kan du tänka dig, Charlotte! sade hon. Den där Karl-Artur! Ja, jag kan inte hjälpa, att jag håller av honom, men han är i alla fall inte annat än sig lik.*

Därpå berättade hon, att Karl-Artur hade begått en sådan horribel dumhet som att låta de tio barnen flytta ifrån honom.

Charlotte satt där alldeles handfallen [Lagerlöf, 1978 c, p. 182].

English: *Charlotte, who, after her marriage, had taken to rising late, did not appear the next morning until breakfast time. Mrs. Forsius had already been up and about for a couple of hours by then. She had inspected the property, stood by the gate and gazed at her favourite view of the lake and the church, and even conversed with passersby to gather news.*

'Can you imagine, Charlotte? That Karl-Artur!' she exclaimed. 'I cannot help being fond of him, but he is behaving entirely true to form.'

She went on to tell Charlotte that Karl-Artur had committed the horrendously foolish mistake of letting the ten children to move out on him.

Charlotte sat there at a loss [Lagerlöf, 2016, p. 192].

Russian: *Шарлотта, у которой после замужества появилась дурная привычка поздно вставать, на следующий день вышла только к завтраку. Пасторша к тому времени была на ногах уже несколько часов. Она обошла усадьбу, постояла у калитки, созерцая любимый ею вид на озеро и церковь, потолковала с прохожими и разузнала все новости.*

– Ты только подумай, Шарлотта, – сказала она, – что натворил этот Карл-Артур! Я люблю его, ничего не поделаешь, однако он, как всегда, верен себе!

Затем она рассказала, что Карл-Артур совершил ужасную глупость, позволив десяти ребятишкам уехать от него.

Шарлотта сидела, как громом поражённая [Lagerlöf, 2007, p. 524].

The pastor's wife tells Charlotte the terrible story about Karl-Arthur, who was the girl's fiance. However, the conative function in this complex is presented differently in three compared languages: the exclamative and interrogative constructions are used to express surprise in the language of origin and its translation into English (*Kan du tänka dig, Charlotte!, Can you imagine, Charlotte?*), while in Russian the imperative is applied (*Ты только подумай, Шарлотта*). It is made not only to attract but also to focus the girl's attention on what the pastor's wife is going to tell her.

In the following set of examples (4), however, the conative function is oriented not only to the listener, but also to the speaker himself:

(4) Swedish: *Han gick åter fram till jungfrun.*

– *Tänk, att det är över! sade han och såg helt glad ut. Det går över, bara jag säger, att jag vill lida mitt straff. Jag är så lycklig* [Lagerlöf, 1978 c, p. 21].

English: *He walked up to the housekeeper.*

'Just think, my seizure is over!' he said, looking very pleased. 'It passed as soon as I said that I am prepared to serve my time. I am so relieved' [Lagerlöf, 2016, p. 29].

Russian: *Он снова подошёл к служанке.*

– *Подумать только, прошло! – сказал он радостно. – Как только скажу, что хочу, чтоб меня покарали, сразу боль унимается. Я совершенно счастлив* [Lagerlöf, 2007, p. 378].

While in Swedish and English the orientation of the imperative construction to the second-person singular is maintained (*Tänk ..., Just think ...*), in the Russian translation the expression «*Подумать только...*» is presented, in which the author refers to himself. The orientation of the statement to the author himself reflects the introvertivity of the imperative. The speaker expresses an extreme degree of surprise, bordering on distrust of what is happening. A similar situation can be found in the complex of examples (5), in which, however, there is no imperativeness in the language of origin:

(5) Swedish: *Inte förrän alltsammans var över, gav Anna Svärd mor sin en liten vink, och gumman började genast.*

– *Anna här är liksom schinerad å säga't själv. Men det har hänt'na ett så stort under. Hon ska bli gift mä en präst nere i Värmland.*

– *Men va hör jag! sade Ris Ingborg. Ska hon gift sej?* [Lagerlöf, 1978 c, p. 47].

English: *Not until they were all finished did Anna Svärd give her mother a little sign, and the old woman began straight away:*

'Anna's a bit embarrassed to tell you herself. But the most amazing miracle has happened. She's to marry a pastor down in Värmland'.

'I can hardly believe my ears,' exclaimed Ingborg. 'Getting married?' [Lagerlöf, 2016, p. 55].

Russian: *Только когда они напились кофе, Анна Сверд подала матери знак, и старуха сразу же начала:*

– *Анна-то сама вроде совестится сказать. Ведь с ней чудо приключилось неслыханное. За пастора в Вермланде выходит.*

– *Подумать только! – сказала Рис Ингборг. – Неужто Анна замуж выходит?* [Lagerlöf, 2007, p. 402].

In the mentioned constructions expressing surprise, the conative function in Swedish and Russian is shown in the form of a self-talk (*Men va hör jag!*; *Подумать только!*), while in English the affirmative sentence with a modal verb is used (*I can hardly believe my ears*). In English translation there is no imperative, while in the language of origin and in Russian translation introverted imperative is used.

3.2. Vocatives

During the research, 30 vocative constructions with the emotion of surprise were identified. As in the analysis above, vocatives were also considered in terms of their extroversive and introversive orientation. Besides, vocatives functionality in Swedish, English, and Russian was considered.

One of the examples expressing the introversive orientation of the vocative is presented in the complex (6):

(6) Swedish: – *Men, sade hustrun och tvärstannade, vad är det jag ser? Börjar det redan på att dagas? Det ser så ljusst ut i öster.*

– *Nej, inte kan det redan vara solen, som kommer, sade bonden. Det måste vara eldsvåda. Det är, som om det skulle vara åt Olsbyhållet. Måtte det inte...*

Han avbröts av ett högt skrik från hustrun.

– *Det är hos oss det brinner, skrek hon. Det är Mellomstuga, som brinner. Generalen har satt eld på den* [Lagerlöf, 1978 a, p. 16].

English: ‘*But,*’ said his wife, coming to a sudden halt, ‘*what’s that I see? Can it already be sunrise? It’s so light in the east!*’

‘*It can’t possibly be morning yet,*’ said the farmer. ‘*There must be a fire. Looks as if it’s over Olsby way. It couldn’t be...*’

His wife’s piercing scream cut him short.

‘*It’s our place that’s on fire. Mellomstuga’s on fire. The General’s set fire to it*’ [Lagerlöf, 2011, p. 25].

Russian: – *А это что? – внезапно остановившись, спросила жена. – Что я вижу? Неужто заря занимается? На востоке-то вроде светает!*

– *Нет, солнцу ещё рано вставать, – сказал крестьянин. – Видать – пожар. И вроде бы где-то в стороне Ольсбю. Уж не...*

Его прервал громкий крик жены.

– *Это у нас горит! – кричала она. – Мелломстуга горит! Генерал поджжг её!* [Lagerlöf, 2007, p. 34].

In the considered complex of examples, vocative constructions, where the speaker himself is both the addresser and addressee, are outlined. The peasant’s wife is so amazed at what she saw that she is gripped by involuntary horror from the supposed conjecture. She cannot believe it and asks herself a question. In the language of origin, this question is conveyed by the following construction: *Vad är det jag ser?*, in translation into English: *What’s that I see?*, and in translation into Russian: *Что я вижу?* The purpose of this question is not to obtain information; the emotion shown in this example is expressed through a vocative. The conative function in the examples is displayed as a question of the addresser to herself.

In the sets of examples (7) and (8) the conative function is represented by an appeal to God, through which a high degree of surprise of the speaker is featured:

(7) Swedish: – *Vad var det jag sa? började han. Far håller på att berätta för prosten, att det var mor och han, som stal kungaringen från gamle general Löwensköld.*

– *Å, Gud sig förbarme! utbrast systemen. Skall vi inte tala om för prosten, att det är lögn, att det bara är sådant, som han diktar på sig?* [Lagerlöf, 1978 a, p. 24].

English: *'What did I tell you?' he began. 'Father's telling the pastor that Mother and he stole the royal ring from old General Löwensköld.'*

'God have mercy on us then!' his sister exclaimed. 'Shouldn't we tell the pastor it's a lie, just something he's making up?' [Lagerlöf, 2011, p. 32].

Russian: – *Ну, что я говорил? – начал он. – Отец рассказывает пастору, что это они вместе с матушкой украли королевский перстень у старого генерала Лёвенсиёльда.*

– *Господи помилуй! – воскликнула сестра. – Уж не сказать ли нам пастору, что все это небылицы, что он сам на себя напраслину возводит* [Lagerlöf, 2007, p. 41].

(8) Swedish: – *Det är en enkel, fattig människa, Charlotte. Charlotte ska inte tänka på någon av sina fina bekantskaper.*

– *Det kan väl aldrig...! Hon ropade till så häftigt, att han måste se på henne. Det rörliga ansiktet uttryckte verkligen den högsta förskräckelse.*

– *Den där dalkullan, som var inne i köket i går... Gud i himlen, Karl-Artur! Jag tycker mig ha hört sägas, att hon heter Anna Svärd* [Lagerlöf, 1978 b, p. 69].

English: *'She is a simple woman, Charlotte, from simple circumstances. I suggest you stop thinking in terms of your fine acquaintances.'*

'You can't possibly mean...!' she cried with such vehemence he had to look at her. Her face, which always gave her away, truly reflected the greatest horror.

'That Dalarna peddler who came by the kitchen yesterday... God in heaven, Karl-Artur! I do believe I heard someone say her name was Anna Svärd' [Lagerlöf, 2014, p. 82].

Russian: – *Тебе незачем перебирать в уме своих образованных подруг. Это простая, бедная девушка, Шарлотта.*

– *Как! Неужели... – Она выкрикнула эти слова с таким волнением, что он невольно взглянул на неё. На её подвижном лице отобразился испуг.*

– *Неужели это... та самая далекарлийка, что была вчера у нас на кухне!.. Боже милостивый! Карл-Артур, я, кажется, припоминаю: кто-то говорил, что её зовут Анна Сверд* [Lagerlöf, 2007, p. 178].

In these examples, an appeal to God is a direct expression of the extreme degree of surprise, bordering on fear. In the complex of examples (7), the daughter finds out that the dying father is hiding a terrible secret. It both surprises her, as previously she considered her father to be the most honest person, and also horrifies, because at confession her father did not confess his sins. Vocatives *Gud sig förbarme!* in Swedish, *Господи помилуй!* in Russian, *God have mercy on us then!* in English convey not only an appeal to God but also a request for forgiveness and protection.

The group of examples (8) also indicates an appeal to God both in the language of origin and in the languages of translation, however, the function of surprise is presented differently here. Charlotte learns that her beloved Karl-Arthur, with whom they had a quarrel, is going to marry a girl he met by chance, whom he does not love, and whose social status is much lower than his. Karl-Arthur does this to spite Charlotte, and that provokes her surprise, mixed with feelings of excitement and fear. Charlotte speaks to God because she is afraid of what can happen to Karl-Arthur and how his life can be changed.

In the complexes of examples (7) and (8) the conative function is conveyed by appeals to God, thus, in these examples, extraverted vocatives are highlighted.

In the set of examples (9) the conative function is aimed at expressing surprise as well. However, the direction of the impact in the compared languages differs:

(9) Swedish: – *Vad du säger! utropade prostinnan. Den hustrun! Har hon gått sin väg? Vem ska då hålla ordning på honom?*

I själva verket tyckte alla de, som bevistade sammanträdet, ha gjort sig samma fråga [Lagerlöf, 1978 c, p. 195].

English: *'What am I hearing!' cried Mrs. Forsius. 'His wife! Gone away? Oh, who will keep him in check now?'*

In fact, everyone at the meeting appeared to have asked himself the same question [Lagerlöf, 2016, p. 206].

Russian: – *Что ты говоришь! – воскликнула пасторша. – Неужто его жена ушла? Кто же тогда станет заботиться о нём?*

Надо сказать, что все присутствовавшие на собрании, казалось, задавали себе тот же вопрос [Lagerlöf, 2007, p. 537].

In the language of origin and in its Russian translation, the message is made for the addressee, an extroversive vocative is presented here: *Vad du säger!* in Swedish and *Что ты говоришь!* in Russian, while English translation uses an exclamative construction with the applying of the addresser to himself: *What am I hearing!* The author expresses a high degree of surprise, bordering on a distrust of what he hears through the vocatives.

4. Conclusion

The results obtained during the experiment made it possible to draw several conclusions regarding the methods for expressing the conative function in constructions conveying surprise and its features in Swedish, English, and Russian. First, considering the function from the point of view of its direction, we can distinguish extroverted and introverted orientation. However, this orientation is presented differently in the analyzed languages. Thus, the introversion of the conative function is traced in the selected examples in language of origin and translation into Russian, while in English they reflect extroverted orientation.

Another important aspect is the semantic message of vocative constructions. In the set of examples examined, the following meanings of imperatives were revealed: drawing attention to what is happening, focusing attention of an addressee, call to action, prohibiting the action, maximizing surprise, reflecting emotions bordering on an emotion of surprise (fear, horror, distrust). Summing up the analysis of vocative constructions expressing an emotion of surprise, it is necessary to note extroversive and introversive orientations similar to imperatives. However, in contrast to imperative constructions, introversive orientation prevails in vocatives in all the three languages. In the analysis of the conative function of vocative constructions, the following semantic messages were revealed: expression of extreme degree of surprise, reflection of emotions bordering on an emotion of surprise (fear, horror, distrust directed at both the addresser and the addressee), calls to God with a prayer for help and protection.

In the future, similar studies could be performed of the conative function in constructions expressing surprise in fiction books, where the languages of origin would be English and Russian. Further comparative analysis of the obtained results on different languages of origin might provide an interesting insight into the issue.

Illustration material resources

Lagerlöf, S. (1978 a). *Löwensköldska ringen*. Stockholm, Albert Bonniers förlag AB.

Lagerlöf, S. (1978 b). *Charlotte Löwensköld*. Stockholm, Albert Bonniers förlag AB.

Lagerlöf, S. (1978 c). *Anna Svärd*. Stockholm, Albert Bonniers förlag AB.

Lagerlöf, S. (2007). *Persten' Levshel'dov* [The Löwensköld Ring]. Translated into Russian by L. Braude, N. Belyakova, F. Zolotarevskaya]. Moscow.

Lagerlöf, S. (2011). *The Löwensköld Ring*. Translated into English by L. Schenck. Norvik Press.

Lagerlöf, S. (2014). *Charlotte Löwensköld*. Translated into English by L. Schenck]. Norvik Press.

Lagerlöf, S. (2016). *Anna Svärd*. Translated into English by L. Schenck]. Norvik Press.

References

- Abakumov, S. I. (1942). *Sovremennyi russkiy literaturnyy yazyk* [Modern Russian literary language]. Moscow.
- Buhler, K. (1933). Die Axiomatik der Sprachwissenschaft [The Axiomatics of Linguistics]. *Kant-Studien* [Kant studies], 38 (1-2), 19–90.
- Dobrushina, N. R. (2016). Povelitel'noe naklonenie [The Imperative mood]. In V. A. Plungyan (Ed.), *Materialy k Korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Glagol* [Materials for the Corpus Grammar of the Russian language. Verb] (Part I, pp. 161–210). St Petersburg : Nestor-Istoriya Press.
- Jacobson, R. (1975). Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. In E. Ya. Basina, M. Ya. Polyakova (Eds), *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: Pros and Cons] (pp. 193–231). Moscow : Progress Press.
- Moiseeva-Pron, N. V. (2016). K voprosu o statuse vokativnogo predlozheniya (na materiale khudozhestvennoy prozy A. P. Chekhova) [To the question of the status vocative proposals (Based on the fiction of A. P. Chekhov)]. *IX Mezhdunarodnye Sevastopol'skie Kirillo-Mefodievskie chteniya* [IX International Sevastopol Cyril and Methodius Readings] A collection of scientific papers (pp. 208–216). Moscow : Pero Press.
- Reformatskiy, A. A. (1998). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow.
- Shakhmatov, A. A. (1941). *Sintaksis russkogo yazyka* [The syntax of the Russian language]. Moscow.

УДК 811.11-112

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_86_95

Ковалева Мария Николаевна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

г. Архангельск, Российская Федерация

m.kovaleva@narfu.ru

Конативная функция конструкций, выражающих удивление, в шведском, английском и русском языках

Аннотация

В статье представлены результаты комплексного сопоставительного анализа концепта удивления в шведской, английской и русской художественной литературе, проявляющегося в синтаксических конструкциях, выполняющих конативную функцию. Материалом для исследования послужили три шведских художественных романа Сельмы Лагерлёф и их переводы на английский и русский языки. 135 комплексов примеров (1 комплекс = 1 шведский пример + 1 соответствующий английский пример + 1 соответствующий русский пример) были отобраны методом сплошной выборки. В ходе исследования выяснилось, что во-первых, конативная функция может проявляться в двух направлениях: экстравертивном и интровертивном. Во-вторых, были идентифицированы два синтаксических паттерна, выражающих эту функцию – императивы и вокативы. Анализ их взаимодействия в трёх языках показал следующие результаты. В шведском и русском языках использовалась повелительная форма интровертивной направленности, а в английском – конструкция «модальный глагол + инфинитив» экстравертивной направленности. Вокативы, по аналогии с императивами, были представлены как экстравертивной, так и интровертивной направленностью. Однако, в отличие от императивных конструкций, интровертивная направленность преобладала в вокативе во всех трёх языках. Перспективу исследования может составить сравнительный анализ способов и моделей проявления удивления в произведениях на других языках оригиналов.

Ключевые слова: эмоция, удивление, конативная функция, сравнительный анализ, художественная литература.

Для цитирования: Kovaleva M. N. The conative function of constructions expressing surprise in Swedish, English and Russian. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 86–95. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_86_95.

Источники иллюстративного материала

- Lagerlöf, 1978 a – Lagerlöf S. Löwensköldska ringen. Stockholm : Albert Bonniers förlag AB, 1978. 95 с.
Lagerlöf, 1978 b – Lagerlöf S. Charlotte Löwensköld. Stockholm : Albert Bonniers förlag AB, 1978. 259 с.
Lagerlöf, 1978 c – Lagerlöf S. Anna Svärd. Stockholm : Albert Bonniers förlag AB, 1978. 301 с.
Лагерлёф, 2007 – Лагерлёф С. Перстень Лёвеншёльд / пер. со швед. Л. Брауде, Н. Беляковой, Ф. Золотаревской. М. : Эксмо, 2007. 656 с.
Lagerlöf, 2011 – Lagerlöf S. The Löwensköld Ring / Translated into English by L. Schenck. Norvik Press, 2011. 120 p.
Lagerlöf, 2014 – Lagerlöf S. Charlotte Löwensköld / Translated into English by L. Schenck. Norvik Press, 2014. 290 p.
Lagerlöf, 2016 – Lagerlöf S. Anna Svärd / Translated into English by L. Schenck. Norvik Press, 2016. 330 p.

Список литературы

- Абакумов С. И. Современный русский литературный язык. М. : Советская наука, 1942. 182 с.
Bühler, K. Die Axiomatik der Sprachwissenschaft // Kant-Studien. 1933. Т. 38. №. 1–2. С. 19–90.
Добрушина Н. Р. Повелительное наклонение // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I / отв. ред. В. А. Плунгян. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 161–210.
Моисеева-Пронь Н. В. К вопросу о статусе вокативного предложения (на материале художественной прозы А. П. Чехова) // IX Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. науч. работ; Севастополь. М. : Изд-во «Перо», 2016. С. 208–216.
Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс, 1998. 448 с.
Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941. 620 с.
Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / под ред. Е. Я. Басиной, М. Я. Поляковой. М. : Прогресс, 1975. С. 193–231.

Кравчук Юлия Сергеевна

Московский государственный институт международных отношений (университет)

г. Москва, Российская Федерация

yuliaskravchuk@gmail.com

К вопросу о составе юридической терминологии: *недвижимость / realty* в английском и русском языках

Аннотация

Статья посвящена исследованию ключевых юридических терминов, их роли в составе юридической терминологии *недвижимость / realty* в русском и английском языках. Цель статьи – установить, каким образом наполнена рассматриваемая терминология, какие юридические термины её составляют. В статье исследуются теоретические положения затрагиваемого вопроса, описывается основной состав юридических терминов терминологии *недвижимость / realty*, с отличительными особенностями их значений и способов образования. Проведённый анализ материалов юридических лексикографических источников, а также специальной юридической литературы в двух языках позволил установить, что в русском языке терминология *недвижимость* формируется на основе понимания явления недвижимости как объекта материального мира, в английском же языке *realty*, помимо объекта, и даже в большей степени, включает права на недвижимость. Создавая соответствующие микрополя, юридические термины в русском языке номинируют виды объектов, в английском языке представляют различные формы прав на объекты. Юридическая терминология, включая консубстанциональные термины, преимущественно наполнена терминами узкоспециальными, в основном полилексемными (с важной функцией атрибутивных компонентов), способными сосуществовать с базовым термином, а в некоторых случаях вытеснять его из рассматриваемой терминологии.

Ключевые слова: терминология, термин, юридический термин, полилексемный термин.

© Кравчук Ю. С. 2021

Для цитирования: Кравчук Ю. С. К вопросу о составе юридической терминологии *недвижимость / realty* в английском и русском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 96–103. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_96_103.

1. Введение [Introduction]

В современном мире терминология формирует единое информационное пространство, а также «обеспечивает информационное взаимопонимание на национальном и межнациональном уровнях, совместимость законодательных, правовых и нормативных документов и т. п.» [Голикова, 2018, с. 35].

Как справедливо отмечает В. Ю. Туранин, «терминологизация характеризуется двумя фазами: начальной (слово используется в общелитературном языке и имеет статус общеупотребительного слова) и конечной (общеупотребительное слово трансформируется в юридический термин) – закрепление термина в тексте какого-либо нормативного правового акта, его использование в правоприменительном акте, а также, например, внедрение в научный юридический тезаурус» [Туранин, 2017]. Очевидно, что возрастающая далее степень терминологизации приводит к тому, что термины изменяют своё значение настолько, что становятся понятными лишь узкому кругу профессионалов [Анисимова, Павлюк, 2019, с. 90].

В основе юридической терминологии находится юридический термин, представляющий собой «слово, или устойчивое сочетание слов, которое выражает волю законодателя, унифицированно употребляется в текстах нормативно-правовых актов, является

обобщённым наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, характеризуется моносемантической и функциональной устойчивостью» [Шамсеева, 2009, с. 181]. С точки зрения структуры терминов, наряду с однословными терминами (унитермами), чаще всего терминологию (включая юридическую) образуют терминологические словосочетания, термины многокомпонентные. Т. А. Кудинова, в частности, приходит к выводу о том, что преобладание терминов-словосочетаний в современных терминологиях объясняется необходимостью номинации сложных составных понятий, уточнения профессиональных объектов и понятий по мере познания их сущности и открытия новых сторон изучаемых явлений. Терминологические словосочетания не только называют и дифференцируют возникающие понятия, но и систематизируют парадигматические отношения между ними, отражая системные связи единиц конкретной терминосистемы [Кудинова, 2011, с. 58].

С. П. Хижняк занимает схожую позицию, полагая, что «процесс формирования полилексемных терминологических номинантов обусловлен необходимостью обозначения новых понятий, которые формируются с логической опорой на уже существующие, а также потребностью в более полном и понятном отображении в формальной структуре терминов классификационной деятельности познающих действительность субъектов» [Хижняк, 2018, с. 211], уточняя, что различные форманты терминов-словосочетаний (существительные и прилагательные) выражают определительные отношения в широком смысле этого слова и служат средством ограничения объема содержания понятия, выраженного базовым термином [Хижняк, 2018, с. 212].

Формирование многокомпонентного термина, по мнению Л. Н. Беляевой, «реализуется двояко, в зависимости от того, как происходит номинация: либо как процесс последовательного усложнения и уточнения номинации объекта (постепенное усложнение именной конструкции с добавлением характеристик ядра), либо как процесс последовательного сворачивания» [Беляева 2007, с. 90].

Т. А. Кудинова дополняет, что «необходимость сообщить больший объем информации посредством расширения границ термина-словосочетания наталкивается на ограничения, которые несёт в себе сама структура данной синтаксической модели. Чем длиннее термин, тем больше вариантов сложения он допускает, так как семантическая связь между компонентами ослабевает» [Кудинова, 2011, с. 60].

Исследование юридических терминов в английском и русском языках, несомненно, остаётся востребованной темой для научной и научно-практической разработки [Власенко, 2011 ; Гамзатов, 2007 ; Иконникова, 2014 ; Попова, 2019 ; Чиронина, 2007 ; Яжгунович, 2011]. Материалом для данного исследования послужили юридические термины русского и английского языков. Для проведения отбора и анализа юридических терминов терминологии *недвижимость / realty* в русском и английском языках был использован компонентный метод, а именно метод цепочки словарных дефиниций, ввиду того, что российская и британская юриспруденции относятся к разным системам права, следовательно, подходы к рассмотрению правовых реалий отличаются кардинально.

2. Состав юридической терминологии *недвижимость* [Legal terminology composition *real estate*]

Анализ словарных дефиниций терминов юридической терминологии «недвижимость» в русском языке (220 единиц) показал, что их отличительной особенностью является тот факт, что они выражают понятия объектов недвижимости как физических объектов материального мира, основные из которых, в частности, перечислены в Гражданском кодексе Российской Федерации [Гражданский кодекс..., 2016]: *земельные участки, участки недр, здания, сооружения, объекты незавершенного строительства,*

воздушные суда, морские суда, суда внутреннего плавания, жилые помещения, нежилые помещения, машино-места. Наряду с консубстанциональными терминами (напр.: *дом, жильё, здание, сооружение, имущество*), составляющими существенное количество в рассматриваемой терминологии (150 единиц, 68%), значительное число общеупотребительных слов и словосочетаний, утративших индивидуальность номинации и ставших в результате терминологизации юридическими терминами, уточняющими более общие понятия (70 единиц, 32%). В современной юридической науке в связи с активным развитием сферы недвижимости, появлением новых явлений, нуждающихся в регулировании, в том числе теоретическом, перечисленные термины имеют тенденцию присоединять дополнительные компоненты, образуя в итоге новые термины, преимущественно узкоспециальные, многокомпонентные, обладающие значительным деривационным потенциалом – элементы, способные формировать и наполнять микрополя внутри терминосистемы *недвижимость*. Среди наиболее продуктивных терминов можно выделить унитермы *земли, объект, собственность, предприятие* и бинарные термины *участок земельный, жилые помещения, нежилые помещения*, которые в свою очередь являются базовыми для создания более длинных многокомпонентных сочетаний (полилексемных терминологических словосочетаний): *объект недвижимого имущества, участок земельный дачный, помещения жилые в домах системы социального обслуживания*.

Указанные многокомпонентные термины транслируют и раскрывают понятия, отражающие, в частности, специфику гражданского, жилищного и земельного права, делая возможным качественно применять нормативно правовые акты, призванные регулировать правоотношения в сфере недвижимости, например, в вопросах осуществления государственной регистрации земельных участков и помещений [Жилищный кодекс..., 2017]. Важно также отметить, что данные термины подтверждают тот факт, что увеличение длины термина свидетельствует о его стремлении достоверно отобразить понятие, и как следствие, ведет к сокращению степени его многозначности.

Особое внимание стоит уделить термину *земли*, который внутри терминологии *недвижимость* демонстрирует большую функциональную активность, вызванную его семантическим статусом гиперонима. В земельном законодательстве зафиксированы как минимум 7 терминов-гипонимов, обозначающих основные категории земель по их целевому назначению [Земельный кодекс..., 2017]. Помимо терминов *земли сельскохозяйственного назначения, земли населённых пунктов, земли особо охраняемых территорий и объектов* законодатель отмечает термины *земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения*. В целом полилексемных терминов с базовым компонентом «земли» насчитывается не менее 38. Наличие столь подробной категоризации земель и соответственно терминов их репрезентирующих вызвано необходимостью учитывать назначение земли, устанавливать её правовой статус, разрешать правомерное использование и, согласно законодательству, не растрачивать природный ресурс на нецелевые нужды.

Интересен тот факт, что суда воздушные, морские и суда внутреннего плавания, а ранее и космические суда законодательно отнесены к сфере недвижимости и рассматриваются в качестве объектов недвижимого имущества, следовательно, термины, вербализующие эти понятия, также включены в состав терминологии *недвижимость*. Бинарные термины *судно воздушное, судно морское, судно речное* и многокомпонентные термины *судно воздушное гражданское, судно, осуществляющее ледокольную проводку, судно, осуществляющее научно-исследовательскую деятельность* являются терминами межотраслевыми в связи с тем, что применяются не только в гражданском праве, но и воздушном, морском и речном, выражая особенности соответствующих правоотношений, характерные для каждой из отмеченных областей. Среди межотраслевых терминов актуальны термины *недвижи-*

мость загородная, недвижимость зарубежная коммерческая, недвижимость офисная, которые наряду с юридической активно употребляются в экономической, рекламной и деловой терминологиях; термины *земли водного фонда*, *земли лесного фонда* функционируют в сельскохозяйственной терминологии, термины *помещение нежилое встроенное* и *нежилое встроенно-пристроенное* применяются и в архитектурной сфере.

3. Состав юридической терминологии *realty* в английском языке [Legal terminology of *realty* composition in the English Language]

Анализ специальной юридической литературы [Meggarry, Wade, 1999; Card, 2011; Dixon, 2014; Burn, Cartwright, 2009; Garner, 2014] позволил сделать вывод о том, что основой земельных и жилищных правоотношений в Великобритании, помимо объектов недвижимости, являются права на данные объекты. В ходе исследования было отобрано и изучено 169 соответствующих английских юридических терминов.

В английском языке юридическая терминология *realty* имеет свои исключительные черты. В связи с тем, что основные юридические термины (*real property*, *real estate*) в американском и британском вариантах английского языка имеют противоположные значения, в международном английском юридическом языке базовым термином, вербализующим понятие недвижимость, является юридический термин *realty*, который определяется как “real property (=land and buildings) and legal rights to real property” [Профессиональные юридические термины..., 2020], т. е. 'недвижимое имущество (=земля и здания) и юридические права на недвижимое имущество' (перевод наш – К. Ю.).

Наиболее продуктивным для образования новых терминов выступает термин *estate*, который в юридической терминологии *realty* обозначает 'право на владение землёй' и является базовым для двух ключевых терминологических сочетаний в рассматриваемой терминологии: *freehold estate* 'владение землёй на праве собственности' и *leasehold estate* 'владение землёй на праве аренды', формирующих собственные внутренние классификации по двум фундаментальным направлениям земельного права – формам владения землёй. Примеры терминологических словосочетаний с базовым термином *estate* – *estate at will* ('бессрочное арендное право'), *life estate* ('право пожизненного владения'), *estate from year to year* ('право аренды с пролонгацией из года в год'), *estate of inheritance* ('право наследования собственности'), *estate upon condition* ('право владения на определённых условиях') – становятся подтверждением того, что в юридической терминологии *realty* осуществляется акцент на права, а не на объекты недвижимости как таковые.

В состав рассматриваемой терминологии входят юридические термины *fee* ('право наследования без ограничений'), *estate* ('право на что-либо'), *term* ('срок') как унитермы и базовые элементы для бинарных *fee simple* ('право собственности не оканчиваемое по смерти лица'), *legal estate* ('право, установленное законом'), *term for life* ('аренда на срок, равный продолжительности жизни') и многокомпонентных полисемантических словосочетаний (*fee simple absolute in possession* ('наследуемое право собственности без ограничений'), *estate pur autre vie* ('право на недвижимость, ограниченное сроком, равным продолжительности жизни другого лица'), *term of years absolute* ('срочное абсолютное право владения').

Консубстанциональными терминами юридической терминологии *realty* выступают термины *land* 'земля', *property* ('собственность'), *fixture* ('неотъемлемая часть'), которые образуют незначительную часть от общего числа юридических терминов (15 единиц, 8%), тогда как узкоспециальные термины *freehold* ('фригольд', т. е. 'владение недвижимостью на праве собственности'), *leasehold* ('лизгольд', т. е. 'владение недвижимостью на праве аренды'), *hereditament* ('имущество, которое может быть предметом наследования'), представляя основу рассматриваемой терминологии, составляют подавляющее большинство (105 единиц, 62%).

Атрибутивные компоненты полилексемных терминов играют существенную роль в идентификации значений юридических терминов, относящихся к терминологии *realty*, например, *freehold estate* ('право фригольд', т.е. 'право на владение недвижимостью на праве собственности'), *leasehold estate* ('право аренды'), *concurrent estate* ('право на общую собственность'), *legal estate* ('право, установленное законом'), *real assets* ('товарно-материальные активы'), *common land* ('земля общего пользования').

Бинарные классификационные противопоставления, представленные в юридической терминологии *realty*, надёжно подтверждаются юридическими терминами *corporeal hereditament* ('наследуемое вещное право на материальный объект') и *incorporeal hereditament* ('наследуемое вещное право на нематериальный объект'), *tangible property* ('материальная собственность') и *intangible property* ('нематериальная собственность'), *movable property* ('объект движимого имущества') и *immovable property* ('объект недвижимого имущества'), *registered land* ('учтённая земля') и *unregistered land* ('неучтённая земля').

Становление полилексемного юридического термина с атрибутивными компонентами, его закрепление в языке с постепенным вытеснением из действующей терминологии независимо функционирующих терминов (унитермов и бинарных терминов), послуживших его образованию, определённо прослеживается на примере юридического терминологического словосочетания *fee simple absolute in possession*. Согласно Оксфордскому словарю юридических терминов [Jonathan, Martin, 2009], в ходе различных исторических событий юридический термин *fee*, обозначавший 'безусловное наследуемое право владения' (в феодальный период) постепенно утрачивал необходимость своего существования, ввиду изменяющихся политических, экономических и юридических реалий в Великобритании, в связи с чем появился бинарный юридический термин *fee simple*, сохранивший в своей структуре базовый термин *fee* с формантом *simple*, уточняя 'бессрочное наследуемое право владения'. В XX веке возникает необходимость обновления британского законодательства в сфере недвижимости, следовательно, появляется новое юридическое терминологическое словосочетание с дополнительным атрибутивным компонентом *fee simple absolute*, что означает 'абсолютное, безусловное наследуемое право владения'. Однако в XXI веке количество формантов терминологического словосочетания увеличивается, представляя собой в настоящее время юридический термин *fee simple absolute in possession*, который конкретизирует значение термина, как 'абсолютное, безусловное, прямое право владения без необходимости фактического проживания'.

Юридическая практика в сфере недвижимости также нуждалась в ужесточении фиксирования обязательственных периодов во временных границах для поддержания актуальной базы данных о структуре обязательств относительно существенных объектов недвижимости. В связи с этим существовавший юридический монотермин *term* ('срок продолжительности права аренды на землю') стал базовым для терминологического словосочетания *term of years* ('право аренды земли на определённый срок, как правило, менее года'), который впоследствии послужил основой нового полилексемного термина с участием атрибутивного компонента *term of years absolute* ('право аренды на землю, которое может прекратиться или не прекратиться путем лишения права или ввиду других обстоятельств за исключением смерти одного из участников'). Все три термина остаются востребованными в современной юридической действительности.

4. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. В русском языке юридическая терминология *недвижимость* состоит из терминов, определяющих *материальные объекты* недвижимости, в английском языке юридическая терминологи-

гия *realty* наполнена терминами, представляющими не только объекты недвижимости, но и *права* на данные объекты. В русском и английском языках наряду с унитарными и бинарными словосочетаниями, которые способствуют формированию микрополей в терминосистемах *недвижимость / realty*, юридические термины, обладая значительным деривационным потенциалом, имеют тенденцию чаще образовывать многокомпонентные словосочетания (полилексемные терминологические словосочетания). Вновь образованные полилексемные термины могут равно как вытеснять независимые термины (как правило, унитармы), ставшие базовыми для их основы, так и сосуществовать с ними в юридической терминологии. В российской юридической действительности законодательство в сфере недвижимости склонно к регулярному обновлению и уточнению гораздо чаще, чем британское, что напрямую способствует появлению новых терминов и пополнению терминологии.

Список литературы

- Анисимова, Павлюк, 2019 – Анисимова А. Г., Павлюк М. И. К вопросу об изменении объема значения консубстанциональных терминов гуманитарных и общественно-политических наук // Вестник Самар. ун-та. Сер. «История, педагогика, филология». 2019. Т. 25. № 2. С. 89–94.
- Беляева, 2007 – Беляева, Л. Н. Специальные тексты в аспекте машинного и ручного перевода (к проблеме перевода именных терминологических сочетаний) // Сб. докладов междунар. науч.-практ. конф. – М. : РИПО ИГУМО, 2007. – С. 86–90.
- Власенко, 2011 – Власенко С. В. Юридический перевод в аспекте кореферентности терминов права // Вопросы филологии. 2011. № 1 (39). С. 89–100.
- Гамзатов, 2007 – Гамзатов М. Г. Английская и русская юридическая терминология в сравнительно-сопоставительном аспекте // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. «Язык и литература». 2007. № 2 (2). С. 124–132.
- Голикова, 2019 – Голикова Т. А. Лингвокультурологический словарь заимствований русского языка. Барнаул : АКППРО, 2019. 210 с.
- Иконникова, 2014 – Иконникова В. А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Иконникова Валентина Александровна ; Мос. пед. гос. ун-т. М., 2014. 48 с.
- Кудинова, 2011 – Кудинова Т. А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подязыка биотехнологий) // Вестник Перм. ун-та. Сер. «Российская и зарубежная филология». 2011. Вып. 2 (14). С. 58–61.
- Попова, 2019 – Попова Е. П. Соотношение общих, специальных и терминологических языковых единиц на разных этапах эволюции английской правовой лексики // Терминология: становление, развитие, функционирование. Астрахань : Изд-во Астраханского государственного медицинского университета, 2019. С. 135–157.
- Туралин, 2017 – Туралин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Туралин Владислав Юрьевич ; Белгород. Белгородский гос. национ. исслед. ун-т. Белгород, 2017.
- Хижняк, 2018 – Хижняк С. П. Роль прилагательных в истории формирования полилексемных юридических терминов в русском языке // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 4 (81). С. 211–215.
- Чиронина, 2007 – Чиронина И. И. Сопоставительный анализ юридических терминов в английском и русском языках // ВШЭ. Вопросы филологических наук. 2007. № 6 (29). С. 126–132.
- Шамсеева, 2009 – Шамсеева Г. Х. Специфика английской юридической терминологии // Вестник ИГЛУ. 2009. № 2. С. 180–182.
- Яжгунович, 2011 – Яжгунович О. А. Функционирование и перевод терминов гражданского права (на материале терминологии недвижимости) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Яжгунович Ольга Алексеевна ; МГУ. М., 2011. С. 160.
- Гражданский кодекс..., 2016 – Гражданский кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 25.10.2016). СПС КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения : 10.01.2020).

- Жилищный кодекс..., 2017 – Жилищный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.07.2017). СПС КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения : 10.01.2020).
- Земельный кодекс..., 2017 – Земельный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.07.2017). СПС КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения : 10.01.2020).
- Профессиональные юридические термины : сайт. URL : <https://www.translegal.com/> (дата обращения : 10.01.2020).
- Burn, Cartwright, 2009 – Burn E. H., Cartwright J. Land Law Cases and Materials. NY. : Oxford University Press, 2009. 1130 p.
- Dixon, 2014 – Dixon M. Modern Land Law. Abingdon : Routledge, 2014. 552 p.
- Card, 2011 – Card R. Real Estate Management Law. NY. : Oxford University Press, 2011. 834 p.
- Garner, 2014 – Garner B. A. Black's Law Dictionary. NY. : West, 2014. 2016 p.
- Jonathan, Martin, 2009 – Jonathan K., Martin E. A. Oxford Dictionary of Law. Oxford : Oxford University Press, 2009. 602 p.
- Meggarry, Wade, 1999 – Meggarry R., Wade H. W. R. Law of Real Property. London : Sweet & Maxwell, 1999. 1632 p.

UDC 811.1/.2, 81'276

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_96_103

Yulia S. Kravchuk
MGIMO University
Moscow, Russian Federation
 yuliaskravchuk@gmail.com

A propos of the composition of Russian / English legal terminology: *nedvizhimost* / *realty*

Abstract

The article focuses upon key legal terms and their functions within Russian / English legal terminology, namely *nedvizhimost* / *realty*. The research aims to determine key legal terms that tend to form the terminology, analyze their meaning and structure, as well as the means of terminology enlargement. The paper covers current theoretical issues on the topic, features the patterns of legal terminology *nedvizhimost* / *realty* with the specific patterns in two languages. The research based on dictionaries of law data and professional literature concludes that Russian legal terms define *nedvizhimost* as the material object whereas English legal terms represent *realty* not only as the object but mainly as the rights for it. Outweighing consubstantial terms in number both Russian and English legal terms stand for highly specialized terms with poly-lexemic structures, emphasizing the significant function of the attributive parts, that can either co-exist with the basic term (out of their structure) or displace them.

Keywords: terminology, term, legal term, poly-lexemic term.

© Kravchuk Yu. S. 2021

For citation: Kravchuk, Yu. S. (2021). K voprosu o sostave yuridicheskoy terminologii nedvizhimost' / realty v angliyskom i russkom yazykakh [A propos of the composition of Russian / English legal terminology *nedvizhimost* / *realty*]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 96–103. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_96_103.

References

- Anisimova, A. G., Pavlyuk, M. I. (2019). K voprosu ob izmenenii ob"ema znacheniya konsubstantsional'nykh terminov gumanitarnykh i obshchestvenno-politicheskikh nauk [Semantic derivation of consubstantial terms of the humanities, social and political sciences]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 25 (2), 89–94.

- Belyaeva, L. N. (2007). Spetsial'nye teksty v aspekte mashinnogo i ruchnogo perevoda (k probleme perevoda imennykh terminologicheskikh sochetaniy) [Specific texts in the aspect of automatic and manual translation (on the problem of translation of nominal terminological combinations)]. *Professional'naya kommunikatsiya: verbal'nye i kognitivnye aspekty* [Professional Communication: Verbal and cognitive aspects] (pp. 86–90); Moscow : Institute for humanities and information technologies.
- Vlasenko, S. V. (2011). Yuridicheskiy perevod v aspekte koreferentnosti terminov prava [Legal translation in the law terminology coreference perspective]. *Voprosy filologii* [Philology Issues], 1 (39), 89–100.
- Gamzatov, M. G. (2007). Angliyskaya i russkaya yuridicheskaya terminologiya v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte [English and Russian legal terminology in comparative perspective]. *Vestnik Sankt-Peterb. un-ta. Ser. «Yazyk i literatura»* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2 (2), 124–132.
- Golikova, T. A. (2019). *Lingvokul'turologicheskii slovar' zaimstvovaniy russkogo yazyka* [Linguoculturological Dictionary of the Russian Language Borrowings]. Barnaul : AKIPKRO Press.
- Ikonnikova, V. A. (2014). Vozniknovenie i razvitie kul'turnogo komponenta v angloyazychnoy yuridicheskoy terminologii [Appearance and development of cultural component in the English-language legal terminology]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University.
- Kudinova, T. A. (2011). K voprosu o prirode mnogokomponentnogo termina (na primere angliyskogo pod"yazyka biotekhnologiy) [On nature of the multicomponent term (on English sublanguage of biotechnologies)]. *Vestnik Perm. un-ta. Ser. «Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya»*. [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2 (14), 58–61.
- Popova, E. P. (2019). Sootnoshenie obshchikh, spetsial'nykh i terminologicheskikh yazykovykh edinit na raznykh etapakh evolyutsii angliyskoy pravovoy leksiki [Correlation of general, specific and terminological linguistic units at different stages of English legal lexis evolution]. In S. I. Madzhaeva (Ed.), *Terminologiya : stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie. Kollektivnaya monografiya* [Terminology: formation, functioning] (pp. 135–157); Astrakhan : Astrakhan State Medical University Publishing House.
- Turanin, V. Yu. (2017). Yuridicheskaya terminologiya v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve (teoretiko-pravovoe issledovanie) [Legal terminology in contemporary Russian legislation (theory and law research)]. PhD in Law sci. diss. Belgorod : Belgorod National Research University.
- Khizhnyak, S. P. (2018). Rol' prilagatel'nykh v istorii formirovaniya polileksemnykh yuridicheskikh terminov v russkom yazyke [The role of adjectives in the history of poly-lexemic legal terms' formation in the Russian language]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel state university], 4 (81), 211–215.
- Chironova, I. I. (2007). Sopostavitel'nyy analiz yuridicheskikh terminov v angliyskom i russkom yazykakh [Comparative analysis of legal terms in the English and Russian languages]. *V SHE. Voprosy filologicheskikh nauk* [HSE. Issues of Philological Sciences], 6 (29), 126–132.
- Shamseeva, G. KH. (2009). Spetsifika angliyskoy yuridicheskoy terminologii [A study of English law terms]. *Vestnik IGLU* [Vestnik of Irkutsk state linguistic university], 2, 180–182.
- Yazhgunovich, O. A. (2011). Funktsionirovanie i perevod terminov grazhdanskogo prava (na materiale terminologii nedvizhimosti) [Functioning and translation of civil law terms (based on terminology of real estate)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State University.
- Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (2016). [Civil Code of Russian Federation]. SPS ConsultantPlus.
- Zhilishchnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (2017). [Housing Code of Russian Federation]. SPS ConsultantPlus.
- Zemel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (2017). [Land Code of Russian Federation]. SPS ConsultantPlus.
- Professional'nye yuridicheskie terminy (2020). [Professional legal terms]. Retrieved January 10, 2020 from <<https://www.translegal.com>>
- Burn, E. H., Cartwright, J. (2009). *Land Law Cases and Materials*. NY : Oxford University Press.
- Dixon, M. (2014). *Modern Land Law*. Abingdon : Routledge.
- Card, R. (2011). *Real Estate Management Law*. NY : Oxford University Press.
- Garner, B. A. (2014). *Black's Law Dictionary*. NY : West.
- Jonathan, K., Martin, E. A. (2009). *Oxford Dictionary of Law*. Oxford : Oxford University Press.
- Meggarry, R., Wade, H. W. R. (1999). *Law of Real Property*. London : Sweet & Maxwell.

Матвеева Анна Анатольевна
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Российская Федерация
AnnaUfa@yandex.ru

Реализация структуры прецедентного имени (на примере имён персонажей драмы У. Шекспира «Макбет» в Британском национальном корпусе и корпусе современного американского английского языка)

Аннотация

В статье исследуются особенности реализации структуры прецедентного имени на корпусном материале английского языка. Анализу подвергаются такие компоненты структуры прецедентного имени, как дифференциальные признаки (внешность, характер, прецедентная ситуация) и атрибуты. Подсчёт частотности апелляций к каждому компоненту структуры показал, что прецедентные имена персонажей драмы У. Шекспира «Макбет» чаще всего актуализируются через связь с прецедентной ситуацией, реже всего – через характер. Исследование соотношения имени прецедентного и имени собственного как его источника выявило 3 вида связи: 1) полное совпадение внешности / характера / прецедентной ситуации между текстом-первоисточником и корпусом анализируемых текстов современной художественной литературы; 2) частичное совпадение указанных характеристик; 3) вымышленность указанных характеристик по отношению к тексту-первоисточнику. Обнаруживается, что при отсутствии прямой связи между прецедентным именем и именем-источником прецедентности по линиям внешность / характер / прецедентная ситуация / атрибут, существование и сохранение смысловой нагрузки прецедентного имени обеспечивается наличием устойчивой ассоциативной связи и неизменностью знака оценки.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентная ситуация, дифференциальные признаки, атрибуты.

© Матвеева А. А. 2021

Для цитирования: Матвеева А. А. Реализация структуры прецедентного имени (на примере имён персонажей драмы У. Шекспира «Макбет» в Британском национальном корпусе и корпусе современного американского английского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 104–115. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_104_115.

1. Введение [Introduction]

Исследование феномена прецедентности в целом и особенностей прецедентного имени в частности имеет богатую историю. Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Ю. Н. Караулов и другие исследователи создали обширную теорию прецедентного имени, представив прецедентное имя как структурированный объект, имеющий ядро и периферию. Будучи ёмкой и многомерной, данная тема открывает возможности новых пластов исследования, выявление новых нюансов и закономерностей.

Ц е л ь ю данной статьи является исследование структуры прецедентного имени с точки зрения преимущественности апелляции к тому или иному элементу его структуры, а также исследование природы рекуррентности использования прецедентного имени. Данная цель конкретизируется посредством двух з а д а ч: 1) выявить частоту апелляции к прецедентному имени через определённый элемент его структуры; 2) определить свойства прецедентного имени, позволяющие актуализировать данный структурный элемент.

Базовыми для данного исследования понятиями являются «прецедентный феномен», «прецедентное имя», «структура прецедентного имени». К прецедентным феноменам относят языковые явления: (1) «имеющие сверхличностный характер», т. е. широко известные в данном лингвокультурном сообществе; (2) «актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане»; (3) «обращение к которым возобновляется неоднократно» в дискурсе языковой личности, представляющей данное лингвокультурное сообщество [Караулов, 2010, с. 216 ; Красных, 2003, с. 170]. Выделяют 4 типа прецедентных феноменов: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию.

Как отмечает Д. Б. Гудков, под прецедентным именем понимается «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (*Обломов, Илья Муромец*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин, Павлик Морозов*)» [Гудков, 1998, с. 83]. Исследователи (Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных) определяют структуру прецедентного имени, как совокупность трёх компонентов. Первый компонент – это дифференциальные признаки. Дифференциальные признаки, в свою очередь, членимы на 1) внешность; 2) характер; 3) прецедентную ситуацию. Второй компонент структуры прецедентного имени – это атрибуты [Гудков, 1998, с. 84 ; Захаренко и др., 1997, с. 89 ; Красных, 2003, с. 198]. Дифференциальные признаки прецедентного имени и его атрибуты составляют «инвариант восприятия прецедентного имени» [Захаренко и др., 1997, с. 89 ; Красных, 2003, с. 198]. В отношении третьего компонента структуры прецедентного имени исследователи расходятся. Д. Б. Гудков называет таковым оценку [Гудков, 1998, с. 84], тогда как И. В. Захаренко и В. В. Красных выделяют в качестве третьего компонента «потенциально возможные индивидуальные представления и знания о прецедентном имени» [Захаренко и др., 1997, с. 89 ; Красных, 2003, с. 198].

2. Структура прецедентного имени У. Шекспира «Макбет» [Precedent name structure of Shakespeare's «Macbeth»]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Объектом проводимого исследования являются имена персонажей драмы У. Шекспира «Макбет», функционирующие как прецедентные. Как показал анализ эмпирического материала, к ним относятся *Макбет, леди Макбет, Макдуф, Банко, ведьмы. Ведьмы из Макбета* не являются именем собственным, но, как показывает анализ, выступают в качестве прецедентного имени, имея сверхличностный характер, будучи актуальными в когнитивном плане, подвергаясь рекуррентному употреблению в речи носителей английского языка. Предметом исследования являются структурные особенности прецедентного имени.

Материалом исследования послужили художественные произведения на английском языке, представленные в Британском национальном корпусе (British National Corpus) и корпусе современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English), в которых употребляются прецедентные имена *Макбет, леди Макбет, Макдуф, Банко, ведьмы*. Для анализа были отобраны только те языковые знаки, при употреблении которых апелляция была осуществлена не к референту, но к инварианту восприятия прецедентного имени, включающему в себя совокупность дифференциальных признаков и атрибутов.

Процедура анализа включает в себя (1) выявление того, через какой элемент структуры осуществляется апелляция к прецедентному имени в каждом анализи-

руемом примере: внешность, характер, прецедентная ситуация (в совокупности дифференциальные признаки прецедентного имени), атрибуты; (2) количественный анализ исследуемого материала и сопоставление данных в британском и американском вариантах английского языка; (3) определение свойств прецедентного имени, делающих возможным его актуализацию через анализируемые признаки.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Число обращений к прецедентным именам *Макбет*, *леди Макбет*, *Макдуф*, *Банко*, *ведьмы* в проанализированном материале двух корпусов английского языка составляет 75 обращений. При этом число употреблений анализируемых прецедентных имён в Британском национальном корпусе¹ равняется 19-ти, тогда как в корпусе современного американского английского языка² данное число равно 56. Трёхкратное преобладание использования прецедентных имён из шекспировского «Макбета», являющегося достоянием британской культуры, в материале корпуса, отражающего американский английский, в сравнении с материалом корпуса, отражающего британский английский, неожиданно и предлагает ряд вопросов. Отражается ли на результатах специфика организации анализируемых корпусов? Были ли бы результаты аналогичными на ином материале исследования (напомним, что в данном исследовании анализу подвергается художественная литература)? Какими были бы результаты исследования прецедентных имён других шекспировских текстов? Сопоставление разножанрового материала разных произведений Шекспира в британском и американском английском позволило бы дать ответ на вопрос, действительно ли шекспировские тексты являются более актуальными в когнитивном и эмоциональном отношении для носителей американского варианта английского языка.

Использование имени *Макбет* (*Macbeth*) как прецедентного зафиксировано в 15 случаях (5 случаев встречаемости в BNC и 10 случаев встречаемости в COCA). Прецедентное имя *леди Макбет* (*lady Macbeth*) встречается в 25 случаях (5 случаев встречаемости в BNC и 20 случаев встречаемости в COCA). Апелляция к *ведьмам* как к прецедентному имени (*three witches u three weird sisters*) осуществляется в 13 случаях (в 1 случае в BNC и в 12 случаях в COCA). *Макдуф* (*Macduff*) используется в качестве прецедентного имени в 13 случаях (в 3 случаях в BNC и в 10 случаях в COCA). Прецедентное имя *Банко* (*Banquo*) встречается в 9 случаях (5 в BNC; 4 в COCA). Как видно из анализа, наиболее часто осуществляется апелляция к прецедентному имени *леди Макбет*, что показывает, что данное имя является наиболее значимым из всех имён персонажей драмы «Макбет» для носителей английского языка.

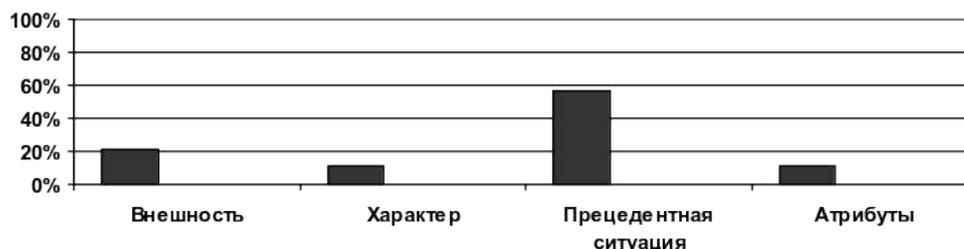
Актуализация прецедентного имени через внешность фиксируется в 16 примерах (6 в BNC и 10 в COCA). Из них в 4 примерах внешность комбинируется с другим признаком: в 1 примере с признаком «характер», в 3 примерах с прецедентной ситуацией. Актуализация прецедентного имени через характер отмечена в 8 примерах (1 в BNC и 7 в COCA). Из них в 1 примере признак «характер» сочетается с признаком «внешность», в 2 примерах – с признаком «прецедентная ситуация». Актуализация прецедентного имени через прецедентную ситуацию обнаружена в 42 примерах (8 в BNC и 34 в COCA). Из них в 3 примерах признак «прецедентная ситуация» выступает в комбинации с признаком «внешность», в 2 примерах признак «прецедентная ситуация» соединяется с признаком «характер», в 5 примерах прецедентное имя актуализируется через прецедентную ситуацию в сочетании с атрибутом имени. Суммарно дифференциальные признаки составляют характеристики прецедентных имён *Макбет*, *леди Макбет*, *Мак-*

¹ Далее – BNC.

² Далее – COCA.

дуф, *Банко*, *ведьмы* в 66 примерах (15 в BNC и 51 в COCA). Актуализация прецедентного имени через атрибуты зафиксирована в 9 примерах (4 в BNC и 5 в COCA). Из них в 5 примерах атрибут сочетается с прецедентной ситуацией.

Процентное соотношение дифференциальных признаков и атрибутов прецедентных имён персонажей драмы «Макбет», апелляция к которым осуществляется при их употреблении, может быть представлена в виде диаграммы (рис. 1).

Р и с у н о к 1. Распределение компонентов структуры прецедентного имени при его актуализации (на примере совокупности прецедентных имён персонажей драмы «Макбет»)

[F i g u r e 1. Structure components distribution of an actualized precedent name (Based on character names in «Macbeth»)]

Как следует из количественного анализа, наиболее часто прецедентное имя актуализируется через прецедентную ситуацию. Реже всего актуализация прецедентного имени происходит через отсылку к характеру персонажа или атрибут персонажа.

При употреблении прецедентного имени *Макбет* (*Macbeth*) в проанализированном эмпирическом материале апелляция к внешности персонажа отмечена в 2 случаях (оба в BNC). Актуализация прецедентного имени *Макбет* (*Macbeth*) через сопоставление с характером данного шекспировского героя зафиксирована в 2 случаях (оба в COCA). Отражение анализируемого прецедентного имени в контексте прецедентной ситуации происходит в 8 случаях (1 в BNC, 7 в COCA). Атрибуты реализуют данное прецедентное имя в 3 случаях (2 в BNC, 1 в COCA).

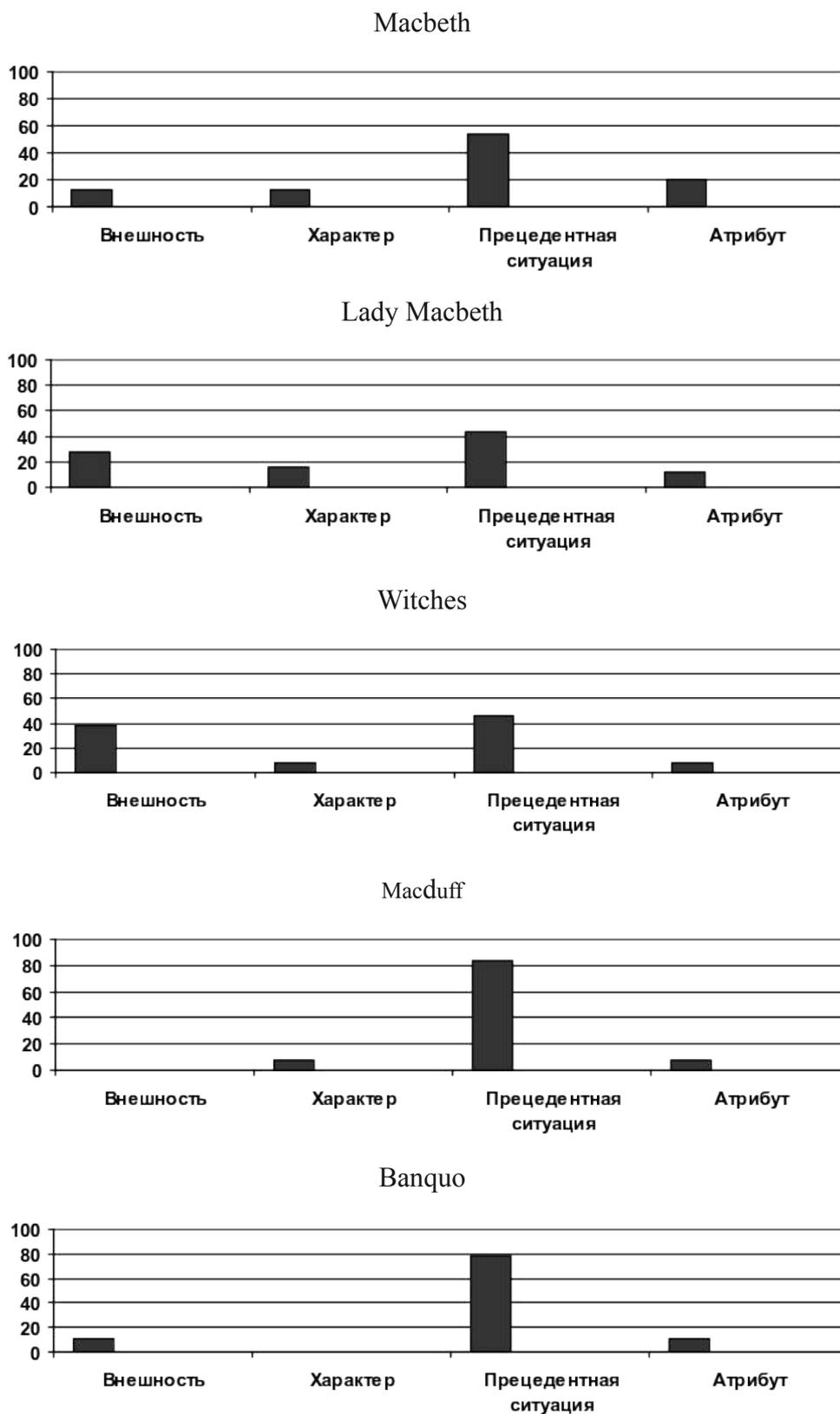
Апелляция к дифференциальным признакам и атрибутам при употреблении прецедентного имени *леди Макбет* (*lady Macbeth*) представляет такое количественное соотношение, как 7 случаев апелляции к внешности (2 в BNC, 5 в COCA), 4 случая апелляции к характеру (1 в BNC, 3 в COCA), 11 случаев актуализации через прецедентную ситуацию (2 в BNC, 9 в COCA), 3 случая актуализации посредством атрибута (все в COCA).

Актуализация прецедентного имени *ведьмы* (*three witches / three weird sisters*) происходит через апелляцию к дифференциальному признаку «внешность» в 5 случаях (все в COCA), через апелляцию к дифференциальному признаку «характер» в 1 случае (COCA), через апелляцию к дифференциальному признаку «прецедентная ситуация» в 6 случаях (1 в BNC, 5 в COCA), через апелляцию к атрибутам прецедентного имени в 1 случае (COCA).

В отношении *Макдуфа* (*Macduff*) отсылка к внешности не осуществляется, отсылка к характеру осуществляется в 1 случае (COCA), отсылка к прецедентной ситуации реализуется в 11 случаях (2 в BNC, 9 в COCA), атрибут используется 1 раз (BNC).

Прецедентное имя *Банко* (*Banquo*) актуализируется через внешность 1 раз (BNC), через прецедентную ситуацию 7 раз (3 в BNC, 4 в COCA), 1 раз через атрибут (BNC). Актуализации через дифференциальный признак «характер» не отмечено.

Полученные выводы можно представить в процентном соотношении в комплексной диаграмме (рис. 2).

Р и с у н о к 2. Распределение компонентов структуры прецедентного имени при его актуализации (на примере отдельных имён персонажей драмы «Макбет»)
 [F i g u r e 2. Structure components distribution of an actualized precedent name (Based on particular character names in «Macbeth»)]

Характеристика лица, обозначаемого прецедентным именем, через обращение к прецедентной ситуации занимает первое место по частотности среди компонентов структуры прецедентного имени. Апелляция к прецедентной ситуации осуществляется значительно чаще, чем к другим компонентам прецедентного имени в отношении всех анализируемых в данном исследовании прецедентных имён. Если брать за основу параметр численности примеров, в которых прецедентное имя актуализируется через прецедентную ситуацию в сравнении героев друг с другом, то наиболее часто происходит апелляция к прецедентной ситуации в отношении *леди Макбет* и *Макдуфа*. Реже осуществляется апелляция к прецедентной ситуации в отношении *Макбета* и ещё реже прецедентная ситуация актуализируется, когда речь идёт о *Банко* и *ведьмах*.

Прецедентное имя *леди Макбет* актуализируется через такие прецедентные ситуации, источником которых стал шекспировский текст, как:

безумие:

E.g. (1): *She opened her eyes, but, like **Lady Macbeth's**, their sense was shut* (BNC).
спектакль, разыгранный леди Макбет наутро после убийства:

E.g. (2): “*I suggested he might like a ...sherry. Oh dear God, Superintendent: don't tell me it was the sherry.*” <...>

*Pumfrey tried to interpret, from his expression, the implications of that last remark. Was it equivalent of **Lady Macbeth's** “What, in our house?”* (BNC).

сообщение о прибытии короля Дункана, принесённое леди Макбет гонцом:

E.g. (3): “*Yes, I'll make sure Miss Hope receives the message as soon as possible*”. <...>
“*Message for **Lady Macbeth?***” (COCA).

чтение леди Макбет письма от мужа:

E.g. (4): – ***Lady Macbeth** reading from her husband's letter I was a young woman then – single and without child – green in the practice of my profession, when I had this dream...* (COCA).

невозможность всех благовоний Аравии заглушить запах крови:

E.g. (5): *Like **Lady Macbeth**, I feel that all the perfume in Arabia – all her perfume sales, that is – could not alter her situation...* (COCA).

кровь на руках и убийство:

E.g. (6): “*Why does everyone call her **Lady Macbeth?***”

“*Because she's a monster.*” <...>

“*Rumor is, she has blood on her hands.*” <...>

“*I heard she killed a man in France.*” <...>

“*I heard she killed three men in Munich.*” (COCA).

лунатизм и самоубийство:

E.g. (7): *And Debbie, this wacky Goth chick in my class who identifies with **Lady Macbeth**... After my class report, Debbie sleep-walked out of the classroom and pretended to hang herself!* (COCA).

попытки стереть воображаемые пятна крови с рук:

E.g. (8): *Pazzi scrubs at his hands like **Lady Macbeth**, trying to get the stain of the phone numbers off his skin...* (COCA).

E.g. (9): *May I wash my hands asked **Lady Macbeth**...* <...>

*The previous Sunday ... **Lady Macbeth** had washed her hands for six hours straight* (COCA).

Обращает на себя внимание то, что в примере (4) отсылка к прецедентной ситуации «леди Макбет за чтением письма от мужа» ассоциируется с юностью, неопытностью, мечтами. В примере (5) невозможность заглушить запах крови всеми благовониями Аравии символизирует невозможность решить проблему никакими способами.

В одном примере прецедентная ситуация не исходит из шекспировского текста, а является полётом фантазии персонажа:

E.g. (10): *Perhaps, Mrs. Urquhart, **Lady Macbeth** was simply fed up with listening to her husband complain about his station in life!* (COCA).

Прецедентное имя *Макдуф* реализуется через прецедентную ситуацию, выраженную прецедентным высказыванием «*lay on, Macduff*» в двух примерах и искажение данного высказывания «*lead on, Macduff*» в 9-ти примерах. При этом наблюдается переосмысление исходной шекспировской ситуации. Слова «*lay on, Macduff*» произносятся Макбетом при вызове своего врага на смертельный поединок, тогда как в современных текстах прецедентные высказывания «*lay on, Macduff*» и «*lead on, Macduff*» синонимичны и используются в ситуации неизвестности, когда одному из участников коммуникации предлагается стать вожаком или быть первым, кто сделает что-то.

E.g. (11): “*Lead on, **Macduff**.” Easier said than done. Danjee started her down the street, in full daylight* (COCA).

E.g. (12): “*Then we’d best get our skates on,*” said Sus.

“*Lay on, **Macduff!**”* (COCA).

Прецедентное имя Макбет реализуется через такие прецедентные ситуации, основой которых является шекспировский текст, как:

встреча с ведьмами:

E.g. (13): *...the surroundings ... looked like a perfect setting for **Macbeth’s** meeting with the witches* (BNC).

совершенное убийство:

E.g. (14): *Fenwick shook his head and gave a nervous chuckle. “Couldn’t blame **Macbeth** a bit. Every man in the theatre would have killed for her, sir.”* (COCA).

наполненный призраками внутренний мир убийцы:

E.g. (15): *This is **Macbeth’s** world, and us teenagers just live in it. <...>*

*The world of **Macbeth** is totally haunted and paranoid! You can’t get one minute’s privacy, even inside your own bed!* (COCA).

В этом примере внутренний мир Макбета, преследуемого призраками своих жертв, олицетворяет мир современного подростка с невозможностью уединения, отсутствием личного пространства.

видение Макбетом призрака Банко:

E.g. (16): *And just as Orhan rose to come to her help, seeing her stare like **Macbeth** at the feast, she began to speak again...* (COCA).

E.g. (17): *Meg was leaning back against the brick wall, visibly shaken, as if she had, indeed, as **Macbeth** would later in the evening, seen a ghost* (COCA).

Обнаружены два курьёзных примера, в которых авторы художественных произведений вводят несуществующий персонаж «*Macbeth’s mother*», приписывая ей совершённое Макбетом убийство короля Дункана, и путают Макдуфа с Макбетом.

E.g. (18): *... how not shudder at the agony of At least the murderer knows the horror of the knife driven into his victim’s heart, can try like **Macbeth’s mother** to wash that blood off the stained hands...* (COCA).

E.g. (19): “*Lead on, **Macbeth**”, she said* (COCA).

Прецедентное имя Банко реализуется через прецедентную ситуацию «*Явление духа Банко на пиру*»:

E.g. (20): *The expected fourth guest, Miles Lessingham, had unaccountably failed to arrive, but Alice Mair hadn’t rearranged her table and the empty chair and unfilled wineglass were uncomfortably evocative of **Banquo’s ghost*** (BNC).

Прецедентное имя «*ведьмы из Макбета*» реализуется через две прецедентные ситуации, источником которых является шекспировский текст: «*ведьмы вокруг котла с*

волшебным варевом» и «ведьмы, предсказывающие судьбу Макбету и Банко». Вторая ситуация расширяется до «обладания пророческим даром».

E.g. (21): *Sennett and McManis and I, like **Macbeth's witches** around their cauldron, watched the black and white imagery froth up on the monitor* (COCA).

E.g. (22): *This is how it will be, my **weird sisters** say, when he is gone. Your life small, small, small* (COCA).

Суммируя особенности апелляции к прецедентному имени на основе прецедентной ситуации, можно выделить три способа реализации данного компонента структуры прецедентного имени: 1) прецедентная ситуация имеет основой исходный (в данном случае – шекспировский) текст; 2) прецедентная ситуация опирается на искажённое прецедентное высказывание, при этом происходит переосмысление исходной (шекспировской) ситуации; 3) ситуация является воображаемой по отношению к тексту-источнику. В третьем случае возникновение воображаемой ситуации становится возможным благодаря интерпретации поступков и характера героя в свете ментальности современного человека.

Характеристика лица, обозначаемого прецедентным именем, **по внешности** занимает второе место по частотности среди компонентов структуры прецедентного имени. Наиболее часто происходит апелляция к такому элементу структуры прецедентного имени, как внешность *леди Макбет* и *ведьм*. Наличествуют немногочисленные примеры апелляции к такому элементу структуры прецедентного имени, как внешность *Макбета* и *Банко*. Отсутствует апелляция к такому элементу структуры прецедентного имени, как внешность *Макдуфа*.

Внешность *трёх ведьм* детально представлена в шекспировском тексте: «*so wither'd, and so wild in their attire*», «*that look not like th'inhabitants o' th'earth*», «*choppy finger*», «*skinny lips*», «*beards*» [Shakespeare, 1938, с. 528]. Поэтому при характеристике персонажа произведения через прецедентное имя ведьмы из *Макбета*, создаётся устойчивая ассоциация с шекспировским описанием:

E.g. (23): *Rushing back to her closet, she refuses to look at **the witch from Macbeth** running wild in her mirror. No need to stare at that thicket of split ends masquerading as hair, that pale, smeared face, that battered veteran of round after round with every piece of clothing Marlise owns...* (COCA).

Вместе с тем авторы могут добавлять описание деталей внешности, отсутствующих в тексте Шекспира (например, описание волос). Это представляется возможным ввиду сохранения знака оценки.

E.g. (24): *Okay, Marlise has good hair. Even she has to admit it. She was exaggerating about **the witch in Macbeth**. Her hair, a mid-shoulder length fawn cape with glints of orange fox, has always been an advantage* (COCA).

E.g. (25): *With her wild unkempt hair, her thin face and red eyes, she looked like **one of the witches who had appeared to the other Macbeth*** (COCA).

В противоположность подробному описанию внешности ведьм, описание внешности других персонажей не фигурирует в шекспировском тексте. Интересно проследить, каким образом происходит актуализация структуры прецедентного имени через описание внешности героя при отсутствии описания внешности персонажа в исходном литературном тексте. Анализируя использование прецедентного имени *леди Макбет* авторами современных художественных произведений, можно выявить особенности актуализации структуры прецедентного имени посредством интерпретации текста Шекспира.

E.g. (26): ***Lady Macbeth** of the dry breasts and stony complexion* (COCA).

Представление об иссохших грудях *леди Макбет* продиктовано, по-видимому, таким отрывком из шекспировского текста, как «*Come to my woman's breasts, and take my milk for gall*» [Shakespeare, 1938, с. 534].

E.g. (27): “*The red gown is beautiful on you. Are you Desdemona?*”
 “*I am not sure*”, *Mother said shyly, but she had the proud look of a young girl at her debut. “I think the entire ensemble might be a combination of **Lady Macbeth** and Kate, from *The Taming of the Shrew*”* (СОСА).

Представляется, что пятна крови, несмываемые с рук леди Макбет, дают ассоциацию с красным цветом, неразрывно связанным с образом леди Макбет. Отсюда красный цвет в одежде позволяет сделать метафорическую отсылку к образу леди Макбет.

У Шекспира отсутствует описание внешности *Макбета* и *Банко*. Характеристика внешности *Макбета* и *Банко* в текстах BNC и СОСА есть метафорическое переосмысление образа убийцы (злодейский вид) и призрака (бледность).

E.g. (28): *He tried to readjust his face to make him look less like **Macbeth*** (BNC).

Название произведения, из которого взят пример 28 – *The Wimbledon poisoner*. Общий признак – вид убийцы – позволяет осуществить сравнение.

E.g. (29): *I turned and looked at myself in the cracked Cutty Sark Whisky mirror behind Mama Sipcott’s bar. Hamlet, not **Macbeth** or Richard III, stared back* (BNC).

E.g. (30): *Have you eaten, young man? At least have some wine, to put the colour back in your face; you came in like a ghost. We could use him for **Banquo**, eh?*” (BNC).

Подводя итог исследованию особенностей актуализации такого элемента структуры прецедентного имени, как внешность персонажа, можно выделить три способа актуализации данного компонента структуры прецедентного имени: 1) параметры внешности персонажа полностью совпадают с описанными автором исходного текста (в данном случае Шекспиром); 2) параметры внешности персонажа частично совпадают с характеристиками внешности шекспировского героя; 3) описание внешности героя отсутствует у автора исходного произведения, но домысливается автором текста, в котором встречается прецедентное имя. В третьем случае оказывается возможным домыслить внешность персонажа на основании общего признака, дающего возможность метафорического переноса и совпадающего знака оценки (положительной или отрицательной).

Актуализация прецедентного имени через а т р и б у т ы имеет третий ранг частотности среди компонентов структуры прецедентного имени. Характеристика через атрибуты чаще наблюдается в отношении *Макбета* и *леди Макбет*, реже в отношении *Макдуфа*, *Банко* и *ведьм*. Выделяются атрибуты, номинация которых точно соответствует шекспировскому тексту (*cauldron (of the witches)*; *letter (from Macbeth to his wife)*; *spot (of blood)*; *blood on the hand*), и атрибуты, аналогичные по сути тем, что описаны в шекспировском тексте, но в иной вербальной презентации (*brew, e.g.: ... the scene put Ada in mind of the witches in Macbeth working at their brew* (СОСА), тогда как у Шекспира *hell-broth*).

Атрибут героя, обозначенного через прецедентное имя, может сопровождать и уточнять прецедентную номинацию, как в примере (6):

“*Why does everyone call her **Lady Macbeth**?*” <...>

“*Rumor is, she has blood on her hands.*” (СОСА).

Также атрибут может заменять прецедентную номинацию, указывая на прецедентное имя, но не называя его.

E.g. (31): *Dad with **blood on his hands**. <...> **his hands were dripping with blood*** (BNC).

Указанием на прецедентное имя, является название романа D. Dunnnett «King hereafter», так как оно даёт отсылку к Макбету.

Характеристика лица, обозначаемого прецедентным именем, с опорой на черты х а р а к т е р а занимает четвёртое место по частотности среди компонентов структуры прецедентного имени. Наиболее часто происходит апелляция к чертам характера *леди Макбет* и *Макбета*. Меньшими по численности являются примеры апелляции к чертам характера *Макдуфа* и *ведьм*. Отсутствует апелляция к особенностям характера *Банко*.

У. Шекспир не даёт описания характера трёх ведьм, но подчёркивает их отличную от земных жителей сущность «*The earth hath bubbles, as the water has, and these are of them...*» [Shakespeare, 1938, с. 529], таинственность и вещий дар «*I dreamt last night of the three weird sisters: to you they have show'd some truth*» [Shakespeare, 1938, с. 539]. Эти абстрактные характеристики дают основание для вольных интерпретаций личностной сущности людей, сравниваемых с макбетовскими ведьмами.

Е.g. (32): *Three women came in carrying shopping bags, arguing in low voices. Molly watched them with fascination. She had been wanting to do an article on homeless women ever since she discovered how many women, herself included, harbored bag-lady nightmares. <...> The three crones standing in the door arguing could have played the **witches in Macbeth*** (СОСА).

В данном примере аналогия между тремя бездомными женщинами и макбетовскими ведьмами проведена на основании общности атмосферы таинственного ужаса, вызываемого как ведьмами шекспировского текста, так и бездомными в примере из СОСА. При этом дважды подчёркивается, что бездомные женщины спорят между собой, тогда как шекспировские ведьмы демонстрируют единодушие и друг с другом не спорят.

Определение характера Макбета в шекспировском тексте различается до совершения им преступления и после. Отличительной чертой Макбета до совершённых им преступлений является храбрость: «*...brave Macbeth, – well he deserves that name, – disdainful fortune, with his brandish'd steel, which smok'd with bloody execution...*» [Shakespeare, 1938, с. 525]. После царевубийства и восшествия на престол Макбет становится олицетворением вероломства, лживости и кровожадности: «*treacherous*» [Shakespeare, 1938, с. 570], «*bloody, luxurious, avaricious, false, deceitful, sudden, malicious, smacking of every sin that has a name*» [Shakespeare, 1938, с. 571], «*devilish*» [Shakespeare, 1938, с. 573], «*butcher*» [Shakespeare, 1938, с. 587].

В текстах, в которых Макбет фигурирует как прецедентное имя, акцентируется храбрость или вероломство Макбета. Интерес представляют примеры, в которых даётся иная трактовка личности Макбета по сравнению с каноническим текстом.

Е.g. (33): *Consider **Macbeth**, Mrs. Urquhart, the girl persisted. No backbone, no confidence, believing a gaggle of old biddies stirring a cauldron. I mean, what a dope of a Scotsman!* (СОСА).

В данном примере акцентируется безволие и легковерие Макбета. Макбет шекспировского текста не предстаёт таковым в глазах соратников или врагов. Вместе с тем, сам факт влияния на него супруги при принятии решения об убийстве короля и тот факт, что Макбет безоговорочно поверил ведьмам, даёт основания для оценки его как слабовольного и внушаемого человека в глазах людей современного мира.

Характер леди Макбет трактуется в трагедии Шекспира как сатанинский: «*fiend-like queen*» [Shakespeare, 1938, с. 587]. Безжалостность, но также и сила являются ключевыми чертами людей, охарактеризованных через посредство прецедентного имени леди Макбет. В примере (34) строгость и неулыбчивость учительницы дали возможность обозначить её как леди Макбет.

Е.g. (34): “*Message for **Lady Macbeth**?*” *one of the other girls asked. <...>*

The girls giggled. Maggie was strict. She was hard on her students. She never smiled. None of the women at Arisaig House liked her (СОСА).

У. Шекспир характеризует Банко как «*noble Banquo*» [Shakespeare, 1938, с. 532], Макдуфа как «*worthy Macduff*» [Shakespeare, 1938, с. 584]. Однако, поскольку в исследуемом материале не обнаружено апелляции к прецедентному имени Банко через отсылку к характеру персонажа, можно предположить, что благородство Банко не стало характеристикой, актуальной в когнитивном и эмоциональном планах, для представителей англоязычного лингвокультурного сообщества. Напротив, доблесть Макдуфа является важной характеристикой персонажа для носителей английского языка, е.g.: *bold, heroic **Macduff*** (СОСА).

Суммируя особенности апелляции к прецедентному имени на основе черт характера героя, можно выделить три способа реализации данного компонента структуры прецедентного имени: 1) характер персонажа, в отношении которого употреблено прецедентное имя, совпадает с характером протагониста исходного текста (шекспировского); 2) апелляция к прецедентному имени осуществляется на основе черт характера героя, которые не обозначены напрямую в исходном тексте, но которые следуют из проявления характера в поступках; 3) вольная интерпретация характера носителя имени. Но даже в третьем случае текст исходного художественного произведения даёт почву для соответствующей последующей интерпретации. Знак оценки ни в одном случае не меняется.

3. Заключение [Conclusion]

Подводя итог проведённому исследованию, следует отметить, что прецедентные имена персонажей драмы У. Шекспира «Макбет» чаще всего актуализируются через такой компонент своей структуры, как связь с прецедентной ситуацией, а реже всего – через характер. Характер связи между дифференциальными признаками прецедентного имени и характеристиками персонажа оригинального текста предстаёт тремя видами: 1) полное совпадение внешности / характера (носителя прецедентного имени) / прецедентной ситуации (в которой он себя проявляет) между текстом-первоисточником (в данном исследовании «Макбет» У. Шекспира) и корпусом анализируемых текстов современной художественной литературы; 2) частичное совпадение указанных характеристик; 3) вымышленность внешности / характера / прецедентной ситуации по отношению к тексту-первоисточнику. В третьем случае возникает интересный вопрос, каким образом сохраняется тождественность прецедентного имени самому себе. Исследование показывает, что в тех случаях, когда особенности дифференциальных признаков прецедентного имени не происходят из текста-первоисточника, всегда сохраняется ассоциативная связь (например, красное одеяние → леди Макбет в силу ассоциации с красным цветом крови, ставшей атрибутом преступления и навязчивой идеей леди Макбет) и не меняется знак оценки. Неизменность знака оценки не только обеспечивает возможность функционирования прецедентного имени, но и позволяет задуматься о дейктическом характере явления прецедентности ввиду способности прецедентных феноменов указывать на образец качеств.

Список литературы

- Гудков, 1998 – Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М. : «Филология», 1998. Вып. 4. С. 82–93.
- Захаренко и др., 1997 – Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М. : «Филология», 1997. Вып. 1. С. 82–103.
- Караулов, 2010 – Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- Красных, 2003 – Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- BNC – British National Corpus. URL : <http://corpus.byu.edu/bnc/>.
- COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://corpus.byu.edu/COCA/>.
- Shakespeare, 1938 – The works of Shakespeare in four volumes: Vol. IV. Moscow : Co-operative publishing society of foreign workers in the USSR, 1938. 876 p.

Anna A. Matveyeva
Bashkir State University
Ufa, Russian Federation
 AnnaUfa@yandex.ru

The precedent name structure actualization (Based on the names from Macbeth by Shakespeare in BNC and COCA)

Abstract

The article aims to investigate the peculiarities of the precedent name structure actualization on the material of the British National Corpus and the Corpus of Contemporary American English. Such components of the precedent name structure as relevant features (appearance, character, precedent situation) and attributes are under analysis. The frequency of the reference to each component of the precedent name structure has been calculated. It turned out that the precedent names of Shakespeare's "Macbeth" are most often actualized through the connection with the precedent situation and the least often – through character. 3 types of connections were identified between the precedent name and a proper name as its source: 1) full similarity of appearance / character / precedent situation between the original text and modern fiction from the corpora; 2) partial similarity of the features; 3) imaginativeness of the features. It has been discovered that when there is no direct connection between the appearance / character / precedent situation / attribute of the bearer of a precedent name and the bearer of the original proper name, the meaningful recurrence of a precedent name is ensured by a stable associative linkage and the invariant evaluation.

Keywords: precedent name, precedent situation, relevant features, attributes.

© Matveyeva A. A. 2021

For citation: Matveyeva, A. A. Realizatsiya struktury pretsedentnogo imeni (na primere imen personazhey dramy U. Shekspira «Makbet» v Britanskom natsional'nom korpuse i korpuse sovremennogo amerikanskogo angliyskogo yazyka) [The precedent name structure actualization (Based on the names from Macbeth by Shakespeare in BNC and COCA)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 104–115. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_104_115.

References

- Gudkov, D. B. (1998). Pretsedentnoe imya v kognitivnoy baze sovremennogo russkogo (rezul'taty eksperimenta) [A precedent name in the cognitive base of Modern Russian (the results of an experiment)]. In V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (Ed.). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language – Mind – Communication] (pp. 82–93). Moscow : Philologia Press.
- Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V., Gudkov, D. B., Bagaeva, D. V. (1997). Pretsedentnoe imya i pretsedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y pretsedentnykh fenomenov [A precedent name and a precedent statement as symbols of precedent phenomena]. In V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (Edy). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language – Mind – Communication] (pp. 82–103). Moscow : Philologia Press.
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and language personality]. Moscow.
- Krasnykh, V. V. (2003). «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [At home among strangers: a myth or reality?]. Moscow.
- British National Corpus. Retrieved from <<http://corpus.byu.edu/bnc/>>.
- Corpus of Contemporary American English. Retrieved from <<https://corpus.byu.edu/COCA/>>.
- Shakespeare, W. (1938). The works of Shakespeare in four volumes: Vol. IV. Moscow : Co-operative publishing society of foreign workers in the USSR.

Матвеева Наталья Васильевна
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
г. Стерлитамак, Российская Федерация
n.v.matveeva@strbsu.ru

Лексические сокращения в англоязычных текстах интернет-пространства

Аннотация

В данной статье исследуются аббревиатуры в разножанровых дискурсах Интернет-пространства. В ходе исследования методом сплошной выборки отобрано 76 сокращений в англоязычном гипертексте с 7 сайтов. На основании принятой в работе классификации отобранные единицы распределены по трём основным типам с учётом видов и разновидностей внутри них: буквенно-цифровые (буква вместо слова, буква вместо части слова, удаление гласных), графические (латинского и нелатинского происхождения), лексические (акронимы, буквенные инициализмы, усечения). Согласно полученным результатам, самыми частотными оказались аббревиатуры с заменой слова или его части на цифру, буквенные инициализмы и сокращения за счёт удаления гласных. Основная их часть обнаружена в переписках в социальных сетях, блогах, чатах и форумах.

Далее были проанализированы сокращения в текстах, представляющих шесть интернет-дискурсов: юридический, политический, персональный, массово-информационный, рекламный и педагогический. Каждый дискурс представлен соответствующими жанрами: делового электронного письма, сайта юридической фирмы, политического блога, персональной страницы «Инстаграм», веб-страницы сетевых СМИ, академической страницы учебного заведения. В целом, из 57 найденных примеров, по сумме двух типов аббревиатур, лексические аббревиатуры оказались частотнее графических (56% vs 44%). В целом по конкретным видам и разновидностям, 44% являются графическими аббревиатурами, 28% – буквенными инициализмами, 23% – акронимами, 5% – усечениями. Между тем, в каждом конкретном дискурсе дистрибуция значительно варьировала, что демонстрирует высокую значимость фактора «интернет-дискурс». Перспективу исследования составят увеличение количества реализаций аббревиатур и образцов жанров, а также дальнейшая балансировка материала.

Ключевые слова: аббревиатура, гипертекст, вид Интернет-дискурса, интернет-жанр, распределение.

© Матвеева Н. В. 2021

Для цитирования: Матвеева Н. В. Лексические сокращения в англоязычных текстах интернет-пространства // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 116–132. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_116_132.

1. Введение [Introduction]

1.1. Определение, причины возникновения, классификация [Definition, reasons for emerging, classification]

Стремление человека к сокращению в высказывании связано со многими факторами: увеличение объёма передаваемой информации, скорость передачи, использование технических средств для обмена информацией. В настоящее время английский язык имеет сильную тенденцию к различного рода сокращениям слов. В английском словарном составе большое место занимают короткие, односложные и двусложные слова, а более длинные воспринимаются как нечто инородное. С целью экономии времени на устное общение или письменную коммуникацию, люди стали использовать общепризнанные сокращения слов. Особенно к сокращению стремится текст Интернета.

Сокращения понимают как процесс и результат, что соответствует терминам «аббревиация» и «аббревиатура», которые будут использоваться в данной работе. Анализ определений аббревиатур [Ахманова, 2010; Новик, Суханова, 2003; Жаркова, 2012; Ярцева, 2002; Арнольд, 2012] показал, что общим является их понимание как слова, образованного путём сокращения словосочетания и составленного из начальных букв или слогов слов, входящих в него, и что аббревиатуры часто состоят из нескольких элементов. Определения аббревиатур также содержат некоторые уточнения понятий, связанных с видами сокращений, например, с инициальным видом сложносокращённых слов – акронимом, т. е. «словом, образованным при помощи сложения начальных букв слов или же начальных звуков» [Ахманова, 2010, с. 27]. В лексикологии английского языка аббревиатурой (*shortening of words, abbreviation*) обозначается морфологическое образование слова, при котором некоторая часть звукового состава исходного слова опускается [Арнольд, 2012, с. 187].

Приход сокращений в устную речь, правила произношения, а также образования и согласования производных форм оторвали аббревиатуру от многоэлементного словосочетания и приблизили к слову. В результате аббревиатура часто теряет внутреннюю форму, превращаясь в условный маркировочный знак. Аббревиатуры приобретают по законам аналогии то или иное склонение, создают формы с суффиксами эмоциональной оценки и т. д. В современном языке аббревиатуры не имеют стилистических ограничений [Карашук, 2007, с. 134].

Аббревиация как процесс образования аббревиатур создаёт особый тип языковых средств; она важна, поскольку длинные названия часто затрудняют восприятие различной информации. Аббревиатуры – это неотъемлемая часть научных текстов, придающая им лапидарность и динамизм [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 97].

В настоящей работе на основе анализа определений под аббревиатурой или сокращением понимается слово, образованное путём усечения мотивирующей единицы.

Аббревиатуры стали популярными в основных европейских языках, включая английский язык, в XX веке. Вопрос о причинах образования сокращений имеет большое значение, потому что, правильно определив причины, можно более отчётливо представить возможности аббревиации и направления её развития.

Большинство авторов, выделяя причины образования аббревиатур, предлагали такие события, как прогресс науки и техники, революции, войны, развитие телеграфа, профсоюзное движение, заканчивая развитием спортивных обществ и парламентских форм правления [Мартине, 2009, с. 42]. Впервые к проблеме аббревиации обратился шведский лингвист К. Сунден в своём труде «Материалы к изучению эллиптических слов в современном английском языке». Языковед выделил два общих фактора, обуславливающих появление аббревиатур: 1) семологический (функциональный), т. е. фактор, связанный с потребностью передачи эмоционального замысла говорящего; 2) фактор практического использования, который связан с передачей информации более экономичными средствами [цит. по Алексеев, 2014, с. 13]. Второй поддерживает, например, Л. А. Шеляховская, которая отмечает, что стремление преодолеть избыточность информации – одна из главных причин возникновения аббревиатур [Шеляховская, 2004, с. 89].

Отмечается, что аббревиация свойственна всем английским языковым жанрам, однако аббревиатуры интенсивнее появляются на разговорном уровне и, часто, на уровне сленга, словари которого богаты всевозможными сокращениями. Сленг применяется не только в разговорной речи представителей молодёжи, но и в художественной литературе, в журналах и газетах, в периодических изданиях, а также на сцене и в рекламных афишах [Смирницкий, 1998, с. 97].

Вопрос о классификации аббревиатур до сих пор не получил однозначного решения отчасти из-за вариантности терминологии. По классификации И. В. Арнольд [Арнольд, 2012, с. 189], сокращения в английском языке подразделяются на два главных типа: графические аббревиатуры и лексические. Графические аббревиатуры – это символы, которые используются вместо слов и словосочетаний на письме (встречаются в различных текстах). В устной форме им соответствуют слова с полноценными основами и словосочетания (см. табл. 1).

Таблица 1. Примеры соответствий графических аббревиатур словам и словосочетаниям в устной речи

[Table 1. Examples of graphic abbreviations correspondences to words and phrases in oral speech]

Графические аббревиатуры	Слова и словосочетания, которые соответствуют им в устной речи
m.	Mile
LTD	Limited
K. C.	King's Counsel
O. D.	Officer of the Day
D. C.	District of Columbia
F. O.	Foreign Office

Представим существующие группы графических аббревиатур. Одна из самых старых и наиболее известных групп графических сокращений, выделенная на основе происхождения, в английском языке имеет латинское происхождение. В данном случае сокращение появляется при написании латинских слов, тогда как в устной речи соответствующие английские эквиваленты произносятся в полной форме: *a. m.* – in the morning (*ante meridiem*), *vs* (*versus*), *No* (*numero*), *B. C.* (*before Christ*).

Также стоит добавить, что есть отдельные графические аббревиатуры латинского происхождения, которые в различных контекстах имеют разные английские эквиваленты, к примеру, *p. m.* – in the afternoon (*post meridiem*) и after death (*post mortem*). Более того, читая отдельные графические аббревиатуры, мы можем проследить зависимость от контекста, к примеру, *m* может читаться как: *masculine*, *male*, *married*, *meter*, *mile*, *minute*, *million*, *l. p.* читается как: *low pressure*, *long-playing*.

Существуют 8 семантических групп графических аббревиатур:

- 1) названия месяцев, например, *Apr* – April, *Aug* – August;
- 2) обращения, такие как *Mr*, *Mrs*, *Ms* [miz];
- 3) дни недели, например, *Mon* – Monday, *Tue* – Tuesday и т. д;
- 4) названия штатов в США, например, *Ala* – Alabama, *Calif* – California;
- 5) воинские звания: *col.* – colonel, *capt.* – captain, *sgt.* – sergeant;
- 6) меры длины, веса, времени: *in.* – inch, *mg.* – milligram, *f.* – foot/ feet, *sec.* – second;
- 7) учёные звания: *D. M.* – Doctor of Medicine (иногда встречается аббревиатура латинского происхождения *M. B.* – *Medicinae Baccalaurus*), *B. A.* – Bachelor of Arts;
- 8) названия графств в Великобритании: *Berks* – Berkshire, *Yorks* – Yorkshire.

Как видно из приведённых примеров, графические аббревиатуры могут быть не только инициальными. Довольно часто присутствуют конечные буквы и удаляются гласные: *assn* – association, *Mrs*, *sgt.* – sergeant.

При прочтении аббревиатур иногда произносятся начальные буквы: *p. m.* [pi:'em], *a. m.* [ei 'em] и т. д. В данном случае их можно отнести к графическим начальным сокращениям [Дубенец, 2002, с. 120]. Обобщая вышесказанное про группы графических аббревиатур, приходим к выводу о существовании различных принципов для выделения

данных групп: на основе происхождения, семантики, новой графической формы (возникшей в силу сложности написания). Кроме этого, есть аббревиатуры, выделенные вне зависимости от происхождения и не входящие в определенные семантические группы.

Л е к с и ч е с к и е аббревиатуры делятся на три вида: инициальные, слоговые и частично сокращённые.

И н и ц и а л ь н ы е аббревиатуры (инициализмы) – это сокращения, образованные из начальных букв слов, обозначающих понятие. В английском языке существуют две разновидности инициальных аббревиатур:

1. Акронимы, которые читаются как слова. Фактически, акроним представляет собой слово, являющееся сокращением, которое можно произнести слитно. Например: *PIN* (Personal Identification Number) – личный идентификационный номер.

2. Инициальные аббревиатуры с буквенным прочтением, например, BUP (British United Press), CND (Campaign for Nuclear Disarmament) и т. д.

Инициальные аббревиатуры часто бывают многозначными. Немало значений имеет, например, аббревиатура *M.P.* Преимущественно встречаются два значения: *military police* – военная полиция или *member of Parliament* – член парламента. Согласно ранее полученным данным [Майнагашев, 2014], этот вид аббревиатур является самым частотным в англоязычных чатах и форумах – 38% от всех аббревиатур.

Следующий вид лексических аббревиатур – слоговые – это сокращения, образованные по начальным слогам слов, входящих в сложные наименования: *Internet* (International Network) – всемирная компьютерная сеть связи.

Частично сокращённые слова – сокращения, образованные из начальных слогов слов первого слова с полным вторым словом: *T-shirt* (tee-shirt) – футболка [Барина, 2008].

Не разделяя аббревиатуры на графические и лексические, А. А. Ионина [Ионина, 2008, с. 15] предлагает классификацию SMS-сокращений, получившую название буквенно-цифровой аббревиации. Автор выделяет 3 вида аббревиатур:

1) одна буква (цифра) заменяет целое слово: *ate* – 8 (ел); *be* – *b* (быть); *for* – 4 (четыре); *to/too* – 2 (два);

2) одна буква (цифра) заменяет слог: *activate* – *activ8* (активизировать); *great* – *gr8* (отлично); *later* – *l8r* (позже); *before* – *b4* (вперед, перед); *therefore* – *there4* (поэтому);

3) образование сокращений за счёт исключения гласных букв из слова, в то время как значение слова складывается по последовательности согласных, например: *between* – *btw* (между); *because* – *bcs* (потому что); *your* – *YR* (твой).

Поскольку понятие слога и определение его границ представляет собой отдельную лингвистическую проблему, в нашей интерпретации оно будет заменено на «часть слова».

1.2. Гипертекст [Hypertext]

Современный мир – это пространство с большим количеством информации. Никогда раньше в истории человечества не было такого огромного потока информации, как в наши дни. Сегодня мы каждый день получаем в сотни раз больше разного рода сведений, чем двадцать или тридцать лет тому назад. А главным источником передачи информации в современном мире стал Интернет. Таким образом, «всемирная паутина» создала высокую скорость прохождения информации, что привело к ускорению общего ритма жизни человека [Никитюк, 2012] и росту количества аббревиатур.

В связи с развитием Интернет-технологий появилось понятие «гипертекст». Данный термин был введён в 1965 году математиком и программистом Теодором Нельсоном, который указывал, что в отличие от обычного текста, упорядоченного, развёрнутого и имеющего тесные линейные связи, гипертекст является нелинейной организацией идей,

взаимосвязывающих документацию с развитой системой переходов. Читатель может изучать заложенные в этой документации данные в том порядке, в котором он предпочтёт самостоятельно. Гипертекст состоит из частей, которые не построены в точно заданном порядке. Вследствие этого, пользователь вправе выбирать разные пути по документации за счёт гиперссылок и в зависимости от своих предпочтений [Прошина, 2017, с. 168].

Г и п е р т е к с т – это основа интернета. В лингвистическом аспекте это новое явление в текстологии, по правилам которого построено всё языковое пространство интернета. Гипертекст, на самом деле – это новый способ мышления в языковом отражении [Горошко, 2007, с. 183]. Гипертекст – это большое количество документов, содержащих текст, таблицы, рисунки, схемы и другие текстовые объекты, видео и аудиоинформацию, и связанных ссылками друг с другом [Ефремова, 2012, с. 166]. Достоинство гипертекста заключается в предоставлении читателю дополнительной информации без уклонения от главной темы повествования. Представим характерные черты гипертекста [Лутовина, 2009].

1. Гипертекст является нелинейным. Таким образом, можно пропускать те или иные элементы, переходить от одних ссылок к другим, возвращаться, перемещаться.

2. В гипертексте автор начинает размываться, становится неопределённым. Как правило, гипертекст не имеет автора – у него целый ряд авторов, при этом для систематически изменяющегося гипертекста авторский коллектив также постоянно меняется.

3. Гипертекст является незамкнутым. В нём только первостепенно предполагается начало и конец.

4. Гипертекст в конечном итоге более объективный, чем традиционный текст, т. к. в нём представлены разные точки зрения разных людей.

5. Гипертекст формирует различные виды информации: мультимедийная (видео, музыка), символьная и графическая (схемы, таблицы, графики).

Гипертекст делится на различные типы в соответствии с определёнными критериями. По характеру элементов он бывает сетевым и иерархическим. Сетевой гипертекст характеризуется развитой системой переходов между его элементами, представляя собой скопление информации. Иерархическая (древовидная) архитектура гипертекста ограничивает возможности передвижения по гипертексту. С точки зрения временных отношений, выделяют динамические и статические гипертексты. Статический гипертекст не изменяется в процессе использования, связи между компонентами гипертекста с самого начала заданы авторами (энциклопедии, электронные словари). Динамичный гипертекст, в свою очередь, имеет свойство изменяться. Такой гипертекст появляется каждый раз, когда к нему прибегает пользователь. Как правило, динамические гипертексты наблюдаются там, где требуется анализировать поток информации. Весь Интернет представляет собой динамический сетевой гипертекст [Степанова, 2011, с. 2].

1.3. Интернет-жанры [Internet genres]

Коммуникативное пространство Интернета также способствовало интенсивному развитию такого понятия как «Интернет-жанр». Существует несколько систем классификаций текста в Интернете по жанрам, в зависимости от типа субъектов, от времени общения, от мультимедийности, от открытости или закрытости сообщества и т. д. К основным жанрам мы можем отнести социальные сети, электронную почту, блог, чат и форум. Кратко скажем о каждом.

Сервисы, используемые для коммуникации в Интернет-пространстве, передают сообщения в режиме реального времени, либо с отсрочкой во времени. Итак, форум – это тематическое общение, для обмена жизненным опытом и поддержки друг друга советами. Интернет-чаты – средство обмена сообщениями по компьютерной сети парал-

тельно между несколькими пользователями в режиме реального времени, а также программное обеспечение, которое позволяет организовывать такое общение.

Электронная почта (e-mail или email) позволяет обмениваться сообщениями или документами без использования бумажных носителей. Согласно рейтингу, составленному согласно безопасности, фильтрации спама, удобства интерфейса, объёма ящика, наличию переводчика и сервиса проверки орфографии, хранилища файлов, работы в режиме офлайн, самыми популярными электронными почтами признаны Gmail, Яндекс.Почта, Mail.ru [infoselection.ru, 2019].

Блог – это веб-сайт с одним или несколькими участниками, главное содержимое которого – систематически добавляемые записи. Помимо обычного текста и гиперссылок, многие блоги содержат в себе текст, мультимедиа или изображения.

Ещё один вид Интернет-коммуникации, который набрал большую популярность в последнее десятилетие – это социальная сеть, представляющая собой ресурс, созданный с целью знакомства и общения людей с похожими интересами или социальными связями. Существует большое разнообразие таких сайтов, многие из которых отличаются своими характерными особенностями: *Facebook*, *Instagram*, *ВКонтакте* и другие.

Языковое пространство Интернета, стремительно развивающееся в последние годы, способствовало появлению такого явления как виртуальное жанроведение. Также в современной лингвистической науке встречается эквивалентный термин интернет-жанр. Отметим, что существует множество определений данному термину, но мы остановимся на одном понятии более известном среди лингвистов. Итак, это форма коммуникативного выражения виртуальной личности, реализующая особые замыслы пользователя Интернет-дискурса [Селютин, 2009, с. 135]. Существует следующая классификация жанров внутри различных дискурсов в Интернет-пространстве:

- 1) деловой дискурс: Интернет магазины, веб-страницы компаний, деловые электронные письма,
- 2) юридический дискурс: форумы юридической тематики; веб-страницы юридических фирм,
- 3) политический дискурс: веблоги, веб-страницы, форумы и чаты политической направленности,
- 4) персональный дискурс: личные чаты (ICQ) и групповые виды (веб-чат), форумы, персональные веб-страницы и веблоги, личные электронные письма, социальные сети,
- 5) массово-информационный дискурс: веб-страницы новостных учреждений и сетевых масс-медиа, список рассылки,
- 6) рекламный дискурс: электронные письма, рекламные веб-баннеры, контекстная и всплывающая реклама,
- 7) педагогический дискурс: чаты, форумы, многопользовательские миры образовательной направленности, академическая веб-страница (школы, университета и других образовательных организаций) [Шипицина, 2010, с. 112].

Разные интернет-дискурсы и их жанры изобилуют аббревиатурами, поэтому они и были взяты в качестве материала для настоящего исследования. Была поставлена цель определить частотность типов и видов сокращений и изучить особенности их использования в разных интернет-дискурсах.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Methods and material]

Материалом данного исследования являются тексты переписок в социальных сетях, чатах и форумах и разножанровые англоязычные тексты Интернет-пространства.

В первой части эксперимента проанализирована выборка аббревиатур из текстов переписок в социальных сетях, чатах и форумах (всего семь сайтов) для типологизации сокращений, используемых в вышеупомянутых текстах. Всего обнаружено 76 реализаций аббревиатур, которые были интерпретированы через призму трёх видов аббревиатур по классификации Иониной. Далее были детально изучены лексические, графические и буквенно-цифровые сокращения в шести интернет-дискурсах – юридическом, политическом, массово-информационном, персональном дискурсе социальной сети, рекламном и педагогическом – с учётом жанров. Для поиска аббревиатур методом сплошной выборки исследованы интерфейсы сайтов и вкладки главной страницы.

2.2. Аббревиатуры в социальных сетях, чатах и форумах [Abbreviations in social networks, chats, forums]

2.2.3. Буквенно-цифровые сокращения (по Иониной) [Alphanumeric abbreviations (according to Ionina)]

В экспериментальном материале были зафиксированы следующие виды буквенно-цифровых сокращений.

1. Одна буква (цифра) заменяет целое слово. Приведём примеры, обнаруженные в популярной социальной сети «ВКонтакте»:

- to – 2 (к);
- for – 4 (для);
- you too – U2 (ты тоже);
- too much information – 2MI (слишком много информации);
- face to face – F2F (с глазу на глаз, тет-а-тет);
- me too – ME2 (я тоже);
- any one – ANY1 (каждый);
- why – y (почему);
- you – u (ты) [ВКонтакте, 2019].

Из найденных примеров в количестве 9 единиц 2 примера – замена буквенного написания цифрами (по частичному совпадению в звучании, полными омофонами не являются), 5 примеров – сочетание букв с цифрами по созвучию части слова, и 2 примера замены слова буквой, имеющей алфавитное прочтение аналогичное слову. Этот способ является предпочтительным для замены служебных слов: предлогов *for*, *to*, частицы *too*, и некоторых односложных знаменательных частей речи: местоимения *you*, числительного *one*.

2. Одна буква (цифра) заменяет часть слова. Эти сокращения были замечены в крупнейшей социальной сети *Facebook*:

- mate – M8 (товарищ);
- wait – W8 (подожди);
- threesome – 3SUM (тройка);
- hate – H8 (ненавидеть);
- forever – 4eva (навсегда);
- today – 2day (сегодня);
- forget – 4GET (забудь);
- before – BE4 (перед);
- great – GR8 (восхитительно);
- too good to be true – 2G2BT (слишком хорошо, чтобы быть правдой);
- tomorrow – 2moro (завтра);
- tonight – 2nite (вечером);
- later – L8R (позже) [Facebook, 2019].

Данные сокращения встретились в знаменательных частях речи, в дву- и более сложных словах или целых фразах. Во всех 13 случаях часть слова была заменена на ей созвучную цифру, в 3 примерах наблюдалась замена буквой, e.g. *later* – *L8R*.

3. Удаления гласных букв. Примеры таких аббревиатур были обнаружены на форуме MasterRussian.NET:

B (be) – быть;
MSG (message) – сообщение;
PLS, PLZ (please) – пожалуйста;
PPL (people) – люди;
R (are) – быть;
SPK (speak) – говори;
TXT (text) – текст;
WKND (weekend) – выходные;
FRND (friend) – друг;
HWRK (homework) – домашнее задание;
XLNT (excellent) – превосходно [Masterrussian, 2019].

Несмотря на то, что данные слова усекаются, теряя гласные, они сохраняют значение полного слова. Этот приём широко известен переводчикам-синхронистам, которые используют скоропись в своей профессиональной деятельности. Некоторые аббревиатуры, созданные таким способом, широко используются в определённой сфере, например *txt* – формат расширения документа в программировании.

Таким образом, буквенно-цифровые сокращения – распространённый способ общения в социальных сетях, форумах, чатах. В ходе исследования найдено и проанализировано 33 сокращения, попадающих под данную классификацию, из них 3 слова – частица и предлоги, остальные – знаменательные части речи. Из аббревиатур первых двух видов 9 примеров содержат слова или части слов, созвучные *two*, 5 – *eight*, 4 – *four*, числительные *one* и *three* встретились по одному разу. Всего в 22 аббревиатурах слова или их части были заменены цифрами, в двух случаях имела место замена слова на букву. Аббревиатур третьего вида было обнаружено 11 единиц.

2.2.4. Графические аббревиатуры [Graphic abbreviations]

Анализ новостного блога *Techcrunch* позволил обнаружить особый тип аббревиатур, который характерен для английского языка – сокращения на письме латинских слов, которые читаются не как латинские слова, а переводятся на английский язык (3 единицы): *etc.* (от лат. *et cetera*); *i. e.* (от лат. *id est*.); *P.S.* (от лат. «*post scriptum*»).

Найдены аббревиатуры, относящиеся к разным семантическим группам, которые в устной речи произносятся как полные формы слов(а). Приведём примеры из новостного блога *Techcrunch*:

Blvd. (boulevard) – бульвар;
St. (Saint / Street) – святой или улица;
Ave. (avenue) – проспект;
Rd. (road) – дорога;
Sq. (square) – площадь;
Bldg. (building) – здание;
*M. A.*¹ (Master of Arts) – магистр искусств;
*Ph. D.*² (Doctor of Philosophy) – кандидат наук.

¹ Появилась как графическая, так как в устной речи требовала полного произнесения слов. В современном разговорном языке возможно использование их как лексических.

² Аналогично

Co (company) – компания;
Appx. (appendix) – приложение;
PA (personal assistant) – личный помощник;
Re. (reply) – ответ;
p. (page) – страница;
smb. (somebody) – кто-то;
smth. (something) – что-то [techcrunch.com, 2019].

Найдено 15 таких аббревиатур. Они используются в деловой переписке или в специализированных блогах. Эти графические аббревиатуры известны широкому кругу носителей языка; при необходимости их можно найти в словарях, поскольку они являются общепринятыми.

2.2.5. Лексические аббревиатуры [Lexical abbreviations]

Следующий тип сокращений, обнаруженный в ходе исследования Интернет-пространства – лексические аббревиатуры, среди которых наиболее распространёнными оказались инициальные с буквенным прочтением. Специфика данного вида состоит в том, что наряду с известными широкому кругу лиц аббревиатурами существуют слова, которые расшифровать бывает практически невозможно без детального разбора, поскольку они зачастую служат кодом, известным определённому кругу коммуникантов. Рассмотрим некоторые примеры с форума Australia-ru (всего 18 единиц):

IT (information technology) – информационные технологии;
DVD (Digital Video Disk) – цифровой видео диск;
TIA (thanks in advance) – заранее спасибо;
GL (good luck) – удачи;
GLA (good luck all) – всем удачи;
GB (good bye) – пока
TTY (talk to you later) – поговорим позже, созвонимся;
BTW (by the way) – кстати, между прочим;
AFK /AFTK (away from the keyboard) – вдали от клавиатуры, т. е. меня нет за клавиатурой;
UC (you see) – видишь ли;
IC (I see) – понятно, понял(а), понимаю.
ATB (all the best) – всего наилучшего;
ATM (at the moment) – в данную минуту, сейчас;
FYI (for your information) – информация для вас, к вашему сведению;
GG (good game) – хорошая игра;
NP (no problem) – нет проблем;
GMAVB (give me a break) – Дай мне отдохнуть [The Tourist Guidebook Australia.ru, 2019].

Далее рассмотрим примеры, взятые с форума *Interpals.net*, который предназначен для онлайн-переписки, культурного обмена и изучения иностранных языков. Они представляют собой акронимы (8 единиц):

HAND [hænd] (have a nice day) – удачного дня;
*CD-ROM*³ [sidi-rɒm] (Compact Disk Read Only Memory) – компакт-диск;
IMO [ɪməʊ] (in my opinion) – по-моему мнению;
IMHO [ɪmhəʊ] (in my honest opinion) – на мой взгляд, по-моему (устойчивое выражение);
AFAIK [əfeɪk] (as far as I know) – насколько мне известно;

³ Здесь первая часть (CD-) инициальное буквенное сокращение, а вторая – классический акроним.

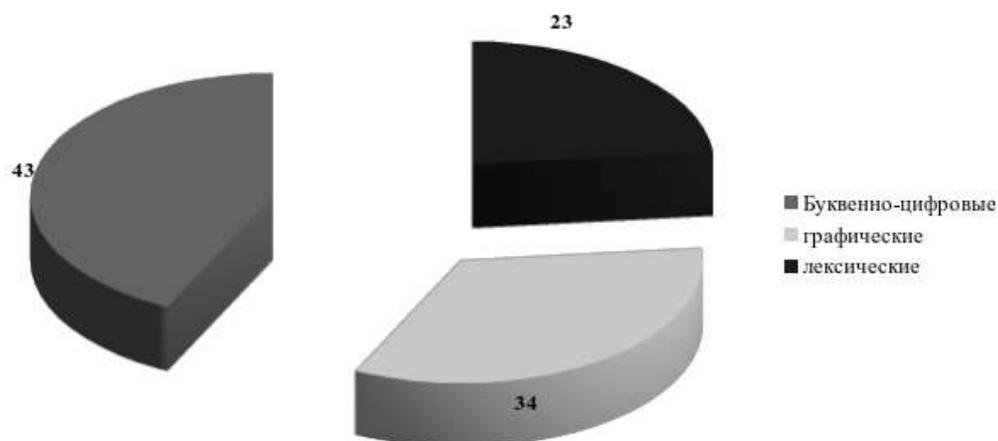
CAPTCHA [kæpʃə] (completely automated public Turing Test to tell computers and humans apart) – капча – компьютерный тест, используемый для того, чтобы определить, кем является пользователь системы: человеком или компьютером;

ROFL [rɒlf] (rolling on the floor laughing) – кататься от смеха;

SCUBA [skubə] (self-contained underwater breathing apparatus) – акваланг [interpals.net, 2019].

Проанализировав список лексических сокращений, состоящий из 26 примеров, можно выделить часть инициализмов, получивших широкое применение, например, IT (information technology), *DVD* (Digital Video Disk). Часть приведённых примеров создана по созвучию с существующими словами, имеющими совсем другую семантику *HAND* (have a nice day) или другую, более привычную расшифровку *ATM* (at the moment) – *ATM* (asynchronous transfer mode) – сетевая высокопроизводительная технология коммутации и мультиплексирования пакетов.

Таким образом, завершив первую часть исследования, приходим к выводу, что изученные сайты соцсетей, форумов и чатов содержат все типы сокращений: буквенно-цифровые, графические, лексические. Самыми частотными оказались буквенно-цифровые сокращения (33 единицы), далее лексические (26 единиц), затем графические (18 единиц). Процентное соотношение показано на круговой диаграмме (рис. 1).

Р и с у н о к 1. **Использование сокращений в соцсетях, чатах и на форумах (%)**
[F i g u r e 1. **The use of abbreviations in social networks, chats and forums (%)**]

2.3. Жанровая специфика в разных интернет-дискурсах [Genre specificity in different Internet]

Следующим этапом исследования был анализ использования аббревиатур (57 единиц) в шести разножанровых интернет-дискурсах. Юридический дискурс был рассмотрен на примере веб-страницы юридической фирмы *Clifford Chance*. Уже на главной странице мы замечаем первую графическую аббревиатуру *M&A* (mergers and acquisitions) в контексте “*We explore the trends that will shape M&A in 2018*”. Данное сокращение можно передать на русском как «слияние и приобретение компаний». Переходя по различным разделам сайта, мы находим ещё и другие буквенные инициальные сокращения:

USD (United States Dollar) – доллар США, аббревиатура использована с целью показать стоимость ранее проведённых юридических дел одного из ведущих специалистов компании;

TMT (telecommunications) – средства массовой информации и технологии. Термин используется для описания опыта работы юридической фирмы в различных сферах, а именно в телекоммуникации;

PFI (private finance initiative) – частное финансовое объединение. Аббревиатура найдена в разделе успехов и использована с целью сослаться на организацию, выдавшую награду для вышеупомянутой юридической фирмы “Ghana: PFI Awards 2016”.

AI (artificial intelligence) – искусственный интеллект;

LSE (London school of economics) – Лондонская школа экономики

На сайте обнаружены общепринятые графические сокращения географических названий: *US*, *UK*. Акроним найден один: *IPO* (initial public offering) – Первичное публичное предложение.

Всего на странице сайта обнаружено 8 сокращений, 1 из которых является акронимом, 2 – общепринятыми графическими сокращениями географических названий и 5 – инициальные аббревиатуры с буквенным чтением, широко используемые в юридическом дискурсе [cliffordchance, 2019].

Источником политического дискурса послужил политический блог Тома Уотсона, заместителя лидера Лейбористской партии Великобритании. Здесь уже на главной странице в одном из последних постов под названием *Secrets, money and lies* мы замечаем первую инициальную аббревиатуру *OPCW* (Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons – 'Организация по запрещению химического оружия'), которую использует автор блога. Данное лексическое сокращение достаточно узнаваемо и взято из контекста “... attempt to hack the *OPCW*, which was itself probing the Skripal poisonings in Salisbury”. Следующая аббревиатура *DCMS* найдена в другом посте *The great Tory betrayal*. Данное сокращение включает в себя больше десяти разных понятий, поэтому для полного понимания его смысла необходимо внимательно вчитываться в контекст нескольких предложений *In the House. I raised the question of whether the DCMS Secretary had met with Davies since taking office* [tom-watson.com/blog, 2019]. Полная расшифровка данного инициального сокращения на английском языке выглядит как *The Department for Culture, Media and Sport* – 'Департамент культуры, средств массовой информации и спорта'. Помимо этих сокращений были найдены 3 графические аббревиатуры. Таким образом, здесь мы видим небольшое количество использованных сокращений – всего 5 единиц, из них 2 инициальные аббревиатуры и 3 графические.

Персональный дискурс рассмотрен на примере персональной веб-страницы известного фотографа Мурада Османна в социальной сети «Инстаграм». Первая лексическая инициальная аббревиатура *CQIFS* встречается в описании фотографии. Сокращение обнаружено в контексте *Thanks to the guys from CQIFS for inviting us to experience the city*, которое можно расшифровать как *Chongqing International Finance Square* 'Чунцинская международная финансовая площадка' [instagram.com, 2019]. Также найден акроним *POTD* (Photo of the Day – 'фотография дня'). Данный хэштэг (метка) ставится, если фотография, которую пользователь опубликовал у себя, по его мнению, является лучшей. Страница в Инстаграме представляет текст социальной сети, где мы предполагали обнаружить множество сокращений, но нашли только 1 акроним, представленный выше, и 4 графических сокращения, обычных для письменного текста.

Массово-информационный дискурс через веб-страницы сетевых СМИ рассмотрен на примере новостного сайта *ABC NEWS*. Уже на первых страницах новостной ленты мы замечаем интенсивное использование сокращения *ET* (Eastern Time – Восточное время, т. е. часовой пояс) при опубликовании всех статей. Данная инициальная аббревиатура позволяет читателю отслеживать время выхода новостной статьи, таким образом быть более осведомлённым в каком-либо известии. Кроме того,

зафиксировано графическое сокращение *Rep.* (Representative) в контексте статьи *Incoming House Oversight Committee Chair Rep. Elijah Cummings and incoming House Judiciary Committee Chair Rep. Jerrold Nadler...* [ABCnews, 2019]. Данное сокращение имеет значение 'конгрессмен' или 'член палаты представителей'; оно было многократно использовано в статье с целью подчеркнуть звание и статус политика.

На странице сайта найдены часто употребляемые лексические сокращения: *FAQ*, *US*, *WH*, графические аббревиатуры *Mar*, *Apr*, *am*, *pm*, *CA*, *St*. Всего обнаружено 9 аббревиатур разного типа и вида, из них 6 графических, 1 акроним, 2 буквенных инициализма.

Рекламный дискурс был рассмотрен на примере разнообразных рекламных объявлений в Интернет-пространстве. На одном из просматриваемых нами сайтов была замечена всплывающая реклама от сайта по продаже недвижимости США, где содержались сокращения *min.price* и *max.price* [mansionglobal.com, 2019]. Такие графические сокращения являются достаточно популярными широкому кругу обозревателей и даже известны многим людям, не владеющим английским языком. Отмечены также графические сокращения географических названий: *DC*⁴ (District of Columbia) – округ Колумбия; *WA* (Washington) – Вашингтон; *NW* (Northwest) – Северо-Запад; *N* (North) – Север. На сайте отмечены акронимы: *RADAR* (Radio Detection And Ranging) – радар; *E-FIT* (electronic facial identification technique) – техника создания фоторобота.

Встретилась также контекстная реклама, где обнаружилась лексическая частично-сокращенная аббревиатура *App store* (Application). Это онлайн-магазин, содержащий различные приложения для мобильных телефонов марки iPhone. Такого же типа сокращения *Pro*, *Mac* – частичное усечение слова, а именно, усечение конца слова.

Всего в рекламном дискурсе найдено 7 графических сокращений, 2 акронима, 3 усечения части слова [apple.com, 2019].

Представим последний в нашем списке жанр текста Интернет-пространства – педагогический дискурс на примере академической страницы. Для анализа сокращений был выбран сайт Итонского колледжа, где уже в основных разделах замечаем первую лексическую инициальную аббревиатуру *OEs* или *OEA* (Old Etonian Association-Ассоциация выпускников Итона). Данный раздел создан с целью введения в краткий обзор истории Ассоциации, а также для информирования всех заинтересованных лиц. В другом разделе сайта «Школьная жизнь» есть подраздел, содержащий в своём названии инициальную аббревиатуру *CCF* (The Combined Cadet Force). Найденное сокращение можно перевести как 'Объединённый кадетский корпус' [etoncollege.com, 2019]. Кроме упомянутых сокращений были найдены многочисленные сокращения, связанные с организацией обучения и досуга в Итоне: лексические инициальные: *TVLP* – Thames Valley Learning Partnership, *ECMS* – Eton College Music Society, *EAP* – Eton Aspiration Project; лексическая аббревиатура (сокращение частей слов) *VocSoc* – Eton's Career Society; общепринятые акронимы – *SAT*, *ACT* (экзамены); графические аббревиатуры – *Dr*, *Mrs*. В данном жанре найдено и проанализировано 18 сокращений, из них 8 акронимов (4 – общепринятых, 5 – связанных с жизнью Итона), 7 лексических инициальных и 3 графические. Количественные параметры по изученным дискурсам представлены в таблице 2.

Итак, наибольшее количество аббревиатур было обнаружено в педагогическом интернет-дискурсе – 18 сокращений. Из них наиболее частотными были акронимы (большая часть (45%) и лексические аббревиатуры (38%), количество географических аббревиатур в данном типе дискурса невелико (17%). Второе место по количеству сокращений занимает рекламный интернет-дискурс. Здесь встретилось 12 сокращений, большая часть из которых (58%) – графические сокращения, четверть от общего количества (25%) составляют усечения части слова и наименьшую часть – акронимы (17%).

⁴ И вновь изначально графическая аббревиатура перешла в лексические инициальные.

В массово-информационном и юридическом интернет-дискурсах встретилось примерно одинаковое количество аббревиатур – 9 и 8 соответственно, однако распределение типов аббревиатур внутри дискурсов различается. Так, в массово-информационном интернет-дискурсе наибольшее количество аббревиатур (67%) – графические, чуть меньше четверти (22%) – лексические сокращения с буквенным чтением, наименьшее количество (11%) составляют акронимы. Текст юридического интернет-дискурса содержит 8 сокращений, наиболее широко здесь употребляются лексические аббревиатуры с буквенным чтением (на данный тип сокращений приходится наибольшая доля – 62%), четверть сокращений (25%) составляют общепринятые графические сокращения географических названий, наименьшее количество (13%) составляют акронимы. Дискурсами с наименьшим количеством сокращений (по 5 в каждом) являются персональный и политический. Для персонального и политического интернет-дискурсов, как для рекламного и массово-информационного, характерно большое количество графических сокращений. Однако в персональном интернет-дискурсе их доля выше и составляет 80% (ср. 67% в массово-информационном, 60% в политическом и 58% в рекламном дискурсе). Оставшаяся доля (20%) в персональном интернет-дискурсе, приходится на акронимы, а в политическом (40%) – на лексические аббревиатуры с буквенным чтением.

Т а б л и ц а 2. Типы сокращений в англоязычных интернет-дискурсах
[Table 2. Types of abbreviations in English internet-discourses]

Дискурс	Аббревиатуры				
	Всего	акронимы	графические сокращения	лексические сокращения с буквенным чтением	частично-сокращённые слова (усечение)
педагогический	18	8 (45%)	3 (17%)	7 (38%)	0
массово-информационный	9	1 (11%)	6 (67%)	2 (22%)	0
рекламный	12	2 (17%)	7 (58%)	0	3 (25%)
юридический	8	1 (13%)	2 (25%)	5 (62%)	0
персональный	5	1(20%)	4 (80%)	0	0
политический	5	0	3 (60%)	2 (40%)	0

Анализ частотности употребления видов сокращений, позволяет говорить о том, что большая часть сокращений (чуть меньше половины от общего количества – 44% от 57 найденных примеров) приходится на графические сокращения с буквенным чтением; чуть более / около четверти – на лексические аббревиатуры (28%) и акронимы (23%); незначительное количество составляют усечения части слова (5%).

3. Заключение [Conclusion]

Подводя итог, можно отметить следующее. В данной работе было представлено описание проведённого исследования употребления различного типа сокращений в англоязычных разножанровых текстах 6 видов дискурсов интернет-пространства. В начале исследования были продемонстрированы типы сокращений и особенности их употребления на примере текстов социальных сетей, форумов и чатов. Был сделан вывод о том, что изученные сайты содержат все типы сокращений: буквенно-цифровые, графические, лексические. Анализ 76 сокращений на примере гипертекста показал наибольшую частотность буквенно-цифровых сокращений, далее следовали аббревиатуры

графического типа и лексические сокращения. При более подробном рассмотрении видов и разновидностей сокращений аббревиатуры с заменой слова или его части на цифру, инициальные аббревиатуры и сокращения за счёт удаления гласных букв оказались самыми распространёнными (в порядке убывания).

Далее было проанализировано 57 сокращений в 6 интернет-дискурсах: юридическом, политическом, персональном, массово-информационном, рекламном и педагогическом, каждый из которых в свою очередь представлял следующие жанры: деловое электронное письмо, сайт юридической фирмы, политический блог, персональную страницу популярного человека в «Инстаграм», веб-страницу сетевых СМИ, академическую страницу учебного заведения. Было выявлено, что, в целом по сумме типов лексические аббревиатуры преобладают над графическими (56% vs 44%). В целом по видам и разновидностям, чаще всего встречаются графические аббревиатуры, далее – лексические инициальные буквенные, затем – акронимы, последние – частично сокращённые. Однако в конкретных дискурсах распределения значительно варьируют, демонстрируя большую силу влияния фактора «интернет-дискурс».

Проведённое исследование не ставит точку в изучении особенностей использования различного типа сокращений в разножанровых интернет-дискурсах и предполагает дальнейший анализ на более объёмном материале с большим количеством образцов жанров для достижения большей репрезентативности и сбалансированности данных.

Список литературы

- Алексеев, 2014 – Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегород. Лингвистич. ун-та. 2014. № 28. С. 13–18.
- Арнольд, 2012 – Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М. : Наука, 2012. 376 с.
- Ахманова, 2010 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Либроком, 2010. 576 с.
- Барина, 2008 – Барина С. О. Слоговые и сложнослоговые английские сокращения, используемые в сети Интернет // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 67. С. 18–20.
- Вконтакте, 2019 – Вконтакте. URL : <https://vk.com> (дата обращения : 27.10.19)
- Горошко, 2010 – Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5 / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел : Картуш, 2007. С. 223–237.
- Дубенец, 2002 – Дубенец Э. М. Лексикология современного английского языка. М. : Глосса-Пресс, 2002. 204 с.
- Жаркова, 2012 – Жаркова Т. И. Аббревиатура в межкультурной деловой коммуникации // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2. С. 22–27.
- Ефремова, 2012 – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М. : Астрель, 2012. 1209 с.
- Ионина, 2008 – Ионина А. А. Особенности современного текстового мышления. SMS-язык // Вестник МПГУ. 2008. № 2. С. 19–23.
- Карашук, 2007 – Карашук П. М. Словообразование английского языка: учеб. пособие. М. : Высшая школа, 2007. 303 с.
- Лутовинова, 2009 – Лутовинова О. В. Гипертекст: понятия, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2009. № 5 (39). С. 4–7.
- Майнагашев, 2014 – Майнагашев, М. И. Английские сокращения в сети Интернет (на материале чатов и форумов) // Алые паруса. Проект для одаренных детей. – 2014. – URL : <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/09/13/maynagashhev-m-angliyskie-sokrashcheniya-v-seti-internet-na-materiale> (дата обращения : 11.07.19).
- Мартине, 2009 – Мартине А. Основы общей лингвистики. М. : Либроком, 2009. 224 с.
- Миньяр-Белоручев, 1996 – Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М. : Московский Лицей, 1996. 298 с.

- Никитюк, 2012 – Никитюк, Е. Слишком много информации // Медицинская карта. 2012. URL : <http://www.gogetaway.com/page/slishkom-mnogo-informacii> (дата обращения : 25.11.19).
- Новик, Суханова, 2003 – Новик Т. В., Суханова В. А. Толковый словарь иностранных слов в русском языке. Смоленск : Русич, 2003. 592 с.
- Прошина, 2017 – Прошина А. В. Особенности гипертекста // Интерактивная наука. 2017. № 2. С. 167–171. doi :10.21661/r-117310.
- Селютин, 2009 – Селютин А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 35 (173). С. 138–141.
- Смирницкий, 1998 – Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М. : МГУ, 1998. 260 с.
- Степанова, 2011 – Степанова А. А. Особенности речевого воздействия в гипертексте (на материале англоязычных электронных газет) // Magister Dixit. 2011. № 4. С. 147–151.
- Шеляховская, 2004 – Шеляховская, Л. А. Вопросы словообразования и фразеологии. Фрунзе : Кирг. ГУ, 2004. 165 с.
- Шипицина, 2010 – Шипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М. : Красанд, 2010. 296 с.
- Ярцева, 2002 – Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Большая Российская Энциклопедия, 2002. 709 с.
- ABCnews, 2019 – ABCnews. URL : <https://abcnews.go.com> (дата обращения : 10.09.19).
- apple.com, 2019 – apple.com. URL : <https://www.apple.com/ru/iphone> (дата обращения : 08.09.19).
- cliffordchance, 2019 – cliffordchance. URL : <https://www.cliffordchance.com/home.html> (дата обращения : 05.08.19).
- etoncollege.com, 2019 – etoncollege.com. URL : <https://www.etoncollege.com/InspectionReports.aspx> (дата обращения : 30.08.19).
- Facebook, 2019 – Facebook. URL : <https://ru-ru.facebook.com> (дата обращения : 02.09.19).
- infoselection.ru, 2019 – infoselection.ru. URL : <https://infoselection.ru/infokatalog/internet-i-programmy/internet-osnovnoe/item/613-pochtovye-servisy-luchshie> (дата обращения : 14.11.19).
- instagram.com, 2019 – instagram.com. URL : <https://www.instagram.com/muradosmann> (дата обращения : 14.11.19).
- interpals.net, 2019 – interpals.net. URL : <https://www.interpals.net> (дата обращения : 29.09.19).
- Langformula, 2019 – Langformula. URL : <https://langformula.ru/business-email-in-english> (дата обращения : 26.07.19).
- mansionglobal.com, 2019 – mansionglobal.com. URL : <https://www.mansionglobal.com/newyork/1030151-11-east-29th-street-10016> (дата обращения : 01.11.19).
- MasterRussian, 2019 – MasterRussian. URL : <http://masterrussian.net/forum.php> (дата обращения : 13.06.19).
- techcrunch.com, 2019 – techcrunch.com. URL : <https://techcrunch.com> (дата обращения : 30.09.19).
- The Tourist Guidebook Australia.ru, 2019 – The Tourist Guidebook Australia.ru. URL : <http://australia.ru.com> (дата обращения : 26.05.19).
- tom-watson.com/blog, 2019 – tom-watson.com/blog. URL : <https://www.tom-watson.com/blog> (дата обращения : 03.11.19).

UDC 811.11-112

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_116_132

Nataliya V. Matveeva
Sterlitamak branch of the Bashkir State University
Sterlitamak, Russian Federation
n.v.matveeva@strbsu.ru

Lexical abbreviation in English texts of the Internet

Abstract

This article investigates abbreviations in different Internet discourse types and genres. For the study, continuous sampling method was used to select 76 abbreviations in hypertexts from 7 Internet English-language sites. The

selected units were classified into 3 basic types with further subdivisions: letter-number (figure-for-word, figure-for-word-part, contractions as a result of vowel deletion), graphical (both Latin and English) and lexical (acronyms, initialisms, shortening and partial shortening) abbreviations based on the classification adopted in this research. Among the subdivisions, abbreviations involving figures, initialisms and contractions turned out the most frequent. Most of them were found in social networks, blogs, chats and forums.

Further, abbreviations were analyzed in 6 types of Internet discourse: legal, political, personal, mass media, advertising and pedagogical. Particular genres representing the types were studied: a business email, a law firm's website, a political blog, an Instagram personal page, a network media web page, and an academic institution's page. It was discovered that on the whole (among 57 examples), lexical abbreviations prevail over graphical ones (56% vs 44%). On the whole, 44% were graphical abbreviations, 28% – initialisms, 23% – acronyms and 5% – shortenings. However, in each discourse, the distribution demonstrated considerable variation. This means that the magnitude of the Internet discourse type effect is very high.

Further studies are needed to enlarge the number of examples with the increase in the amount of genres and their samples to achieve better balance.

Keywords: abbreviation, hypertext, Internet-discourse type, Internet-genre, distribution.

© Matveeva N. V. 2021

For citation: Matveeva, N. V. Leksicheskie sokrashcheniya v angloyazychnykh tekstakh internet-prostranstva [Lexical abbreviation in English texts of the Internet]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 116–132. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_116_132.

References

- Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh. [Lexical shortenings in Germanic languages: History of research]. *Vestnik Nizhegorod. Lingvisticheskogo universiteta* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin], 28, 13–18.
- Arnol'd, I. V. (2012). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of modern English]. Moscow : Nauka Press.
- Akhmanova, O. S. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Librokom Press.
- vkontakte. Retrived October 27, 2019 from <<https://vk.com>>.
- Barinova, S. O. (2008). Slogovye i slozhnoslogovye angliyskie sokrashcheniya, ispol'zuemye v seti Internet [Syllabic and complex-syllabic English abbreviations, used in Internet]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 67, 18–20.
- Goroshko, E. I. (2007). Lingvistika Interneta: formirovanie distsiplinarnoy paradigmy. [Linguistics of the Internet: formation of discipline paradigm]. In A. G. Pastukhov (ed.), *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediyom diskurse* [Genres and types of a text in scientific and media discourse] (pp. 223–237). Orel : Orel State Institute of Culture.
- Dubenets, E. M. (2002). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of the modern English language]. Moscow : Glossa-Press.
- Zharkova, T. I. (2012). Abbreviatura v mezhkul'turnoy delovoy kommunikatsii [Abbreviation in intercultural business communication]. *Vestnik Irkutskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk Linguistic State University], 2, 22–27.
- Efremova, T. F. (2012). *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow : Astrel' Press.
- Ionina, A. A. (2008). Osobennosti sovremennogo tekstovogo myshleniya. SMS-yazyk [Peculiarities of the modern text mentality. SMS-language]. *Vestnik Moskovskogo Pedagogicheskogo Gorodskogo Universiteta* [Vestnik of Moscow City University], 2, 19–23.
- Karashchuk, P. M. (2007). *Slovoobrazovanie angliyskogo yazyka* [Word building in English]: A coursebook. Moscow : Vysshaya shkola Press.

- Lutovinova, O.V. (2009). Gipertekst: ponyatiya, osnovnye kharakteristiki, vozmozhnye podkhody k lingvisticheskomu analizu [Hypertext: Its concept, general characteristics and possible approaches to linguistic analysis]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 5 (39), 4–7.
- Mainagashev, M. (2014). Angliyskie sokrashcheniya v seti Internet [English abbreviations in the Internet]. Retrived July 11, 2019 from <<https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/09/13/maynagashev-m-angliyskie-sokrashcheniya-v-seti-internet-na-materiale>>.
- Martine, A. (2009) Osnovy obshchey lingvistiki [The Basics of linguistic studies]. Moscow : Librokom Press.
- Min'yar-Beloruhev, R. K. (1996). Teoriya i metody perevoda [Theory and methods of translation]. Moscow : Moskovskiy Litsey Press.
- Nikityuk, E (2012). Slishkom mnogo informatsii [Too much information]. *Meditinskaya karta* [Medical record]. Retrieved November 25, 2019 from <<http://www.gogetaway.com/page/slishkom-mnogo-informacii>>.
- Novik, T. V., Sukhanova, V. A. (2003). *Tolkovyy slovar' inostrannykh slov v russkom yazyke* [The explanatory dictionary of foreign words in Russian]. Smolensk : Rusich Press.
- Proshina, A. V. (2017). Osobennosti giperteksta [The peculiarities of hypertext]. *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], 2 (12), 167–171. doi :10.21661/r-117310.
- Selyutin, A. A. (2009). Zhanry kak forma kommunikativnogo vyrazheniya onlaynovoy lichnosti [Genres as a form of communicative expression of online personality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [CSU Bulletin], 35 (173), 138–141.
- Smirnitkiy, A. I. (1998). *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [English lexicology]. Moscow : Moscow State University Press.
- Stepanova, A. A. (2011). Osobennosti rechevogo vozdeystviya v gipertekste (na materiale angloyazychnykh elektronnykh gazet) [Distinctive features of verbal manipulation in hypertext (Based on English electronic newspapers)]. *Magister Dixit*, 4, 147–151.
- Shelyakhovskaya, L. A. (2004). *Voprosy slovoobrazovaniya i frazeologii* [The issues of word building and phraseology]. Frunze : Kyrgyz State University.
- Shipitsina, L. YU. (2010). *Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: Lingvisticheskiy aspekt analiza* [Computer-based communication: Linguistic aspect of analysis]. Moscow : Krasand Press.
- Yartseva, V. N. (2002). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Press.
- ABCnews. Retrieved September 10, 2019 from <<https://abcnews.go.com>>.
- apple.com. Retrieved September 08, 2019 from <<https://www.apple.com/ru/iphone>>.
- Cliffordchance. Retrieved August 05, 2019 from <<https://www.cliffordchance.com/home.html>>.
- etoncollege.com. Retrieved August 30, 2019 from <<https://www.etoncollege.com/InspectionReports.aspx>>.
- facebook. Retrived Septermber 2, 2019 from <<https://ru-ru.facebook.com>>.
- infoselection.ru Retrieved November 14, 2019 from <<https://infoselection.ru/infokatalog/internet-i-programmy/internet-osnovnoe/item/613-pochtovye-servisy-luchshie>>.
- instagram.com. Retrieved November 14, 2019 from <<https://www.instagram.com/muradosmann>>.
- interpals.net. Retrived September 29, 2019 from <<https://www.interpals.net>>.
- Langformula. Retrieved July 26, 2019 from <<https://langformula.ru/business-email-in-english>>.
- mansionglobal.com. Retrived November 01, 2019 from <<https://www.mansionglobal.com/newyork/1030151-11-east-29th-street-10016>>.
- MasterRussian. Retrieved June 13, 2019 from <<http://masterrussian.net/forum.php>>. The Tourist Guidebook Australia.ru. Retrived May 26, 2019 from <<http://australia-ru.com>>.
- tom-watson.com/blog. Retrieved November 03, 2019 from <<https://www.tom-watson.com/blog>>.
- techcrunch.com. Retrieved September 30, 2019 from <<https://techcrunch.com>>.

Медведева Диана Игоревна
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск, Российская Федерация
diami@mail.ru

Концептуализация гордости в русской и сербской лингвокультурах (на материале лексических и фразеологических единиц)

Аннотация

В статье представлен сопоставительный анализ русского концепта *гордость* и его сербского аналога *пднос*. В настоящем исследовании используется комплексная методика концептуального анализа, которая включает в себя анализ внутренней формы имён концептов, изучение обобщенных дефиниций из толковых словарей с целью выявления понятийного ядра концептов и выделения основных концептуальных признаков, а также анализ образной и ценностной составляющих концептов на материале фразеологии. В результате было установлено, что понятийное ядро изучаемых концептов, практически идентично в двух лингвокультурах, и в нём на 75% преобладают позитивные концептуальные признаки. В ходе исследования обнаружено, что в обеих исследуемых лингвокультурах имеются парные концепты: рус. *гордость*, *гордыня*; серб. *пднос*, *гордост*, различающиеся употребительностью, коннотациями и принадлежностью к разным типам дискурса (светскому либо религиозному). В целом, исследование концептуализации гордости в русской и сербской лингвокультурах позволило выявить как сходства, так и различия в структуре концептов. В понятийном ядре преобладают сходства, различия проявляются в образной и ценностной составляющих концептов.

Ключевые слова: концепт, *гордость*, *пднос*, русская лингвокультура, сербская лингвокультура, сопоставительный анализ.

© Медведева Д. И. 2021

Для цитирования: Медведева Д. И. Концептуализация гордости в русской и сербской лингвокультурах (на материале лексических и фразеологических единиц) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 133–143. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_133_143.

1. Введение [Introduction]

Своеобразие концептуализации *гордости* в русском языке и культуре, в том числе в сопоставлении с другими лингвокультурами, привлекало внимание известных лингвистов XX – начала XXI века: А. Вежбицкой, В. В. Колесова, Ю. Д. Апресяна, В. И. Карасика, А. Д. Шмелева. Предметом сопоставительных исследований чаще всего становились *гордость* и аналогичный концепт англоязычной культуры [Карасик, 2018; Малахова, 2011] и др. В статье О. А. Кузнецовой, посвященной итальянскому концепту *orgoglio* на фоне русского аналога *гордость*, высказывается мысль об исторической обусловленности восприятия русского концепта классовым делением общества на элиту и народные массы. «В русском национальном сознании данное понятие неоднозначно с точки зрения оценки: традиционное народное понимание *гордости* как одного из смертных грехов сочетается в сознании носителей русской культуры с элитарной трактовкой этого качества как проявления чувства собственного достоинства, самостояния человека. Такая дихотомия получила развитие в XVIII–XIX вв.» [Кузнецова, 2012, с. 15].

Наиболее широкая панорама языков представлена в исследовании А. Вежбицкой, причем большинство рассматриваемых ею лингвокультур, кроме англоязычной с кон-

цептом *pride*, содержат парные концепты: франц. *fierté* – *orgueil*, рус. *гордость* – *гордыня*, польск. *duma* – *pycha* [цит. по : Зализняк и др., 2012, с. 261]. В большинстве исследований российских лингвистов *гордость* также рассматривается в сопоставлении с *гордыней*, и в них обязательно учитывается наличие двух дискурсов, соответствующих разным этическим системам: светской и религиозной, христианской. Как пишет А. В. Санников, наивно-языковые представления констатируют близость адекватно-высокой и завышенной самооценки... Показательно существование таких пар, как уверенность в себе – самоуверенность, гордость – гордыня, самолюбие – себялюбие: первые члены пары указывают на нормальную самооценку, вторые – на преувеличенную [Апресян и др., 2006, с. 408] По словам В. В. Колесова, западный человек постоянно смешивает то, что у русских этически разделено на *гордыню* и *гордость*. Гордыня осуждается, поскольку представляет собой богочеловеческое самозванство, лишённое смирения. Раздвоение на гордость и гордыню произошло по общему правилу удвоения сущностей в зависимости от их обращенности к Богу или к человеку [Колесов, 2006, с. 348]. А. Д. Шмелев характеризует концепт *гордость* следующим образом: «Гордость как актуальное чувство возникает в каком-то смысле независимо от воли субъекта и потому практически не подлежит этической оценке как таковое, если не ведет к высокомерному поведению в отношении других людей. Гордость как общая установка безусловно осуждается традиционной христианской этикой, согласно которой она представляет собой первый из смертных грехов, «демонскую твердыню», и скорее одобряется современной секулярной этикой, сближаясь с такими концептами, как чувство собственного достоинства («не буду перед ним унижаться!») – опять-таки при условии, что не питается сознанием своего превосходства и не приводит к высокомерному поведению» [Зализняк и др., 2012, с. 265].

Ц е л ь данной работы – сопоставительный анализ русского концепта *гордость* и его сербского аналога *пђнос*. Научная новизна исследования заключается в том, что сопоставительный анализ концептов *гордость* и *пђнос* в русской и сербской лингвокультурах, по нашим данным, предпринимается впервые.

2. Сопоставительный анализ концептов *гордость* и *пђнос* [Comparative analysis of the concepts of *pride* and *пђнос*]

2.1. Материал и методы исследования [Material and methods]

Материалом послужили данные этимологических словарей, дефиниции имён концептов, синонимы, отобранные из русских и сербских лексикографических источников, данные двуязычных словарей, а также устойчивые словесные комплексы (УСК), отобранные из различных текстовых источников в русско- и сербскоязычном сегменте сети Интернет. Корпус материала составляет 100 единиц. Наше исследование базируется на комплексной методике концептуального анализа, включающей в себя этимологический анализ базовых репрезентантов концептов, изучение понятийного ядра концептов посредством обобщения данных лексикографических источников русского и сербского языков и выделения основных концептуальных признаков, а также анализ образной и ценностной составляющих концептов на материале фразеологии. В ходе исследования применялись: метод сопоставительного анализа, метод компонентного анализа, описательный метод, метод сплошной выборки.

2.2. Этимология имен концептов [Etymology of concept names]

Ранее была рассмотрена внутренняя форма имён указанных концептов [Медведева, 2018 а]. Анализ этимологии и параллелей по имеющимся словарям славянских

языков [ЭССРЯ, 2016, с. 187] выявил, во-первых, суффиксальную модель словообразования (от праславянского прилагательного **гърдь(ьй)*+ *-ость*) с сугубо отрицательными значениями, сводящимся к надменности и уродству. Во-вторых, в параллелях, найденных в македонском, словенском, чешском, польском языках, отрицательные значения оказались вполне сопоставимыми. В-третьих, выявлен вероятный путь переноса значений 'застывший, малоподвижный' → 'чопорный, гордый', который очевиден при сравнении с неславянскими индоевропейскими языками: лат. *gurdus* (тупой (о железе), глупый), лит. *gurdus* (медленный, канительный), греч. *bradys* (медленный, косный) [СШ, 2008]. Как отмечает С. А. Малахова, лексико-семантический вариант гордости как чувства собственного достоинства является последним по времени формирования и первым по лексикографической значимости [Малахова, 2011, с. 122]. Следовательно, значение имени концепта *гордость* развивалось от номинации негативных качеств неодушевленных предметов и людей к положительной характеристике человека.

Имя сербского концепта *пѣнос* представляет собой существительное, образованное от глагола *поносити се* 'гордиться', в котором выделяется приставка по- и общеславянский корень *-нос/-нес-*. Вместе с русским *носить / нести*, др.-русс., ст.-слав. *нести, несѣ*, русск., укр. *нести*, болг. *несѧ*, польск. *nieść, niose* оно восходит к праславянскому **nesti*. Внутренняя форма имени сербского концепта связана с таким его признаком, как социальная зависимость: чувство, называемое *пѣнос*, предполагает внешние проявления и требует общества других людей (ср. рус. однокоренные *превозноситься, заносчивый*). Внутренняя форма имени русского концепта скорее противоположна его современному значению.

2.3. Анализ понятийного ядра концептов в современной лексикографии [Analysis of the conceptual core of concepts in modern lexicography]

Понятийное ядро концептов *гордость* и *пѣнос* изучалось в [Медведева, 2018 а]. В обоих языках в семантике имѣн концептов выделяются четыре лексико-семантических варианта, из которых первым приводится положительное значение *гордости* и *пѣноса* как постоянного свойства характера человека: рус. *Чувство собственного достоинства, самоуважения*; серб. *oseћaње сопствене вредности или вредности неког свог блиског*. Вторым по лексикографической значимости является лексико-семантический вариант «актуальное позитивное чувство по отношению к себе, имеющее основание (причину) и связанное с конкретной ситуацией»: рус. *Чувство удовлетворения от осознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-л.*; серб. *oseћaње задовољства оствареним успехом*. Далее следует значение позитивного чувства по отношению к другому человеку или предмету: рус. *О том, кем (чем) гордятся*, серб. *оно чиме се неко поноси* [МАС, 1985 ; БТС, 2002 ; СШ, 2008 ; РСЈ, 2011 ; РСХЈ, 1971]. Согласно Новому объяснительному словарю русского языка, данные значения выражают приятное чувство, возникающее от сознания того хорошего, что сделано самим человеком или кем-то из близких ему людей. В первом случае он считает это хорошее своей личной заслугой, во втором – чувствует свою причастность к добрым делам или достоинствам других [НОССРЯ, 1999, с. 60–61]. В последнем значении *гордость* и *пѣнос* представлены как негативно оцениваемое постоянное свойство, для которого характерно превышение допустимой меры гордости, проявляющееся в высокомерии по отношению к другим людям: рус. *чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим, заносчивость, высокомерие*; серб. *претерано високо мишљење о себи и омаловажавање других, гордост, охолост, уображеност* [МАС, 1985 ; БТС, 2002 ; СШ, 2008 ; РСЈ, 2011 ; РСХЈ, 1971]. С того хорошего, что имеет отношение к человеку, здесь акцент смещается на его собственную персону. А. В. Санников полагает, что в современном языке

такие употребления слова *гордость* выглядят книжными или церковными [Апресян и др., 2006, с. 451]. Изучаемые концепты определяются в трех из имеющихся лексико-семантических вариантов как *чувство, ощущение* (рус.), *oseћање* (серб.) и в одном – как *мнение, мишљење*. Из этого можно сделать вывод, что, являясь этическими (по А. Д. Шмелеву), личностно-эмоциональными (в работе С. А. Малаховой) концептами, *гордость* и *пднос* принадлежат одновременно к интеллектуальной и эмоциональной сферам, но в большей степени к последней. Согласно данным толковых словарей, понятийное ядро исследуемых концептов практически идентично.

Известно, что близкородственные русский и сербский языки изобилуют однокоренными общеславянскими словами, часть которых одновременно является межъязыковыми омонимами, или «ложными друзьями переводчика». Одно из таких слов – сербская лексема *гордост*, использованная в толковании четвертого значения имени концепта *пднос*. С целью соотнесения семантики лексемы *гордост* со значениями имен изучаемых концептов приведем ее обобщенную дефиницию: *гордост – особина онога који је горд, охолост, сујета, пднос, поноситост; фиг. величанственост* (качество того, кто горд, надменность, тщеславие, гордость/достоинство, горделивость; *перен. (о неодушевл. предм.) величественность*) [РСЈ, 2011; РСХЈ, 1971]. Итак, по лексикографическим данным, в дефиниции лексемы *гордост* совмещаются положительные и отрицательные характеристики.

Синонимы имён концептов *гордость* и *пднос* достаточно многочисленны, что говорит о значимости данных концептов в русской и сербской лингвокультурах. В зависимости от лексико-семантических вариантов имён концептов, синонимы делятся на несколько смысловых групп: *достоинство, чувство собственного достоинства, самолюбие, самоуважение* (к 1 знач.) *краса, жемчужина* (к 3 знач.) *надменность, важность, спесь, спесивость, кичливость, чванство, чванливость, барство, барственность, заносчивость, напыщенность, гонор, амбиция, зазнайство, гордыня* (устар.), *звездная болезнь* (ирон.), *мания величия* (к 4 знач.) [ССРЯ, 2001]. Наибольшим лексико-стилистическим разнообразием отличаются синонимы, относящиеся к лексеме *гордость* в её негативном значении. В сербском языке наблюдается обратная картина: больше всего синонимов относится к слову *пднос* в значении, близком к чувству собственного достоинства: *достојанство, дигнитет* ‘достоинство’; *образ* ‘честь, доброе имя’; *гордост* ‘гордость’, *поштовање* ‘уважение’; *поуздање* ‘уверенность в себе, вера в себя’; *држање* ‘достойное поведение’; *часност, част* ‘честь’. К значению «преувеличенно высокое мнение о себе» дается лишь два синонима: *убраженост* ‘высокомерие’, *охолост* ‘надменность’ [Ћосић, 2008, с. 471]. Таким образом, в синонимических рядах имён русского и сербского концептов преобладают лексемы соответственно с негативной либо позитивной коннотацией. Что же касается соотношения значений сербских синонимов *пднос* и *гордост*, они различаются стилевой принадлежностью (нейтральный vs. книжный стиль), употребительностью в речи (лексема *пднос* намного более частотна, чем *гордост*), преимущественной отнесенностью к разным дискурсам (светский и религиозный, христианский), а также преобладанием у лексемы *пднос* позитивной окраски, у *гордост* – негативной.

Данные переводных словарей двух исследуемых языков были использованы для того, чтобы уточнить сходства и различия объема значений имен концептов и их коннотации. В кратком словаре под редакцией Гудкова, Ивановича рус. *гордость* и серб. *пднос* являются единственными переводными эквивалентами друг друга [Гудков, Иванович, 2006]. Более объемные словари дают следующие соответствия: серб. *пднос* – рус. *гордость, достоинство* [СТ, 1957], *гордость, достоинство, самолюбие* [Антанасијевић, 2007]; рус. *гордость* – серб. 1. *пднос* 2. *гордост, пднос* 3. *надменост, охолост* 4. *кого, чья пднос, дика* [РСРС, 1998], 1. *пднос, дика* 2. *охолост, надменост, гордост*

[Антанасијевић, 2007]. Таким образом, *пднос* в сербско-русских словарях – преимущественно положительное понятие, объясняемое через лексемы: *гордость* с тремя позитивными и одним негативным значением, *достоинство* (положительное качество; совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе [СО, 1984]) и *самолюбие* (чувство собственного достоинства, соединенное с ревнивым отношением к мнению о себе окружающих [СО, 1984]). *Гордость* в русско-сербских словарях представлена как амбивалентное понятие с приблизительно равным соотношением положительных и отрицательных сем. В целом данные лексикографии приводят к предварительному выводу о том, что восприятие концепта *пднос* в сербской лингвокультуре несколько более позитивно, чем концепта *гордость* в русской лингвокультуре.

Лексема *гордыня* маркируется разными источниками как устаревшая [ССРЯ, 2001], высокого стиля [СО, 1984], книжная [Зализняк и др., 2012, с. 266], что свидетельствует об ограниченности ее употребления в современном русском языке. *Гордыня* определяется как *непомерная гордость* [СО, 1984; МАС, 1985], *преувеличенно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; заносчивость, высокомерие, надменность* [БТС, 2002].

2.4. Анализ образного и ценностного компонента концептов на материале устойчивых словесных комплексов [Analysis of the figurative and value components of concepts based on sustainable verbal complexes]

В нашем исследовании принимается широкое понимание фразеологии, согласно которому к фразеологическим единицам относятся разные типы устойчивых словесных комплексов, в том числе воспроизводимые свободные сочетания слов, такие, как *красное солнце* или *круглая земля* [Алефиренко, 2009, с. 13].

В устойчивых словесных комплексах, содержащих лексемы *гордость* и *пднос*, проявляется образная и ценностная составляющие изучаемых концептов. Фрагментарный анализ устойчивых словесных комплексов с именами концептов был предпринят ранее в статье [Медведева, 2018 б]. Было выделено несколько смысловых групп, в которых манифестируется отношение к изучаемым концептам в русской и сербской лингвокультурах. УСК, образованные по модели *прил. + гордость / пднос*, характеризуют данные концепты с разных сторон. По степени проявления *гордость* может быть *чрезмерной, гипертрофированной, безграничной*, что соответствует сербским словосочетаниям *прекомеран, претеран, бескрајан пднос*; рус. *капля гордости* – серб. *зрно пдноса*. Концепты *гордость* и *пднос* оцениваются с точки зрения адекватности, нормы: рус. *здоровая гордость* – серб. *здрав пднос*; рус. *ложная гордость* – серб. *лажни пднос*, а также с точки зрения обоснованности: рус. *законная гордость* – серб. *оправдани пднос*; рус. *есть чем гордиться* – серб. *има чиме да се поноси*; рус. *повод для гордости* – серб. *разлог за пднос*.

Для обеих лингвокультур типичны словосочетания, где к лексеме *гордость / пднос* присоединяются согласованные и несогласованные определения (гордость какая? чья?): рус. *родительская, папина, мамина гордость* – серб. *родитељски, татин, мамин пднос*; рус. *гордость семьи, народа* – серб. *пднос породице, народа*. В частности, типичны УСК с прилагательными от этнонима: *русская гордость, српски пднос*.

В русском и сербском языках имеется эквивалент интернационального фразеологизма, где эталоном *гордости* (проявляемой внешне в надменности, напыщенности) является павлин: рус. *гордый как павлин*, серб. *пдносан као паун*, ср. англ. *as proud as a peacock*.

В метафорах, выраженных глагольными словосочетаниями, *гордость / пднос* является объектом воздействия, как человек или вещь: рус. *задевать, затронуть чью-л.*

гордость – серб. *дирати некога у пѣнос*. Достаточно многочисленны и разнообразны по оттенкам выражаемого значения УСК, обозначающие деструктивное воздействие на *гордость / пѣнос*: рус. *уязвить, оскорбить чью-л. гордость* – серб. *увредити, повредити нечији пѣнос*; рус. *растоптать чью-л. гордость* – серб. *погазити нечији пѣнос*, рус. *сломить чью-л. гордость* – серб. *сломити нечији пѣнос*. Сербское словосочетание *укаљати нечији пѣнос* близко по значению, но отличается своей образностью (букв. ‘запачкать чью-л. гордость’) и приблизительно соответствует русскому *запятнать чью-л. честь*. Также выделяется довольно обширная группа УСК, выражающих сознательный отказ от проявления *гордости / пѣноса* в межличностных отношениях. При этом образ, лежащий в основе некоторых словосочетаний, совпадает: рус. *переступить через гордость* – серб. *прећи преко свог пѣноса*, рус. *забыть гордость* – серб. *заборавити на свој пѣнос*, рус. *подавить гордость* – серб. *згазити свој пѣнос*. В других примерах образность различается: рус. *поступиться своей гордостью* – серб. *дати свој пѣнос некоме* ‘отдать свою гордость кому-л.’, рус. *отложить гордость в сторону, отбросить гордость*, серб. *прогутати свој пѣнос* букв. ‘проглотить свою гордость’, *надвладати пѣнос* ‘преодолеть гордость’. Здесь имена концептов употреблены в контекстуальных значениях: принципиальность, нежелание пойти на компромисс, простить кого-л., просить прощения или попросить о чем-л.

Персонифицированный концепт *гордость / пѣнос* может быть регулятором действий человека, заставляя его воздерживаться от каких-либо поступков или побуждать к их совершению: рус. *гордость не позволяет, не даёт что-л. сделать*; серб. *пѣнос не дозвољава*; также рус. *гордость толкает кого-л. на что-л.*

Данное чувство может проявляться внезапно, будто бы независимо от воли субъекта: рус. *гордость обурекает*, серб. *пѣнос обузима*; рус. *гордость выиграла*, серб. *про-радио је пѣнос* ‘заработала, включилась гордость’; рус. *гордость берёт за кого-л., гордость пробирает, оцутить прилив гордости*. В сербском языке нет словосочетания **прилив пѣноса*, хотя узуальны *прилив снаге, енергије* ‘прилив сил, энергии’.

В словосочетаниях рус. *гордость наполняет, переполняет, распирает кого-л.*, серб. *пѣнос испуњава некога*, рус. *что-л. наполняет кого-л. гордостью*, серб. *нешто испуњава некога пѣносом* данные концепты представляются некоей эфемерной субстанцией, наполняющей душу человека. Такой же образ лежит в основе внутренней формы лексемы *надменный*, что буквально означает *надутый*, а смысловое развитие данной метафоры в сторону интенсификации действия привело к появлению УСК рус. *лопаться от гордости*, серб. *пуцати од пѣноса*.

В обеих лингвокультурах прилагательные, однокоренные с именами исследуемых концептов, используются в контекстах, описывающих проявление *гордости / пѣноса* во внешности человека: рус. *гордый взгляд, профиль, гордая походка, поступь, осанка*; серб. *поносан поглед, корак, поносно држање*, рус. *с гордо поднятой головой*, серб. *уздигнута чеља, уздигнуте главе*.

В обоих языках имеются словосочетания, состоящие из однородных существительных в именительном падеже, соединенных союзом *и*: рус. *гордость и слава* – серб. *пѣнос и дика*, рус. *гордость и краса* – серб. *пѣнос и украс*, также серб. *часть и пѣнос* ‘честь и достоинство’, где второй компонент служит для усиления значения имени концепта и является его смысловым либо контекстуальным синонимом. В сербском языке, кроме того, были выявлены устойчивые словосочетания *пѣнос и пркос*, *пѣнос и инат*, где первым компонентом является имя концепта, а вторым – лексемы-синонимы со значением ‘упрямство, непокорность, дух противоречия’. Данные УСК часто употребляются в связи с описанием национальной идентичности сербов.

Обратимся к анализу безэквивалентных устойчивых словесных комплексов, содержащих имена изучаемых концептов. В русском материале [НКРЯ] выявлены три стилистически окрашенные фразеологические единицы. *Гордись до пенсии* – шутовое неодобрение гордости: *Запиши в свою бальную книжечку и гордись до пенсии* [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]. В словосочетании *бедный, но гордый* отражено представление о взаимосвязи концепта гордость с имущественным положением человека: *Думаю, поражу человека наповал тем, что сам-то я, хотя и бедный, но гордый*. [Михаил Дерюгин. Библиотекарь // «Столица», 1997.02.17]. Частотная фраза *в гордом одиночестве* употребляется шутовски или иронически по отношению к человеку, который находится где-либо один: *Это стало чем-то провидческим: он оставался один, доигрывал последнюю ноту в гордом одиночестве, и свет гас*. [Сати Спивакова. Не всё (2002)]. *Ты не пришел ко мне, ты запер себя на даче и здесь в гордом одиночестве грызешь свою обиду*. [Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996)].

Далее рассмотрим примеры, иллюстрирующие утверждение и отрицание человеком собственной гордости. Устойчивые фразы рус. *у меня тоже есть гордость*, серб. *и ја имам свој понос* выражают желание человека избежать того, что он считает унижительным для себя: их значения и ситуации употребления сходны в двух лингвокультурах. Однако прагматические значения фраз *я не гордый* и *нисам поносан* весьма различны. Русская фраза выражает а) согласие принять помощь [Апресян и др., 2006, с. 449], б) неприхотливость или непретенциозность (сиюминутная или как черта характера, в шутку или всерьёз). Разница между этими значениями может быть продемонстрирована только в контексте. Сравним 3 примера [НКРЯ]:

А как поживешь месяц на своих милицейских харчах, так и запросишься домой. Я приму, я не гордый. Слушай, Лид... – Он сверкнул глазом на старух, встал и подошел к Лидии [Ольга Некрасова. Платит последний (2000)] – черта характера;

Ну что же, я не гордый, давайте инструмент! [«Простой таджикский рабочий, отягченный еврейской фамилией...» // Новая газета, 2016.03.02] – шуточная непретенциозность;

И все у нас идет хорошо, пока мы в одинаковом положении и состоянии... – Я не гордый, – пробормотал Клинков. Ты?! Я ведь знаю, что ты мог бы получать от отца солидное содержание, и ты не взял у него ни копейки только потому, что он был сух с тобой!! [А. Т. Аверченко. Подходцев и двое других (1917)] – согласие принять помощь.

Анализ примеров употребления аналогичного словосочетания в сербском языке показал, что *нисам поносан* ‘я не гордый’ может обозначать только актуальное чувство, недовольство субъекта собственными действиями или уровнем своих достижений: *ни-мало нисам поносан на оно што смо показали јуче* ‘я несколько не доволен (букв. не горд) тем результатом, который мы показали вчера’, *нисам поносан због свог понашања* ‘я недоволен (букв. не горд) своим поведением’. Обе установки одобряются: *я не гордый* имплицитно подразумевает довольство малым и второстепенность материального, что позитивно оценивается в русской культуре, а *нисам поносан* – желание исправиться либо улучшить свои результаты (часто встречается в публикациях на тему спортивных соревнований).

Отсутствие эквивалентов некоторых русских УСК в сербском языке с именем концепта *понос* может объясняться тем, что в данных примерах лексема *понос* близка по смыслу русской лексеме *достоинство*: *чувати понос* ‘не терять достоинства’, а не *хранить гордость; *сачувати понос* ‘сохранить чувство собственного достоинства’, а не *сохранить гордость. В русской лингвокультуре *гордость* в некоторых ситуациях может быть неуместной, но лексема *понос* не сочетается с определением *неуместан*, так как здесь у имени концепта *понос* актуализируется значение *достоинство*, которое является исключительно положительной характеристикой человека.

Безэквивалентность русского УСК *тайная гордость* и его глагольного варианта *втайне гордиться* может иметь две причины. Во-первых, как и в предыдущих примерах, имеет место актуализация значения *достоинство* у имени концепта *пѣнос*, а достоинство как свойство личности человека не может быть «тайным». Во-вторых, для того, чтобы испытывать чувство *гордости* чем-либо или самим собой, носителю русской лингвокультуры не обязательно общество других людей. В сербской же лингвокультуре *пѣнос* – это, в соответствии с этимологией имени концепта, чувство, которое проявляется только в коммуникативном поведении субъекта, в его речевом и невербальном взаимодействии с людьми.

3. Заключение [Conclusion]

В результате сопоставительного исследования концептов *гордость* и *пѣнос* удалось прийти к следующим выводам. Согласно данным этимологических словарей, значение корня, от которого произошло имя русского концепта, претерпело сильные изменения от негативного к позитивному, в то время как имя сербского концепта происходит от лексемы, не имеющей оценочных коннотаций. Понятийное ядро изучаемых концептов, как показывает анализ материала толковых словарей, практически идентично в двух лингвокультурах, и в нем на 75% преобладают позитивные концептуальные признаки. В словарных дефинициях представлен фрагмент наивной картины мира, которая предполагает наличие допустимой меры *гордости* / *пѣноса*: данное чувство одобряется, если человек не считает себя лучше других, а превышение этой нормы осуждается. Материал двуязычных словарей и словарей синонимов позволил выявить добавочный концептуальный признак сербского концепта *пѣнос*, близкий к значению русской лексемы *достоинство* и реализуемый, в частности, в устойчивых словесных комплексах.

Кроме того, в ходе исследования обнаружилось, что в обеих исследуемых лингвокультурах имеются парные концепты: рус. *гордость*, *гордыня*; серб. *пѣнос*, *гордост*. Первое из имен концептов в каждой паре является общеупотребительным, частотным, относится преимущественно к светской (секулярной) этической системе и в нем преобладает позитивная коннотация. Имя второго концепта в каждой паре – лексема книжная, малоупотребительная, относится преимущественно к христианскому дискурсу, с преобладанием негативно окрашенных концептуальных признаков. Также нами было выявлено большое количество УСК с репрезентантами концептов. Словосочетания, в которых имя концепта является объектом либо субъектом воздействия, отражают детально разработанную образную составляющую концептов, без оценочности. Те словосочетания, в которых имя концепта характеризуется путем прибавления к нему определений, отражают ценностную составляющую концептов: одобрение либо неодобрение *гордости* / *пѣноса*. Как показало наше исследование, в большинстве УСК чувство, называемое именами концептов, контролируется сознанием и регулируется волевым усилием, однако имеются и примеры, где *гордость* и *пѣнос* возникает будто бы независимо от воли субъекта. В русской лингвокультуре имеются УСК о концепте *гордость* в юмористическом ключе; в сербской лингвокультуре не было выявлено их аналогов с именем концепта *пѣнос*. В целом, исследование концептуализации гордости в русской и сербской лингвокультурах позволило выявить как сходства, так и различия в структуре концептов; в понятийном ядре преобладают сходства, различия проявляются в образной и ценностной составляющих концептов. Перспективы исследования составляет анализ реализации изучаемых концептов в коммуникативном поведении русских и сербов, а также изучение взаимосвязи концептов *гордость* и *пѣнос* со смежными концептами русской и сербской лингвокультур.

Список литературы

- Алефиренко, Семенов, 2009 – Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремология. М. : Флинта ; Наука, 2009. 344 с.
- Апресян и др., 2006 – Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богославская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Ю. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
- Зализняк и др., 2012 – Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
- Карасик, 2018 – Карасик В. И. Осмысление гордости в русской и английской лингвокультурах // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. №2. С. 157–171.
- Колесов, 2006 – Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
- Кузнецова, 2012 – Кузнецова О. А. Лексико-семантические особенности современного итальянского orgoglio (гордость) / Кузнецова О. А. // Язык и культура. 2012. № 2. С. 15–26.
- Малахова, 2011 – Малахова С. А. Гордость и стыд // Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 8. Волгоград: Парадигма, 2011. 328 с.
- Медведева, 2018 а – Медведева Д. И. Концепт «гордость» в религиозных и светских текстах (на материале русского и сербского языков) // Homo loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира : сб. материалов, докладов и сообщений Всероссийской научно-практич. конф. / отв. ред. О. Г. Оленчук. Вып. 3. СПб. : Изд-во: Русская христианская гуманитарная академия. С. 9–14.
- Медведева, 2018 б – Медведева Д. И. К вопросу о концептуализации гордости в русской и сербской лингвокультурах // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. науч. статей / под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 296–300.

Источники иллюстративного материала

- ССРЯ, 2001 – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М. : Русский язык, 2001. 568 с.
- Белянин, Бутенко, 1994 – Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М. : ПАИМС, 1994. 192 с.
- БТС, 2002 – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2002. 1534 с.
- Гудков, Иванович, 2006 – Гудков В. П., Иванович С. Сербско-русский и русско-сербский словарь. М. : Рус. яз.; Медиа, 2006. 438 с.
- МАС, 1985 – Словарь русского языка: в 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой, в 4 тт. Т.1. А-Й. – М.: Русский язык, 1985.
- НОССРЯ, 1999 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. Под общ. ред. акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. 552 с.
- СО, 1984 – Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус.яз., 1984. 816 с.
- СТ, 1957 – Сербско-хорватско-русский словарь / сост. И. И. Толстой. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. 1168 с.
- СШ, 2008 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008.
- ЭССРЯ, 2016 – Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников : в 2 т. 2-е изд., стереотипн. М. : Флинта, 2016. Т 1 : 584 с. ; Т 2 : 576 с.
- Антанасијевић, 2007 – Антанасијевић И. Стандардни речник: руско-српски српско-руски. Будва: Кућа књиге, 2007. 797 с.
- РСЈ, 2011 – Речник српскога језика. – Нови Сад: Матица Српска, 2011. 1561 с.

РСХЈ, 1971 – Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига четврта: О-П. – Нови Сад: Матица Српска, 1971. 1013 с.

РСРС, 1998 – Руско-српски речник / у редакцији Б. Станковића. Нови Сад: Матица Српска; М.: Русский язык, 1998. 1001 с.

Ћосић, 2008 – Ћосић П. Речник синонима. Београд: Kornet, 2008. 712 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL : <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения : 02.02.2021).

UDC 811'163'41

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_133_143

Diana I. Medvedeva
Udmurt State University
Izhevsk, Russian Federation
 diami@mail.ru

Conceptualizing of pride in Russian and Serbian linguocultures (Based on lexical and phraseological units)

Abstract

The article presents a comparative analysis of the Russian concept *гордость* 'pride' and its rough equivalent *ponos* 'pride'. An integrated approach is used in which the etymology of the concept's names and its synonyms have been analyzed, as well as the conceptual core of the concept through the generalization of the Russian- and Serbian-language lexicographic data. The conceptual characteristics have been identified; moreover, the analysis of image-bearing and axiological components of the concepts, based on standard collocations, has been carried out. The study proved that the conceptual core of both concepts is identical, and that 75% of characteristic in the semantic structure are positive. The study revealed paired concepts that have an approximate meaning 'pride': in Russian, *гордость* and *гордыня*, and in Serbian, *ponos* and *gordost*. There is difference in frequency, connotations, and the discourses the concepts belong to, secular and religious discourse respectively. In general, the study of the conceptualization of *гордость* and *ponos* 'pride' revealed both similarities and differences in the concepts' structure. The conceptual core is mostly similar, while the differences were observed in the image-bearing and axiological components of the concepts.

Keywords: concept, *gordost* 'pride', *ponos* 'pride', Russian linguistic culture, Serbian linguistic culture, comparative analysis.

© Medvedeva D. I. 2021

For citation: Medvedeva, D. I. Kontseptualizatsiya gordosti v russkoy i serbskoy lingvokul'turakh (na materiale leksicheskikh i frazeologicheskikh edinit) [Conceptualizing of pride in Russian and Serbian linguocultures (Based on lexical and phraseological units)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 133–143. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_133_143.

References

- Alefirenko, N. F., Semenenko, N. N. (2009). *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology]. Moscow : Flinta Press ; Nauka Press.
- Apresyan, Yu. D. (Ed.), Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D., Babaeva, E. E., Boguslavskaya, O. Yu., Iomdin, B. L., Krylova, T. V., Levontina, I. Yu., Sannikov, A. V., Uryson, E. V. (2006) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic worldview and system lexicography]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press.
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoj kartiny mira* [Constants and variables of the Russian linguistic worldview]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press.

- Karasik, V. I. (2018) Osmyslenie gordosti v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh [Linguistic conceptualization of pride in Russian and English cultures] *Vestnik RUDN. Seriya: Russkiy i inostranny yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching], 2, 157–171.
- Kolesov, V. V. (2006) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St Petersburg : Peterburgskoe Vostokovedenie Press.
- Kuznetsova, O. A. (2012) Leksiko-semanticheskie osobennosti sovremennogo ital'yanskogo *orgoglio* (gordost') [Lexical-semantic peculiarities of modern Italian *orgoglio* (pride)]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2, 15–26.
- Malahova, S. A. (2011) Gordost' i styd [Pride and Shame] In V. I. Karasik, I. A. Sternin (Ed.), *Antologiya kontseptov* [Corpus of concepts] (Vol. 8, pp. 114–125). Volgograd : Paradigma Press.
- Medvedeva, D. I. (2018 a). Kontsept «gordost'» v religioznykh i svetskikh tekstakh (na materiale russkogo i serbskogo yazykov) [Concept 'pride' in religious and secular texts (based on the Russian and Serbian languages)]. In O. G. Olenchuk (Ed.), *Proc. "Homo loquens: yazyk i kul'tura. Dialog kul'tur v usloviyakh otkrytogo mira"* [Homo loquens: Language and culture] (Vol. 3, pp. 9–14). St Petersburg : Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya Press.
- Medvedeva, D. I. (2018 b). K voprosu o kontseptualizatsii gordosti v russkoy i serbskoy lingvokul'turakh [On the issue of the conceptualization of pride in the Russian and Serbian linguistic cultures]. In M. V. Pimenova (Ed.), *Novoye v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannykh i russkogo yazykov* [New in linguistics and methods of teaching Russian and foreign languages] (pp. 296–300). St Petersburg : St Petersburg State University of Economics Press.

Illustration material sources

- Aleksandrova, Z. E. (2001). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskiy spravochnik* [Synonym dictionary of Russian: handbook for practice]. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Antanasiević, I. (2007). Standardni rečnik: rusko-srpski srpsko-ruski [Standard dictionary Russian-Serbian/Serbian-Russian]. Budva : Kuća knjige.
- Belyanin, V. P., Butenko, I. A. (1994). *Zhivaya rech'. Slovar' razgovornykh vyrazheniy*. [Living speech. Dictionary of colloquial expressions]. Moscow : PAIMS Press.
- Kuznecov, S. A. (Ed.) (2002). *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of Russian]. St Petersburg : Norint Press.
- Gudkov, V. P., Ivanović, S. (2006). *Serbsko-russkiy i russko-serbskiy slovar'* [Serbian-Russian and Russian-Serbian dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk Press ; Media Press.
- Evgen'eva, A. P. (Ed.) (1985). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Vol.1. A-J. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Apresyan, Yu. D. (Ed.) (1999). *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory synonym dictionary of Russian]. 1st edition. Moscow : Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Press.
- Ozhegov, S. I. (1984). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2008). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of Russian with additional information on word origin]. Moscow : Azbukovnik Press.
- Russian National Corpus (NKRYa). Retrieved February, 2, 2021 from <<http://www.ruscorpora.ru>>.

Мухин Сергей Владимирович
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
г. Москва, Российская Федерация
s.muhin@inno.mgimo.ru

О тождестве языковых единиц в диахронических исследованиях (на материале английского языка)

Аннотация

Статья посвящена проблемам диахронного отождествления языковых единиц на различных уровнях языка. Постулируется необходимость данной процедуры в изучении истории языка применительно к гетерохронным языковым формам. Исследование проводится на материале фонетического и лексического уровней английского языка. С использованием методов сравнительно-исторического языкознания и компаративистики устанавливается несоответствие между тождеством фонемы в составе разных слов в синхронии и в диахронии, для чего используется диахронное обозначение фонемы как ряда последовательно сменяющих друг друга форм. Необходимыми условиями установления диахронного тождества фонемы признаются единство источника происхождения, идентичность и равное количество форм исторического развития. На лексическом уровне выявляются языковые факторы различия словоформ единой лексемы и отмечается большая сложность установления диахронного тождества лексических единиц, чем на низших уровнях. Данный факт обусловлен значительным числом словоформ, характерным для языков флективного строя, какими были языки основы – индоевропейский и прагерманский, а также сам английский язык на ранних этапах существования.

Ключевые слова: диахронное тождество, история английского языка, языковая единица, фонема, лексема.

© Мухин С. В. 2021

Для цитирования: Мухин С. В. О тождестве языковых единиц в диахронических исследованиях (на материале английского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 144–152. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_144_152.

1. Введение [Introduction]

Понятие тождества выступает одной из необходимых категорий в широком ряду различных отраслей знания: философии, формальной логике, юриспруденции, математике, квантовой физике и т. д. В наиболее общем виде тождество предстает в философской интерпретации как закон Лейбница: «категория, выражающая равенство, одинаковость предмета, явления с самим собой или равенство нескольких предметов. О предметах А и В говорят, что они являются тождественными, одними и теми же, неразличимыми, если ... все свойства (и отношения), которые характеризуют А, характеризуют и В, и наоборот» [Философский словарь, 1991, с. 460]. Вместе с тем, в случае, когда рассматриваются предметы или понятия числом более одного, в понятии тождества вскрывается диалектическое противоречие. Существование двух сколь угодно схожих предметов или понятий неизбежно предполагает некоторое различие между ними, которое позволяет утверждать, что предметов два. Таким образом, тождество не бывает абсолютным, но лишь относительным, основанном на одинаковости только некоторых существенных для наблюдателя параметров изучаемых предметов [Forrest, 2008].

Проблема тождества языковых единиц встаёт особенно остро в диахронических исследованиях, поскольку диахрония предполагает рассмотрение порой весьма различ-

ных состояний конкретного языка, разнесённых во времени. Применительно к английскому языку как историческому явлению вопрос тождества языковых единиц самим себе очень релевантен, учитывая масштаб и глубину изменений, которые язык претерпел за время своего существования. Представляется, что задача определения факторов тождества языковых единиц разных уровней весьма актуальна для процедурной стороны диахронических исследований. Отождествление гетерохронных структурных форм совершенно необходимо в изучении истории языка.

Для языковых явлений, находящихся на низших уровнях языка, процедура отождествления во многом осуществляется средствами этимологизирования. Для отождествления структурно и семантически осложнённых единиц высших уровней востребованы методы и данные текстологии, культурологии и истории. Изучение диахронного тождества языковых единиц всех уровней – весьма масштабная задача. Есть несомненный научный и практически-исследовательский интерес в том, чтобы чётко определить критерии тождества на уровнях фонемы, морфемы, лексемы, словосочетания и текста. Относительно определения диахронного тождества самого высшего уровня языка – текстового – следует отметить особую сложность и необходимость решения этой задачи. В исследованиях подчёркивается, что для полного понимания сущности функционирования текста нужно учитывать его диахронное существование (см., напр., [Красникова, 2010]).

В рамках настоящего исследования мы остановимся на примерах единиц, находящихся на 1) низшем уровне – уровне фонемы; 2) более высоком уровне языка – лексическом. Рассмотрим конкретные примеры разноуровневых языковых единиц и характерные особенности их диахронного отождествления.

2. Уровень фонемы [The level of phoneme]

В качестве примера установления диахронного тождества языковой единицы на уровне фонемы рассмотрим современный английский дифтонг /eɪ/. Методы реконструкции позволяют утверждать, что и.-е. гласная фонема /o/ и современный английский дифтонг /eɪ/, репрезентируемый любым из возможных аллофонов в числительном *eight*, с диахронной точки зрения тождественны и представляют собой одну и ту же фонему, даже несмотря на то, что они разноструктурны, функционировали / функционируют в различных акустических формах, различаются артикуляцией, существовали / существуют в совершенно несхожих условиях дистрибуции и, в целом, встроены в системы структурно и типологически различных языков, разделённых тысячелетиями. Список различий (повтор) между этими двумя фонетическими формами может быть сколь угодно велик, но их диахронное тождество следует из непрерывности исторического развития данной единицы, подтверждаемой средствами реконструкции в дописьменных языках и методами компаративистики в языках различной степени родства.

Так, реконструкция п.-герм. фонетической системы свидетельствует о том, что и.-е. гласная фонема /o/ в результате германского преломления дала в п.-герм. языке рефлекс /a/, который в др.-англ. языке дифтонгизировался к виду /ea/¹ вследствие палатальной перегласовки, затем в начале ср.-англ. периода монофтонгизировался в /a/². В дальнейшем под воздействием фонетических изменений в соседней фонеме, а именно вокализации /x²/ и развитием пазвука [Бруннер, 2010, с. 194], монофтонг вторично дифтонгизировался и принял вид /eɪ/: *eahta*³ > *ahte* (*ehete*) > *eighte* ['eɪtə]. Таким образом,

¹ Характерно для уэссекского диалекта др.-англ. языка. В мерсийском диалекте также зафиксированы более близкие к п.-герм. монофтонговые варианты /a/ и /æ/.

² В юго-западном диалекте ср.-англ. языка параллельно существовал вариант /e/.

³ Здесь и далее: орфография др.-англ. слов даётся в соответствии с отечественной учебно-исследовательской и издательской традицией.

с позиций всей (пред)истории английского языка данная фонема может быть диахронически представлена в наиболее общих чертах, как /o > a > ea > a (e) > ei/. Такое представление наиболее адекватно отражает идею диахронного тождества рассматриваемой фонемы в английском языке.

В свою очередь, данные компаративистики в различных и.-е. языках при рассмотрении этимологически связанных слов с исходной и.-е. фонемой /o/ позволяют создать общую картину закономерностей развития в более широкой перспективе. Одной из таких важных закономерностей для отождествления данной конкретной фонемы в английском языке выступает факт, выходящий за хронологические рамки существования самого английского языка – уже упомянутое преломление и.-е. гласных в п.-герм. языке. Так, сравнение приводимых ниже форм анализируемой фонемы в идентичных фонетических условиях свидетельствует, что переход /o > a/ был характерен именно для германской языковой общности, тогда как в других и.-е. языках – славянских, кельтских, итальянских, греческом – сохранился первоначальный вариант [Красухин, 2004, с. 63].

Т а б л и ц а 1. Варианты развития и.-е. фонемы /o/ в различных языках⁴
[T a b l e 1. Variants of Indo-European /o/ development in different languages]

Язык:	др.-слав.	др.-ирл.	лат.	др.-греч.	гот.	др.-в.-н.	др.-англ.
Форма:	<i>осьмь</i>	<i>ocht</i>	<i>octo</i>	<i>ὀκτώ</i>	<i>ahtau</i>	<i>ahto</i>	<i>eahta</i>

Можно утверждать, что с позиций диахронии и в рамках индоевропеистики все приведённые выше варианты и.-е. фонемы /o/ в разных языках в составе числительного «восемь», равно как и все их возможные аллофоны в указанных языках, тождественны друг другу, то есть являются вариантами одной и той же фонемы, несмотря на все имеющиеся между ними различия.

Ключевой характеристикой, на основании которой устанавливается диахронное тождество всех вариантов, выступает единый источник их происхождения. Вполне возможно, что языковые единицы существующие синхронно и, таким образом, не способные быть тождественными с точки зрения синхронии, обнаруживают диахронное тождество. И наоборот: варианты одной современной фонемы, реализующиеся в разных словах, могут диахронически являться разными фонемами. Для примера можно привести тот же современный дифтонг /ei/ в составе существительного *lady*. С точки зрения фонетики современного английского языка между данными двумя фонетическими формами в словах *eight* и *lady* существует полное тождество, это одна единица в системе вокализма. Однако в рамках диахронного подхода они не тождественны и представляют собой две разные фонемы. Для доказательства этого положения обратимся к истории второй формы.

Формы существительного *lady*, письменно зафиксированные в разные эпохи, позволяют с большой долей вероятности судить о развитии его происхождения. В др.-англ. языке эта лексическая единица представляла собой композитное образование, состоящее из двух корней: *hlæfdize*, где словообразовательными основами служили существительные *hlaf* 'хлеб' и *dize* 'служанка, горничная, домохозяйка', при этом последний элемент был однокоренным с существительным *dæze* 'женщина-пекарь'⁵.

Слоговая структура др.-англ. сложного слова *hlæfdize* вполне прозрачна: слово было трёхсложным, и слогораздел между первым и вторым слогом совпадал с межкор-

⁴ Исходная и.-е. форма числительного – *[oktōw]. Восстанавливаемая п.-герм. форма наиболее близка к готской – *[ahtau] [Kroonen, 2013, p. 6].

⁵ Ср. современное существительное того же корня *dough*.

невым морфемным швом. По общему правилу германской акцентуации [Мейе, 2016, с. 61] силовое ударение в композите приходилось на первый слог, а два ударных слога подвергались интенсивной редукции [Кузьменко, 2011, с. 80], что и предопределило фонетическое и морфологическое развитие всего слова в дальнейшем. Нас интересует именно первый, ударный, слог, поскольку именно он является носителем архетипа рассматриваемой нами фонемы /eɪ/, представленной в современной словоформе *lady*. В др.-англ. огласовке слога присутствует фонема /æ/⁶. Данная огласовка возникла из фонемы /a/ в результате палатального умлаута под воздействием более закрытого гласного [ɪ] в следующем слоге: *hlaf* + *dize* > *hlæfdize*. В свою очередь, форма /a/ в слове *hlaf* является др.-англ. развитием дифтонга /ai/, сохранявшегося изначально в зап.-герм. языковом ареале со времен п.-герм. языковой общности: **hlaib* < **hlaibaz*⁷.

П.-герм. форма **hlaibaz* является крайним пределом верифицированной этимологизации, поскольку её происхождение затемнено. Предполагается, что это слово могло быть заимствованием из др.-греч. языка, где возможным этимологом служило существительное *κλίβανος* 'печь хлебопека', либо формы в обоих языках были заимствованы в очень архаичную эпоху из неизвестного третьего источника и.-е. происхождения⁸. Эта единица относится к разряду «первообразных корневых слов древнейшего происхождения», лишённых мотивировки [Амосова, 1956, с. 28].

В ср.-англ. период др.-англ. существительное *hlæfdize* развивалось следующим образом: около начала XIII в. зафиксирована редуцированная форма *lafdi* [Online Etymology Dictionary]. В XIV в. вокализуется и выпадает фриктивный согласный [f/v] > [w] > [∅]. В получившейся форме *ladi* ['la:di] компенсаторно долгий корневой гласный испытывает двухфазную мутацию: сначала сужается, а затем дифтонгируется в ходе Великого сдвига гласных: [a:] > [æ:] > [eɪ], подчиняясь общей тенденции [Мухин, Морозова, 2020, с. 35]. Таким образом, к началу XVII в. складывается н.-англ. произношение с дифтонгом *lady* ['leɪdi], остающееся нормативным в наши дни.

Итак, диахронное представление современной английской фонемы /eɪ/ в слове *lady* можно дать в виде /? > ai > a > æ > a > a: > æ: > eɪ/, где самый первый, индоевропейский, вариант остаётся неизвестным. Сопоставляя данное представление с приведённым выше диахронным представлением дифтонга /eɪ/ в составе числительного *eight*, можно наглядно видеть, что диахронически формы дифтонга /eɪ/ в двух рассматриваемых словах далеко не тождественны, поскольку они шли различными путями развития и, вероятнее всего, имеют различные источники происхождения.

Т а б л и ц а 2. Диахронное представление дифтонга /eɪ/ в словах *eight* и *lady*
[T a b l e 2. Diachronic representation of diphthong /eɪ/ in *eight* and *lady*]

Лексема	Диахронное представление дифтонга /eɪ/
<i>eight</i>	/o > a > ea > a (e) > eɪ/
<i>lady</i>	/? > ai > a > æ > a > a: > æ: > eɪ/

Проведённый анализ позволяет заключить, какие условия требуются для установления диахронного тождества фонемы, реализуемой в составе различных слов. Очевидно, таковыми условиями надо признать: 1) единство источника происхождения

⁶ Уэссекский вариант. В нортумбрийском и мерсийском диалектах умлаут гласного в первом слоге не был характерен: *hlafdia* и *hlafdie*, соответственно.

⁷ Ср. в готском: *hlaifs* 'хлеб' [Lehmann, 1986, p. 185].

⁸ В пользу последней гипотезы свидетельствует согласный /h/ в германском слове, которому по закону Гримма соответствует греческий /k/.

фонемы; 2) идентичность последовательных форм исторического развития фонемы; 3) равное количество исторических форм. Только при выполнении всех трёх условий можно с уверенностью говорить об установлении диахронического тождества фонемы в составе разных слов.

3. Лексический уровень [Lexical level]

В лингвистике категория тождества рассматривается преимущественно в применении к слову на материале компаративистики. Главной задачей при этом является идентификация слова как речевого варианта лексемы. А. И. Смирницкий считает словоформы вариантами единой лексемы, если, имея общий корень, они одновременно сохраняют и лексико-семантическую общность [Смирницкий, 1955]. На этом же основании им проводится различие между понятием этимологического тождества и этимологического родства лексем в родственных языках. Полное этимологическое тождество лексемы в таком случае устанавливается при отсутствии различий, которые выходили бы за пределы закономерных фонетических и морфологических особенностей каждого данного языка [Смирницкий, 1998, с. 195]. Представляется, что диахронное тождество лексемы в каком-либо конкретном языке может рассматриваться на подобных же основаниях. В такой интерпретации в зависимости от конкретных различий между словоформами выделяются определённые типы вариантов лексемы:

1) фонетические (например, различная огласовка первого слога у местоимения *either*: [aɪ] и [i:]);

2) словообразовательные (например, в случае существительных *infinity*, *infiniteness* и *infinitude*);

3) стилистические (например, общелитературная и сленговая адъективные формы *sisterly* и *sissy*, также противопоставленные в плане коннотации);

4) лексико-семантические, характерные для лексем с развитой полисемией (например, у прилагательного *yellow*, реализующего значения 'жёлтый, бульварный, трусливый, монголоидный' и др.);

5) словоизменительные (например, глагольные грамматические формы *does* и *doing*);

6) формообразовательные (например, *have not* и *haven't*);

7) географические (например, британский и американский варианты пассивного причастия *got* и *gotten*);

8) диахронные (например, исторически последовательные формы числительного *nizontiene*, *nintene* и *nineteen*).

Часто сопоставление вариантов одной лексической единицы даёт сложную картину совмещения многих типов. Между вариантами одной лексемы, которая представляет собой род минисистемы, устанавливаются отношения разного характера, зависящие от типа конкретных вариантов. Назовём конкретные виды этой зависимости языковыми факторами различия словоформ. Очевидно, что количество этих факторов находится в определённой зависимости от частеречного значения рассматриваемой единицы. Так, например, в случае субстантивных словоформ *brothers*, *brethren* и *bro* можно констатировать действие следующих факторов:

1) фактор фонетики, заключающийся в различных огласовках корня (*e* и *o*) а также суффиксов (полногласный вариант суффикса *-ther* и вариант с нулевым гласным *-thr*);

2) фактор словообразования, проявляющийся в использовании суффиксальных основ (с суффиксом *-ther* / *-thr*) и безосновного способа словообразования в чисто корневой третьей форме);

3) фактор стилистики, выраженный в принадлежности первой словоформы к нейтральному, второй – к более высокому, а третьей – к сниженному стилистическому регистру;

4) фактор лексической семантики, состоящий, в частности, в реализации разных типичных значений каждой из трёх словоформ: *brothers* – 'братья как кровные родственники', *brethren* – 'собратья, соотечественники, единомышленники', *bro* – 'приятель, братан';

5) фактор словоизменения, выраженный противопоставлением грамматических форм единственного (*bro*) и множественного (*brothers, brethren*) числа;

6) фактор формообразования (использование различных формантов множественного числа: *-s* и *-en*);

7) фактор диахронии, обуславливающий восприятие словоформы *brethren* как устаревшей, а *bro* – как новообразования.

Таким образом, единственным невалидным фактором в различении трёх словоформ оказывается фактор географии, поскольку все три словоформы имеют хождение практически во всех региональных и национальных вариантах современного английского языка. Вместе с тем при всём множестве факторов, создающих различие словоформ *brothers, brethren* и *bro*, последние тождественны друг другу в том смысле, что все три однокоренные формы выступают в речи в качестве вариантов одной и той же лексической единицы, обычно представленной в словарях современного английского языка леммой *brother*, которая в совокупности всех своих вариантов тождественна сама себе в качестве абстрактной языковой единицы.

В чём особенности установления именно диахронического тождества данной лексемы? Как и на фонемном уровне, здесь важную роль играет происхождение единицы. Достаточно хорошо известна этимология и.-е. терминов кровного родства с основой на **-ter/tor*, и этимологический анализ позволяет выстроить следующий ряд форм в английском языке: **b^hréhztēr* > **brōpēr*⁹ > *brōpor* > *brother*, где последовательно представлены и.-е., п.-герм., др.-англ. и ср.-англ. варианты лексемы в виде словарной леммы. Последняя форма графически идентична новоанглийской. С позиций индоевропеистики для установления полного диахронного тождества исходной и.-е. лексемы в этот ряд также надо добавить все многочисленные этимологические соответствия данной единицы в и.-е. языках за всю историю развития последних. Однако особенности лексических единиц таковы, что даже такое представление нельзя будет назвать исчерпывающим, так как категориальные характеристики субстантивных лексем обуславливают гораздо больший набор форм.

Даже если исключить факторы фонетики, географии (или, скорее, диалектного разнообразия), вариативности словоизменительных форм¹⁰ и полисемии, сосредоточиться только на словоформах собственно английского слова *brother* в его основном значении, то количество форм всё равно будет очень внушительным. В этом случае диахронное представление н.-англ. существительного *brother* потребует изобразить в виде большой таблицы, показывающей все словоформы. В рамках настоящего исследования мы не станем указывать сами словоформы, а ограничимся указанием

⁹ В п.-герм. языке также допускается вариант со смычным: **brōdor* [Сравнительная грамматика, 1963, с. 239].

¹⁰ Так, в др.-англ. парадигме склонения конкурировали суффиксальные и префиксальные способы формообразования множественного числа, например формы номинатива мн. ч.: *broþor* и *zebroþor*, а также формы, сочетающие оба способа, например датив мн. ч.: *zebroþrum*. Кроме того, функционировали параллельные формы, порождённые действием внешней аналогии [Жирмунский, 1976] с другими типами склонений, например ср.-англ. номинатив мн. ч. *brether, brotheres* и *bretheren* [Wright, 1923, p. 143].

только их теоретически минимального числа¹¹ для каждого основного этапа (пред)истории английского языка (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Диахронное представление количества основных словоформ лексемы *brother* в (пред)истории английского языка

[Table 3. **Diachronic representation of the number of word forms of *brother* in the history of the English language**]

периоды	и.-е	п.-герм.	др.-англ.	ср.-англ.	н.-англ.
формы	24	12	8	4	4

Примечание к таблице 3: В указанное количество входят формы восьми и.-е. падежей в единственном, множественном и двойственном числе, формы шести п.-герм. падежей в единственном и множественном числе, формы четырёх др.-англ. падежей в единственном и множественном числе, формы ср.- и н.-англ. общего падежа и генитива (поссесива) в единственном и множественном числе.

Следует отметить, что большое число и разнообразие языковых факторов диахронного тождества на лексическом уровне, а также широкая формальная вариативность лексических единиц в языках флективного типа, каким был английский на протяжении значительного отрезка своей истории, делают задачу диахронного отождествления более сложной, чем на низших уровнях языка.

3. Заключение [Conclusion]

Кратко обобщая высказанные выше идеи, можно сделать следующие главные выводы. Во-первых, в изучении истории языка диахронное тождество языковых единиц самим себе выступает их важной характеристикой, требующей специального анализа с привлечением методов этимологии и компаративистики.

Во-вторых, сложность анализа находится в зависимости от уровня языка, на котором находится конкретная единица. Установление диахронного тождества единиц высших уровней требует более развёрнутого анализа.

В-третьих, на фонетическом уровне диахронное тождество устанавливается для каждого случая реализации фонемы в конкретном фонетическом окружении. Синхронное тождество фонемы в целом не соответствует диахронному тождеству. В различных фонетических условиях два или более аллофона, являющиеся вариантами единой фонемы в синхронии, могут принадлежать разным фонемам в диахронии. Наконец, на лексическом уровне диахронное отождествление зависит от варьирующегося набора языковых факторов.

Список сокращений

гот. – готский; др.-англ. – древнеанглийский; др.-в.-н. – древневерхненемецкий; др.-греч. – древнегреческий; др.-ирл. – древнеирландский; др.-слав. – древнеславянский; зап.-герм. – западногерманский; и.-е. – индоевропейский; лат. – латинский; н.-англ. – новоанглийский; п.-герм. – прагерманский; ср.-англ. – среднеанглийский.

Список литературы

Амосова, 1956 – Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 220 с.

¹¹ При этом нами также не рассматриваются многочисленные орфографические варианты, которых только для ср.-англ. периода насчитываются десятки: *broþer*; *broþir*; *broþur*; *broder*; *broðer*; *brothir*; *brothur*; *broiþer*; *bruther*; *brodir*; *broder*; *brothre*; *broþre*; *brodyr*; *broþerr* и др. [Middle English Compendium, 2020].

- Бруннер, 2010 – Бруннер К. История английского языка. В 2-х т. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 720 с.
- Жирмунский, 1976 – Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л. : Наука, 1976. 695 с.
- Мухин, Морозова, 2020 – Мухин С. В., Морозова Е. Б. История английского языка. *Engliscse Spræce Stær. Historie of the Englishe Tonge. History of the English Language*. М. : ЛЕНАНД, 2020. 264 с.
- Красникова, 2010 – Красникова А. С. Диахронические изменения и проблема тождества текста (к постановке вопроса) // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 9 (54). С. 65–74.
- Красухин, 2004 – Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание. Курс лекций. М. : Издательский центр «Академия», 2004. 320 с.
- Кузьменко, 2011 – Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб. : Нестор-История, 2011. 266 с.
- Мейе, 2016 – Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М. : КРАСАНД, 2016. 168 с.
- Смирницкий, 1955 – Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 11–53.
- Смирницкий, 1998 – Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М. МГУ, 1998. 318 с.
- Сравнительная грамматика..., 1963 – Сравнительная грамматика германских языков. В 5 т. Т. III. Морфология. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 457 с.
- Философский словарь, 1991 – Философский словарь. 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. 560 с.
- Forrest, 2008 – Forrest P. The Identity of Indiscernibles. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL : <https://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/identity-indiscernible/#Ont> (дата обращения : 07.03. 2020).
- Kroonen, 2013 – Kroonen G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series / Edited by A. Lubotsky. Vol. II. Leiden – Boston, 2013. 750 p.
- Lehmann, 1986 – Lehmann W. P. *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden, 1986. 712 p.
- Middle English Compendium. URL : <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary> (дата обращения : 07.03.2020).
- Online Etymology Dictionary. URL : <https://www.etymonline.com/> (дата обращения : 5.03.2020).
- Wright, 1923 – Wright J. *An Elementary Middle English Grammar*. Oxford University Press, 1923. 225 p.

UDC 811.11-112: 81-112.2

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_144_152

Sergey V. Mukhin
MGIMO University
Moscow, Russian Federation
 s.muhin@inno.mgimo.ru

On the identity of linguistic units in diachronic studies (Exemplified by English)

Abstract

The article focuses on the problems of diachronic identification of linguistic units pertaining to different levels of language. The emphasis is on the necessity of this procedure in historic studies of language in regard to heterochronic linguistic forms. The examples of linguistic units on the phonetic and lexical levels are provided from English. With resort to the methods of comparative and historic linguistics, the study proceeds to establish inconsistency between the synchronic and diachronic identity of a phoneme as a component of different words. To this end, a phoneme is diachronically represented as a number of successive forms. An identical source of origin as well as equivalence of historic forms and invariability of their number are recognized to be mandatory

conditions to establish diachronic identity of a phoneme. On the lexical level, attention is paid to the factors of dissimilarity between the word-forms of a single lexeme. Notice is taken of more complexity suggested by the diachronic analysis of lexical units as compared with lower language levels. The latter fact is caused by a great number of word-forms typical of the inflexional parent languages, such as Indo-European, Germanic, and English itself at the earlier stages of its history.

Keywords: diachronic identity, history of English, linguistic unit, phoneme, lexeme.

© Mukhin S. V. 2021

For citation: Mukhin, S. V. O tozhdestve yazykovykh edinit v diakhronicheskikh issledovaniyakh (na materiale angliyskogo yazyka) [On the identity of linguistic units in diachronic studies (Exemplified by English)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 144–152. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_144_152.

References

- Amosova, N. N. (1956). *Etimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo angliyskogo yazyka* [Etymologic foundations of modern English word-stock]. Moscow : Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh.
- Brunner, K. (2010). *Istoriya angliyskogo yazyka* [History of English]. In 2 vol. Moscow : LKI Press.
- Zhirmunskiy, V. M. (1976). *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic Linguistics]. Leningrad : Nauka Press.
- Muhin, S. V., Morozova, E. B. (2020). *Istoriya angliyskogo yazyka. Enzliscre Spræce Stær. Historie of the Englishe Tonge. History of the English Language*. Moscow : LENAND Press.
- Krasnikova, A. S. (2010). Diahronicheskie izmeneniya i problema tozhdestva teksta (k postanovke voprosa) [Diachronic Changes and the Problem of Text Identity (Addressing the Matter)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [Russian State Humanitarian University Bulletin. Series: Literature. Linguistics. Culture], 9 (54), 65–74.
- Krasuhin, K. G. (2004). *Vvedenie v indoevropayskoe yazykoznanie. Kurs lektsiy* [Introduction to Indo-European Linguistics. Lectures]. Moscow : Akademiya Press.
- Kuz'menko, Y. K. (2011). *Rannie germantsy i ikh sosedi: Lingvistika, arkhologiiya, genetika* [Early Germanic People and their Neighbors: Linguistics, Archeology, Genetics]. Saint-Petersburg.
- Meillet, A. (2016). *Osnovnye osobennosti germanskoy gruppy yazykov* [The Main Proprieties of Germanic Languages]. Moscow : KRASAND Press.
- Smirnit'skiy, A. I. (1955). Leksicheskoe i grammaticheskoe v slove [Lexical and Grammatical Constituents of the Word]. *Voprosy grammaticheskogo stroya* [Problems of Grammar Structure] (pp. 11–53). Moscow.
- Smirnit'skiy, A. I. (1998). *Drevneangliyskiy yazyk* [Old English]. Moscow : Moscow State University Press.
- Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov (1963). [Comparative Grammar of Germanic Languages]. In 5 vol. Vol. III. Morfologiiya. Moscow : Akademiya nauk SSSR Press.
- Frolova, I. T. (Ed.). (1991). *Filosofskiy slovar'* [Philosophy Dictionary]. Moscow.
- Forrest, P. The Identity of Indiscernibles. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved March 07, 2020 from <<https://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/identity-indiscernible/#Ont>>.
- Kroonen, G. (2013). *Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. II. Leiden – Boston*.
- Lehmann, W. P. (1986). *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden.
- Middle English Compendium. Retrieved March 03, 2020 from <<https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary>>.
- Online Etymology Dictionary. Retrieved March 05, 2020 from <<https://www.etymonline.com/>>.
- Wright, J. (1923). *An Elementary Middle English Grammar*. Oxford University Press.

УДК 81'42

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_153_168

Солнцева Елена Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
shelestelena@yandex.ru

Бесконечность связности в медиадискурсе

Аннотация

В настоящей работе изучаются границы медиадискурса путём анализа разных видов его связности в статьях на одну тему на трёх языках – английском, немецком, испанском. Материалом исследования стали около 80 статей на тему чемпионата мира по футболу 2018 в России из электронных версий трёх газет: The New York Times (США), Süddeutsche Zeitung (Германия) и El País (Испания). В ходе исследования обнаружены связи, различающиеся 1) по хронологии (процесс подготовки, собственно матчи, их результаты и последствия), 2) по релевантности (одни статьи относятся непосредственно к рубрике спорт, другие посвящены финансовым, культурным или политическим аспектам проведения чемпионата), 3) по функциональности гиперссылок (гиперссылки на дополнительные материалы, на открытую дискуссию, на рекламу, переход в социальные сети, печать или сохранения статьи).

Современный медиадискурс стремится связать все имеющиеся источники информации и функции, существующие в электронной среде, поэтому глобальность медиадискурса постепенно приводит к связности, стремящейся в бесконечность.

Ключевые слова: медиадискурс, бесконечность, виды связности, чемпионат мира по футболу 2018, английский, немецкий, испанский.

© Солнцева Е. С. 2021

Для цитирования: Солнцева Е. С. Бесконечность связности в медиадискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 153–168. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_153_168.

1. Введение [Introduction]

Бесконечностью в естественных науках принято называть отсутствие предела, завершённости или конечной точки, что применимо, как правило, ко времени и пространству [Ушаков, 2013]. В настоящей работе бесконечность рассматривается применительно к медиадискурсу, изучаются границы медиадискурса путём анализа разных видов его связности при освещении одной темы в изданиях на трёх языках.

Медиадискурс – один из самых актуальных предметов исследования в современной лингвистике. Он анализируется, в частности, с позиций разграничения медиадискурса и медиатекста [Желтухина, 2007; Добросклонская, 2008; Казак, 2011; Кузьмина, 2011; Уварова, 2015]. С другой стороны, зарубежные исследователи обращаются к проблеме конструирования языковой действительности в медиадискурсе [Луман, 2002; О'Киф, 2011; ван Дейк, 2013; Фельдер, 2012; Якобсер, 2008; Спличал, Дальгрэн, 2013]. Внимание уделяется также методологии анализа медиадискурса [Белл, 1998; Кожемякин, 2010; Коновалова, 2015] и различным свойствам медиадискурса [Рикхайд, 2000; Милевская, 2001; Попова, 2004; Мейчин, 2007; Шторрер, 2008; Кресс, 2010; Сухвалова, 2010; Чернявская, 2013; Болдырева, 2014; Жучкова, 2014; Торопкина 2016]. При этом новым подходом к изучению можно считать анализ видов связности в медиадискурсе [Солнцева, 2018 а].

Медиадискурс характеризуется определёнными особенностями связности. В целом, связность представляет собой некое единство, наличие эксплицитных и имплицит-

ных отсылок одной части текста к другой, или шире, в пределах целого дискурса, от одной части дискурса к другому. Медиадискурсу в силу его специфики присущи тематическая, поликодовая и гипертекстуальная виды связности. Тематическая связность, или единство темы, свойственная в первую очередь текстам, продолжает развиваться и на уровне дискурса. При описании крупного знакового события постоянное упоминание участников такого события в разных статьях медиадискурса формирует своеобразную сеть отсылок или цепочку номинаций, отражающую глобальную семантическую связность разных текстов внутри медиадискурса. Поликодовая и гипертекстуальная виды связности, напротив, порождаются самой природой медиадискурса, его существованием в виртуальном пространстве. Под поликодовой связностью понимается наличие в текстах медиадискурса экстралингвистического материала, который, к тому же, связывает текст с другими ресурсами издания, такими как фото, аудио или видео. Гипертекстуальная связность обеспечивает переход по ссылкам между совершенно разными источниками информации в медиадискурсе, как внутри одного издания (например, при упоминании других статей по теме), так и за его пределами (например, отсылая к социальным сетям для обсуждения прочитанного или к техническим устройствам для передачи данных).

Проявление разных видов связности в современных СМИ стало настолько всеохватывающим, что границы медиадискурса трудно определить. Это обуславливает необходимость изучения характера и вариативности связности, то есть границ современного медиадискурса, позволяет увидеть и понять структуру и семантико-прагматическую направленность этого явления и вносит вклад в формулирование принципов методологии исследования медиадискурса.

В данной статье предложено комплексное исследование видов связности в медиадискурсе на материале английского, немецкого и испанского языков при описании общего знакового события – чемпионата мира по футболу 2018 в России.

2. Ход исследования [Research]

Настоящее исследование охватывает около 80 статей в американском издании *The New York Times* (25 статей), в немецком издании *Süddeutsche Zeitung* (30 статей) и в испанском издании *El País* (23 статьи) на тему чемпионата мира по футболу 2018 в России, организованного всемирной футбольной ассоциацией ФИФА.

Выборка статей проводилась с помощью поисковых запросов онлайн версий изданий *The New York Times*, *Süddeutsche Zeitung* и *El País*. Поисковый запрос представлял собой фразу «чемпионат мира 2018 ФИФА» («*World cup 2018 FIFA*», «*Weltmeisterschaft 2018 FIFA*», «*Copa del mundo 2018 FIFA*») на английском, немецком и испанском языках соответственно.

По результатам исследования обнаружены связи между статьями на одну тему, различающиеся, в том числе, следующим образом: по хронологии, по релевантности, по функциональности гиперссылок.

2.1. Хронологическая связность [Chronological coherence]

Категория времени рассматривается в ряде современных работ [Голубева, 2011 ; Ильченко, 2016 ; Повалко, 2016], однако в целом больше внимания уделяется анализу времени в художественном тексте. Между тем, именно медиадискурс представляет огромный интерес с точки зрения хронологических исследований, так как одно и то же событие получает разную степень освещения (тематическую, жанровую, релевантностную и др.) в зависимости от времени публикации материала. Под хронологической связностью понимается наличие упоминания ключевого события в статьях,

опубликованных до, во время и после его проведения, что отражает единое хронологическое развитие медиадискурса.

Чемпионат мира по футболу в России проводился с 14 июня по 15 июля 2018 года, при этом самая ранняя статья на эту тему датируется 17 октября 2010 года в издании *Süddeutsche Zeitung* («*Korruption bei der FIFA*» – «Коррупция в ФИФА»), в то время как самая поздняя там же 30 декабря 2018 года («*Böse Überraschungen im Kreml*» – «Плохой сюрприз в Кремле»).

В анализируемых статьях до начала чемпионата, освещаются проблемы подготовки и жеребьевки:

1. *Could Argentina (and Lionel Messi) Actually Miss the World Cup?* (NYT, March 29, 2017, Victor Mather) – 'Могла бы Аргентина (и Лионель Месси) действительно пропустить Чемпионат мира?'

Статья, датированная мартом 2017 года, содержит предположения и идеи о составе участников будущего чемпионата. Направленность статьи в будущее выражена, в частности, употреблением модального глагола *could* 'могла бы', лексемы *actually* 'действительно' в заголовке. Модальность предположения распространяется и далее в самом тексте, который повествует о возможности пропустить чемпионат для Аргентины: *So really, the top five might be good enough for Argentina. But sixth or lower would mean the end of the line. A loss in the Peru game could be fatal* (*Could Argentina (and Lionel Messi) Actually Miss the World Cup?* NYT, March 29, 2017, Victor Mather) – 'Так что, действительно, войти в число первых пяти (команд – прим. Е. С.) было бы достаточно хорошо для Аргентины. Но занять шестое место или ниже означало бы конец. Поражение в игре в Перу могло бы стать фатальным'.

То же можно пронаблюдать и в немецкоязычном издании:

2. ***Fußball-WM 2018: So wird gefeiert***

Nur noch wenige Tage, bis der Ball in Russlands Stadien rollt. Die Rheinland-Pfälzer und Saarländer haben sich schon auf die Fußball-Weltmeisterschaft vorbereitet. Wer aus Rheinland-Pfalz und dem Saarland ist dabei - und wo können die Spiele gefeiert werden? (SZ, 11.06.2018, dpa/lrs) –

'ЧМ по футболу 2018: вот так мы празднуем

Ещё пара дней, и мяч покатится по стадионам России. Жители земель Рейнланд-Пфальц и Саарланд уже приготовились. Кто из Рейнланд-Пфальца и Саарланда примет участие – и где можно отпраздновать проведение игр?'

Здесь автор объединяет в одной временной точке до начала матча и будущее (*nur noch wenige Tage* 'ещё пара дней'), и прошлое (*haben sich schon... vorbereitet* 'уже приготовились'), повествуя о начале знакового события. Автор эмоционален и использует эмоционально-окрашенную лексику (*so wird gefeiert* 'вот так мы празднуем') и образ (*bis der Ball in Russlands Stadien rollt* 'и мяч покатится по стадионам России').

Испаноязычное издание начинает освещение проблем подготовки чемпионата с 2015 года:

3. ***La FIFA admite irregularidades en las designacion de Rusia 2018 y Qatar 2022***

La Comisión Ética inhabilita a Jack Warner de por vida y la fiscalía desmiente a Platini al asegurar que no declaró solo como testigo, sino también como investigado (El País, 29 Sep 2015, Ladislao J. Moñino) –

'ФИФА признаёт нарушения в назначении России хозяйкой ЧМ-2018 и Катара хозяином ЧМ-2022

Комиссия по этике сняла с должности Джека Уорнера, а прокуратура уличила во лжи Платини, объявив, что он выступал не только как свидетель, но и как обвиняемый'.

Подготовка чемпионата, в частности, определение страны, которая станет принимать участников, начинается за много лет до самих игр. Это зачастую дискуссионный

процесс, порождающий множество публикаций в СМИ. Статья испаноязычной газеты «El País» содержит комментарии футбольной ассоциации (FIFA), а также представителей власти (*la fiscalía* 'прокуратура') о нарушениях при проведении отбора.

Во время проведения чемпионата освещаются собственно матчи, ход игр, представляются участники команд, а также различные мероприятия, проходящие в России. Например, в следующей статье из англоязычного издания The New York Times рассказывается таинственная история, произошедшая с игроками сборной Франции:

4. For FIFA Executives, World Cup Perks Survive a Scandal

France's players had barely finished celebrating their victory over Uruguay in the World Cup's first quarterfinal when a convoy of black minivans and sedans screeched out of the Nizhny Novgorod Stadium (NYT, July 13, 2018, Tariq Panja) –

'К сведению исполнительного комитета ФИФА, лидеры чемпионата мира переживают скандал'

Не успели игроки Франции закончить празднование своей победы над Уругваем в первом четверть-финале Чемпионата мира, как конвой черных фургонов и седанов с визгом выскочил со стадиона в Нижнем Новгороде'.

Драматизм повествования нарастает (*survive a scandal* 'переживают скандал', *had barely finished* 'не успели закончить, как...', *a convoy of black minivans and sedans* 'конвой черных фургонов и седанов', *screeched out* 'с визгом выскочил'), предвосхищая захватывающие события чемпионата мира, которые, однако, уже не связаны с самой игрой. На самом деле речь в статье идёт о роскоши и излишествах, которые позволили себе победители чемпионата в России, и о том, как это оценивается в ФИФА.

Подобный приём своеобразного подхвата – довольно частное явление в текстах современных СМИ (ср., например, характер освещения в СМИ выборов президента США 2016 г. в американском издании The New York Times и немецком издании Frankfurter Allgemeine Zeitung [Солнцева, 2018 а]). Это позволяет провести ненавязчивое переключение авторского акцента, а следовательно, и внимания читателя на более важные или, что чаще, на абсолютно другие темы. Использование такого приёма свидетельствует о скрытой интенции автора сосредоточиться на интересующей его теме, может быть, менее известной, предварительно привлекая читателя упоминанием наиболее популярных тем.

В немецкоязычной статье, также посвящённой игре французской сборной, сообщается о дальнейших успехах команды:

5. Frankreich schlägt Uruguay und steht im Halbfinale

Angeführt von Vorbereiter und Torschütze Antoine Griezmann haben Frankreichs Super-Techniker das Abwehrbollwerk Uruguay überwunden und das WM-Halbfinale erreicht (SZ, 06.07.2018) –

'Франция обыграла Уругвай и вышла в полуфинал'

С подачи нападающего и бомбардира Антуана Гризмана супер-технические французы преодолели защитные укрепления Уругвая и вышли в полуфинал ЧМ'.

Здесь акцент ставится на ходе самой игры, используется спортивная метафора (*haben... das Abwehrbollwerk überwunden* 'преодолели защитные укрепления') и экспрессивное определение (*Super-Techniker* 'супер-технические'). Описание напряжённого сражения продолжается и далее в статье: *Die Strategie war klar: Schneid abkaufen und den Gegner gar nicht zur Entfaltung kommen lassen. Das klappte zunächst. Uruguay machte Druck, Frankreich zeigte einmal mehr Schwächen in der Defensive, Varane wurde erstmal zum Unsicherheitsfaktor. 'Стратегия была понятна: обескуражить и не допустить развития игры противника. Сначала это сработало. Уругвай надавил, Франция дала слабину в защите, Варан впервые оказался ненадёжен'.*

Подробное поэтапное описание с элементами авторской оценки (*die Strategie war klar* 'стратегия была понятна', *das klappte zunächst* 'сначала это сработало', *Unsicherheitsfaktor* 'ненадежен') создаёт для читателя эффект присутствия на матче, что становится воплощением одной из важнейших интенций автора-футбольного комментатора, при успешной реализации которой ход игры продолжает быть интересным даже спустя много лет после матча.

В испанском издании *El País* также присутствуют яркие описания:

6. *La estrella y el cometa*

Darle el balón a Kylian Mbappé es como tirar un carrito de bebé por las escaleras. No hay forma de despegar la mirada de él ni se puede pensar en otra cosa que no sea una carretera al final del camino (*El País*, 15.07.2018, Manuel Jabois) –

'Звезда и комета

Отдать мяч Килиану Мбаппе это как бросить коляску с ребёнком катиться по лестнице. Невозможно оторвать от него взгляд и думать о чём-то, кроме как о том, чтобы в конце не было шоссе'.

Для рассказа о технике игры французского футболиста выбран крайне эмоциональный и необычный образ коляски с ребёнком, катящейся вниз по лестнице. Он способствует созданию напряжения и привлекает читателя с самых первых строк статьи. Автор подчёркивает опасность создавшейся ситуации, используя глагол *tirar* 'толкнуть, бросить' и упоминая *una carretera al final del camino* 'шоссе в конце'. Наблюдающий такое событие не может оторвать взгляд от происходящего, подобно тому, как болельщик не отрываясь будет смотреть на захватывающий и волнительный эпизод перехвата мяча во время футбольного матча.

После завершения ЧМ-2018 в России публикация статей на эту тему не прекращается. Теперь на первый план выходит обсуждение итогов и планов на будущее. Так, в американском издании описываются финансовые результаты, подсчёт потерь и выгод:

7. *Man City \$5 Million Winners From FIFA World Cup Hand-Out*

English champions Manchester City are the biggest beneficiaries from the \$209 million (163.03 million pounds) handed out by FIFA to clubs who released players for the 2018 World Cup, the global soccer body said on Tuesday (*NYT*, Dec. 4, 2018, Reuters, Brian Homewood, Ian Chadband) –

'Манчестер Сити получил \$5 миллионов выигрыша от чемпионата мира ФИФА

Выигрыш английских чемпионов Манчестер Сити составил от \$209 миллионов (163.03 миллиона фунтов), которые ФИФА выплатил клубам, выпустившим игроков на чемпионате мира 2018, сообщило руководство футбольной ассоциации во вторник'.

Вопросы финансирования не остались без внимания авторов изданий о ЧМ-2018. Данная статья, датируемая 4 декабря 2018 года, содержит в основном положительные экономические итоги матчей (*Overall, 416 clubs from 63 countries will receive payments.* – 'В целом, 416 клубов из 63 стран получат выплаты').

После ЧМ-2018 также публикуется множество статей, посвящённых команде-победительнице. В частности, это статья немецкоязычного издания о дальнейших планах Д. Дешампа, тренера сборной Франции:

8. *Deschamps will auch nach WM-Triumph weitermachen*

Didier Deschamps will seinen Vertrag als französischer Nationaltrainer auch nach dem vorläufigen Höhepunkt mit dem Gewinn des WM-Titels weiter erfüllen, berichteten französische Medien in der Nacht nach dem Triumph in Russland (*SZ*, 16.07.2018, dpa) –

'Дешамп хочет продолжить и после триумфа на чемпионате мира

Дидье Дешамп хочет продлить свой контракт в качестве тренера националь-

ной сборной Франции после недавней победы на ЧМ-2018, сообщают французские СМИ в ночь после победного триумфа в России'.

Употребление модального глагола *will* 'хочет', словосочетания *weiter erfüllen* 'продлить' позволяет отнести содержание высказываний к сфере будущего и планов, а упоминание того факта, что публикация состоялась ночью может также свидетельствовать о неожиданности и важности такой новости.

Испанские СМИ освещают вопрос о наградах, которые получают игроки ЧМ-2018:

9. Roberto Martínez: “Veo a Courtois titular”

El seleccionador belga deja atrás el gran papel de su combinado en el Mundial y se centra en el futuro (El País, 31.08.2018, Álvaro Sánchez) –

'Роберто Мартинес: «Вижу, как Куртуа получает титул»

Бельгийский тренер оставит позади свою важную роль в Чемпионате мира и сосредоточится на будущем'.

Здесь снова используется приём подхвата, как в примере 4. Повествование в статье постепенно уходит от освещения одного, центрального, события, а именно игры испанской сборной на чемпионате мира, в другую область или к более отдаленным перспективам.

В целом, чемпионат получает очень яркое эмоциональное освещение в медиадискурсе в американском, немецком и испанском изданиях. Основными темами становятся процесс подготовки, матчи, участники и команда-победительница. Статьи американского издания ставят акцент на экономической стороне дела, им также свойственен большой драматизм в описании событий по сравнению с другими изданиями, немецкие и испанские авторы больше сосредоточены на поражении своих национальных команд и на описании триумфа победителей.

2.2. Тематическая релевантность [Thematic relevance]

Наличие отступлений или даже ухода в сторону от основной темы позволяет говорить о разной степени релевантности информации в тексте статей. Под релевантностью в целом понимается семантическая связь основной темы статьи с заявленной темой [Словарь..., 2009]. Применительно к текстам о ЧМ-2018 речь идёт о соответствии темы статьи теме чемпионата мира по футболу 2018 года в России. Такая семантическая связность проявляется в частотности упоминания номинаций, относящихся к ЧМ-2018, по сравнению с номинациями, относящимися к другим темам. Главным условием релевантности становится тематическая адекватность и коммуникативная успешность анализируемых текстов [Попова, 2004]. Однако релевантность содержания медиадискурса зачастую ставится под сомнение [Болдырева, 2018 ; Солнцева, 2018 б].

В первую очередь, релевантность текстов может определяться по рубрике, в которой публикуется та или иная статья. Так, одни статьи относятся непосредственно к рубрике спорт, тогда как другие в большей степени посвящены финансовым, культурным или политическим аспектам проведения чемпионата.

Публикация статей о ЧМ-2018 в России состоялась под рубриками «Чемпионат мира 2018», «Спорт» / «Футбол», «Экономика», «Политика», «Культура» и др. Однако истинная тема статьи может не соответствовать заявленной рубрике. Например, англоязычное издание The New York Times в рубрике «Чемпионат мира 2018» рассказало об успехах компании Google во время проведения игр:

10. The Google Translate World Cup

Google said the volume of translation on its mobile app during the World Cup has been double what it might ordinarily be (NYT, July 13, 2018, Rory Smith) –

'Гугл переводит чемпионат мира

Гугл сообщил, что объем переводов в их мобильном приложении во время чемпионата мира удвоился по сравнению с обычными показателями'.

Вся статья посвящена примерам использования переводческого приложения компании Google и, безусловно, несёт в себе скрытую интенцию автора рекламировать услугу. Достаточно большой объём статьи (26 абзацев), ссылки на представителей науки (*"For younger travelers especially, the days of printed phrase and point-it books are over," said Joss Moorkens, an assistant professor at the School of Applied Language and Intercultural Studies at Dublin City University.* – *'«В особенности для более молодых путешественников дни печатного слова и путеводителей прошли»*, – *сказал Джосс Муркенс, доцент Школы прикладной лингвистики и межкультурных коммуникаций в Университете Дублина'*), ироничные и подробные описания случаев применения приложения Google (...*Two police officers at a security checkpoint eyed him (a British journalist – прим. Е. С.) suspiciously... one of the officers uttered a short sentence into his cellphone. He held it toward the journalist, and an electronic voice asked, in English, "Do you require medical assistance?"* – *'Два полицейских в пункте контроля проводили его подозрительным взглядом... один из полицейских пробормотал короткое предложение в свой телефон. Полицейский поднес устройство к журналисту, и электронный голос произнес на английском: «Вам нужна медицинская помощь?»*») выдают истинные намерения автора, делая скрытую рекламу навязчивой. При этом тема статьи становится связанной с самим чемпионатом лишь опосредованно, как место действия для описания характеристик и работы приложения компании Google. В этом случае можно говорить о низкой степени релевантности статьи по отношению к главной теме ЧМ-2018.

Намного более релевантными, по сравнению с проанализированной выше статьёй, становятся статьи, в которых повествование стремится далее, в перспективу проведения следующих чемпионатов:

11. FIFA, We Fixed Your World Cup Collusion Problem for You

Readers tackle a math puzzle on how to devise a fair tournament with 48 teams (NYT, June 26, 2018, Toni Monkovic) –

'ФИФА, мы решили для тебя проблему тайного сговора на чемпионате мира

Читателям предлагается решить математическую головоломку, чтобы организовать справедливый турнир между 48 командами'.

Здесь очень интересен жанр статьи, в которой предполагается диалог автора с читателями, решение математической головоломки и обсуждение результата. Статья снабжена фотографией с подписью: *Can FIFA find its way to a fair tournament format before the next World Cup? Spain goalkeeper David De Gea looked lost after giving up a goal June 15 against Portugal. Credit Thanassis Stavrakis/Associated Press* – *'Сможет ли ФИФА найти свой путь к справедливому турниру до следующего чемпионата мира? Испанский вратарь Давид Де Геа выглядел растерянным после того, как пропустил гол 15 июня в матче против Португалии'.*

Ряд словосочетаний (*collusion problem* 'проблема сговора', *before the next World Cup* 'перед следующим чемпионатом', *a goal June 15 against Portugal* 'гол 15 июня в матче против Португалии'), дата публикации статьи (26 июня 2018) отсылает читателя к чемпионату мира 2018, однако эти отсылки малочисленны и призваны скорее связать ЧМ в России с последующими чемпионатами, показать преемственность и продолжение развития темы. В результате вся статья содержит мнения читателей и комментарии автора о более справедливой (по сравнению с ЧМ 2018) жеребьёвке команд-участниц, что снижает степень релевантности данной статьи.

Одна из немецкоязычных статей опубликована в рубрике «Футбол - Монреаль» и сообщает следующее:

12. *Deutsche Roboter-Teams hoffen auf WM-Titel in Kanada*

Während Jogi Löw und die Nationalelf in Russland um den WM-Titel kämpfen, laufen humanoide Roboter vom 18. bis 22. Juni in Kanada zu ihrer Fußball-Weltmeisterschaft auf (SZ, 11 Juni 2018, dpa) –

'Команды немецких роботов рассчитывают на звание чемпионов мира в Канаде

Пока Йоахим Лёв и национальная сборная сражаются за титул чемпионов мира, роботы-гуманоиды готовятся принять участие в чемпионате мира по футболу в Канаде с 18 по 22 июня'.

Здесь переход от одного чемпионата к другому происходит прямо в первом предложении статьи, уводя внимание читателей в сторону от обсуждения ЧМ-2018 в России. Налицо скрытая интенция автора дать рекламу новому событию, менее популярному, чем чемпионат. Упоминание ключевых номинаций темы ЧМ-2018 (*Jogi Löw* 'Йоахим Лёв', *die Nationalelf* 'Национальная сборная', *Russland* 'Россия', *WM-Titel* 'титул чемпиона мира') сменяется упоминанием другого состязания (*humanoide Roboter* 'роботы-гуманоиды', *Kanada* 'Канада', *ihrer Fußball-Weltmeisterschaft* 'их чемпионат мира по футболу'). Общей темой можно считать «футбол», однако релевантность данной статьи для темы ЧМ-2018 существенно снижена за счёт дальнейшего включения упоминаний о робототехнике.

В другой немецкоязычной статье публикуются цитаты различных СМИ о чемпионате мира:

13. *Pressestimmen zur Fußball-WM*

«Weltmeister auf die Matte gelegt»

Englische und italienische Zeitungen sind verblüfft, die mexikanischen einfach nur stolz: Was die internationale Presse über das 0:1 der Deutschen zum WM-Auftakt schreibt (SZ, 18. Juni 2018) –

'Голоса прессы о чемпионате мира по футболу

«Чемпионы уложены на лопатки»

Английские и итальянские газеты в растерянности, мексиканские просто гордятся: что пишет зарубежная пресса об игре сборной Германии со счётом 0:1 в начале ЧМ'.

В данном примере прослеживается интенция автора подстегнуть немецкую сборную, немного пристыдить её, привлекая комментарии других стран (*Englische und italienische Zeitungen sind verblüfft, die mexikanischen einfach nur stolz* – 'Английские и итальянские газеты в растерянности, мексиканские просто гордятся'). Для подзаголовка в этом случае выбрана цитата, показывающая весь масштаб поражения, в которой лексема *Weltmeister* 'чемпионы мира' употреблена в словосочетании *auf die Matte gelegt* 'уложены на лопатки'.

В следующем примере из испаноязычного издания сообщается о применении новых технологий в ходе чемпионата мира:

14. *Aprobado el uso del VAR (Video Assistant Referee) y un cuarto cambio adicional en la prórroga para el Mundial de Rusia 2018*

"Tendrá un impacto positivo en el fútbol y en los partidos, y nos ayudará a tener una Copa del Mundo justa", asegura Infantino, presidente de la FIFA (El País, 05.03.2018, Gorka Pérez) –

'Апробация устройства ВАР и четвёртая замена в течение добавленного времени на чемпионате мира в России

«Устройство окажет положительное влияние на футбол и на матчи и поможет нам провести справедливый чемпионат мира», – уверяет Инфантино, президент ФИФА'.

Статья опубликована в марте 2018 года, и содержит сведения о подготовке к ЧМ-2018, она обладает достаточно высокой степенью релевантности, так как на протяжении всего текста содержит номинации *Mundial de Rusia 2018* 'Чемпионат мира в России 2018', *Copa del Mundo* 'Кубок мира', *Infantino, presidente de la FIFA* 'Инфантино, Президент ФИФА'.

В следующем испаноязычном примере под рубрикой *Deporte y Salud* 'Спорт и здоровье' сообщается об интересных книгах про футбол:

15. 15 libros sobre fútbol para leer durante el Mundial de Rusia (El País, 24.06.2018, Ramón Besa y Pedro Zuazua) – '15 книг о футболе, чтобы прочесть во время чемпионата в России'.

Упоминание номинации *Mundial de Rusia* 'чемпионат в России' связывает тему спорта с темой культуры, и хотя само повествование в статье в большей степени сосредоточено на содержании этих 15 книг, футбол остается общим элементом, объединяющим данную статью с другими статьями на тему М-2018. Однако такой уход от описания собственно знакового события к другим новостям снижает релевантность статьи.

Таким образом, упоминание чемпионата 2018 содержится как в релевантных статьях, так и в менее релевантных. Знаковое событие зачастую служит отправной точкой для дискуссий и описаний на другие темы.

2.3. Функциональность гиперссылок [Hyperlinks function]

Статьи на тему ЧМ-2018 в России в изданиях на разных языках различаются также функциональностью гиперссылок, тем дополнительным материалом, как релевантным, так и нерелевантным, с которым автор связывает свою статью посредством использования гипертекста. Текст статьи может быть связан, с одной стороны, с фото-, аудио- и видеоматериалами, а также с другими статьями по теме, может отсылать к участию в открытой дискуссии, предоставляющей болельщикам и другим заинтересованным лицам принять активное участие в обсуждении хода чемпионата, и с другой стороны, предоставлять доступ к сторонним ресурсам и техническим возможностям, не связанным непосредственно с темой статьи. Например, в американском издании имеется отсылка к дискуссии (выделено жирным курсивом):

16. *FIFA's proposed allocations of direct slots in expanded World Cup. Last two places to be decided in new «playoff tournament».*

21 people are talking about this

(NYT, Mar 30, 2017, Andrew Das)

'Предложения ФИФА по размещению прямых слотов в расширенном Чемпионате мира. Последние два места будут определяться в новом «турнире плей-офф»

21 человек обсуждают это'

Здесь гиперссылка (*21 people are talking about this* '21 человек обсуждают это') позволяет перейти от чтения статей к обсуждению новости. Такая ссылка размещается на странице с релевантными статьями и связывает один тип сообщения с другим: текст с открытым обсуждением онлайн.

Немецкоязычное издание предлагает также подкаст – аудио-, фото- или видеоресурс с возможностью бесплатной загрузки на своё устройство.

17. **Die beste WM-Analyse aller Zeiten**

Frankreich ist Fußball-Weltmeister, aber irgendwie war es auch das Turnier des russischen Präsidenten Putin. Die SZ-Experten diskutieren: Was bleibt von der WM 2018? (SZ, 16 Juli, 2018, Steilvorlage-podcast) –

'Лучший анализ ЧМ на все времена

Франция – чемпион мира, но каким-то образом это оказался и турнир российского президента Путина. Эксперты нашей газеты обсуждают: что осталось от ЧМ 2018?'

Данный подкаст – аудио-дебаты между экспертами, подводящие итоги чемпионату мира 2018 в России. Здесь предоставляется возможность не читать текст, а прослушать и даже сохранить его на своём устройстве. В случае с аудио-форматом читатель получает возможность уловить и интонации, и эмоции экспертов, что очень важно в таком жанре, как дебаты.

Другой особый материал, который включается в статьи, – это гиперссылки на другие материалы или документы к тексту, как, например, в немецкоязычном издании:

18. ***Schmutzkampagne und Sabotage: Neue Vorwürfe gegen Katar***

...

Links zum Text

<https://www.fifa.com/worldcup/qatar2022/index.html>

<https://www.sc.qa/en/>

<https://www.thetimes.co.uk/edition/news/exclusive-qatar-sabotaged-2022-world-cup-rivals-with-black-ops-glwl3kxkk>

(SZ, 29.July, 2018, dpa) –

'Грязная игра и саботаж: новые упреки Катару

...

Ссылки к тексту'

Такие ссылки располагаются в конце статьи и связывают текст с источниками приведенной информации, такими как сайт ФИФА, сайт Верховного комитета Катара по снабжению и наследию и сайт британского издания The Times. Подобная поддержка призвана сделать статью более надёжной и вызвать доверие в глазах читателя, подкрепить сведения авторитетными сообщениями. Кроме того, ссылки на внешние источники позволяют снять ответственность с немецкого издания в случае возникновения споров о достоверности указанной информации.

Испаноязычные издания также часто приводят гиперссылки на отдельные понятия прямо в тексте статьи (выделено жирным):

19. ...***Acabado el Mundial de Brasil, Piqué pensó en dejar la selección porque se sintió señalado por el fracaso del equipo de Del Bosque...ayer anunció que su retirada se produciría después de Rusia 2018*** (El País, 11.10.2016, Ramon Besa) – '***...По окончании чемпионата мира по футболу в Бразилии, Пике подумывал оставить сборную... вчера он объявил, что уйдёт после чемпионата в России 2018'***.

Этот формат даёт читателю возможность получить больше информации во время чтения. Гиперссылки переводят читателя в другие статьи, где подробнее рассказывается об упомянутом событии. Так, гиперссылка *Mundial de Brasil* 'Чемпионат мира в Бразилии' отсылает к статье «*España fue el Titanic*» 'Испания была Титаником', в которой рассказывается о поражении Испании в ходе бразильского чемпионата. Связующим звеном всех статей становится фигура Пике, испанского футболиста, игравшего в обоих чемпионатах.

Ссылка «*su retirada se produciría después de Rusia 2018*» 'уйдёт после чемпионата в России 2018' отображает статью, в которой рассказывается об интервью с Пике о его решении выйти из состава сборной. Его фигура, и соответственно, номинации (*Gerard Piqué* 'Жерар Пике', *Piqué* 'Пике', *el central* 'центральный', *el zaguero* 'защитник') связывают уже несколько статей.

Кроме того, вводятся гиперссылки на другие статьи по теме:

20. ***Más información***

Kolinda: Dios, patria y fútbol

Macron, champion, Macron, champion

Özil y Mbappé: el fútbol como arma de propaganda (El País, 4.08.2018) –

'Больше информации

Колинда: Бог, родина и футбол

*Макрон - чемпион, Макрон – чемпион
Озиль и Мбаппе: футбол как оружие пропаганды'*

Наконец, ряд гиперссылок обладает очень низкой релевантностью и связывает текст с абсолютно сторонними для издания ресурсами. В частности, сюда относятся гиперссылки на рекламу, на социальные сети, а также ссылки для перехода в режим печати или сохранения статьи на своём устройстве. В отличие от гиперссылок на дополнительные ресурсы, как было представлено выше, функциональные ссылки не связаны с темой сообщения и не зависят от вида издания. Они практически универсальны для всех анализируемых газет и нерелевантны относительно главной темы чемпионата мира 2018. Это связано, с одной стороны, с необходимостью продвижения статей в Интернете, увеличения их популярности, а с другой, с техническими особенностями работы с электронными документами.

Например, встречаются ссылки на рекламу:

21. *Sign up for The Upshot Newsletter*

Get the best of The Upshot's news, analysis and graphics about politics, policy and everyday life. (NYT) –

'Подписывайтесь на новостную рассылку Апшот

Получайте лучшие новости от Апшот, анализ, графики о политиках, политике и повседневной жизни'.

Читательские рекомендации:

22. *Leser empfehlen*

Unterhaltsreform

"In die richtige Richtung"

520 Leser (SZ) –

'Читатели рекомендуют

Реформа субсидирования

«В правильном направлении

520 читателей»'

Подобные нерелевантные связи объединяют все ресурсы медиадискурса и ещё больше расширяют его границы до такой степени, что его связность не имеет предела и представляется бесконечной.

3. Заключение [Conclusion]

По результатам проведённого исследования можно говорить о вариативности связности в медиадискурсе. При освещении одного знакового события, такого как чемпионат мира по футболу 2018 в России, все анализируемые издания на трёх языках включают в статьи разноплановый формат: текст, видео, аудио, обсуждения, гиперссылки на дополнительные ресурсы. Кроме того, общей чертой анализируемых трёх изданий может считаться также активное использование приёма тематического подхвата, когда начало статьи повествует об одной теме, в то время как продолжение уже о другой. Такой приём призван создать первоначальное впечатление у читателя о теме статьи, привлечь внимание к более актуальной теме. Делается попытка определённым образом разрекламировать статью, начав её с широко обсуждаемых вопросов. Но в дальнейшем фокус повествования изменяется, и автор может обратиться к менее обсуждаемым вопросам.

Различия между изданиями касаются точки зрения на событие: для американского издания, чья национальная сборная не принимала участия в чемпионате, характерно рассмотрение экономической стороны дела, введение в текст описаний, способствующих «нагнетанию обстановки» и созданию захватывающего повествования с элементами при-

ключения, а также рекламный контекст; немецкое издание уделяет больше внимания поражению команды Германии и команде-победительнице, а также чаще ссылается на источники информации; испанское издание также сосредоточено на неудаче испанской сборной и хронологически заканчивает публикацию статей по теме раньше других.

Выделенные связи, различающиеся по хронологии, релевантности, типу и функции, свидетельствуют о том, что современный медиадискурс стремится объединить все имеющиеся источники информации и функции, существующие в электронной среде. Несмотря на то, что количество исследуемых изданий, статей по теме чемпионата мира 2018 в России, выделенных видов связности представляет собой конечное число, те связи, к которым получает доступ читатель при ознакомлении даже с одной статьей по теме, обнаруживают огромный массив данных, обширную сеть, простирающуюся во всех направлениях: к другим релевантным и нерелевантным статьям, к поликодовым ресурсам, к внешним источникам. Именно наличие нерелевантных связей во всех трёх анализируемых изданиях, когда от собственно текстовых либо другого формата материалов о ключевом событии возможен переход читателя к материалам, абсолютно не связанным с основной темой, позволяет читателю обратиться к такому неопределённо большому количеству ресурсов, что в рамках данного исследования можно сформулировать вывод о бесконечности связности в медиадискурсе.

Исследование связности в медиадискурсе представляется перспективным особенно в свете всеохватного характера ключевых событий, которые сегодня всё быстрее находят языковое воплощение в средствах массовой информации. Устанавливать связи между единицами информации в таком огромном массиве данных – одна из приоритетных задач современной лингвистики.

Список сокращений и условных обозначений

NYT – The New York Times
 SZ – Süddeutsche Zeitung
 WM – Welmeisterschaft
 ЧМ – Чемпионат мира

Источники

The New York Times – электронные версии издания с 30.10.2010 по 04.12.2018.
 Süddeutsche Zeitung – электронные версии издания с 17.10.2010 по 30.12.2018.
 El País – электронные версии издания с 13.11.2014 по 31.08.2018.

Список литературы

- Болдырева Е. А. Структура текста газетной статьи и нерелевантность текстового содержания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 14–17.
- Голубева Т. И. Категория времени. Время объективное, субъективное, психологическое, художественное // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 25. С. 102–105.
- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М. : Флинта : Наука, 2008. 203 с.
- Желтухина М. Р. О содержании дискурса масс-медиа // Вісник Луганського педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Філологічні науки». 2007. № 11 (128). Ч. 1. С. 27–40.
- Жучкова И. И. О сущности и специфике использования терминов “cohesion” (связность) и “coherence” (цельность) в англоязычном и русском языкознании // Вектор науки ТГУ. 2014. № 3 (29). С. 155–159.

- Ильченко С. Н. Время и пространство как категории практической журналистики в учебном процессе // Век информации СПб: НИУ ВШЭ СПбГУ. 2016. № 2. С. 90–93.
- Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. Вып. 6. 2011. С. 320–334.
- Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. № 2 (73). 2010. Вып. 11. С. 13–21.
- Коновалова М. В. Медиадискурс и подходы к его изучению // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2015. Вып. 98. № 27 (382). С. 101–108.
- Кузьмина Н. А. Современный медиатекст. Омск : Полиграфический центр «Татьяна», 2011. 414 с.
- Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. Ростов на Дону : Ростовский государственный университет. 2001. 390 с.
- Повалко П. Ю. Пространство и время как категории художественного текста // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 106–112.
- Попова, Г. Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия: автореф. дисс ... канд. филол. наук. Воронеж : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2004. 32 с.
- Словарь иностранных слов русского языка. 3-е издание / ред. А. Н. Чудинова. 2009. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/47555 (дата обращения :20.03.2019).
- Соболева О. В. К проблеме определения понятия «гипертекстуальность» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2014. № 7 (336). Вып. 89 С. 72–75.
- Солнцева Е. С. (а) Релевантность элементов поликодового текста в The New York Times // Litera. 2018. № 1. С. 77–84. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.1.25194. URL: http://e-notabene.ru/file/article_25194.html (дата обращения 05.04.2019)
- Солнцева Е. С. (б) Виды связности в медиадискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 481–491.
- Суховалова Е. А. Категории когезии и когерентности в контексте англоязычного политического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 8 (587). С. 40–49.
- Торопкина В. А. Поликодовость заголовков современных медиатекстов в аспекте языковой игры // Уральский филологический вестник. Серия : Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2016. Вып. 2. С. 259–266.
- Уварова Е. А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий // Вестник МГОУ. Сер. : Лингвистика. 2015. № 5. С. 47–54.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка : Около 100000 слов. М. : Аделант, 2013. 800 с.
- Чернявская В. Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник ИГЛУ. 2013. № 02 (23). С. 122–127.
- Bell A. Approaches to Media Discourse. London : Blackwell, 1998. 287 p.
- Dijk T. A. van. News as Discourse. London : Routledge, 2013. 208 p.
- Felder E. Linguistische Mediendiskursanalyse. Zur Bestimmung agonaler Zentren in der pragmasemiotischen Textarbeit. In: Grusca, Franciszek (Hg.): Tagungsakten zur Sektion 53 «Diskurslinguistik im Spannungsfeld von Deskription und Kritik» des Warschauer IVG-Kongresses. Frankfurt: Peter Lang Verlag, 2012. S. 407–415. (in German).
- Jakobsen B. F. News in Global Mass Media Discourse – a Multimodal, Systemic and Sociological Discussion // Systemic Functional Linguistics in Use, OWPLC 29. 2008. P. 434–443.
- Kress G. Multimodality: Exploring Contemporary Methods of Communication. London: Routledge, 2010. 236 p.
- Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2002. (in German).

- Machin D. Introduction to Multimodal Analysis. London : Bloomsbury Academic, 2007. 224 p.
- O’Keeffe A. Media and Discourse Analysis. In Gee J. & Handford M. (eds), *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London : Routledge, 2011. P. 441–454.
- Rickheit G., Schade U. “Kohärenz und Kohäsion”. *Text- und Gesprächslinguistik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / K. Brinker et al. (Hrsg.). Vol. 1*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000, SS. 275–283.
- Splichal S., Dahlgren P. Media Research Paradigms: Conceptual Distinctions, Continuing Divisions. In: *The International Encyclopedia of Media Studies : Research Methods in Media Studies, Volume 7*. Ed. Darling-Wolf, Fabienne etc. Wiley-Blackwell, 2013. pp. 39–64.
- Storrer A. Hypertextlinguistik. In: N. Janich *Textlinguistik. 15 Einführungen*. Narr Studienbücher Gunter Narr Verlag Tübingen, 2008. S. 315–332.

UDC 81`42

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_153_168

Elena S. Solntseva
St Petersburg University
Saint Petersburg, Russian Federation
 shelestelena@yandex.ru

Infinity of coherence in mass media discourse

Abstract

This paper investigates the boundaries of mass media discourse focusing on various means of coherence in newspaper articles highlighting the same topic in 3 languages – English, German and Spanish. Around 80 articles devoted to the FIFA World Cup 2018 in Russia were selected from 3 newspapers to comprise the material for the study: *New York Times* (The U.S.), *Süddeutsche Zeitung* (Germany) and *El Pais* (Spain). It was discovered that coherence manifestations differed 1) chronologically (preparatory process, games, results and consequences); 2) by relevance (with some articles referring merely to sport issues while others focusing on financial, cultural or political issues of holding the World Cup); 3) by functions of hyperlinks (links to additional material, open discussion, advertisement, social networks, printing or saving an article).

The analysis revealed the variety of coherence in mass media discourse. Focusing on one key event, all analysed issues used a number of formats: text, photo, video, discussion, hyperlinks etc. The most frequent way to attract reader’s attention was a topical change when the article started with a most well-known topic but continued with another one. The differences in coverage between issues referred to the point of view on the event.

It has become clear from the study, that modern mass media discourse tends to link all sources and functions available in the electronic form. The globality of media leads to an infinite coherence.

Keywords: mass media discourse, infinity, types of coherence, FIFA World Cup 2018, English, German, Spanish.

© Solntseva E. S. 2021

For citation: Solntseva, E. S. Beskonechnost' svyaznosti v mediadiskurse [Infinity of coherence in mass media discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 153–168. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_153_168.

References

- Boldyreva, E. A. (2014). Struktura teksta gazetnoy stat'i i nerelevantnost' tekstovogo sodержaniya [The Structure of the Newspaper Article and Irrelevance of its Content]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*

- [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2, 14–17.
- Golubeva, T. I. (2011). Kategoriya vremeni. Vremya ob"ektivnoe, sub"ektivnoe, psikhologicheskoe, khudozhestvennoe [The Category of Time. Objective, Subjective, Psychological and Literary Time]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)* [Vestnik Universiteta (State Management University)], 25, 102–105.
- Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Media Linguistics: Systematic Approach to Mass Media Language Studies]. Moscow. Flinta : Nauka Press.
- Zheltukhina, M. R. (2007). O sodержanii diskursa mass-media [On the Content of Mass Media Discourse]. *Visnik Lugans'kogo pedagogichnogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Seriya «Filologichni nauki»* [Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University]. 11 (128). Part 1. 27–40.
- Zhuchkova, I. I. (2014). O sushchnosti i spetsifike ispol'zovaniya terminov “cohesion” (svyaznost') i “coherence” (tsel'nost') v angloyazychnom i russkom yazykoznanii [On the Implications and Characteristic Aspects of the Terms "Cohesion" And "Coherence" in the English and Russian Linguistics]. *Vektor nauki TGU* [Science Vector of Togliatti State University], 3 (29), 155–159.
- Ilchenko, S. N. (2016). Vremya i prostranstvo kak kategorii prakticheskoy zhurnalistiki v uchebnom protsesse [Time and Space as Categories of Practical Journalism in the Learning Process]. *Vek informatsii SPb: NIU VShE SPbGU* [Information Century SPb: NIU VSE SPbU], 2, 90–93.
- Kazak, M. Y. (2011). Spetsifika sovremennogo mediateksta [Specifics of Contemporary Media Text]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Modern Discourse-Analysis], Issue 6, 320–334.
- Kozhemyakin, E. A. (2010). Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass Communication and Media Discourse: on the Methodology in Studies]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Issue : Humanities], 2 (73). Issue 11, 13–21.
- Konovalova, M. V. (2015). Mediadiskurs i podkhody k ego izucheniyu [Media Discourse and Approaches to its Studies]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University], Issue 98, 27 (382), 101–108.
- Kuzmina, N. A. (2011). *Sovremennyy mediatekst* [Modern Media Text]. Omsk. “Tatiana” Publishing Center.
- Milevskaya, T. V. (2001). Svyaznost' kak kategoriya diskursa i teksta (kognitivno-funktsional'nyy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty) [Coherence as a Category of Discourse and Text (cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects)]. Doctoral diss in Philological sci. Rostov on Don : Rostov State University.
- Povalko, P. Y. (2016). Prostranstvo i vremya kak kategorii khudozhestvennogo teksta [Space and Time as the Categories of a Literary Text]. *Vestnik rossiyского universiteta druzhby narodov. Seriya: teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 3, 106–112.
- Popova, G. E. (2004). Relevantnost' vyskazyvaniya kak edinitsey rechevogo vzaimodeystviya [Relevance of an utterance as a unit of spoken interaction]. PhD in Philological sci. diss. Voronezh : Pyatigorsk State University.
- Chudinov, A. N. (Ed.). (2009). Slovar' inostrannykh slov russkogo yazyka [Dictionary of foreign words in Russian]. Retrieved March 20, 2019 from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/47555>.
- Soboleva, O. V. (2014). K probleme opredeleniya ponyatiya «gipertekstual'nost'» [On the Problem of Definition of the Notion «Hypertextuality»]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Studies], Issue 89. 7 (336), 72–75.
- Solntseva, E. S. (2018 a). Relevantnost' elementov polikodovogo teksta v The New York Times [Relevance of Multimodal Elements in The New York Times]. *Litera*. 1. 77–84. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.1.25194. Retrieved April 5, 2019 from <http://e-notabene.ru/fil/article_25194.html>.

- Solntseva, E. S. (2018 b). Vidy svyaznosti v mediadiskurse [Types of Coherence in Media Discourse]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], Issue 15, 3, 481–491.
- Sukhvalova, E. A. (2010) Kategorii kogezi i kogerentnosti v kontekste angloyazychnogo politicheskogo diskursa [Categories of Cohesion and Coherence in the Context of English-speaking Political Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. [Vestnik of Moscow State Linguistic University], Issue 8 (587), 40–49.
- Toropkina, V. A. (2016). Polikodovost' zagolovkov sovremennykh mediatekstov v aspekte yazykovoy igry [Polycode headlines of modern mediatexts in the aspect of language game]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya : Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i techeniya* [Ural Journal of Philology. Issue: Russian Literature of the 20th-21st cent.: Directions and Movements], Issue 2, 259–266.
- Uvarova, E. A. (2015). Mediatekst i mediadiskurs: k probleme sootnosheniya ponyatiy [Media Text and Media Discourse: the Problem of their Correlation]. *Vestnik MGOU. Seriya : Lingvistika* [Bulletin of Moscow Regional State University. Series : Linguistics], 5, 47–54.
- Ushakov, D. N. (2013). Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka : Okolo 100000 slov [Explanatory Dictionary of the Russian language: about 100000 words]. Moscow : Adelant Press.
- Chernyavskaya, V. E. (2013). Medial'nyy povorot v lingvistike: polikodovye i gibridnye teksty [Medial Turn in Linguistics: Text Hybridity]. *Vestnik IGLU* [Vestnik of Irkutsk State University]. Irkutsk : IGLU. 02 (23), 122–127.
- Bell, A. (1998). *Approaches to Media Discourse*. London :Blackwell.
- Dijk, T. A. van (2013). *News as Discourse*. London : Routledge,
- Felder, E. (2012). Linguistische Mediendiskursanalyse. Zur Bestimmung agonaler Zentren in der pragma-semiotischen Textarbeit. In: Grusca, Franciszek (Hg.): *Tagungsakten zur Sektion 53 «Diskurslinguistik im Spannungsfeld von Deskription und Kritik» des Warschauer IVG-Kongresses*. Frankfurt : Peter Lang Verlag. 407–415.
- Jakobsen, B. F. (2008). News in Global Mass Media Discourse – a Multimodal, Systemic and Sociological Discussion. In: *Systemic Functional Linguistics in Use*, OWPLC 29, 434–443.
- Kress, G. (2010). *Multimodality: Exploring Contemporary Methods of Communication*. London : Routledge.
- Luhmann, N. (2002). *Die Realität der Massenmedien*. Opladen : Westdeutscher Verlag.
- Machin, D. (2007). *Introduction to Multimodal Analysis*. London : Bloomsbury Academic.
- O'Keeffe, A. (2011). Media and Discourse Analysis. In Gee J. & Handford M. (eds), *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London : Routledge. 441–454.
- Rickheit G., Schade U. (2000). “Kohärenz und Kohäsion”. *Text- und Gesprächslinguistik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / K. Brinker et al. (Hrsg.)*. (Vol. 1. SS. 275–283). Berlin; New York: Walter de Gruyter..
- Splichal, S., Dahlgren, P. (2013). Media Research Paradigms: Conceptual Distinctions, Continuing Divisions. In: *The International Encyclopedia of Media Studies : Research Methods in Media Studies*, (Volume 7. Pp. 39-64.) Darling-Wolf, Fabienne etc (Ed.). Wiley-Blackwell.
- Storrer, A. (2008). Hypertextlinguistik. In: N. Janich, *Textlinguistik*. 15 Einführungen. Narr Studienbücher Gunter Narr Verlag Tübingen, S. 315–332.

УДК 81`27

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_169_182

Худякова Екатерина Сергеевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
khudiakova.es@gmail.com

Социолингвистическое варьирование параметров устного спонтанного текста

Аннотация

В статье исследуется влияние социальных факторов на просодически выраженные синтаксические и макросинтаксические единицы. Привлекаются данные супrasegmentного анализа спонтанной речи, которые непосредственно связаны с синтаксическим уровнем, а именно: средняя длина фразы в словах и в синтагмах и средняя длина синтагмы в фонетических словах; а также параметры, связанные с оформлением целого текста: количество композиционных блоков в тексте, их длина во фразах, объём целого текста во фразах и в словах. Результаты статистического моделирования влияния факторов «возраст», «тип образования», «уровень образования» и «гендер» убедительно свидетельствуют о том, что на варьирование синтаксических и макросинтаксических параметров устного текста оказывают существенное влияние факторы «тип образования» и «гендер», при этом градации фактора «тип образования» существенно влияют на количество фраз в тексте и на объём текстового блока во фразах (у гуманитариев все показатели значительно превышают значения этих параметров в текстах негуманитариев). Длина синтагмы зависит от гендера говорящего (у мужчин синтагма в среднем длиннее).

Ключевые слова: спонтанная речь, монолог, социальные факторы, синтаксис, макросинтаксис, синтагма, фраза, статистическое моделирование.

© Худякова Е. С. 2021

Для цитирования: Худякова Е. С. Социолингвистическое варьирование параметров устного спонтанного текста // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 169–182. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_169_182.

1. Введение [Introduction]

В социолингвистике является общепризнанным факт социального варьирования частот речевых реализаций единиц разных уровней языка, при этом уровень текста (и уровень ли? См., напр., мнение Ю. А. Левицкого в [Левицкий, 2002, с. 54–55]) редко становится предметом социолингвистического исследования.

В ещё большей степени этот тезис касается текстов спонтанной речи, при том что «коммуникация посредством неподготовленной по форме, свободно и сиюминутно порождаемой устной речи, без сомнения, составляет основную долю речевой деятельности любого человека» [Фонетика спонтанной речи, 1988, с. 5]. Особенности устной спонтанной речи обусловлены, с одной стороны, экстралингвистически, «прежде всего <...> – социолингвистически» [Фонетика спонтанной речи, 1988, с. 6], с другой – свойствами двусторонних единиц синтаксиса, лексики и морфологии, которые оформляются фонетическими единицами [Там же].

Одним из жанров (или форм) спонтанной речи является монолог – «чаще всего рассказ одного говорящего, адресованный реальному или воображаемому слушателю» [Фонетика спонтанной речи, 1988, с. 13].

Сильви Дюбуа и Дэвид Санкофф, формулируя принципы исследования социолингвистического варьирования дискурса, отмечают многообразие единиц, основное

условие для которых – возможность количественного рассмотрения: «Мы не можем заранее перечислить и определить набор разных дискурсивных функций. Более того, дискурсивные формы являются структурно различными и могут обнаруживаться на разнообразных уровнях анализа: это могут быть сложные процессы (повествование, описание, рассуждение), крупные единицы (повторы, риторические вопросы, непрямая речь) или более ограниченные единицы (маркеры и частицы). Вероятно, отсутствие общепринятых единиц анализа устного текста также создаёт сложности в его исследовании»¹ [Dubois, Sankoff, 2001, с. 283].

В работе [Ерофеева, Ерофеева, 2010] рассмотрено два параметра, которые могут варьировать в зависимости от социальных характеристик говорящего – это длина предложения и синтаксическая сложность. Показано, что «на синтаксическом уровне наиболее важным фактором оказался фактор “уровень образования”: у лиц с высшим образованием длина предложения и фразы, а также степень сложности выше, чем у лиц со средним образованием, что представляется закономерным. На втором месте находится фактор “гендер”, который оказывает существенное влияние только на длину предложения: предложения у мужчин длиннее, чем у женщин» [Ерофеева, Ерофеева, 2010, с. 32]. Как видится, набор исследуемых варьируемых единиц устного спонтанного текста должен быть расширен.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Методология и материал [Methodology and material]

Данное исследование во многом является продолжением работы [Ерофеева, Ерофеева, 2010], но включает помимо собственно синтаксических параметров текста (среднюю длину предложений в орфографических словах) также макросинтаксические (собственно текстовые, напр., объём текста во фразах, объём текстового блока во фразах). Расширен и набор социобиологических факторов, влияние которых на устный спонтанный текст проверяется: рассмотрены факторы «гендер», «специальность» (тип образования), «уровень образования» и «возраст».

Страта «г е н д е р» имеет две градации; она является одной из базовых социобиологических страт [Ерофеева, 2009, с. 34], поэтому и была включена в число исследуемых факторов. В социолингвистике считается доказанным влияние страты «специальность» на порождение и восприятие текстов; рассматривается обычно разница между гуманитариями, имеющими опыт работы с текстами разных типов, и негуманитариями [Ерофеева, 2009, с. 35]. Фактор «у р о в е н ь о б р а з о в а н и я», по мнению Р. К. Потаповой и В. В. Потапова, важен потому, что в системе вузовского образования в том числе происходит закрепление владения нормативным литературным языком [Потапова, Потапов, 2006, с. 83]. В настоящем исследовании фактор имеет две градации: среднее специальное и высшее образование. Фактор «в о з р а с т», несомненно, связан с текстопорождением и из-за накопления социального опыта, и из-за возрастных особенностей памяти и внимания (которые напрямую влияют на синтаксическое и макросинтаксическое структурирование спонтанной речи). Фактор «возраст» в исследовании имеет три градации (25–34 года, 35–44 года, 45–55 лет). П р о б л е м о й исследования является статистическое моделирование варьирования синтаксических и текстовых параметров в зависимости от указанных четырёх социобиологических факторов.

Выборка информантов сбалансирована по градациям исследуемых социобиологических факторов, поэтому в направленную выборку попали 24 текста. М а т е р и а л представляет собой спонтанный монолог на тему «О себе», записанный у взрослых жи-

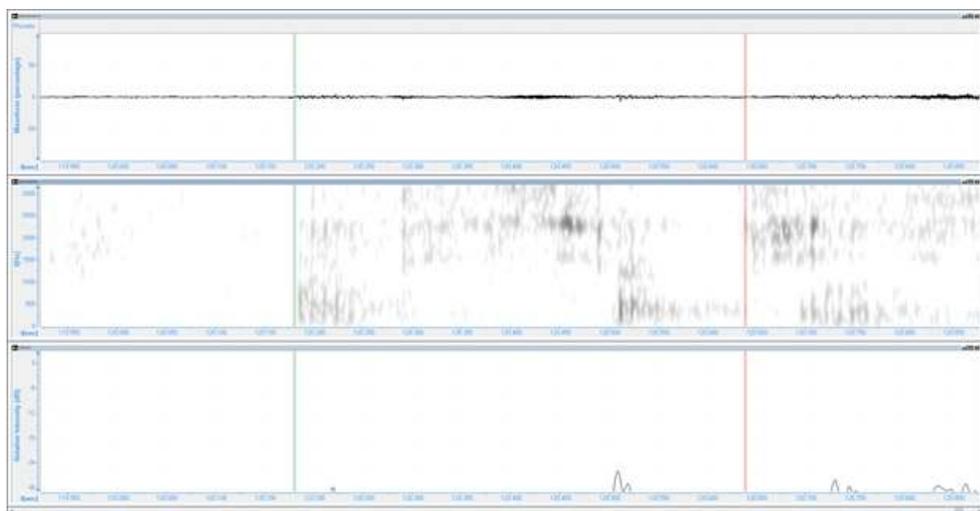
¹ Здесь и далее перевод иноязычных источников выполнен автором.

телей города Соликамска Пермского края (в рамках большого проекта, посвящённого изучению социального варьирования речи жителей Соликамска и Кунгура и предполагающего проведение полуструктурированных интервью). Общее время звучания текстов составляет 53 мин. 15 сек.

В соответствии с идеей Сильви Дюбуа и Дэвида Санкоффа о разнородности единиц анализа спонтанного текста необходимо ввести рабочие определения объектов изучения (параметров), которые далее будут подвергнуты статистическому анализу.

Дженни Чешир отмечает, что «синтаксис занимает центральное место в построении дискурса. Это означает, что при анализе социолингвистических аспектов синтаксической вариации мы должны учитывать не только грамматические функции (такие как маркеры времени), но и функции дискурса (такие как выделение новой информации), которые могут быть реализованы лексическими, фонетическими и другими языковыми формами и способами, наряду с синтаксическими формами» [Cheshire, 2005, с. 499]. Поэтому объектами исследования являются двухсторонние единицы, формой которых выступают фонетические.

Первой и самой «проблемной» единицей членения устного текста выступает фонетическое слово. Довольно часто (см. [Ерофеева, Ерофеева, 2010]) в качестве единицы анализа устноречевого дискурса используют орфографическое слово, однако необходимо признать, что для изучения спонтанной речи традиционные единицы языка малоприменимы: функциональной единицей выступает именно фонетическое слово, которое может включать ряд орфографических слов или состоять из незнаменательных слов (см. на рисунке 1 фиксацию в программе Speech analyzer фонетического слова «вот и всё» – маркера конца текста с одним словесным ударением и одним побочным ударением в проклитике).

Р и с у н о к 1. Осциллограмма, спектрограмма и тонограмма фрагмента *вот и всё*
[Figure 1. Wave form, spectrogram and pitch contour of *vot i vsyo* 'that about it']

Фонетическое слово (ФС) – «исходное понятие, необходимое для описания звучащего (или по крайней мере транскрибированного) текста», «кратчайшая единица ритма, обозначающая знаменательное слово или сочетание служебного и знаменательного (реже – двух знаменательных) слов», «объединённое одним основным ударением (при этом может быть и не основное, побочное, или малое ударение)»; «ритмико-акцентуационное единство основного морфологического слова (ОМС) и разного рода проклитик и энклитик» [Фонетика спонтанной речи, 1988, с. 106].

В данном исследовании разделяется тезис, выдвинутый петербургскими фонетистами, что «по своей коммуникативной роли в предложении (сообщении, высказывании) ФС должно быть признано основной единицей описания спонтанного, речевого текста, соответствующей традиционному, “языковому” понятию слова, т. е. должно быть принято в качестве специфического для речи метапонятия» [Фонетика спонтанной речи, 1988, с. 107]. Минимальной единицей измерения длины остальных просодических сегментов текста в работе выступает ФС (в таблицах для краткости называемое «словом»).

Базовые сегменты устной речи предлагается называть элементарными дискурсивными единицами (ЭДЕ) [Кибрик, Подлесская, 2009, с. 56]. В понимании А. А. Кибрика и В. И. Подлесской, синтагма – «это кандидат в ЭДЕ, некоторый отрезок дискурса, который может рассматриваться на определенном эвристическом этапе как потенциальная ЭДЕ» [Там же, с. 103]. Синтагма – единица фонетического и смыслового членения речи, характеризующаяся единым синтагменным ударением (обычно на последнем знаменательном слове) и отсутствием пауз внутри [Светозарова, 1982, с. 27]. То есть синтагма потенциально синтаксична. Фраза соответствует целому высказыванию или части сложного высказывания.

Помимо термина ЭДЕ, принятого в московской фонетической школе, в литературе, посвящённой единицам устной речи, встречаются и другие термины – фраза, интонационная фраза, интонационная единица и др. [Фонетика спонтанной речи, 1988 ; Хитина, 2004 ; Кривнова, 2007]. Нам ближе понятие фразы, предложенное Л. В. Щербой: «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речемысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их» [Щерба, 1939, с. 87–88].

Фраза просодически отличается единым контуром частоты основного тона, акцентным центром, темповым паттерном (ускорение – замедление) и паттерном интенсивности («громче» сначала) и наличием пограничных пауз [Кибрик, Подлесская, 2009, с. 57].

Наличие просодического сегмента устного дискурса, большего, чем фраза, является дискуссионным вопросом. Н. Д. Светозарова отмечает: «Наиболее независимые и внутренне законченные группы слов соотносятся с отдельными высказываниями (которые тем не менее вступают в своеобразные смысловые связи с другими относительно независимыми высказываниями, образуя сверхфразовые единства)» [Светозарова, 1982, с. 18].

Семантико-синтаксическая же сегментация текста на единицы, большие, чем высказывание (просодическая фраза) вполне доказана. Питер Фолц утверждает, что пропозициональное деление (то есть на фразы в случае с устным дискурсом) является самой распространённой моделью текстопорождения и текстовосприятия, поскольку пропозиция соответствует минимальной единице знания (имеет когнитивные перспективы) [Foltz, 2003, с. 492], далее при моделировании пропозиции «собираются в единицы более крупные, например, каузальные цепочки или модели ситуаций» [Foltz, 2003, с. 492].

По мнению Я. М. Колкера, законченный текст представляет собой коммуникативный блок, части которого также являются коммуникативными блоками, находящимися на разных уровнях членения. Под коммуникативным блоком понимается «функциональная единица текста, в центре которой всегда находится только один признак объекта высказывания. Эта единица объективно выделяется только в пределах данного контекста» [Колкер, 1976, с. 73]. К. Ф. Седов оперирует понятием «текстовый блок» и определяет его как «суждение о каком-либо явлении или факте действительности, у которого есть текстовый субъект и текстовый предикат» [Седов, 2004, с. 200]. Тематический блок выделяется, если наблюдается несколько высказываний с одной темой и разными предикатами. Методика выделения тематических блоков текста предполагает выполнение ряда процедур: 1) фиксацию предикативных единиц в каждом высказыва-

нии созданных информантами текстов; 2) определение семантики предикатов. Эту семантико-синтаксическую по своей природе единицу, которая имеет множество наименований – коммуникативный блок, текстовый блок, макропропозиция (по Т. ван Дейку и В. Кинчу [Дейк, Кинч, 1988]) – далее будем называть вслед за К. Ф. Седовым текстовым блоком.

Нами проанализированы следующие 7 текстовых параметров, которые условно разделим на синтаксические и макросинтаксические.

Синтаксические параметры (относительные величины) – длина фразы в синтагмах и длина фразы в словах; длина синтагмы в словах. Эти параметры могут быть стабильными в устной речи информанта и слабо контролируруемыми при текстопроизводстве. Длина фразы в синтагмах может быть связана с особенностями речемыслительного процесса, поскольку указывает на «точки» развёртывания речи; длина фразы в фонетических словах прямо связана с синтаксической организацией речи; длина синтагмы в фонетических словах отражает величину рабочей единицы дискурса говорящего.

Макросинтаксические (текстозависимые) же параметры в большой мере зависят от коммуникативной ситуации, в которой производится текст, от его жанра, коммуникативного намерения, и поэтому контролируются говорящим. Среди текстовых параметров, доступных количественному исследованию, рассмотрены объём текста во фразах, объём текста в фонетических словах, количество текстовых блоков в целом монологическом тексте и объём текстовых блоков во фразах.

Методом сбора материала выступило полуструктурированное интервью с диктофонной записью в полевых условиях; методы первичной обработки данных – слуховой и машинный анализ цифрового сигнала в программе Speech analyzer: использовались осциллограмма, показывающая структуру слова и паузацию, спектрограмма, показывающая изменения частоты основного тона (в Гц), а также тонограмма (визуализация интонационного контура) и график интенсивности (в дБ) (для выделения фонетического слова, фразы и синтагмы). Выделение текстовых блоков как конструктивных единиц текста предполагало применение семантического анализа.

Основной метод анализа материала – статистический, в частности, дисперсионный анализ (ДА) силы влияния фактора (осуществлен с помощью надстройки MS Excel «Анализ данных»).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Был проведён ДА силы влияния четырёх рассматриваемых социальных факторов на комплексный параметр (включает все 7 текстовых переменных) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Значения силы влияния факторов по комплексному параметру
[T a b l e 1. Magnitude of complex parameters effect]

Фактор	Значение η^2
Гендер	0,059
Уровень образования	0,101
Тип образования (специальность)	0,137
Возраст	0,092

Как видно из таблицы 1, по комплексному параметру значение η^2 не превышает уровень значимости (для двухградационных признаков – F критический = 4,3, для трёх-

градационного фактора – F критический = 3,2), следовательно, рассматриваемые социальные факторы не оказывают достоверного влияния на варьирование единого комплекса синтаксических и макросинтаксических признаков текста, тем не менее, первый ранг по значимости имеет фактор «тип образования». Чтобы уточнить влияние конкретных параметров текста, процедура ДА была проведена отдельно для каждого синтаксического и макросинтаксического параметра, данные представлены в таблице 2 (в скобках указано значение F критического для оценки статистической значимости результатов, значимые результаты выделены жирным шрифтом).

Т а б л и ц а 2. Результаты ДА по параметрам текста
[T a b l e 2. Results of dispersion analysis of text parameters]

Параметры		Факторы			
		Гендер (4,3)	Уровень образования (4,3)	Тип образования (4,3)	Возраст (3,2)
Длина синтагмы в словах		5,8	0,716	0,053	0,882
Длина фразы	в синтагмах	0,04	1,3	0,259	1,437
	в словах	1,417	1,822	0,156	0,552
Количество блоков		0,011	0,944	0,011	1,349
Объем текстового блока во фразах		0,002	0,013	8,266	0,82
Длина текста	в словах	0,697	1,2	1,264	0,622
	во фразах	0,194657	0,364	4,635	0,792

Как видно из таблицы 2, тип образования оказывает достоверное влияние на количество фраз в тексте и на объём текстового блока во фразах (макросинтаксис). Длина синтагмы зависит от гендера говорящего. Факторы «уровень образования» и «возраст» на нашем материале не показали статистически достоверного влияния на исследуемые текстовые параметры. Чтобы проиллюстрировать влияние факторов, рассмотрим средние значения исследуемых параметров по градациям факторов (см. табл. 3).

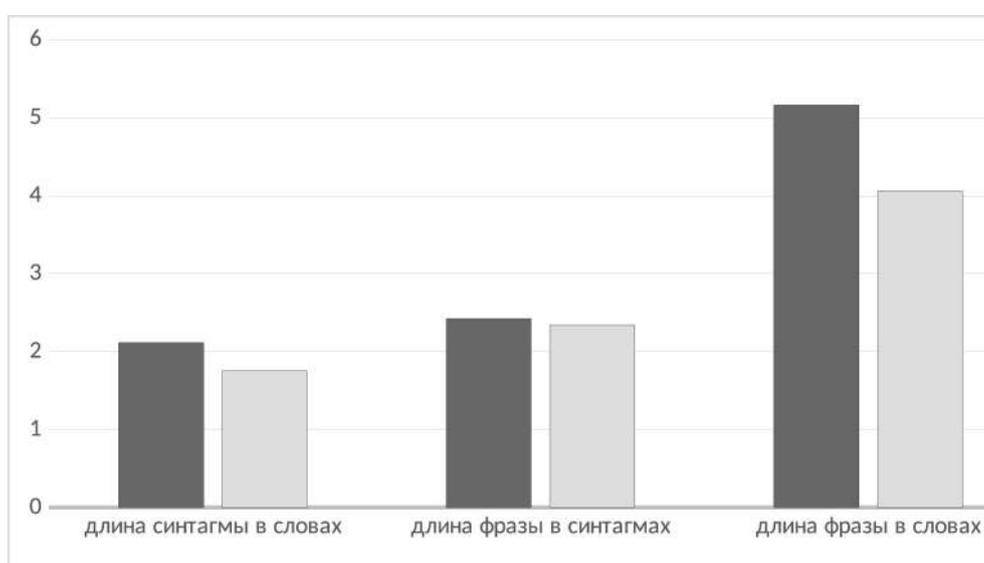
Т а б л и ц а 3. Средние значения текстовых параметров по градациям социобиологических страт
[T a b l e 3. Text parameters mean values according to sociobiological strata gradations]

Фактор	Градации	Синтаксические параметры			Макросинтаксические параметры			
		длина синтагмы в словах	длина фразы в синтагмах	длина фразы в словах	кол-во блоков	длина текстового блока во фразах	длина текста в словах	длина текста во фразах
Гендер	мужчины	2,1	2,4	5,2	4,5	6,3	166,3	29,0
	женщины	1,75	2,3	4,0	4,4	6,4	122,3	26,2
Уровень образования	высшее	2,0	2,6	5,2	4,8	6,4	172,8	29,5
	среднее	1,9	2,2	4	4,1	6,3	115,8	25,8
Тип образования	гум	1,95	2,5	4,8	4,5	7,7	173,5	33,75
	негум	1,9	2,3	4,4	4,4	5,0	115,1	21,5

Окончание таблицы 3 [End of Table 3]

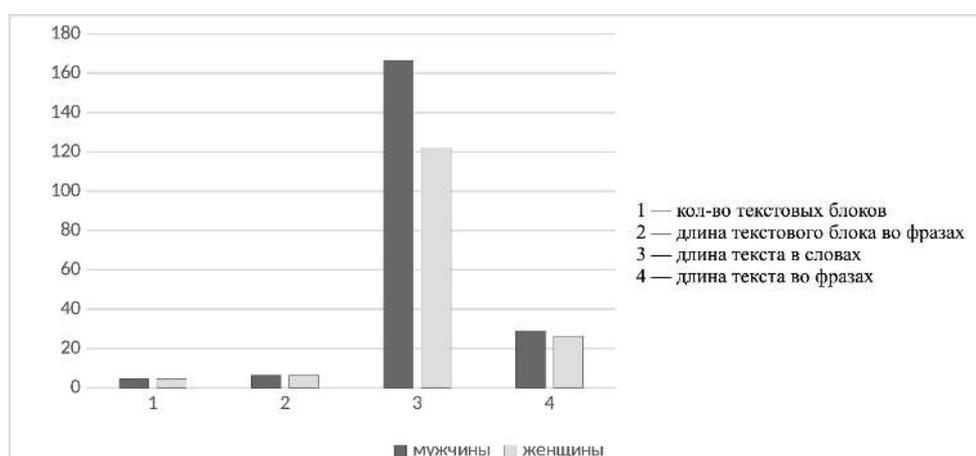
Фактор	Градации	Синтаксические параметры			Макросинтаксические параметры			
		длина синтагмы в словах	длина фразы в синтагмах	длина фразы в словах	кол-во блоков	длина текстового блока во фразах	длина текста в словах	длина текста во фразах
Возраст	25-34	1,8	2,5	4,6	5,1	6,1	155,9	30,5
	35-44	2,1	1,9	4,0	3,6	5,7	103,6	22,1
	45-55	1,9	2,7	5,2	4,6	7,3	173,4	30,3

В отличие от результатов более раннего исследования [Ерофеева, Ерофеева, 2010], на нашем материале фактор «гендер» оказывает влияние на варьирование не только собственно синтаксических, но и текстовых параметров (см. рис. 2 и 3).

Р и с у н о к 2. Варьирование синтаксических параметров текстов по градациям фактора «гендер»

[F i g u r e 2. Syntactic text parameters variation according to gender]

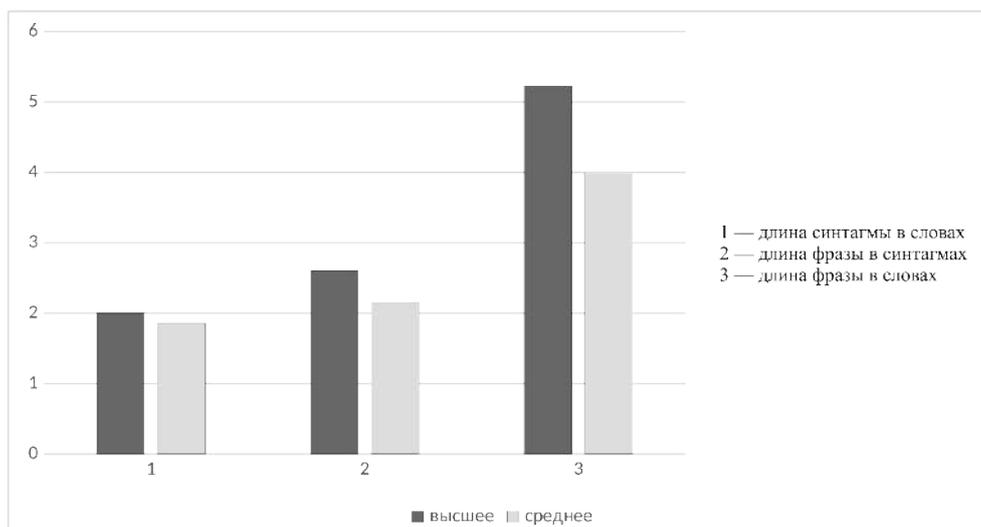

Р и с у н о к 3. Варьирование макросинтаксических параметров текстов по градациям фактора «гендер»

[F i g u r e 3. Macrosyntactic text parameters variation according to gender]

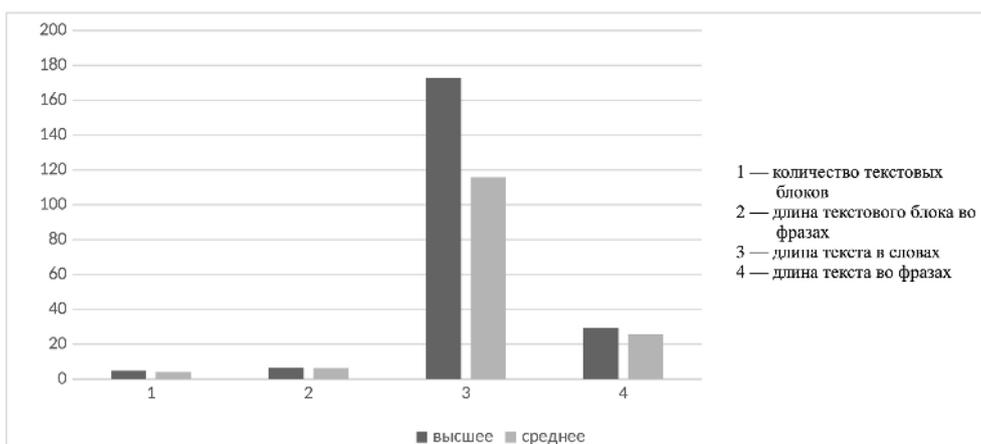
Рисунки 2 и 3 показывают, что в среднем мужчины порождают автобиографический текст с более длинными фразами (5,2 слова на фразу у мужчин и 4,0 – у женщин) и значительно более объёмные (ср. 166 слов в монологе мужчин и 122 – женщин). Статистически достоверным является влияние рассматриваемого фактора на длину синтагмы: мужчины в среднем произносят 2,1 фонетических слов в синтагме, а женщины – 1,75, что опровергает стереотип о «болтливости» женщин (по крайней мере в ситуации самопрезентации), мужчинам свойственен более комплексный сегмент речепроизводства.

Как известно, «среднее число фонетических слов в синтагме колеблется от 1 до 8. При этом синтагмы, содержащие от 1 до 3 ударных слов, покрывают более 70 % всех синтагм» [Фонетика спонтанной речи, 1988, с. 148]. Наши данные укладываются в этот интервал, при этом отметим и социолингвистические различия длины синтагмы женщин и мужчин, которые, вероятно, можно учитывать в прикладных экспертных работах.

Р и с у н о к 4. Варьирование синтаксических параметров текстов по градациям фактора «уровень образования»

[F i g u r e 4. Syntactic text parameters variation according to education level]

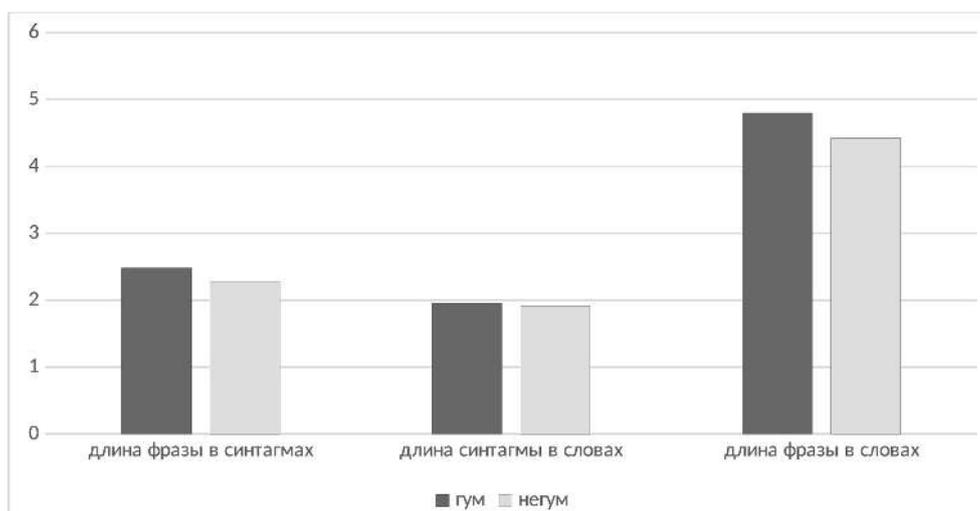

Р и с у н о к 5. Варьирование макросинтаксических параметров текстов по градациям фактора «уровень образования»

[F i g u r e 5. Macrosyntactic text parameters variation according to education level]

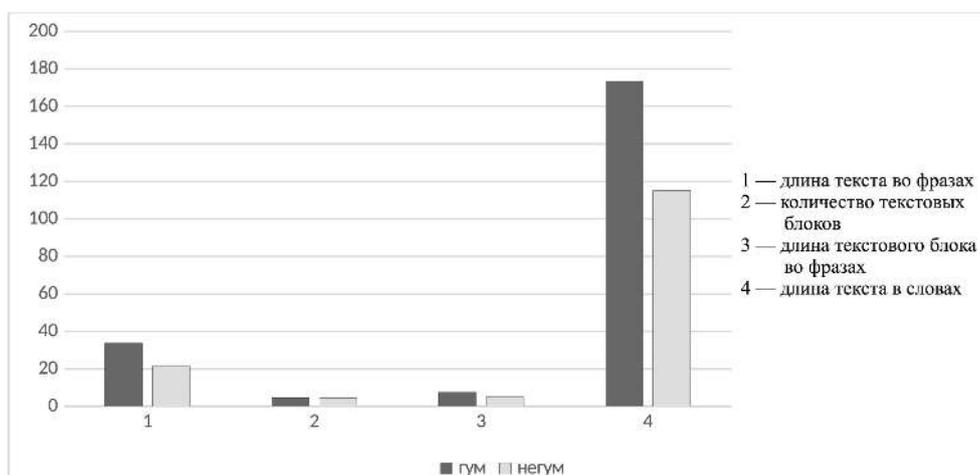
Рассматривая фактор «уровень образования», следует отметить (см. рис. 4 и 5), что информанты с высшим образованием склонны к более сложной и синтаксической, и

макросинтаксической организации текста: длина фразы и в синтагмах (2,6 у информантов с высшим образованием и 2,2 у информантов со средним образованием), и в словах (4,8 и 4,1) у них выше. Длина целого текста (в словах и фразах) у них также выше (172,8 слов на текст говорящих, получивших высшее образование, и 115,8 – у получивших среднее; 29,5 фраз на текст информантов, получивших высшее образование и 25,8 фраз на текст информантов со средним), однако эти данные следует трактовать только как тенденцию, т. к. значение силы влияния фактора «уровень образования» по рассмотренным параметрам не превышает F критического.

Р и с у н о к 6. Варьирование синтаксических параметров текстов по градациям фактора «тип образования»

[F i g u r e 6. Syntactic text parameters variation according to education type]

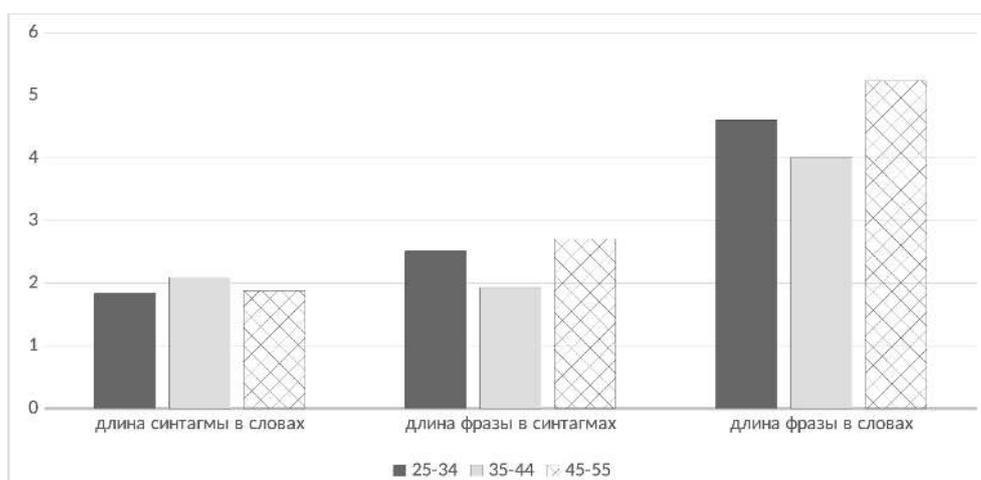
Р и с у н о к 7. Варьирование макросинтаксических параметров текстов по градациям фактора «тип образования»

[F i g u r e 7. Macrosyntactic text parameters variation according to education type]

По фактору «тип образования» (специальность) обнаружены самые существенные отличия в реализации макросинтаксических параметров (тогда как синтаксические практически не варьируют): информанты с гуманитарным образованием порождают более объёмный текст и в словах – 173,5, ср. с 115,1 слов в тексте негуманитариев, и во фразах – 33,75 фразы в среднем на «гуманитарный» текст и 21,5 – на «негуманитар-

ный». Длина текстового блока также больше у гуманитариев – 7,7 фразы в среднем входит в блок гуманитариев и 5,0 – негуманитариев. Статистически достоверным можно считать влияние фактора «тип образования» на количество фраз в текстовом блоке и в тексте целиком, что демонстрирует способность информантов, получивших гуманитарное образование, порождать крупный, состоящий из множества высказываний, хорошо структурированный (каждая текстовая ситуация «раскрыта» подробно, о чём говорит количество фраз в текстовом блоке) текст.

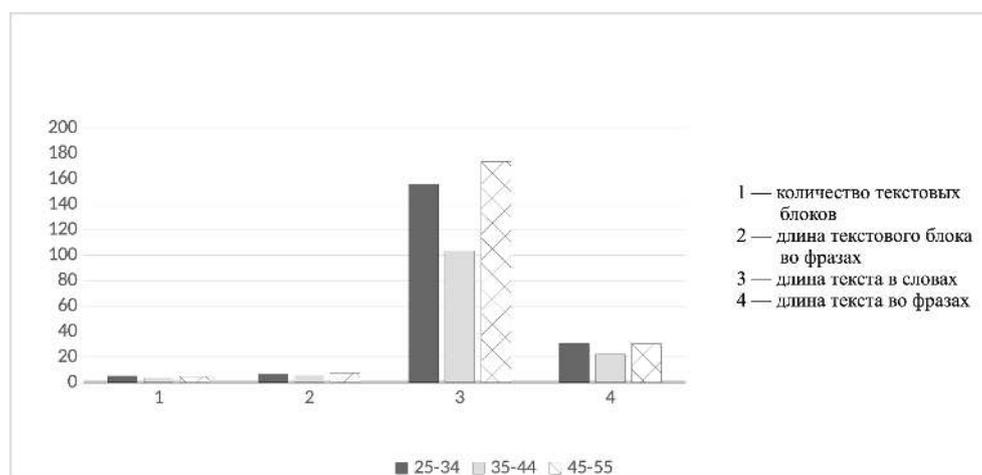
По фактору «возраст» обнаружена тенденция к сходству средних значений синтаксических показателей (рис. 8) в младшей и старшей возрастных группах, причем чаще всего значения у них больше, чем в средней возрастной группе (кроме показателя длины синтагмы, который в монологах информантов младшей возрастной группы составляет 1,8 слов, в старшей – 1,9 слов, а в средней – 2,1). Так, длина фразы у молодых и старших информантов колеблется в районе 2,5 и 2,7 синтагм, а у информантов средней возрастной группы – 1,9 синтагм; длина фразы в словах принимает пропорциональные значения: 4,6 и 5,2 слов на синтагму наблюдается у младших и старших и 4,0 – у «средних».

Р и с у н о к 8. Варьирование синтаксических параметров текстов по градациям фактора «возраст»

[F i g u r e 8. Syntactic text parameters variation according to age groups]

Те же различия наблюдаются и для значений макросинтаксических параметров (рис. 9): количества текстовых блоков (5,1 блока в текстах информантов из младшей возрастной группы, 4,6 – старшей возрастной группы и 3,6 – у информантов из средней возрастной группы); длины текстового блока (6,1, 7,3 и 5,7 соответственно); длины текста в словах (155,9, 173,4 и 103,6); длины текста во фразах (30,5, 30,3 и 22,1). Такое отличие средней возрастной группы сложно назвать случайным; сходство параметров младших и старших информантов, скорее всего, имеет социально-психологическое объяснение, связанное с жанром порождаемого текста – автобиографическим нарративом: молодые с готовностью объемно рассказывают о себе проспективно, старшему возрасту свойственна автобиографическая рефлексия (что подтверждается и содержательно, см. начало монолога информанта из старшей возрастной группы: *Казалось бы это / ну не время / подводить итоги / да / может кто-то строит планы ещё // Но-о / м / чем взрослее становишься / тем больше накапливается опыт ошибок / разочарований // И ты не знаешь / что с этим делать / куда это девать / вот эти вот какие-то обиды / какой-то протест / а / иногда даже безысходность // (женщина, 50 лет, среднее гуманитарное образование).*

Р и с у н о к 9. Варьирование макросинтаксических параметров текстов по градациям фактора «возраст»
 [F i g u r e 9. Macrosyntactic text parameters variation according to age groups]

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет заключить следующее. Собственно синтаксические параметры устного текста, вероятно, являются слабоконтролируемыми и отражают речевые особенности, обусловленные социальным фактором «изнутри», без осознания этого влияния. По нашим данным, только один синтаксический параметр обусловлен социально, конкретно – гендером говорящего, – это длина синтагмы в словах.

Достоверное влияние гендера информанта на длину синтагмы в словах (у мужчин в среднем длиннее) имеет когнитивную интерпретацию – синтагма соответствует компоненту клаузы, количество слов отражает тенденцию к более комплексному (на уровне ветвей дерева составляющих, более близким к вершине) или более расчленённому заполнению при речепроизводстве узлов клаузы. Как показал наш материал, мужчины сразу заполняют более сложные узлы, чем женщины, для которых характерно просодическое отделение мелких компонентов клаузы.

Макросинтаксические параметры, зависящие от коммуникативной ситуации, интерпретируются авторами монографии «Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса» как «дискурсивный выбор» [Кибрик, Подлесская, 2009, с. 542], они контролируемы информантом, и если обнаруживают зависимость от социобиологических факторов, то скорее говорят о способах речевой самопрезентации представителей каждой социальной группы.

В исследовании два из собственно текстовых (макросинтаксических) параметров (длина текстового блока во фразах и длина текста во фразах) оказались достоверно зависимыми от социальной принадлежности говорящего, а именно от типа полученного образования. В среднем информанты с гуманитарным образованием производят значительно более длинный текст о себе (ср. 33,75 фраз в среднем в тексте гуманитариев и 21,5 – негуманитариев); эти данные хорошо коррелируют с данными о средней длине каждого блока, которая составляет 7,7 фраз у гуманитариев и 5 – у негуманитариев (при том, что количество блоков в тексте практически не различается – 4,5 и 4,4 блока соответственно). Как видно, гуманитарное образование способствует формированию навыка порождения объёмного текста со структурой, в которой каждый блок развёрнут, то есть текстовая ситуация изложена более подробно, с большим количеством деталей. В среднем гуманитарии продемонстрировали более высокую монологическую компетенцию.

Влияние гендера, уровня образования и возраста информантов обнаруживается (с разной статистической достоверностью) и для синтаксических, и для макросинтаксических параметров текста. При этом специальность приводит к существенным различиям только в макросинтаксисе текста (гуманитарии репрезентируют себя как способных к длительному связному производству монологического текста), а синтаксические параметры текстов гуманитариев и негуманитариев не варьируют.

Для теоретической лингвистики важно наблюдение о том, что собственно синтактико-просодические характеристики (кроме длины синтагмы) у русскоязычных информантов варьируют в меньшей степени (в объединённой выборке средняя длина фразы в синтагмах составляет 2,4, в словах – 4,6), что соотносится с данными [Кибрик, Подлеская, 2009, с. 60], причём в нашем материале дисперсия значений даже меньше, чем в указанной работе. Вероятно, это связано с обусловленностью указанных параметров физиологическими (объём дыхания) и когнитивными факторами (объёмом оперативной памяти, который определяет длину фразы).

Макросинтаксические же параметры текста – объём целого текста и объём текстового блока во фразах, которые информант может сознательно контролировать, показали большую зависимость от социальных характеристик информантов, однако тезис о зависимости структуры целого монологического текста от социальной принадлежности человека требует проверки и качественными методами.

Благодарности [Acknowledgments]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19412590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

Список литературы

- Дейк, Кинч, 1988 – Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М. : Прогресс, 1988. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. С. 153–211.
- Ерофеева, Ерофеева, 2010 – Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. Человек и текст: антропоцентрический подход к исследованию // Вестник Пермского ун-та: Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4 (10). С. 28–33.
- Ерофеева, 2009 – Ерофеева, Т. И. Социолект: стратификационное исследование: монография. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2009. 240 с.
- Кибрик, Подлеская, 2009 – Кибрик А. А., Подлеская В. И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М. : Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
- Колкер, 1976 – Колкер Я. М. Анализ текста путем выделения коммуникативных блоков (с опорой на коммуникативные блоки) как один из приемов проверки его большей или меньшей доступности для восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / под ред. Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьева. М. : Наука, 1976. С. 73–77.
- Кривнова, 2007 – Кривнова О. Ф. Ритмизация и интонационное членение текста (опыт теоретико-экспериментального исследования) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Кривнова Ольга Федоровна. М. : МГУ, 2007. 53 с.
- Левицкий, 2002 – Левицкий Ю. А. Проблемы лингвистики текста. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 108 с.
- Потапова, Потапов, 2006 – Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М. : Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
- Светозарова, 1982 – Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1982. 176 с.
- Седов, 2004 – Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.

- Фонетика спонтанной речи, 1988 – Фонетика спонтанной речи / под ред. Н. Д. Светозаровой. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 248 с.
- Хитина, 2004 – Хитина М. В. Делимитативные признаки устно-речевого дискурса. М. : Изд-во «ООО Типография Сарма», 2004. 160 с.
- Щерба, 1939 – Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским : учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и расшир. Л. : Учпедгиз, 1939. 279 с.
- Cheshire, 2005 – Cheshire J. Syntactic variation and beyond: gender and social class variation in the use of discourse-new markers // *Journal of Sociolinguistics*. 2005. Vol. 9. P. 479–509.
- Dubois, Sankoff, 2001 – Dubois S., Sankoff D. The Variationist Approach toward Discourse Structural Effects and Sociointeractional Dynamics // *The Handbook of discourse analysis* / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton. Malden, Massachusetts / Oxford : Blackwell Publishers Inc., 2001. P. 282–303.
- Foltz, 2003 – Foltz P. W. Quantitative Cognitive Models of Text and Discourse Processing // *Handbook of discourse processes* / Ed. by A. C. Graesser, M. A. Gernsbacher, S. Goldman. Mahwah, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 2003. P. 487–523.

UDC 81`27

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_169_182

Ekaterina S. Khudyakova
Perm State University
Perm, Russian Federation
 khudiakova.es@gmail.com

Sociolinguistic variation of parameters of oral spontaneous text

Abstract

The article examines the social factors influence on prosodic manifestation of syntactic and macrosyntactic units. The data collected during suprasegmental analysis of spontaneous speech are used, which are directly related to the syntactic level, namely: the average length of a phrase in words and in syntagmas and the average length of a syntagma in phonetic words, as well as parameters associated with the design of the whole text: the number of composition blocks in the text, their length in phrases, the length of the whole text in phrases and words. The results of statistical modeling of the influence of the factors "age", "type of education", "level of education" and "gender" clearly indicate that the factors "type of education" and "gender" significantly influence the variation of syntactic and macrosyntactic parameters of an oral text. The factor "type of education" significantly affects the number of phrases in the text and the length of the text block in phrases – both parameters are significantly higher for the speakers who specialize in Humanities compared to those who specialize in Sciences. The length of the syntagma depends on the speaker's gender – syntagmas produced by male speakers are longer.

Keywords: spontaneous speech, monologue, social factors, syntax, macrosyntax, syntagma, phrase, statistical modeling.

© Khudyakova, E. S. 2021

For citation: Khudyakova E. S. Sotsiolingvisticheskoe var'irovanie parametrov ustnogo spontannogo teksta [Sociolinguistic variation of parameters of oral spontaneous text]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 169–182. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_169_182.

References

- Dejk, T. A. van, Kinch, V. (1988). Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies of coherent text understanding]. In V. V. Petrov, V. I. Gerasimov (Eds), *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in

- foreign linguistics] (Vol. 23 : Kognitivnye aspekty yazyka [Cognitive aspects of language], pp. 153–211). Moscow : Progress Press.
- Erofeeva, E. V., Erofeeva, T. I. (2010). Chelovek i tekst: antropotsentricheskii podkhod k issledovaniyu [Man and Text: An Anthropocentric Approach to Research]. *Vestnik Permskogo un-ta: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald: Russian and Foreign Philology], 4 (10), 28–33.
- Erofeeva, T. I. (2009). *Sotsiolekt: stratifikatsionnoe issledovanie* [Sociolect: stratification research]. Perm : Perm State University Press.
- Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (2009). *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Dream narratives: A Corpus Study of Russian Oral Discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Press.
- Kolker, Ya. M. (1976). Analiz teksta putem vydeleniya kommunikativnykh blokov (s oporoy na kommunikativnye bloki) kak odin iz priemov proverki ego bol'shey ili men'shey dostupnosti dlya vospriyatiya [Analysis of the text by highlighting communicative blocks (Based on communicative blocks) as one of the methods of checking its greater or lesser accessibility for perception]. In T. M. Dridze, A. A. Leont'ev (Eds.), *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Semantic perception of a speech message (In terms of mass communication)] (pp. 73–77). Moscow : Nauka Press.
- Krivnova, O. F. (2007). *Ritmizatsiya i intonatsionnoe chlenenie teksta (opyt teoretiko-eksperimental'nogo issledovaniya)* [Rhythmization and intonational division of the text (Experience of theoretical and experimental research). Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State University.
- Levitskiy, Yu. A. (2002). *Problemy lingvistiki teksta* [Problems of text linguistics]. Perm' : Perm State Pedagogical University Press.
- Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2006). *Yazyk, rech', lichnost'* [Language, speech, personality]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Svetozarova, N. D. (1982). *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [The intonation system of the Russian language]. Leningrad : Leningrad State University Press.
- Sedov, K. F. (2004). *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality: The evolution of communicative competence]. Moscow : Labirint Press.
- Svetozarova, N. D. (Ed.). (1988). *Fonetika spontannoy rechi* [Phonetics of spontaneous speech] Leningrad : Leningrad State University Press.
- Hitina, M. V. (2004). *Delimitativnye priznaki ustno-rechevogo diskursa* [Delimitation features of oral-speech discourse]. Moscow : Sarma Press.
- Shcherba, L. V. (1939). *Fonetika frantsuzskogo yazyka. Ocherk frantsuzskogo proiznosheniya v sravnenii s russkim* [Phonetics of the French language. An Outline of French Pronunciation in Comparison with Russian]: A coursebook. 2nd edition, with corrections and addenda. Leningrad : Uchpedgiz Press.
- Cheshire, J. (2005). Syntactic variation and beyond: gender and social class variation in the use of discourse-new markers. *Journal of Sociolinguistics*, 9, 479–509.
- Dubois S., Sankoff D. (2001). The Variationist Approach toward Discourse Structural Effects and Sociointeractional Dynamics. In D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (Eds), *The Handbook of discourse analysis* (pp. 282–303). Malden, Massachusetts / Oxford : Blackwell Publishers Inc.
- Foltz P. W. (2003). Quantitative Cognitive Models of Text and Discourse Processing. In A. C. Graesser, M. A. Gernsbacher, S. Goldman (Eds), *Handbook of discourse processes* (pp. 487–523). Mahwah, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers.

Цолоева Седа Батыровна
Пятигорский государственный университет
г. Пятигорск, Российская Федерация
sedatsoloeva@yandex.ru

Метафорические модели, вербализуемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе: артефактная метафорическая модель

Аннотация

Статья посвящена анализу англоязычного профессионального рекламного дискурса на предмет употребления в нём метафорических моделей, актуализируемых посредством ассоциативной связи элементов когнитивных областей цели и источника. Материалом исследования послужили 500 англоязычных текстов рекламы из журнала *The Art of Design*, размещённых в сети Интернет, тематически относящиеся к области дизайна и архитектуры. В ходе исследования установлено, что в структуре метафоры наличествуют метафорическое ядро и метафорическая периферия, передающие в контексте основную и дополнительную смысловую метафорическую нагрузку, соответственно. Была выделена артефактная метафорическая модель *Дизайнерский продукт* → *Артефакт*, вербализующая на семантическом уровне перенос, основанный на идее о том, что тот или иной дизайнерский продукт мыслится как результат труда, творение рук человека. В работе представлены статистические данные, определяющие частотность применения артефактной метафоры в пределах анализируемой выборки, согласно которым, артефактная метафорическая модель присутствует в 215 примерах текстов рекламы, что составляет 43% материала выборки.

Ключевые слова: профессиональный рекламный дискурс, метафорическая модель, артефактная метафора, ядро / периферия метафоры, дизайн и архитектура, английский язык.

© Цолоева С. Б. 2021

Для цитирования: Цолоева С. Б. Метафорические модели, вербализуемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе: артефактная метафорическая модель // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, No 1. С. 183–191. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_183_191.

1. Введение

Лингвистической науке на современном этапе развития характерно превалирование антропоцентрической парадигмы знания, в соответствии с которой человек как языковая личность с множеством граней и проявлений находится в постоянном фокусе внимания учёных, поскольку именно ему отводится ведущая роль в процессах порождения и восприятия речи. С признанием ведущей роли человека в освоении и осмыслении современной языковой картины мира, особую значимость приобретает когнитивный подход в исследовании гуманитарного знания [Багиян и др., 2017], повлёкший за собой становление отдельной отрасли языкознания – когнитивной лингвистики, получившей в настоящее время широкое распространение. Безусловно, когнитивная лингвистика, как и любая другая область знания, имеет свой спектр проблем и дискуссионных вопросов, на решение которых направлены старания учёных. Полагаем, что к числу подобных вопросов, в первую очередь, относится изучение различных типов дискурса, в том числе, рекламного, входящего в круг наших исследовательских интересов.

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых специфике рекламной коммуникации (см. в частности [Гуревич, 2005 ; Кафтанджиев, 2004 и др.]), фено-

мен рекламы не изучен полностью, как и не изучен исчерпывающе рекламный текст, выступающий основной формой реализации дискурса рекламы.

Следует отметить, что особый характер рекламного дискурса подчёркивается как отечественными, так и зарубежными исследователями, указывающими на наличие ряда неотъемлемых свойств рекламы, среди которых лаконичность, краткость, экспрессия, воздействие на эмоциональное состояние получателя информации и побуждение к приобретению товара / услуги (см. в частности [Медведева, 2004 ; Cook, 1992 и др.]).

Подчеркнём, что сферой наших научных изысканий выступает англоязычный профессиональный рекламный дискурс, трактуемый нами как совокупность устных и письменных текстов, ориентированных на представителей определённого профессионального сообщества, содержащих информацию о товаре или услуге с акцентом на их достоинства и преимущества, преследующие своей главной целью формирование положительной оценки и отношения к рекламируемому товару с последующим его приобретением. Очевидно, что рассмотреть профессиональный рекламный дискурс во всех его проявлениях применительно к представителям разных профессий не представляется возможным и целесообразным, поэтому настоящее исследование мы сфокусируем на специалистах творческой сферы, а именно, дизайнерах и архитекторах, поскольку считаем, что обозначенные области знания изобилуют метафоричностью, оценочными суждениями, экспрессивной лексикой, изучение которых всегда актуально.

Как было сказано ранее, учёных всё больше интересует вопрос взаимосвязи языка, сознания, ментальных категорий, в связи с чем, особую значимость и актуальность приобретает комплексный анализ когнитивной метафоры [Глазунова, 2000 ; Чудинов, 2003 ; Шебалина, 2007 ; Баранов, 2003 ; Black, 1993 ; Ausmus, 1998 ; Kovecses, 2010 и др.], репрезентируемой множеством метафорических моделей, в основу которых заложен механизм сравнения и ассоциации между двумя предметами, явлениями и т. д. [Лаккофф, 2004 ; Арутюнова, 1990 ; Ширяева, 2011 ; Панкратова, 2009 и др.].

Помимо этого, обращает на себя внимание тот факт, что в русле когнитивной лингвистики при комплексном анализе институциональных типов дискурса не раз применялась теория метафорического моделирования [Чудинов, 2003 ; Kovecses, 2010 ; Милетова, 2014 ; Ищенко, Трубицина, 2019 и др.], что доказывает её обоснованность, эффективность и огромный потенциал [Мишланова, 2008]. Суть обозначенной теории состоит в описании сферы-источника и сферы-цели метафорического переноса и дальнейшего построения той или иной метафорической модели в определённом дискурсе.

В рамках данного исследования при описании структурных особенностей метафорических моделей, бытующих в рекламных текстах сферы дизайна и архитектуры, за основу была взята идея о том, что структура метафоры включает ядерную область и периферийную область [Алимурадов, Лату, 2006 ; Алимурадов, Милетова, 2013], актуализующие ключевую метафорическую нагрузку и дополнительный источник информации, соответственно. Основная гипотеза настоящего исследования сводится к тому, что англоязычный профессиональный рекламный дискурс, актуализируемый в форме рекламных текстов, ориентированных на специалистов в области дизайна и архитектуры, выступает одной из возможных сфер вербализации артефактной метафоры, при которой реализуется перенос, базирующийся на ассоциации *Дизайнерский продукт* → *Артефакт*.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

В процессе выполнения настоящего исследования для решения поставленной цели и практических задач эксперимента использовались следующие лингвистические методы: описательный метод, дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, компо-

нентный анализ, метод сплошной выборки, статистическая обработка полученных данных. Так, описательный метод позволил произвести интерпретацию результатов и охарактеризовать с позиции лингвистики феномен метафоры; контекстуальный анализ выявил механизмы функционирования метафоры в определённом контексте; компонентный анализ применялся при детальном разборе семантической структуры метафорических моделей; с помощью метода сплошной выборки был получен фактический языковой материал исследования, наконец, количественные показатели, репрезентирующие частотность той или иной метафорической модели в масштабе выборки, были получены с учётом статистических методов обработки данных.

В качестве фактического материала исследования выступили англоязычные рекламные тексты, опубликованные в онлайн версии журнала *The Art of Design* в период с 2015 г. по настоящее время. Тот факт, что в сферу наших научных интересов входит изучение особенностей рекламной коммуникации с акцентом на процесс метафоризации и определил выбор обозначенного журнала, поскольку, исходя из девиза издания, журнал *The Art of Design* адресован в первую очередь профессионалам в области дизайна и архитектуры, а также всем заинтересованным лицам. Помимо этого, с точки зрения языкового наполнения, в анализируемых рекламных сообщениях употребление метафоры оказалось достаточно частотным.

Общее количество проанализированных рекламных текстов в выборке, маркированных наличием метафоры (артефактной, антропоморфной) – 500 единиц, из них 215 (43% всей выборки) приходится на долю артефактной метафорической модели.

Высокая частотность артефактной метафоры в англоязычном рекламном тексте сферы дизайна и архитектуры определила её выбор в качестве объекта исследования в данной статье. В центр нашего внимания попали средства вербализации артефактной метафоры в заданной области знания. Предметом исследования стали лексическо-семантические, морфологические характеристики языковых единиц, актуализирующих в пределах англоязычного рекламного текста артефактную метафорическую модель *Дизайнерский продукт* → *Артефакт / Designer Product* → *Artifact*, распадающуюся далее на более частные метафорические переносы.

2.2. Результаты исследования

Результаты эмпирического анализа языкового материала подтверждают гипотезу исследования и указывают на то, что в контексте англоязычной профессиональной рекламы сферы дизайна и архитектуры употребляется артефактная метафорическая модель, репрезентируемая множеством метафорических переносов, суть которых сводится к идее о том, что *Дизайнерский продукт* есть *Артефакт*, яркое творение рук человека, ассоциируемое с не менее яркими объектами, явлениями и т. д.

Рассмотрим на конкретных примерах из выборки метафорические трансформации, рекуррентно встречающиеся в англоязычных текстах профессионально-ориентированной рекламы. Сразу сделаем оговорку, что все метафорические переносы, выявленные в ходе анализа фактического материала, были условно распределены по четырём смысловым группам, исходя из семантических особенностей той или иной ассоциации и идеи, положенной в её основу.

К первой группе примеров отнесены рекламные тексты, в которых подчёркивается инновационная составляющая и новаторский характер дизайнерских продуктов (31% материала выборки). Приведём пример:

(1) Combining a stunning appearance with outstanding practical qualities, *Staron solid surfaces are truly revolutionizing kitchen and bathroom design* [*The Art of Design*, 2018] –

'Сочетая в себе потрясающий внешний вид и превосходную практичность, *твёрдые поверхности Staron поистине создают революцию в дизайне кухни и ванной комнаты*'¹.

В представленном фрагменте рекламного сообщения в качестве рекламируемого товара выступают твёрдые поверхности, изготовленные из природных и искусственных материалов, используемые в интерьере кухни или ванной комнаты (столешницы, панели и др.), уникальность которых заключается в том, что они способны по-настоящему «совершить революцию» в дизайне. Отметим здесь присутствие метафоры *Staron solid surfaces are truly revolutionizing kitchen and bathroom design*, на семантическом уровне актуализирующей перенос *Дизайнерский продукт* → *Революция / Designer Product* → *Revolution*. Очевидно, что главным вербализатором указанного переноса служит глагольная форма *revolutionizing*, располагающаяся в ядерной области метафорического комплекса и несущая основную метафорическую нагрузку в контексте, наречие *truly* придаёт тексту дополнительную экспрессию и оказывает эмоциональное воздействие на получателя информации. В свою очередь, корреляцию с понятием *Revolution* обеспечивают словарные дефиниции соответствующего глагола: *to revolutionize* – *to change fundamentally or completely; to engage in revolution* [Merriam-Webster Dictionary].

Вторую смысловую группу составляют рекламные тексты, актуализирующие мысль о том, что тот или иной продукт, элемент дизайна наделён уникальным свойством – *оживлять, возрождать, возвращать к жизни*, привнося в интерьер некий фрагмент новизны (28% материала выборки). Приведём пример:

(2) Commercial use for walls, decorative panels, doors, architrave and furniture. *A range of superbly styled interior films which will bring any room to life* [The Art of Design, 2018] – 'Коммерческое использование для стен, декоративных панелей, дверей, наличников и мебели. Коллекция великолепно стилизованных *интерьерных плёнок, которые оживят любую комнату*'.

Пример (2) посвящён рекламе интерьерной плёнки, позволяющей создать необходимый декоративный эффект на любой поверхности (стены, двери, мебель и др.). С точки зрения языкового оформления, фрагмент рекламного сообщения маркирован наличием метафоры *a range of superbly styled interior films which will bring any room to life*, в пределах которой реализуется метафорический перенос, базирующийся на ассоциации *Дизайнерский продукт* → *Жизнь / Designer Product* → *Life*, с конструкцией *bring any room to life* в ядре метафоры.

В рекламных текстах третьей смысловой группы наличествуют метафорические переносы, указывающие на *масштабность, грандиозность, величие* и т. д. дизайнерского продукта (24% материала выборки). Рассмотрим один из отрывков рекламного текста, в пределах которого вербализуется артефактная метафорическая модель данной группы:

(3) *Our bespoke stainless steel surfaces are the absolute pinnacle of our product portfolio*, offering levels of precision and mastery only available from STEELART by BLANCO [The Art of Design, 2020] – '*Наши поверхности из нержавеющей стали, изготовленные на заказ, являются абсолютной вершиной нашего ассортимента продукции, предлагая уровни точности и мастерства, доступные только от STEELART by BLANCO*'.

В данном случае в рекламном тексте содержится положительная оценка деятельности фирмы, подчёркивается уникальность и высочайшее качество производимых товаров. Для реализации обозначенной идеи используется метафора *our bespoke stainless steel surfaces are the absolute pinnacle of our product portfolio*, в рамках которой наличествует ассоциация *Дизайнерский продукт* → *Вершина / Designer Product* → *Peak*, передаваемая лексемой *pinnacle*, о чём свидетельствуют соответствующие словарные

¹ Здесь и далее перевод выполнен мною – С. Ц.

значения: *pinnacle* – pointed formation, as at the top of a mountain; *peak* [Collins English Dictionary]. Кроме этого, препозитивное прилагательное *absolute*, также относящееся к ядру метафоры, играет важную роль в контексте, усиливая значимость и масштабность рекламируемой продукции, что не может не влиять на эмоциональное состояние получателя информации.

Наконец, в четвёртую смысловую группу были включены рекламные тексты, в которых присутствует яркая *ассоциация с чудом, магией, сюрпризом* и др. и реализуется способность дизайнерского продукта производить впечатление (17% материала выборки).

Так, в следующем фрагменте рекламного сообщения фиксируется употребление метафорического переноса *Дизайнерский продукт* → *Сюрприз / Designer Product* → *Surprise*:

(4) *The combination* of the steel plinths and luxurious velvet fabric ***gives this sculptural sofa real wow-factor*** [The Art of Design, 2018] – 'Сочетание стальныхplinтов и роскошной бархатной ткани в этом скульптурном диване по-настоящему сражает наповал'.

Здесь речь идёт о новинках в коллекции мягкой мебели, появление которой однозначно не оставит потребителя равнодушным. Отрывок (4) рекламного сообщения является примером артефактной метафоры *The combination ... gives this sculptural sofa real wow-factor*, в рамках которой лексема *wow-factor* вкупе с прилагательным *real*, находясь в ядерной области метафоры, выступают главными вербализаторами метафорического переноса *Дизайнерский продукт* → *Сюрприз / Designer Product* → *Surprise*, что подтверждают и дефиниции, имеющиеся в словарях: *wow-factor* – a quality that makes someone feel excited or surprised when they first see something [Cambridge English Dictionary].

Все примеры, вошедшие в указанные четыре смысловые группы, на прагматическом уровне призваны создать особый эмоциональный фон в контексте рекламы и воздействовать на потребителя, побудив его к действию – приобретению рекламируемого товара.

3. Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют сформулировать следующие выводы. Во-первых, англоязычный профессиональный рекламный дискурс имеет уникальную природу и, сочетая в себе знаковые системы разного порядка (вербальные, визуальные, аудиальные и т. д.), реализуется в форме рекламного текста, представленного в виде креолизованного текста, функционирующего при участии как языковых, так и неязыковых средств выражения. На прагматическом уровне текст рекламы нацелен на оказание психологического давления на эмоциональное состояние реципиента и побуждение к конкретным действиям, сводящимся к приобретению того или иного товара / услуги.

Во-вторых, в контексте профессионального рекламного дискурса особое значение приобретает чёткий ориентир на определённую целевую аудиторию, подразумевающую, в первую очередь, представителей некоего профессионального сообщества, объединённого по роду занятий, интересов и т. д. В фокусе пристального внимания в настоящем исследовании находились англоязычные тексты рекламы сферы дизайна и архитектуры.

В-третьих, рекламные тексты, тематически относящиеся к области дизайна и архитектуры, с точки зрения языкового наполнения изобилуют экспрессивной лексикой, посредством которой актуализируется положительная оценка, используемая для создания положительного образа и формирования соответствующего отношения к дизайнерскому продукту. Помимо этого, успех рекламного сообщения достигается усилиями

метафоры, выступающей действенным и эффективным механизмом влияния на сознание получателя информации.

Наконец, в ходе эмпирического анализа языкового материала было установлено, что англоязычным текстам рекламы, зафиксированным в журнале *The Art of Design*, свойственно явление метафоризации. В текстах профессиональной рекламы сферы дизайна и архитектуры находит своё практическое применение артефактная метафора, базирующаяся на ассоциации *Дизайнерский продукт* → *Артефакт*, суть которой сводится к мысли о том, что тот или иной элемент дизайна – плод деятельности человека, результат его стараний и умений. В структуре метафоры присутствуют ядерная и периферийная зоны, передающие ключевую и дополнительную информацию, соответственно.

Перспективы дальнейшего изучения феномена рекламы и процесса метафоризации в пределах рекламных сообщений определяют: во-первых, популярность и всеобъемлющий характер самой рекламы, затрагивающей все сферы деятельности социума; во-вторых, динамичная природа того или иного языка, изменения на уровне грамматики, семантики, лексики; в-третьих, уникальность мыслительных операций человека и их последующая языковая репрезентация, в том числе, посредством метафоры, с учётом целого ряда факторов (этническая принадлежность, менталитет, особенности культуры, традиции и прочие); в-четвёртых, открытость и неиссякаемый потенциал метафоры и метафорических моделей, реализующих множество переносов, основанных на ассоциативной связи между двумя элементами.

Список литературы

- Алимурадов, Лату, 2006 – Алимурадов О. А., Лату М. Н. Метафоричность термина как переводческая проблема // Вестник Пятигорского гос. лингвистич. ун-та. 2006. № 4. С. 24–26.
- Алимурадов, Милетова, 2013 – Алимурадов О. А., Милетова Е. В. Метафорические модели, вербализующиеся с участием имён прилагательных и реализуемые в современном англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4. С. 51–60.
- Багиян и др., 2017 – Багиян А. Ю., Натхо О. И., Ширяева Т. А. Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект. Казань, 2017. 184 с.
- Баранов, 2003 – Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.
- Глазунова, 2000 – Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб.: Изд-во СПб-ГУ, 2000. 190 с.
- Гуревич, 2005 – Гуревич П. С. Психология рекламы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 287 с.
- Ищенко, Трубицина, 2019 – Ищенко И. Г., Трубицина О. Ф. Гастрономическая метафора в рекламном тексте сферы туризма // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 75–83.
- Кафтанджиев, 2004 – Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М.: Эксмо, 2004. 237 с.
- Лакофф, Джонсон, 2004 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: УРСС, 2004. 253 с.
- Медведева, 2004 – Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. М.: Едиториал УРСС, 2004. 280 с.
- Милетова, 2014 – Милетова Е. В. Метафорические модели с участием имён прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе // ФИЛОЛОГОС. 2014. № 20 (1). С. 41–50.
- Мишланова, 2008 – Мишланова С. Л. Перспективы исследования когнитивной метафоры // Вестник Пермского ун-та. Серия: иностранные языки и литература, 2008. Вып. 5 (21). С. 104–109.
- Панкратова, 2009 – Панкратова С. А. Когнитивно-семантические аспекты метафорического моделирования // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 87. С. 88–99.
- Арутюнова, 1990 – Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

- Чудинов, 2003 – Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та., 2003. 248 с.
- Шабалина, 2007 – Шабалина О. В. Метафора как механизм формирования нового знания // Народное образование. 2007. № 5. С. 148–152.
- Ширяева, 2011 – Ширяева Т. А. Метафоры как фактор формирования бизнес сознания (на материале современного английского языка) // Вестник Пятигорского гос. лингвистич. ун-та. 2011. № 3. С. 128–132.
- Ausmus, 1998 – Ausmus W. Pragmatic Uses of Metaphor: Models and Metaphor in the Nuclear Winter Scenario // Communication Monographs. 1998. Vol. 65, № 1. P. 67–82.
- Black, 1993 – Black M. More about Metaphor [Text] / M. Black // Metaphor and Thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 19–41.
- Cook, 1992 – Cook G. The Discourse of Advertising. London : Routledge, 1992. 272 p.
- Kovecses, 2010 – Kovecses Z. Metaphor in discourse. Oxford : Oxford University Press, 2010. 400 p.

Источники иллюстративного материала

- The Art of Design. URL : <https://view.joomag.com/the-art-of-design-issue-33-2018/0169548001531223399> (дата обращения : 25.02.20).
- The Art of Design. URL : <https://view.joomag.com/the-art-of-design-issue-42-2020/0493702001576771175> (дата обращения : 25.02.20).
- Cambridge English Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения : 25.02.20).
- Collins English Dictionary. URL : <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения : 25.02.20).
- Merrriam-Webster Dictionary. URL : [http:// www.merrriam-webster.com](http://www.merrriam-webster.com) (дата обращения : 25.02.20).

UDC 81'42

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_183_191

Seda B. Tsoloeva
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russian Federation
sedatsoloeva@yandex.ru

Metaphorical models verbalized in English-language professional advertising discourse: Artifact metaphorical model

Abstract

The article presents the results of the English-language professional advertising discourse analysis regarding the use of metaphorical models. The research material consisted of 500 English-language advertising texts from The Art of Design magazine, posted on the Internet, thematically related to the field of design and architecture. In the course of the research, it was found that the metaphor structure contains a metaphorical core and a metaphorical periphery, which convey the main and additional semantic metaphorical load in the context. The author identifies the artifact metaphorical model *Design product* → *Artifact* that verbalizes the transfer at the semantic level based on the idea that a particular design product is thought of as the result of labor, the creation of human hands. The paper presents statistical data that determines the frequency of use of the artifact metaphor within the analyzed sample, according to which, the artifact metaphorical model is present in 215 examples of advertising texts, which is 43% of the sample material.

Keywords: professional advertising discourse, metaphorical model, artifact metaphor, core/periphery of metaphor, design and architecture, English.

For citation: Tsoloeva, S. B. Metaforicheskie modeli, verbalizuemye v angloyazychnom professional'nom reklamnom diskurse: artefaktnaya metaforicheskaya model' [Metaphorical models verbalized in English-language professional advertising discourse: artifact metaphorical model]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 183–191. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_183_191.

References

- Alimuradov, O. A., Latu, M. N. (2006). Metaforichnost' termina kak perevodcheskaya problema [Metaphoricity of the term as a translation problem]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], 4, 24–26.
- Alimuradov, O. A., Miletova, E. V. (2013). Metaforicheskie modeli, verbalizuyushchiesya s ucha-stiem imen prilagatel'nykh i realizuemye v sovremennom angloyazychnom iskusstvo-vedcheskom diskurse [Metaphorical models verbalized with adjectives and implemented in modern English-language fine arts discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 4, 51–60.
- Bagiyan, A. Yu., Natkho, O. I., Shiryaeva, T. A. (2017). *Mudrost' vekov v yazyke biznesa. Paremii v angloyazychnom nauchno-populyarnom delovom diskurse: kognitivno-diskursivnyy aspekt* [Wisdom of centuries in the language of business. Paremias in English-language science-popular business discourse: the cognitive-discursive aspect]. Kazan.
- Baranov, A. N. (2003). O tipakh sochetaemosti metaforicheskikh modeley [On the types of compatibility of metaphorical models]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 2, 73–94.
- Glazunova, O. I. (2000). *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy* [The logic of metaphorical transformations]. St-Petersburg: St-Petersburg State University
- Gurevich, P. S. (2005). *Psikhologiya reklamy* [The Psychology of Advertising]. M.: YUNITI-DANA.
- Ishchenko, I. G., Trubitsina, O. F. (2019). Gastronomicheskaya metafora v reklamnom tekste sfery turizma [Gastronomic metaphor in advertising texts in the sphere of tourism]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 5 (4), 75–83.
- Kaftandzhiev, K. H. (2004). *Teksty pechatnoy reklamy* [The texts of print advertising]. M.: EKSMO Press.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. M.: URSS Press.
- Medvedeva, E. V. (2004). *Reklamnaya kommunikatsiya* [Advertising communication]. M.: Editorial URSS Press.
- Miletova, E. V. (2014). Metaforicheskie modeli s uchastiem imen prilagatel'nykh, realizuemye v sovremennom angloyazychnom religioznom diskurse [Metaphorical models verbalized with adjectives and implemented in modern English-language religious discourse]. *FILOLOGOS* [FILOLOGOS], 20 (1), 41–50.
- Mishlanova, S. L. (2008). Perspektivy issledovaniya kognitivnoy metafory [Further development of cognitive metaphor theory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: inostrannyye yazyki i literatura* [Perm University Herald. Foreign Languages and Literatures], 5 (21), 104–109.
- Pankratova, S. A. (2009). Kognitivno-semanticheskie aspekty metaforicheskogo modelirovaniya [Cognitive and semantic aspects of metaphorical modeling]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 87, 88–99.
- Teoriya metafory*. (1990). [Theory of metaphor], in N. D. Arutyunova (Ed.). M.: Progress Press.
- Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press.
- Shabalina, O. V. (2007). Metafora kak mekhanizm formirovaniya novogo znaniya [Metaphor as a mechanism for the formation of new knowledge]. *Narodnoe obrazovanie* [National Education], 5, 148–152.

- Shiryayeva, T. A. (2011). Metafory kak faktor formirovaniya biznes soznaniya (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [Metaphors as a factor of the business-consciousness formation (based on the material of the modern English language)]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], 3, 128–132.
- Ausmus, W. (1998). Pragmatic Uses of Metaphor: Models and Metaphor in the Nuclear Winter Scenario. *Communication Monographs*, 65, 1, 67–82.
- Black, M. (1993). More about Metaphor. *Metaphor and Thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 19–41.
- Cook, G. (1992). *The Discourse of Advertising*. London : Routledge.
- Kovecses, Z. (2010). *Metaphor in discourse*. Oxford : Oxford University Press.

Illustration material sources

- The Art of Design. Retrieved February 25, 2020 from <<https://view.joomag.com/the-art-of-design-issue-33-2018/0169548001531223399>>.
- The Art of Design. Retrieved February 25, 2020 from <<https://view.joomag.com/the-art-of-design-issue-42-2020/0493702001576771175>>.
- Cambridge English Dictionary. Retrieved February 25, 2020 from <<https://dictionary.cambridge.org>>.
- Collins English Dictionary. Retrieved February 25, 2020 from <<https://www.collinsdictionary.com>>.
- Merriam-Webster Dictionary. Retrieved February 25, 2020 from <[http:// www.merriam-webster.com](http://www.merriam-webster.com)>.

Черкунова Марина Владимировна
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
г. Самара, Российская Федерация
m.cherkunova@mail.ru

Функционально-прагматический потенциал интертекстуальных элементов в малоформатных текстах рекламных аннотаций

Аннотация

Статья посвящена изучению способов реализации прагматической функции воздействия в рекламном тексте. Исследование выполнено на материале аннотаций англоязычных научных изданий, содержащихся в рекламных каталогах зарубежных издательств. Данные тексты рассматриваются как разновидность малоформатного текста, сочетающего признаки научного и рекламного дискурсивных пространств. Одним из инструментов, способствующих органичному взаимопроникновению дискурсов, является введение в структуру аннотации интертекстуальных фрагментов, являющихся одним из конститутивных признаков научного дискурсивного поля. В ходе исследования предпринимается попытка классифицировать интертекстуальные элементы по параметру содержания. Полученные результаты позволяют прийти к выводу о том, что цитаты-мнения преобладают над цитатами-пояснениями. Далее проводится систематизация цитат с точки зрения выполнения ими прагматической функции, на основании которой выделяется пять типов цитат, количественное соотношение которых позволяет сделать вывод о том, что функциональная парадигма цитатных включений в рекламных аннотациях научной литературы трансформируется относительно текста-первоисточника, а именно научного текста. В аннотациях научной литературы цитата, помимо референционной функции, выполняет ярко выраженную побудительно-оценочную функцию, в силу чего интертекстуальные элементы становятся инструментом оказания рекламного воздействия.

Ключевые слова: малоформатный текст, рекламная аннотация, интертекстуальный элемент, цитата, прагматическая функция.

© Черкунова М. В. 2021

Для цитирования: Черкунова М. В. Функционально-прагматический потенциал интертекстуальных элементов в малоформатных текстах рекламных аннотаций // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, No 1. С. 192–199. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_192_199.

1. Введение [Introduction]

Как известно, язык является зеркалом, в котором отражаются процессы, происходящие в обществе. В связи с этим, нарастающий динамизм всех без исключения социально-значимых общественных процессов находит своё отражение в стремлении к уменьшению показателей объёма коммуникативных единиц без потери для их содержания. В данной связи в коммуникативной практике всё большее распространение получают тексты малого объёма, или малоформатные тексты, которые, по словам А. А. Харьковской и соавторов, отличаются от обычных текстов ограниченным объёмом – не более 600 слов, однако при этом сохраняют все прочие параметры текстuality, а именно когезию, когерентность, интенциональность, информативность, ситуативность, интертекстуальность и прочее. [Kharkovskaya et al., 2017, p. 63].

С другой стороны, характерным признаком современных коммуникативных процессов можно назвать тенденцию к синкретизму, интерференции, созданию новых сущ-

ностных феноменов за счёт взаимопроникновения традиционно существующих дискурсивных практик. К разряду подобных синкретичных образований можно отнести, в частности, аннотации англоязычных научных изданий, размещенные в информационно-рекламных каталогах соответствующих издательств. С одной стороны, данные аннотации представляют собой вторичные тексты, созданные на базе научных публикаций и, как следствие, сохраняющие дискурсивные параметры, присущие первоисточникам. С другой стороны – это рекламные тексты, которые в процессе трансформации приобретают качества, характерные для данного дискурсивного поля. Механизмы трансформации, комбинаторики и взаимовлияния дискурсивных параметров научного и рекламного текстов безусловно представляют большой интерес для изучения.

Одним из инструментов интерференции дискурсов является включение интертекстуального фрагмента в принимающий текст, так как, по словам В. Д. Шевченко, «... когнитивные и коммуникативно-прагматические характеристики интертекстуального включения являются его дискурсивными свойствами, при помощи которых это включение репрезентирует определённый тип дискурса. Дискурсивные свойства интертекстуального включения неизменно оказывают влияние на принимающий дискурс» [Шевченко, 2011, с. 6].

Объектом данного исследования являются аннотации англоязычных научных изданий, представленные в информационно-рекламных каталогах ведущих британских и американских издательств за 2002–2020 годы. Общий объём выборки составляет 3000 аннотаций, которые в совокупности содержат 350 интертекстуальных фрагментов. Поскольку речь идёт о вторичном тексте, созданном на основе первоисточника, обладающего дискурсивными признаками научного текста, то категория интертекстуальности, реализуемая посредством введения в структуру аннотации цитатного фрагмента, входит в число основных как для первичного научного текста, так и для вторичного текста аннотации. По словам А. И. Скрипак, интертекстуальность как таковая «... представляется специфическим свойством научного дискурса, в основе которого лежит опора на тексты первоисточников и их концепты, без которых в принципе невозможно существование научного дискурса» [Скрипак, 2008, с. 450]. Следует отметить, что цитатный блок, состоящий из одной или нескольких цитат, является факультативным элементом в структуре аннотаций научной литературы; он сопровождает 12% рассмотренных текстов, однако правомерно говорить об особом статусе интертекстуального блока в реализации прагматического потенциала вторичного текста аннотации, так как, с одной стороны, ссылка на авторитет является неотъемлемой частью научного дискурсивного пространства, а с другой стороны, цитата несёт во вторичном тексте ярко выраженный побудительный импульс, реализуя таким образом рекламную, воздействующую функцию.

Под цитатой в данной работе понимается «...функциональный элемент принимающего текста, предназначенный для реализации определённой коммуникативной интенции и характеризующийся рядом инвариантных конвенционально установленных формально-содержательных характеристик. В число главных дифференцирующих признаков цитаты входят эксплицитная маркированность, структурно-семантическое тождество с текстом-источником, указание авторства» [Алещанова, 2000, с. 7].

2. Анализ материала [Material analysis]

В структуре аннотаций научной литературы цитаты отмечены формальными признаками, характерными для оформления подобного рода ссылок, а именно кавычками и указаниями на авторство, что полностью согласуется с дискурсивными нормами текста-первоисточника. В качестве источников цитирования в аннотациях научной ли-

тературы выступают специализированные периодические издания или уважаемые газеты и журналы (*The Guardian, The Independent, The Times Literary Supplement, Choice, Library Journal, History Today, The Journal of Asian Studies, etc.*), а также специалисты по профилю аннотируемых изданий. Данное обстоятельство подтверждает тезис о том, что цитирование «... предстаёт лингвокультурологически важным фактом континуальности научного знания» [Нехлюдова, 2004, с.4], «приводит к возрастанию объективности научного изложения» [Прохватилова, Вотрина, 2011, с. 190].

По характеру содержания цитатные включения, сопровождающие англоязычные аннотации научной литературы, можно условно разделить на цитаты-мнения и цитаты-пояснения. Ц и т а т ы - м н е н и я являются преобладающим типом (64%), они передают личные впечатления цитируемого автора об аннотируемом издании:

(1) «*Toscana tells an exciting story*» [Princeton, 2020, p. 38] – 'Тоскано рассказывает захватывающую историю'¹.

Цитата-мнение предлагает готовое позитивное суждение о книге, формируя таким образом имидж предлагаемого издания. Однако цитата-мнение может содержать не только суждения об издании, но и субъективную положительную позитивную оценку деятельности автора издания:

(2) «*Cowen is an economist right down to his wingtip shoes, but he is not one who knows the price of everything and the value of nothing. He is no philistine. He knows about art and believes in it, yet he remains an economist and calculator. It's nice work if you can get it*» [Princeton, 2006, p. 37] – 'Коуэн – экономист до мозга костей, однако он не из тех, кто знает точную цену, но не понимает ценности. Он не просто обыватель. Он знает всё об искусстве, он верит в него, и при этом остаётся расчётливым экономистом. Это отличная книга, если сможете её достать'.

В данной связи нельзя не отметить высокую значимость личностных и профессиональных качеств автора научного издания для реализации прагматической цели аннотации – информирования членов научного сообщества о новейших разработках в конкретной научной области, а также побуждения адресата к определённым действиям – прочтению или приобретению книги. Субъективное положительное мнение коллеги по цеху о личности автора вызывает дополнительный интерес и к содержанию книги.

Ц и т а т ы - п о я с н е н и я, в свою очередь, включают до определённой степени объективную информацию о содержании аннотируемой книги либо о её целевой направленности и ориентированы главным образом на расширение референционного пространства основной части аннотации, а также на более точное нацеливание издания на конкретную аудиторию:

(3) «*...this collection belongs at every library considering or already implementing tools and services to help researchers manage their data better and comply with bewildering array of data-related policies emerging from all quarters*» [Facet Publishing, 2019, p. 3] – 'Этот сборник должен быть в каждой библиотеке, которая призвана помочь исследователям с сортировкой данных, а также с тем, чтобы не потеряться в многообразии постоянно меняющихся подходов к работе с данными'.

Жанрообразующими для всех аннотаций являются такие признаки, как оценочность, информативность и активизирующее начало. Те же самые признаки характерны и для цитатного блока как для компонента структуры аннотации. Е. В. Михайлова в

¹ Здесь и далее перевод наш – М. Ч.

своём диссертационном исследовании предлагает дифференцировать интертекстуальные связи цитаты и принимающего текста в соответствии с их функциями и выделяет в частности референционную и оценочную функции цитаты. [Михайлова, 1999]. Несколько иную функциональную парадигму цитатных включений описывает Н. В. Соловьева, которая отмечает аксиологическую, иллюстративную, аргументирующую и конструктивную функции [Соловьева, 2015, с. 86]. Применительно к нашему материалу, были выделены следующие прагматические типы цитат в зависимости от преобладающей функции: 1) оценочно-референционная цитата, 2) оценочная, 3) референционная, 4) побудительная и 5) аргументативная.

Так, максимальное количество цитат – 37% – реализуют оценочно-референционную модель. Основной прагматической задачей данного типа цитирования является закрепление фактологической информации об издании в сочетании с формированием позитивно-оценочного отношения к книге:

(4) «*Theodore Yoo has written a fascinating, deeply informed contemporary history of the Koreas. His own unique upbringing and background give him rare insight into North Korea, and his wide-ranging knowledge of South Korean culture nicely illuminates its increasingly globe-ranging influence. Well organized and clearly written, this book will be particularly useful in the classroom*» [University of California Press, 2020, p. 7] – 'Теодор Ю создал захватывающую, потрясающе информативную историю современной Кореи. Благодаря своему происхождению и воспитанию он может достоверно рассказать о Северной Корее, а обширные знания из области Южнокорейской культуры позволяют осветить возрастающее значение этой страны в мировом масштабе. Прекрасно организованная, чётко написанная – эта книга будет особенно полезна в учебном процессе.'

Данный прагматический тип является наиболее частотным в силу того, что он реализует весь комплекс коммуникативных задач, являющихся ключевыми аннотаций научной литературы, а именно информирования и воздействия.

Следующим по частотности прагматическим типом цитирования является побудительный тип, выражающий совет или рекомендацию приобрести аннотируемое издание – 25% цитат соответствуют данному типу. Совет/рекомендация выражается посредством целого арсенала лексико-грамматических средств, таких как *to be highly / enthusiastically recommended (for purchase), to be essential for somebody, to be an essential purchase, to be a necessary own, to be a must-read, must be seen as an absolute bargain, its acquisition should be a high priority, should acquire, etc.* Следует заметить, что в рамках цитатных включений императивная модальность зачастую носит очень откровенный и настойчивый характер:

(5) «*At every random sampling the essays are taut, lucid and balanced ... they (libraries) should buy it*» [Fitzroy Dearborn Publishers, 2002, p. 5] – Возьмите любое эссе – оно будет кратким, чётким, сбалансированным ... они (библиотеки) просто обязаны купить эту книгу'.

(6) «*Thoroughly researched, well argued, and engaging... Historians of Victorian Anglicanism, church history, publishing and working-class radicalism must read it*» [History, 2005–2006, p. 24] – 'Основанная на данных серьёзного исследования, хорошо аргументированная, захватывающая ... Специалисты в области истории Викторианского Англиканства, истории церкви, издательского дела и пролетарского радикализма обязаны прочитать эту книгу'.

Основанная на информации, окрашенной положительными коннотациями, побудительная цитата является сильным средством воздействия. Совет или рекомендация,

выраженные уважаемым печатным источником либо авторитетным в конкретной научно-практической области лицом могут служить для адресата аннотации прямым руководством к действию, то есть к прочтению и / или приобретению книги.

Оценочный тип, представленный 17% цитатных включений, нацелен исключительно на создание и / или закрепление у адресата позитивного образа издания, без подкрепления оценки фактическими сведениями о книге:

(7) «*Fascinating reading... Indispensable*» [Princeton, 2020, p. 65] – 'Необыкновенно захватывающее чтение... Просто необходимо приобрести.

(8) «... *this is a book to take in small bites, to savour, and to digest slowly (perhaps with a glass of wine). It truly is a feast for the mind*» [History, 2005–2006, p. 161] – '...эту книгу нужно вкушать маленькими кусочками и смаковать, и медленно переваривать (возможно с бокалом вина). Это в прямом смысле слова интеллектуальное пиршество'.

Аргументативную прагматическую модель реализуют 15% цитат. Данные интертекстульные включения ориентированы на оказание воздействия, основанного на логических аргументах. Как правило, преимущества конкретного издания аргументируются путём сравнения его с другими, ранее изданными книгами по аналогичной проблематике:

(9) «*This book raises critical issues, researches them from many different angles, and offers provocative conclusions. It is a fresh look at complex global problems that must be solved*» [Open Book Publishers, 2019, p. 22] – 'В этой книге поднимаются важные вопросы, которые рассматриваются с разных точек зрения, и зачастую автор делает неожиданные выводы. Это новый взгляд на сложные глобальные проблемы, которые необходимо решить'.

(10) «... *general business and accounting dictionaries include many of the same acronyms, but no other source has as many as Morris's*» [Fitzroy Dearborn Publishers, 2002, p. 55] – '... общие словари по бизнесу и бухгалтерии включают многие из приведённых здесь акронимов, но ни один другой источник не сравнится по количеству представленных единиц'.

Для данного типа цитат характерны различные маркеры логического убеждения, а также средства структурирования высказывания, типичные для научного дискурса в целом: *firstly, secondly, in addition, moreover, furthermore, because of, etc.*

Наименее распространённым среди аннотаций научной литературы является референционный прагматический тип цитирования (6%). Установка на чистое информирование реализуется путём включения в цитатный фрагмент дополнительных объективных сведений об издании:

(11) «*Continues the investigations of recent years on the construction of identity and history, as well as on the culture of remembrance, with particular emphasis on the forms of expression in architecture and building policy*» [University of California Press, 2020, p. 40] – 'Продолжает целый ряд исследований последних лет, посвящённых конструированию истории и идентичности, а также культуре поминовения. Особое внимание уделяется выразительным формам в архитектуре и строительной политике'.

3. Заключение [Conclusion]

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что цитатные включения в структуре текстов малого формата, а именно в англоязычных аннотациях научных изданий, являются инструментом осуществления интерференции дискурсов и позволяют осуществить перенос дискурсивных параметров научного текста в рекламное дискурсивное

пространство. В частности, интертекстуальные включения позволяют реализовать в тексте рекламной аннотации категорию интертекстуальности и опоры на авторитет, являющаяся ключевой для научного текста. Однако, в отличие от научного текста, где цитата содержит информацию фактологического характера, в рекламной аннотации преобладают цитаты-мнения. Их целью не является расширение референтного пространства основного текста и верификация информации.

Напротив, цитаты в рекламных аннотациях предлагают сугубо субъективное мнение о научном издании. Единственным гарантом надёжности информации, предложенной в рамках цитаты, служит в данном случае авторитетность самого источника информации. Кроме того, преобладание оценочно-персуазивных типов цитат позволяет сделать вывод о том, что в функциональной парадигме интертекстуальных элементов рекламная составляющая превалирует над информационно-верификационной.

Список литературы

- Алещанова, 2000 – Алещанова, И. В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Алещанова Ирина Владимировна ; Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2000. 22 с.
- Михайлова, 1999 – Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Михайлова Елена Владимировна ; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 1999. 22 с.
- Нехлюдова, 2004 – Нехлюдова, Л. А. Тенденции развития современного языковедческого текста: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Нехлюдова Людмила Александровна; Ростовский гос. ун-т. Ростов н/Д, 2004. 26 с.
- Прохватилова, Вотрина, 2011 – Прохватилова, О. А., Вотрина Е. Н. Функционирование средств внутренней диалогичности в научных текстах XX в. (синхронно-диахронический аспект) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2011. № 2(14). С. 186–191.
- Скрипак, 2008 – Скрипак, А. И. Интертекстуальность как категориальный признак современного научного дискурса // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 74–1. С. 450–453.
- Соловьева, 2017 – Соловьева, Н. В. Функционирование цитат в научных текстах под влиянием дискурсивных изменений [Электронный ресурс] / Н. В. Соловьева // Социо- и психолингвистические исследования. 2017. № 5. С. 85–88.
- Шевченко, 2011 – Шевченко, В. Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Шевченко Вячеслав Дмитриевич ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб, 2011. 40 с.
- Facet Publishing, 2019 – Facet Publishing. New Titles and Key Backlist. January-June 2019. 36 p.
- Fitzroy Dearborn Publishers, 2002 – Fitzroy Dearborn Publishers. Reference Books. Spring/ Summer 2002. 65 p.
- History, 2005–2006 – History 2005–2006. Oxford University Press. 68 p.
- Kharkovskaya et al., 2017 – Kharkovskaya, A. A., Ponomarenko E. V., Radyuk A. V. Minitexts in modern educational discourse: Functions and trends // Training Language and Culture. 2017. Vol. 1(1). P. 66–83.
- Open Book Publishers, 2019 – Open Book Publishers. Autumn 2019 Catalogue. – 89 p.
- Princeton, 2020 – Princeton University Press. Spring 2020 (International edition). 160 p.
- Princeton, 2006 – Princeton. Spring 2006 International. Princeton University Press. 100 p.
- University of California Press, 2020 – University of California Press. Fall 2020. 86 p.

Marina V. Cherkunova
Samara National Research University
Samara, Russian Federation
m.cherkunova@mail.ru

Functional and pragmatic potential of intertextual elements in minitexts of advertising abstracts

Abstract

The article analyses persuasion mechanisms in advertisements. Abstracts of English scientific editions taken from advertising catalogues of foreign Publishing Houses are used as the experimental material for the research. Abstracts are treated as a special type of minitexts, combining features of scientific and advertising discourse. Intertextual elements are an integral part of the scientific discourse, and being used as a structural element of the abstract, they serve as a means of facilitating the merge of the two discourses. An attempt is made to classify the intertextual elements according to their content. The obtained results enable to conclude that opinions by far outnumber comments. Quotations were further systematized according to the pragmatic function they perform, as a result, five types of quotations were singled out, which ratio makes it possible to draw another conclusion that the functional paradigm of the intertextual elements in the advertising abstracts of scientific books undergoes some changes compared to the original scientific text. In the abstracts of scientific books, quotations, in addition to the referential function, acquire distinct imperative and evaluative functions, and this makes them an instrument of persuasion.

Keywords: minitext, advertising abstract, intertextual element, quotation, pragmatic function.

© Cherkunova M. V. 2021

For citation: Cherkunova, M. V. Funktsional'no-pragmaticheskiy potentsial intertekstual'nykh elementov v maloformatnykh tekstakh reklamnykh annotatsiy [Functional and pragmatic potential of intertextual elements in minitexts of advertising abstracts]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 192–199. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_1_192_199.

References

- Aleshchanova, I. V. (2000). *Tsitatsiya v gazetnom tekste (na materiale sovremennoy angliyskoy i rossiyskoy pressy)* [Quotations in newspapers (Based on contemporary English and Russian newspapers)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Volgograd: Volgograd State University.
- Mikhaylova, E. V. (1999). *Intertekstual'nost' v nauchnom diskurse (na materiale statey)* [Intertextuality in scientific discourse (Based on articles)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University.
- Nekhlyudova, L. A. (2004). *Tendentsii razvitiya sovremennogo yazykovedcheskogo teksta: lingvokul'turologicheskiy analiz* [Tendencies in development of contemporary linguistic text: Linguo-cultural analysis]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Rostov-on-Don: Rostov State University.
- Prokhvatilova, O. A., Votrina, E. N. (2011). *Funktsionirovanie sredstv vnutrenney dialogichnosti v nauchnykh tekstakh XX v. (sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt)* [The functioning of external dialogue means in scientific texts of the 20th century in aspect of the synchronic-diachronic approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2 (14), 186–191.
- Skripak, A. I. (2008). Intertekstual'nost' kak kategorial'nyy priznak sovremennogo nauchnogo diskursa

- [Intertextuality as a category of contemporary scientific discourse]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 74–1, 450–453.
- Solov'eva, N. V. (2017). Funktsionirovanie tsitat v nauchnykh tekstakh pod vliyaniem diskursivnykh izmeneniy [Quotations in scientific texts as influenced by discursive changes]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio Psycho Linguistic Research], 5, 85–88.
- Shevchenko, V. D. (2011). *Interferentsiya diskursov v angloyazychnoy publitsistike* [Intertextuality in English publicistic discourse]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg State University.
- Facet Publishing. (2019). *New Titles and Key Backlist*. January-June 2019.
- Fitzroy Dearborn Publishers*. (2002). Reference Books. Spring / Summer 2002.
- History*. (2005–2006). Oxford University Press.
- Kharkovskaya, A. A., Ponomarenko, E. V., Radyuk, A. V. (2017). Minitexts in modern educational discourse: functions and trends. *Training Language and Culture*, 1 (1), 66–83.
- Open Book Publishers*. (2019). Autumn 2019 Catalogue.
- Princeton University Press. (2020). Spring 2020 (International edition).
- Princeton*. (2006). Spring 2006 International. Princeton University Press.
- University of California Press. (2020). Fall 2020.

Наши авторы

- Авагян Асмик Арменовна*, преподаватель Высшей школы международного сотрудничества Российского государственного университета туризма и сервиса, аспирант Российского ун-та дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, email: avagyanasmik@gmail.com
- Агеева Наталья Сергеевна*, аспирант кафедры романской филологии ин-та иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: ageevans@mgrpu.ru
- Андреева Татьяна Леонидовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры международной деловой коммуникации Томского гос. ун-та, г. Томск, Российская Федерация, email: andreeva.tl2012@mail.ru
- Виколова Лариса Георгиевна*, д-р филол. наук, проф. кафедры романской филологии ин-та иностранных языков, Московского городского пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: vikulovalg@mail.ru
- Газлов Магомед Газирович*, д-р филол. наук, проф. Высшей школы международного сотрудничества Российского гос. ун-та туризма и сервиса, Московская обл., Российская Федерация, email: mag.wizard@yandex.ru
- Гозалова Марина Робертовна*, канд. социол. наук, доцент, директор Высшей школы международного сотрудничества Российского гос. ун-та туризма и сервиса, Московская обл., Российская Федерация, email: mgozalova@mail.ru
- Дунашова Анна Вадимовна*, аспирант Московского гос. лингвистического ун-та, преподаватель Московского гос. ин-та международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Российская Федерация, email: anna.dunashova@inbox.ru
- Захарова Мария Алексеевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы Волгоградского гос. ин-та искусств и культуры, г. Волгоград, Российская Федерация, e-mail: forestwell@yandex.ru
- Зырянов Михаил Сергеевич*, аспирант кафедры русского языка филологического факультета Томского гос. ун-та, г. Томск, Российская Федерация, email: airbourne@sibmail.com
- Иванищева Ольга Николаевна*, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры филологии и медиакоммуникаций Мурманского Арктического гос. ун-та, Российская Федерация, email: oivanishcheva@gmail.com
- Исакович Екатерина Александровна*, канд. пед. наук, доцент, проф., заведующий кафедрой русского, иностранных языков и литературы Волгоградского гос. ин-та искусств и культуры, г. Волгоград, Российская Федерация, e-mail: k.isakovich@mail.ru
- Ифатуроти Адебойе Олувасеун*, аспирант, кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, e-mail: deboye@hotmail.co.uk
- Каптур Валерия Викторовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Томского гос. ун-та, г. Томск, Российская Федерация, email: valkashpur@inbox.ru
- Ковалева Мария Николаевна*, аспирант Северного (Арктического) федерального ун-та им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, email: m.kovaleva@narfu.ru
- Кравчук Юлия Сергеевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка № 4, Московского гос. ин-та международных отношений (университета), г. Москва, Российская Федерация, email: yuliaskravchuk@gmail.com
- Матвеева Анна Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Башкирского гос. ун-та, г. Уфа, Российская Федерация, email: AnnaUfa@yandex.ru
- Матвеева Наталья Васильевна*, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой германских языков Стерлитамакского филиала Башкирского гос. ун-та, г. Стерлитамак, Российская Федерация, email: n.v.matveeva@strbsu.ru
- Медведева Диана Игоревна*, канд. филол. наук, доцент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Российская Федерация, email: diani@mail.ru
- Солнцева Елена Сергеевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики и права Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: shelestelena@yandex.ru
- Худякова Екатерина Сергеевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермского гос. национального исследовательского ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: Khudiakova.es@gmail.com
- Цолоева Седя Батыровна*, аспирант кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского гос. ун-та, г. Пятигорск, Российская Федерация, email: sedatsoloeva@yandex.ru
- Марина Владимировна Черкунова*, канд. филол. наук., доцент, доцент кафедры английской филологии Самарского национально-исследовательского ун-та, г. Самара, Российская Федерация, email: m.cherkunova@mail.ru

Our authors

- Asmik A. Avagyan*, Lecturer of Higher School of International Cooperation, Russian State University of Tourism and Service; PhD student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, email: avagyanasmik@gmail.com
- Natalia S. Ageyeva*, PhD student, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: ageevans@mgpu.ru
- Tatiana L. Andreeva*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of International Business Communication, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, email: andreeva.tl2012@mail.ru
- Larisa G. Vikulova*, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: vikulovalg@mail.ru
- Magomed G. Gazilov*, Doctor of Philology, Professor of Higher School of International Cooperation, Russian State University of Tourism and Service, Moscow Region, Russian Federation, email: mag.wizard@yandex.ru
- Marina R. Gozalova*, PhD in Sociology, Associate Professor, Head of Higher School of International Cooperation, Russian State University of Tourism and Service, Moscow region, Russian Federation, email: mgozalova@mail.ru
- Anna V. Dunashova*, PhD student, Moscow State Linguistic University; teacher, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russian Federation, email: anna.dunashova@inbox.ru
- Mariya A. Zakharova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian, Foreign Languages and Literature, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russian Federation, e-mail: forestwell@yandex.ru
- Mikhail S. Zyryanov*, PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, email: airbourne@sibmail.com
- Olga N. Ivanishcheva*, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Media and Communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation, email: oivanishcheva@gmail.com
- Ekaterina A. Isakovich*, PhD in Pedagogy, Assistant Professor, Professor, Head of the Department of Russian, Foreign Languages and Literature, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russian Federation, e-mail: k.isakovich@mail.ru
- Adeboye Oluwaseun Ifaturoti*, PhD student, Linguistics and Translation Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: deboye@hotmail.co.uk
- Valeriya V. Kashpur*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, email: valkashpur@inbox.ru
- Maria N. Kovaleva*, PhD student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: m.kovaleva@narfu.ru
- Yulia S. Kravchuk*, PhD in Philology, Associate Professor, English Language Department №4, MGIMO University, Moscow, Russian Federation, e-mail: yuliaskravchuk@gmail.com
- Anna A. Matveyeva*, PhD in Philology, Assistant Professor, English language and cross-cultural communication Department, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, email: AnnaUfa@yandex.ru
- Nataliya V. Matveeva*, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Germanic Languages Department, Sterlitamak branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russian Federation, email: n.v.matveeva@strbsu.ru
- Diana I. Medvedeva*, PhD in Philology, Associate Professor, Roman Philology, Second Foreign Language and Linguistic Didactics, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, email: diami@mail.ru
- Elena S. Solntseva*, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Foreign Languages in Economics and Law, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, email: shelestelena@yandex.ru
- Ekaterina S. Khudiakova*, PhD in Philology, Assistant Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: Khudiakova.es@gmail.com
- Seda B. Tsoleova*, PhD student, Department of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation, email: sedatsoleova@yandex.ru
- Marina V. Cherkunova*, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, Samara, Russian Federation, email: m.cherkunova@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Авагян А. А., Газилов М. Г., Гозалова М. Р.</i>	Язык как форма выражения национальной идентичности: русский национальный характер в пословицах	5
<i>Викулова Л. Г., Агеева Н. С.</i>	Формирование сетевой идентичности японского университета Цукуба в мультязычном медийном пространстве	13
<i>Дунашова А. В.</i>	Стилистическая вариативность просодических характеристик языковой личности	22
<i>Захарова М. А., Исакович Е. А.</i>	Семантическое развитие существительных-этимологических дублетов <i>suit</i> и <i>suite</i> в английском языке	31
<i>Зырянов М. С., Кашипур В. В., Андреева Т. Л.</i>	«Свой»: анализ языковой репрезентации и моделирование категории (на материале существительных, функционирующих в текстах российских и американских СМИ о вооруженном конфликте в Сирии)	46
<i>Иванищцева О. Н.</i>	Антропологическая лингвистика и методология исследования лексики исчезающего языка коренного малочисленного народа севера	63
<i>Ифатуроти А. О.</i>	Краткий очерк типологических особенностей языка йоруба	74
<i>Ковалева М. Н.</i>	Конативная функция конструкций, выражающих удивление, в шведском, английском и русском языках	86
<i>Кравчук Ю. С.</i>	К вопросу о составе юридической терминологии: <i>недвижимость / realty</i> в английском и русском языках	96
<i>Матвеева А. А.</i>	Реализация структуры прецедентного имени (на примере имён персонажей драмы У. Шекспира «Макбет» в Британском национальном корпусе и корпусе современного американского английского языка)	104
<i>Матвеева Н. В.</i>	Лексические сокращения в англоязычных текстах интернет-пространства	116
<i>Медведева Д. И.</i>	Концептуализация гордости в русской и сербской лингвокультурах (на материале лексических и фразеологических единиц)	133
<i>Мухин С. В.</i>	О тождестве языковых единиц в диахронических исследованиях (на материале английского языка)	144
<i>Солнцева Е. С.</i>	Бесконечность связности в медиадискурсе	153
<i>Худякова Е. С.</i>	Социолингвистическое варьирование параметров устного спонтанного текста	169
<i>Цолоева С. Б.</i>	Метафорические модели, вербализуемые в англоязычном профессиональном рекламном дискурсе: артефактная метафорическая модель	183
<i>Черкунова М. В.</i>	Функционально-прагматический потенциал интертекстуальных элементов в малоформатных текстах рекламных аннотаций	192
Наши авторы		200

CONTENTS

Original Papers

<i>Avagyan A. A., Gazilov M. G., Gozalova M. R.</i>	Language as a form of expressing the national identity: A Russian national character in proverbs	5
---	--	---

<i>Vikulova L. G., Ageeva N. S.</i>	Constructing the digital identity of University of Tsukuba, Japan, in the multi-language media space	13
<i>Dunashova A. V.</i>	Stylistic variation of prosodic patterns of a linguistic persona	22
<i>Zakharova M. A., Isakovich E. A.</i>	Semantic development of the cognate nouns <i>suit</i> and <i>suite</i> in the English language	31
<i>Zyryanov M. S., Kashpur V. V., Andreeva T. L.</i>	“Friend”: Analyzing linguistic representation and modeling the category (Based on Russian and American media texts on the armed conflict in Syria)	46
<i>Ivanishcheva O. N.</i>	Anthropological linguistics and methodology of studying lexics of the disappearing language of the indigenous small people of the North	63
<i>Ifutureti A. O.</i>	A brief outline of the typological features of the Yoruba language	74
<i>Kovaleva M. N.</i>	The conative function of constructions expressing surprise in Swedish, English and Russian	86
<i>Kravchuk Yu. S.</i>	A propos of the composition of Russian / English legal terminology: <i>nedvizhimost</i> / <i>realty</i>	96
<i>Matveyeva A. A.</i>	The precedent name structure actualization (based on the names from Macbeth by Shakespeare in BNC and COCA)	104
<i>Matveeva N. V.</i>	Lexical abbreviation in English texts of the Internet	116
<i>Medvedeva D. I.</i>	Conceptualizing of pride in Russian and Serbian linguocultures (Based on lexical and phraseological units)	133
<i>Mukhin S. V.</i>	On the identity of linguistic units in diachronic studies (Exemplified by English)	144
<i>Solntseva E. S.</i>	Infinity of coherence in mass media discourse	153
<i>Khudyakova E. S.</i>	Sociolinguistic variation of parameters of oral spontaneous text	169
<i>Tsoloeva S. B.</i>	Metaphorical models verbalized in English-language professional advertising discourse: Artifact metaphorical model	183
<i>Cherkunova M. V.</i>	Functional and pragmatic potential of intertextual elements in minitexts of advertising abstracts	192
<i>Our authors</i>		200

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 7, No 1, 2021.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 04.03.2021. Подписано к печати 02.03.21. Дата выхода в свет 30.03.2021.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 23,71. Тираж 1000. Заказ 169. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.